ЕНЮ
П185₂

Р — С — Ф — С — Р

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. БОЛЬШЕВИКОВ

ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОГИБШИМ в 1917~1921 Г.Г.

ИЗДАНИЕ 2-ое

Том I
(А—И)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

и Р. К. П. (большевиков)

Наименование изданий.	Цены в зол. руб. Р. К.
Хроника революции.	
Авдеев, Н. Революция 1917 года, т. I. (янв.—апр.)	— 70
Владимирова, В. Революция 1917 года, т. IV (печ.)	— —
Рябинский, К. Революция 1917 года, т. V (печ.)	— —
„ Революция 1917-го года, т. VI (печ.)	— —
Максаков, В. и Нелидов, М. Хроника рев. Вып. I	— 70
Революция и Р. К. П. в материалах и документах.	
Революция и Р. К. П. в материал. и документ., т. II (печ.)	— —
То же. Т. III	— —
„ „ V (печ.)	— —
„ „ VI	— —
Сборники, статьи и исторические исследования.	
Аркомед, С. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе	— 50
Большевистские тайные типографии	— 50
Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911—1914 г.г.). Сб. I	— 30
„ „ „ „ „ „ „ Сб. II	— 40
„ „ „ „ „ „ „ Сб. III (печ.)	— —
Невский, В. Николаевский Южно-русский рабочий союз	— 13
Ольминский, М. Из прошлого. Сборник статей	— 25
Шляпников, А. Канун 17 года. Ч. I. (2 изд.)	1.20
„ Канун 17 года. Ч. II. (3 изд.)	— 85
„ Семнадцатый год. Кн. I. (1 изд.)	1.—
Лелевич, Г. В дни Самарской Учредилки	— 6
„ Стрекопытовщина. 2 изд. (печ.)	— —
Павлович, М. (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия	— 12
„ „ Россия и капиталистическая Франция	— 12
Бубнов, А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России	— 6
К 25-летию I Съезда партии (сб.)	1.10
25 лет Р. К. П. Иллюстрированный юбилейный сборник	4.—
Техника большевистского подполья. Сборник, т. I (печ.)	
„ „ „ „ т. II (печ.)	
Периодические издания.	
Пролетарская Революция. Журнал №№ 1—21, 22, 23. (печ.)	
Биографии, автобиографии и мемуары.	
Сборник воспоминаний о Федосееве	— 70
Старый товарищ А. П. Скляренко. 1870—1916 г.г.	— 30
Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. Сборник воспоминаний	— 20
Рябинин, А. Семенчиков, Р. М. (из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске).	— 20
Александрова. Артем	— 50
Фурманов, Д. Чапаев	1.—
„ Чапаев (2 изд.) (Печ.)	
От группы Благоева к Союзу борьбы (1885—1894 г.г.). Сборник. Ч. I	— 13
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. (Воспоминания рабочего-революционера. Ч. I, до лета 1896 года.)	— 30
Фишер. В Англии и России. (Воспоминания.)	(Распр.)
Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.)	— 70

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (б-ов)

ЕН10
П185/2

ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОГИБШИМ В 1917—1921 г.г.

СОСТАВИТЕЛИ: Л. ЛЕЖАВА и Г. РУСАКОВ

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

А—И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН10
П185₂
Р

Библиотека
Института Ленина
при ЦК В.К.П.(б.)
С90
13924
9218
~~242038~~
242038

Гиз № 5674. Главлит № 15302. Москва. Напеч. 2.500 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

Клянемся же над этими могилами
Все вынести, все выдержать иль пасть...

Героям и мученикам пролетарской революции, павшим на баррикадах в дни восстаний, в борьбе с капиталом за власть труда,—

погибшим защитникам пролетарского государства, павшим бойцам нашей славной Красной армии, в течение четырех лет грудью своей отстаивавшей власть рабочих от нападений мировой буржуазии,—

смело поднявшим красное знамя в стане белых, замученным пытками, повешенным и расстрелянным Деникиным, бароном Врангелем и Слащевым-Крымским, адмиралом Колчаком и генералом Юденичем, японским наймитом Семеновым и эс-эровским бандитом Савинковым, слугами Англии и наемниками Франции, „социалистическими" демократами Грузии и вдохновителями Самарской учредилки,—

беззаветно отдавшим все свои силы делу строительства и борьбы и, ставши бессильными бороться со смертью, ушедшим от нас,—

павшим вождям восставшего пролетариата и рядовым пролетарского строя,—

пытаемся мы воздвигнуть ПАМЯТНИК.

Пусть этот траурный сборник послужит первым камнем Памятнику, и пусть весь пролетариат России примет участие в дальнейшей постройке его!

Пусть память о павших борцах пролетарской революции не вызовет ни скорби, ни уныния—призывом гордым к борьбе, к победе пусть будет она!

И если, быть может, в смерти многих товарищей повинны и мы,—живые, не сумевшие во-время окружить их должной заботой,—пусть не упреком служит память о них, а грозным повелительным призывом: Побольше внимания к живым!

Над трупами павших рыдания излишни...

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Воздайте им лучший почет—
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

Г. Русаков.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

После того, как I выпуск «Памятника борцам пролетарской революции» был сдан в печать, в Истпарт продолжали поступать биографические материалы о товарищах, погибших в период 1917—1921 г.г.

Приток этих материалов особенно усилился после выхода в свет «Памятника». Вместе с тем в наших партийных изданиях как столичных, так и провинциальных стали все больше появляться воспоминания очевидцев о пережитых событиях. Появились в печати и воспоминания об отдельных товарищах, сыгравших более или менее видную роль в революционной борьбе (особенно много вышло такого материала к пятилетию Октябрьской революции). Количество получившегося таким образом биографического материала оказалось настолько велико, что издать его как приложение к первому выпуску «Памятника» оказалось неудобным. Поэтому Истпарт решил, соединив этот новый материал с тем, который был уже напечатан в первом выпуске, выпустить второе издание «Памятника борцам пролетарской революции» в 3 томах для удобства приобретения его и пользования им.

К сожалению, о многих погибших товарищах до сих пор не удалось получить никакого биографического материала, кроме указания на их гибель при тех или иных обстоятельствах, а иногда даже и этого не удавалось точно установить.

В первый выпуск «Памятника» вкралось много неточностей и ошибок. Это—неизбежное явление при том способе собирания материалов, к которому приходится прибегать при составлении «Памятника». Главная и бо́льшая часть материалов—полученных непосредственно Истпартом или взятых из других изданий—почерпнута из воспоминаний товарищей или родственников погибших; и те, и другие часто могут ошибаться, путать даты и пр. Проверкой, наведением справок и т. д. мы старались по возможности внести исправления во второе издание.

О многих партийных товарищах, игравших довольно крупную роль как в подпольной партийной работе, так и в первые годы революционной борьбы, желательно было бы дать более подробные биографические сведения. К сожалению, очень часто товарищи, работавшие с ними и могущие дать такие сведения, занятые по горло текущей работой, не имеют времени, чтобы сосредоточиться и написать свои воспоминания. Этим мы объясняем тот факт, что многие запросы Истпарта, обращенные в письменной или устной форме к отдельным товарищам, оставались без ответа.

В некоторых случаях сведения, полученные из разных источников, расходились; трудно было установить, какое из них наиболее правильное, как, напр., дата смерти т. Суханова Кости. В этом случае, указав одну дату в тексте, другую мы поместили в подстрочном примечании со ссылкой на источник. Некоторые из товарищей, помещенных в первом выпуске списка погибших, оказались живы. Так, тов. Кнорин сообщил нам, что т.т. Панский Людвиг и Руманов, А., в действительности, живы; попали же они в «Известиях В. Ц. И. К.» в список убитых, потому что о них долго не было никаких известий. Во втором издании фамилии живых, разумеется, изъяты. Точно так же изъяты сведения о т. Азине впредь до точного установления факта его гибели за Советскую власть.

Некоторые из портретов, помещенных в «Памятнике», оказались, может быть, не совсем удачными. Это объясняется тем, что достать хорошие фотографические снимки не всегда было возможно; большею частью пришлось пользоваться давними, уже выцветшими или «любительскими» или же брать портреты из других изданий.

Для более наглядного указания внесенных дополнений и изменений во втором издании мной сделаны следующие условные обозначения: имена погибших товарищей, не вошедшие в первое издание, отмечены двумя звездочками. Если внесены только изменения или дополнения, тогда после фамилии поставлена одна звездочка. Если же после фамилии не стоит совсем звездочки, то это означает, что биографический материал перепечатан из первого издания без всяких изменений.

Для второго издания «Памятника» мной использованы—кроме рукописных материалов и изданий Истпарта—некрологи и заметки, появившиеся в газетах «Правда», «Известия В.Ц.И.К.»; также юбилейные сборники, изданные к пятилетию Октябрьской революции,—«Октябрьская Революция. Первое пятилетие.» (Харьков), «Пять лет пролетарской борьбы» (Саратов), «Октябрь 1917 года» (Ростов-на-Дону), «Великий Красный Новгород», «Красная быль» (Самара), «Пути революции» (Казань), «Путь Коммунизма» (Краснодар), «Сборник Сиббюро», «Братская Могила» (Москва), «Красная Голгофа» (Владивосток), «Материалы по истории революц. движения в Нижегородской губ.» т. I—III; журналы—«Молодая Гвардия»; «Красный путь»; книги и брошюры—«Краткий очерк истории 14-й стрелк. дивизии», В. Майоров—«Из истории революционной борьбы на Украине», Б. Пинсон—«Большевики в Витебске», Г. Лелевич—«Стрекопытовщина», Молотов—«Контр-революция в Сибири и борьба за Советск. власть», Кормашев—«Последние дни Соввласти в Сибири», «Красный венок», «Памяти тов. Игната Фокина», «На революционном посту», «Материалы для биографического словаря соц.-демократов» под ред. В. Невского и др.

В это издание вошли материалы, поступившие до 1 июня 1923.

В дальнейшем, по мере накопления материалов, Истпартом предполагается издание дополнительных выпусков. Материалы следует направлять по адресу: Старая площадь, д. № 4, Истпарт.

Людмила Лежава.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Приступая к составлению сборника, посвященного памяти борцов пролетарской революции, и думая привлечь к этой работе близких товарищей и родных погибших, Истпарт опубликовал список наиболее известных погибших товарищей с просьбой прислать о них биографические сведения. Естественно, что опубликованный список не был и не мог быть полным.

К сожалению, о товарищах, фамилии которых были указаны в списке, поступили крайне скудные сведения, но вместе с тем в Истпарт поступил ряд писем с указанием, что в список не внесена фамилия того или иного товарища, и биографические сведения о последнем. Число биографий для «Памятника» быстро увеличивалось. Беспрерывно поступали все новые и новые материалы о погибших. Но они поступали бессистемно, носили случайный характер.

Полагая, однако, что немедленное опубликование того, что у нас имелось под руками, и появление I выпуска «Памятника» поведет к присылке как более подробных биографических сведений о тех, биографии которых у нас неполны так и сведений о товарищах, не вошедших в этот сборник вовсе,—мы решили издание сборника далее не откладывать.

Конечно, от этого сборник теряет многое в качественном отношении: биографии многих и особенно наиболее видных товарищей крайне неполны и, возможно, даже неверны, ибо в большинстве случаев нам приходилось ограничиваться случайно поступившими сведениями и газетными некрологами. Все же мы решили издать сборник, надеясь, что товарищи, близко знавшие погибших, своими указаниями помогут нам во втором томе исправить те ошибки и пробелы, которые имеются в этом.

Кроме поступивших рукописных материалов, нами использованы некрологи и заметки, появившиеся за 1917—1921 г.г. в «Правде», «Петроградской Правде», «Боевой Правде», «Коммунистическом Труде», «Социал-Демократе» и «Изв. В.Ц.И.К.» и некоторые имевшиеся у нас книги и брошюры (например, Френкель — «Орлы революции», сборник «Три года борьбы в Сибири» и др.). Используя указанные статьи, мы всюду старались как можно ближе придерживаться подлинника.

В этот выпуск не вошли сведения, поступившие после 31 декабря 1921 г.

А.

АБАКОВСКИЙ—погиб вместе с тов. Артемом и делегатами Коминтерна при катастрофе на Курской железной дороге 24 июля 1921 г. Он был изобретателем аэровагона.

Мне пришлось видеться с ним всего один раз, и он произвел впечатление выдающегося, смелого и настойчивого работника-изобретателя. За день до ужасной катастрофы нам предложили проехаться в аэровагоне. Приехали на вокзал, осмотрели легонький вагончик с пропеллером впереди и поехали до ст. Бирюлево Ряз.-Уральской жел. дор. и обратно. Было очевидно, что это—остроумная и многообещающая комбинация моторной дрезины с пропеллером, дающая громадную быстроту движения при ничтожном расходе горючего. Тов. Абаковский был шофером в Тамбовской Губчека. Раньше где-то учился в технической школе. Благодаря содействию Ч. К., ему удалось преодолеть все трудности и волокиту и соорудить свой аэровагон. Он уже раньше подвергался опасности разбиться вместе с аэровагоном. Однажды какие-то негодяи из железнодорожных служащих направили его вагон на полном ходу в тупик. Тов. Абаковский показывал нам снимок разбитого, свалившегося под откос вагона. Но этого революционера-изобретателя опасность не страшила, а как будто манила. Вероятно, безмерная удаль и желание показать иностранным товарищам, что русский пролетариат может кое-что изобрести в технике, подвинтили изобретателя, и он дал лишнюю скорость, приведшую к катастрофе.

Мы обратили внимание, с какой нежностью рассказывал покойный тов. Абаковский о своем вагоне, как ласково поглаживал он колеса вагона, точно тело любимого животного, когда объяснял устройство колеса и подшипника. И глаза у него блестели творческим огоньком. Катастрофа унесла вместе с международными пролетарскими вождями нашего русского техника, которому нестерпимо медленным казался бег паровоза и вагона по рельсам. (Из статьи Л. Сосновского. «Правда» № 167 от 30 июля 1921 г.) См. **Артем**.

АБАКУМОВ Федор—см. **Подтелков.**

АБЕЛЬ—пал смертью храбрых в борьбе с чехо-словаками в октябре 1918 г. Тов. Абель был членом Охтенского района Петербургской организации Росс. Ком. Партии.

АБЕЛЬМАН * **Николай Самуилович**—инженер-технолог; в первые дни февральской революции он пришел к рабочим и сказал: «Я долго искал вас и не находил, думал, что нет никого живого, но вот теперь я нашел вас; запишите меня, я хочу быть членом вашей партии». И с тех пор он все силы свои отдавал работе. Он вскоре был выбран председателем партийного комитета и затем председателем ковровского Совета Раб. и Кр. Деп. Т. Абельман всей душой отдался организации коммун в д. Клюшниково, Владимирской губ.; также много потрудился над постановкой трудовых школ в г. Коврове. В июле 1918 г. он поехал в Москву на V съезд Советов и там во время мятежа левых эс-эров был убит 6 июля 1918 г. при следующих обстоятельствах: автомобиль, в котором он ехал, был задержан патрулями отряда Попова; ему в грубой форме предложили покинуть автомобиль, а когда тов. Абельман запротестовал и указал на свое звание делегата V съезда Советов, отряд ответил выстрелами, ранил его и выбросил из автомобиля. Около раненого собралась толпа. Черносотенцы с криками: — «жид, жид, бей его!» набросились на раненого и добили его.

АБРАМОВ ** **Григорий Павлович** — рабочий Алапаевского завода, убит в гражданскую войну около 1920 г. В 1917 г., в февральскую революцию, при первых выборах в волостное земство он был заместителем председателя на Алапаевском заводе на Урале. Старый член партии большевиков (сб. «Рабочая Революция на Урале», изд. Ур. б. Истп. 1921 года, стр. 127).

АБРАМОВИЧ ** **Р. Ал.** — см. **Тютрюмова Р. А.**

АВАНЯН Б. — см. **Шаумян С.**

АВДЕЕВ — 28 лет, корректор, секретарь симферопольского союза печатников, секретарь крымского союза печатников и член президиума Крымского Совета. Прекрасный организатор, самоотверженный работник на пролетарской ниве. Благодаря его энергии создалось Крымское объединение печатников, им также проведены два съезда, на которых был создан единый аппарат, руководивший и направлявший союзы организационно; в этом аппарате ему принадлежала главная роль. В 1919 г., до эвакуации большевиков из Крыма, т. Авдеевым был организован полиграфический отдел, во главе которого стоял он. Он лично объезжал все города Крыма, инструктировал и направлял союзную работу и организацию полиграфического дела. В его лице печатники Крыма, бедные организаторскими силами, имели единственного организатора и талантливого хозяйственника. После эвакуации он перешел в подполье, стараясь по возможности не прерывать связи с союзными организациями. Т. Авдеев был арестован контр-разведкой в Севастополе в марте 1919 года (в числе 13-ти), отвезен генералом Слащевым в своем поезде на ст. Джанкой и на другой день без всякого суда расстрелян.

Т. Авдеев приготовил к ближайшему съезду печатников проект об организации санатории для больных туберкулезом печатников России в одном из уголков Ялты, но это не осуществилось из-за его смерти.

С. Лядов.

АВЕЙДЕ * **Мария Оскаровна** — работала в 1918 г. в Самаре в области народного просвещения. Невысокого роста, очень полная, на редкость подвижная, со сверкающими молодыми глазами, она была более похожа на 17-летнюю девушку, чем на взрослую женщину. В конце марта на заседании Губнаробраза, после доклада т. Тронина, в прениях по докладу выступала Мария Оскаровна. Остроумно, с иронией, но в то же время деловито и практически она проанализировала работу Самарского Губнаробраза.

Она уже имела стаж революционной работы на Урале. Знавшие ее рабочие, даже настроенные антикоммунистически, очень любили ее и как честного, идейного, отзывчивого человека и как прекрасную учительницу.

Во время максималистского восстания в Самаре 17 мая, вызванного максималистами и левыми эс-эрами, матросские партизанские отряды захватили почти весь город. Коммунисты почти поголовно стали под ружье и собрались в партийном клубе на Заводской улице. Мар. Оск., попыхивая неизменной папироской, то веселой шуткой ободряет товарищей, то берет винтовку и сменяет уставшего часового, то наливает чай пришедшему с операции патрулю и всюду вносит оживленное веселье, бодрость... 19-го восстание было ликвидировано.

С занятием Самары чехо-словаками Мар. Оск. стала одной из центральных фигур подполья. Она рассказывала, что в день переворота ее соседи, мещане, обсуждали вопрос: убить ее или нет? Решили не убивать: «Больно она хороший человек». Тем не менее ее квартира превратилась в конспиративную квартиру подпольной организации. К ней являлась за сведениями красная разведка из Сызрани и Симбирска. К ней обращались товарищи за справками и помощью. А помогать приходилось много. Надо было поддерживать и перешедших на нелегальное положение партийных работников, и громадное количество семей убитых, бежавших и арестованных товарищей. Мар. Оск. одинаково помогала и ответственным и рядовым работникам. Располагая значительными партийными суммами, Мар. Оск. сама сильно нуждалась и порой буквально голодала.

Чтобы увеличить связь с рабочей массой, Мар. Оск. организовала общеобразовательную школу при союзе металлистов. Преподавая в этой школе, она сама, тов. Кальмансон и др. углубляли партийную работу в массах.

Вскоре чешская контр-разведка обратила внимание на работу Мар. Оск.; у нее произвели обыск и, ничего не найдя, продолжали следить. Однажды на загородной прогулке она была арестована. Через некоторое время ее освободили с строгим наказом бросить подпольную работу. Затем она была снова арестована и вместе с Дерябиной и Адамской увезена на Урал. Там она бежала из заключения и стала секретарем подпольной Екатеринбургской организации. Была арестована и замучена Колчаковскими палачами. (Из статьи Г. Лелевича: «Четыре могилы», «Пролетарская Революция» № 6.) Мария Оскаровна Авейде была расстреляна в Екатеринбурге 8 апреля 1919 года.

Тов. С. Залкинд (Фадей) в своей статье «Воспоминание об Урале» (1903—1906 г.г.) упоминает об участии Мар. Оск. Авейде (по мужу Бушэн) в подпольной работе Екатеринбургской соц.-дем. организации. В 1905 году штаб-квартира Екатеринбургского комитета находилась в Верхне-Исетске; в этой квартире-коммуне вместе с другими (Я. М. Свердлов, Н. Н. Батурин, Клавдия Новгородцева, Бушэн, Вилонов) проживала и Мария Оскаровна, принимая деятельное участие в работе организации.

Между прочим т. Залкинд рассказывает, как благодаря находчивости Марии Оскаровны удалось спасти от напавшей на след полиции шрифт, экспроприированный т. Вилоновым весной 1906 г. При праздновании 1-го мая 1906 г. в Екатеринбурге была устроена конспиративная маевка за городом; во время речей собравшиеся были окружены стражниками, и часть их, человек 50, была арестована и отправлена сначала в участок, а затем в тюрьму. В числе арестованных находилась и Мар. Оск. Пока шло следствие, Мар. Оск. в тюрьме не сидела без дела: ею был организован среди заключенных кружок, в котором она вела соц.-дем. пропаганду («Пролет. Рев.» № 14).

АВИЛОВ Иван—см. **Подтелков.**

АГАФОНОВ Павел—см. **Подтелков.**

АГУРЕЕВ Евдоким Иванович—рабочий кожевник, член Р. К. П. Он был активным партийным работником, членом правления профессионального союза кожевников и членом Московского Совета. Умер в начале июня 1918 года.

АЗАРОВ **—см. **Полонский.**

АЗАРХ * **Исак Хонович**,—командир 1-го Сов. пех. полка, а затем командир отдельной сводной бригады, погиб 8-го августа 1918 г. в боях с чехо-словаками под Симбирском. Он был уроженец юга, в николаевские времена бесправный еврей, чуть ли не единственный из офицеров старой армии, по собственной инициативе при демобилизации взявшийся организовать отряды Красной армии. Формированию этой армии он отдавал всю душу, не переставая тем временем участвовать и в боях. Находясь с бригадой у Симбирска, он получил распоряжение вести свою часть в бой, несмотря на самую неблагоприятную обстановку, и здесь пал, сраженный пулей («Золотая доска», издание «Товарищ Красноармейца»).

АЗИЗБЕКОВ * **Мешади-Бек**—расстрелян англичанами в числе 26 бакинских комиссаров 20 сентября 1918 г.

Тов. Азизбеков вырос в бедной семье, получил образование в петербургском технологическом институте и еще со студенческой скамьи принимал активное участие как в студенческом, так и в общереволюционном движении девяностых годов. В 1902 году он был арестован, и с этого времени начинается его бурная, кипучая деятельность. Перед армяно-татарской резней 1905 года он приезжает в Баку и со свойственной ему энергией делает все от него зависящее для предотвращения кровопролития и установления братских сношений между двумя враждующими между собою нациями. В 1906 г. тов. Мешади основывает боевую организацию среди мусульман рабочих под названием «Бегиц Пусред» («Знамя Свободы»). В последующие годы, годы черной столыпинской реакции, он принимает самое деятельное участие в различных демократических учреждениях.

Революция 1917 года открывает широкое поле деятельности для стойкого революционера. Тюркский пролетариат, так хорошо знакомый с революционной деятельностью своего вождя, посылает т. Мешади в Совет рабочих депутатов. И он оправдал это доверие, будучи деятельнейшим членом рабочего парламента. Но тов. Мешади не удовлетворяла одна эта работа. Он, не взирая ни на какие угрозы контр-революционного «Мусавата», ходил по деревням и селам и вел энергичную социалистическую пропаганду, связав тем самым терроризованную беками и ханами мусульманскую деревенскую бедноту с революционным бакинским пролетариатом. Многим памятны его выступления на митингах и собраниях в селах Шемахинского уезда, на которых тов. Мешади призывал к сплочению и братскому единению обманутую националистами мусульманскую и армянскую бедноту.

Страничка из прошлого.

В 1885 г. я вместе с т. Азизбековым поступил в старший приготовительный класс бакинского реального училища, и с тех пор до 1905 г. мы были почти неразлучны.

Т. Азизбеков родился в бедной семье. Природные способности, смышленность и желание учиться обратили на т. Азизбекова внимание некоторых знакомых его семьи, и они решили, как говорится, вывести его в люди и помогали ему, когда он учился в реальном училище и потом в Петербурге. Но помощь эта не носила регулярного характера.

В 1893 году мы вместе кончили реальное училище и поехали в Петербург, выдержали конкурсное испытание в технологический институт и были приняты.

Скоро т. Мешади сделался хорошим, отзывчивым товарищем.

Перебиваясь сам кое-как уроками или случайной работой, он старался помочь и другим, и нередко его единственная драгоценность—серебряные часики путешествовали по петербургским ломбардам, «загнанные» туда для выручки голодающего товарища. Кристаллически-честный, бескорыстный т. Мешади пользовался особым уважением студентов-кавказцев.

Укажу на один случай, ярко рисующий честную порывистую натуру т. Азизбекова. В 1896 г. в Петропавловской крепости сидела курсистка Ветрова. Не выдержав гнусностей и пыток жандармов, она облила себя керосином, подожглась и погибла. Когда петербургское студенчество узнало об этом, негодованию не было границ. Решили в виде демонстрации устроить в Исаакиевском соборе грандиозную панихиду. В назначенный день в Исаакиевском соборе собралось около 10.000 студентов и курсисток. Студенты-мусульмане в это время сидели в институте, в чертежной. Вдруг в чертежной появился т. Азизбеков, предложил немедленно отправиться в собор и присоединиться к студенческой массе. Все пошли. Панихида еще не начиналась: нет духовенства, у многих явилась мысль, что вряд ли «отцы» явятся—слишком уже необычайная получалась панихида. Опасения оправдались: официально сообщили, что панихида по распоряжению градоначальника не состоится. Вдруг среди тишины, на минуту воцарившейся в соборе, раздалось гневное взволнованное восклицание: «если нет попа—отслужим гражданскую...»—это крикнул т. Азизбеков. Все подхватили этот возглас, и внезапный шум постепенно сменился пением «Вечной памяти»: с этим пением демонстранты начали выходить из собора. Т. Мешади сгруппировал около себя кавказцев и пошел впереди них в общем шествии. Полиция не дремала: появились большие отряды конных городовых и постепенно разбили на несколько частей студенческую массу. Очень много было арестовано и направлено чуть ли не во все участки Петербурга. Там производился допрос, в результате которого одни были освобождены, другие лишены стипендий, а третьи посажены в «Кресты». В числе последних был и тов. Мешади.

В 1908 г. мы вместе с Азизбековым окончили технологический институт, со званием инженера-технолога, и вернулись в Баку. Я поступил на промысла, а он занялся, главным образом, педагогической деятельностью, которую он очень любил. Кроме учебно-педагогической деятельности, он еще одновременно служил в городской управе, в строительной секции. В 1902 г. при перевыборах городской управы была выставлена кандидатура тов. Азизбекова в члены управы, но он не прошел, так как буржуазия его не любила,—он был слишком далек ей по духу, и она его не смогла купить. В 1905 г. во время армяно-татарской резни т. Азизбеков в своем районе сохранил жизнь многим десяткам армян, укрывая их у себя и у знакомых, и, когда я его встретил после резни, он взволнованно говорил долго о том, что массы как армянские, так и татарские неповинны в происшедшем. Виноват во всем режим, натравливавший одну часть населения на другую во имя своей национальной политики на Кавказе.

Эти события произвели на меня такое сильное впечатление, что я уехал в Туркестан, и с тех пор до 1917 г. я с тов. Мешади не встречался.

Я. Б. Сарамобеков.

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 20/IX—1922 г.). См. **Шаумян С.**

АЙВАЗОВА—погибла при убийстве поляками делегации Красного Креста (10-го января 1919 года).—См. **Веселовский.**

АЙНБИНДЕР **—рабочий-сапожник, член Р.К.С.М. Рогачевской организации с 1919 года. Убит на польском фронте в 1920 г. («Набат Молодежи» № 46 от 18/II—1923 г. г. Гомель).

АКИМОЧКИН ** —матрос Черноморск. флота, Наркомзем Тавриды и член Ц.И.К.—См. **Слуцкий.**

АКСЕНОВ—старый член Р. К. П. (б.). Саратовским профсоюзом печатников вместе со 2-м отрядом особого назначения в апреле 1919 года был направлен на Уральский фронт. Один из 50 человек «гарнизона» станции «Чалыкла». Убит на своем посту пулеметчика во время разгрома станции казацкими бандами в мае 1919 года. Труп тов. Аксенова перевезен в Саратов.

АКСЕНОВ—см. **Подтелков.**

АКУЛОВ Осип Александрович.—Я встретил его в конце августа 1917 г. в Одессе; седой, лет 28. В то время ожидалось новое наступление, и в Одессу на пароходе приехал Керенский. В порту к приходу парохода собралась масса народа—матросов, солдат и вольных граждан. Оркестр играл марсельезу. Вдруг выступает тов. О. А. Акулов и начинает громить преступный образ действия Керенского и его приспешников по поводу наступления на Галич; затем он подробно разъясняет истинные причины империалистической войны, говорит о захватнических аппетитах Антанты и Германии и указывает на положение и роль солдат в этой бойне... Эта речь продолжалась около 4-х часов, и никто ему не возражал; Керенский же поспешил уехать из порта. В 1918 г. в г. Двинске я встретил П. А. Акулова, брата Осипа Александровича, и от него узнал, что О. А. Акулов убит в г. Риге 24 июля 1918 г. *А. С. Шмидберг.*

АЛАЕВ Петр—см. **Подтелков.**

АЛЕКСАНДРОВИЧ.—23 мая 1919 года пал смертью храбрых командир 6-й роты 58-го Киевского отд. стрелк. полка железнодорожной обороны тов. Александрович. Еще утром этого дня тов. Александрович выступал на общем собрании представителей комячеек отдельных частей полка и поразил всех товарищей своим революционным энтузиазмом, своей глубокой верой в святое дело пролетариата, а вечером того же дня он кровью своей, не на словах, а на деле, запечатлел свою поистине геройскую преданность великому рабоче-крестьянскому делу («Коммунист» № 75 от 6 июня 1919 г.).

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ—он же **ВАСИЛЬЕВ**—член Р. К. П., офицер генерального штаба старого режима. Начальник главного штаба Зеленой армии в Крыму, работал в Севастополе и после провала ушел в лес, где был убит в сражении с карательными отрядами врангелевских войск.

АЛЕКСАСИС **—по возвращении в Москву с фронта в 1920 г. все лето до сентября занимал должность участкового партийного организатора Симоновского участка и был членом двух райкомов под ряд. В октябре ушел на работу в Коминтерн и вскоре погиб по пути в Болгарию. В № 17 (июнь 1921 г.) Коммунистического Интернационала так описывается его гибель: «Делегаты Греческой Социалистической Рабочей партии на II Конгрессе Коммунистического Интернационала, т.т. Лигдополюс и Алексакис, покинули Россию на маленьком пароходе, направлявшемся в Болгарию, куда они должны были прибыть к 1 ноября 1920 г. Теперь только власти Кемаль-паши сообщают, что ими в Зунгульдаке арестованы капитан Абдуррахман и команда пиратского судна, сознавшиеся в убийстве обоих социалистов, а также двух русских и болгарина».

АЛЕКСЕЕВ А. — был рабочим арматурно-электрического завода города Петрограда. В качестве красногвардейца поехал на Украину и пал там в борьбе с врагами Советской власти.

АЛЕКСЕЕВ Александр. С раннего детства, как сын рабочего, он очутился в стенах завода «Динамо». Машины и тяжелые условия труда сделали его революционером. С ним я встретился в 1915 г., в феврале. Я только что поступил на завод. При заводе был организован культурно-просветительный кружок; разыгрывали пьесу «Мещане» М. Горького. Меня пригласили, как уже имевшего опыт в театральных постановках. Я вошел в театральное дело ради привлечения новых членов в партию. Здесь я встретил благодарную почву: среди хорошей молодежи был т. Шурка, он уже и тогда был впереди. Своей простотой и искренностью он заставил скорее к нему подойти и при его помощи создать немедленно кружок марксистов.

Александр Алексеев.

При его организаторских способностях наш кружок возрос в течение месяца до 10 человек. Славные дни пришлось нам с ним пережить на заводе «Динамо» 18 февраля 1915 г. — забастовка протеста против осуждения депутатов Государственной Думы. Второе — первое мая. Накануне кружок собрался в селе Коломенка, мною был сделан доклад о значении 1 мая. Условились снять завод. Написанную мною прокламацию Шурка приклеил в уборной, — месте, где решались дела революции и другие. Завод не работал. Наш кружок стал посредине и запел марсельезу. Выйдя из ворот, Шурка поет Варшавянку; сзади шел околодочный, который заметил: — «Все равно плохо выходит». Шурка от восторга не знал, что делать. Демонстрация закончилась, но настали скоро темные майские дни — немецкие погромы. Наш кружок постановил помешать делать погром на заводе, и, когда рабочие захотели стать, мы призывали работать и сами усиленно работали. — Но завод стал. Шурка прибегает ко мне с вопросом, что мы будем делать и как помешать делать погромы. По его глазам и настроению чувствовалось, что он готов броситься на всех рабочих и крикнуть им: — «Что же вы забыли 1 мая, международную солидарность?». Мы решили выступать и вести усиленную агитацию в толпе. Мне довелось первому выступать. Шурка не выступал, он сам не решался выступать перед взбаламученным морем полутора тысяч рабочих. Присутствовавшая полиция его не слушала. Он сперва как бы недоумевал: «как же так, 1 мая пели марсельезу, а 28 мая — «Боже царя храни», «бей немцев!». Но это не оттолкнуло его, а заставило еще больше быть революционером. Итак, организованный кружок сыграл большую революционную работу.

Но мне наблюдение над его революционной деятельностью пришлось прервать по независящим от меня обстоятельствам. Я был 6 июня 1915 г. арестован, а вновь с ним встретился в 1917 г., в марте, прибыв из ссылки. Он уже работал над созданием партийной организации и собиранием товарищей в нее.

В Симоновке орудовал один из незаурядных меньшевиков, который склонил всех, за исключением Шурки и еще одного товарища, к «объединенцам». Шурка обратился ко мне за помощью, и мы втроем совершили дело: после двух собраний объединенческая организация назвалась большевиками и присоединилась к Московск. К-ту (большевиков). Шуркиной радости не было конца. «Ты, ведь подумай,—говорил он,—в Симоновке никогда и духу не было, кроме большевистского, а тут, изволь радоваться, стали какие-то объединенцы. Как будто закрыты двери в нашу партию».

Здоровье же его подорвано, и ему не раз было сказано: «Шурка, тебе нужно лечиться». Но он, как и многие наши товарищи, говорил: «Успею, ведь как не хочется в такое время лечиться, уезжать из столь близкой сердцу и сознанию Симоновки». Но, помимо этого, была и другая причина, которая не давала возможности ему лечиться. Он был единственный работник в семье, которая состояла из пяти человек. Но об этом он никому не говорил, думая, что это не должно интересовать товарищей.

Июльские дни (1917 г.) его встревожили, и он никак не хотел лечиться. Настали корниловские дни. Это все оттягивало лечение. Наконец, болезнь приковала его к постели. Сырая осень дала себя знать. Он болел туберкулезом легких. В октябрьские дни он не мог уже встать и быть вместе с нами. Но ему все же довелось узнать о нашей победе и прожить еще несколько недель. А жить ему страшно хотелось; когда я привез к нему доктора, он смотрел на нас, как на спасителей. Доктор на его вопрос: «Как мое здоровье?»—утешил: «Вы еще поживете, только вам, как весна настанет, нужно ехать на юг». Но это были слова утешения. Доктор мне сказал, что он проживет дня два-три. В эти два дня до смерти он не хотел верить, что ему могли соврать; жил надеждой и мечтой, как к нему я снова с доктором приду и как он весной поедет в Крым и, подлечившись, снова заработает. И так умер с надеждой, что он выздоровеет и снова будет с нами. Т. Шура Алексеев за забастовку в октябре 1915 г. был уволен и призван на военную службу, откуда он бежал.

Алексей Алексеев.

Работая в Питере и живя нелегально, он перенес много лишений и невзгод. Пришлось несколько раз бежать от ареста, жить в холодных квартирах, где ночь, где две, зиму ходить в деми-сезоне. Умер на 22 году, похоронен в стенах Симонова монастыря.

И. Борисов.

(«Братская Могила», стр. 9—11).

АЛЕКСЕЕВ ** **Александр** — комсомолец, 17-летний подросток, слесарь в г. Самаре, вступил добровольцем в Красную армию одновременно с т. Штейнбергом и при одних и тех же условиях и в боях пережил его на три месяца.

Осенью 1919 г., во время внезапного налета казаков, он не поддался общей панике, а, как истый комсомолец, защищался с винтовкой в руках до последнего заряда от наседавших банд. Будучи окружен со всех сторон, он работал штыком до тех пор, пока не был зарублен шашками («Красная Быль», сб. № 1 Самарск. Б. Истпарта).

АЛЕКСЕЕВ ** **Алексей Алексеевич**.—Полный сил и надежд, на 26-м г. жизни т. Алексеев убит предательским выстрелом 5 января 1918 г. на Советской площади. Тов. Алексеев родился в зажиточной семье. Отец был военным портным и имел собственную мастерскую. Окончив 4-классную городскую школу, экстерном сдал экзамен на аттестат зрелости. Имел большое стремление к изучению электротехники. Работал на разных заводах электромонтером-механиком. Февральская революция застала т. Алексеева на заводе «Граммофон». Он сразу начал принимать активное участие в организации Замоскворецкого района как агитатор и организатор. Активно участвовал в жизни завода, был выбран председателем фабрично-заводского комитета. При организации Красной гвардии в Замоскворецком районе сразу вступил в ряды Красной гвардии своего района и погиб на служебном посту («Братская могила», стр. 12).

Алексеев ** **Владимир Алексеевич** — коммунист Новгородской организации, сотрудник Особого Отдела Губчека, умер от паралича сердца 11 августа 1920 г. в г. Новгороде.

АЛЕКСЕЕВ ** **И. П.** — печатник 2-й Новгородской Государственной типографии, самый старый и опытный из местных типографских рабочих, умер от скоротечной чахотки 20 декабря 1919 года.

А. Алешин.

АЛЕКСЕЕВ ** **Петр** — член исполкома в Саратове, 1-й комиссар печати, убит 30 марта 1918 г. Питерский рабочий. В Саратов попал в 1916 году в ссылку. Работал в подпольной организации Р.С.-Д.Р.П. (большевиков). В начале 1917 года был отправлен в ссылку в Сибирь. Принял активное участие в Октябрьском перевороте. Первым исполнительным комитетом большевистского Совета т. Алексеев был назначен на пост комиссара печати. Посланный в типографию Рабиновича для ее реквизиции, он был убит выстрелом в голову хозяином типографии Рабиновичем, не желавшим расстаться со «своим» добром. Несмотря на свои юношеские годы (20 лет), т. Алексеев был опытным революционером, побывавшим в целом ряде тюрем и в ссылках. Коммунистическая партия потеряла в его лице недюжинную силу и большого работника («Пять лет пролетарской борьбы». Саратов).

АЛЕКСЕЕВСКИЙ — 21 года, член партии с 1917 г.; работал в качестве предукома в уездах Воронежской губ., а в последнее время был заместителем предгубисполкома. Очень талантливый человек, прекрасный организатор, хороший оратор, энергичный и дельный. В 1920 г. был председат. Губчека. При налете банд, мобилизованный губкомом, как комиссар боевого отряда, действовавшего против бандита Колесникова, поехал на внутренний фронт и был убит Колесниковым в 1921 году.

АЛЕШИН * **Андрей Алексеевич** — член партии с 1914 г., работал в Петербурге на Выборгской стороне. В 1915 г. — в Москве, на заводе «Динамо», где участвовал в одном из кружков. Когда начали завязываться связи с Лефортовским и Городским районами, т. Алешин был выбран одним из представителей от кружка. 2-го октября того же года на заводе «Динамо» вспыхнула стачка. Тов. Алешин с другими товарищами руководил забастовкой, продолжавшейся две с половиной недели. 17 октября 1914 г. начались аресты, высылки и отправки на фронт наиболее активных бастовавших рабочих. Тов. Алешин попадает в число последних. В казармах г. Орла он пробует вести работу, но, не вынося военщины и дисциплины ее, через полтора месяца нелегально пробирается в Питер, где после нескольких месяцев работы попадает в руки полиции. Его отправляют в маршевую роту в г. Рязань для отправки на фронт. На фронте т. Алешин по-прежнему продолжает революционную работу, получает контузию, попадает в госпиталь.

В 1917 г. проходит в Московский Совет от «Динамо». Пленум выбирает его в члены Исполкома, а большевистская фракция Исполкома—в бюро фракции. В октябрьские дни 1917 г. тов. Алешин, деятельность которого была перенесена в район, становится членом революционного комитета Рогожско-Симоновского района, затем членом Исполкома этого района. Вскоре он вновь избирается в Московский Совет в члены Исполкома. В 1918 г. в первую мобилизацию коммунистов, он, как секретарь, собрал бюро фракции для назначения кандидатов на фронт и одним из первых в список занес себя. Попав на Восточный фронт, он организует красноармейцев в отряды для отправки на чехо-словацкий фронт. Скоро он отзывается на Северный фронт в 6-ю армию заведующим политотделом дивизии. Кроме политической работы, он сражался на-ряду с красноармейцами с винтовкой в руках. Вследствие затишья на Северном фронте, тов. Алешин командируется Рев. Воен. Советом Республики зав. политотделом при конном корпусе Буденного. Горячо взялся, было, он за работу, заболел вдруг сыпняком и вскоре умер в г. Валуйках Воронежской губ. (сведен. взяты из ст. Ильи Борисова, «Братская могила», стр. 13).

Аллик **—см. **Линдер Леопольд.**

АЛИХАНОВИЧ **—см. **Уткин.**

** **АЛЬБАМ** — беспартийная, неутомимо работала в санитарн. отряде в дни гражданской войны в конце ноября 1917 г. в Ростове-на-Д. Впоследствии замучена деникинцами в Черткове «за большевизм» («Октябрь 1917», изд. Донкома, стр. 34).

АЛЬТЕР Мария — погибла при убийстве русской делегации Красного Креста поляками (10 января 1919 г.). — См. **Веселовский.**

АЛЬТФАТЕР Василий Михайлович—командующий всеми морскими силами, член военно-революционного Совета. В 1902 г. он был произведен в мичманы, в 1909 г. уже был флагманским штурманским офицером штаба командующего местной дивизией Балтийского флота. Потом был произведен в контр-адмиралы. Октябрьская революция застала В. М. помощником начальника Морского Генерального Штаба. Когда возник вопрос о замещении должности командующего всеми морскими силами республики, выбор пал на Альтфатера, как единственного морского офицера, способного для занятия этой должности.

И тов. Альтфатер оправдал возложенные на него надежды. В лице его флот республики приобрел неоценимого специалиста, не щадившего себя на самоотверженной работе. В 36 лет он надломил свое здоровье и умер от разрыва сердца, 20 апреля 1919 г. («Изв. Наркомвоен», № 84, 1919 г.).

АМБАРОВ ** **Александр Тихонович**—сын крестьянина, привезенный в город, начинает свою трудовую жизнь сначала разносчиком в конторе, затем—рабочий на бумагопрядильне, чернорабочий по городам Поволжья и, наконец, рабочий в колбасном производстве. Попав в Петроград и столкнувшись с ужасной жизнью рабочих-колбасников, т. Амбаров с 1914 г. деятельно организует партийные группы в нелегальный союз и устраивает стачки.

Во время октябрьской революции т. Амбаров с винтовкой в руках руководит во многих схватках с юнкерами Керенского. Он активно работает вместе со Стружкиным по организации Союза пищевиков Петрограда. Наступление банд Вильгельма на Петроград ставит его добровольцем в ряды Красной армии. Вернувшись с фронта, он работает членом коллегии секции пищевых веществ Петросовнархоза. И, наконец, в августе 1918 года он командируется союзом, как ответственный работник, для работ по снабжению армии. На этот раз жестокая болезнь свалила этого чернорабочего революции. Оборвалась цепь в наших рядах и выпало крепкое, верное звено.

Б. Иванов.

АМЕЛЬЧЕНКО Иван и Феоктиста, муж и жена, — приговорены были к смертной казни через повешение в г. Ялте. В ночь казни т.т. Амельченко попро-

242038
при Ц.К. В.К.П.(б)
СПР 1324

сили меня в камеру смертников и умоляли со слезами на глазах дать им яд или что-нибудь, дабы покончить с собой, не даваясь живыми в руки палачей. У меня были ножи от безопасной бритвы, и я им дала два из них. При моем уходе, в присутствии начальника караула, она бросилась мне на шею и просила передать сыну (он был в наших рядах) об их мучениях и пытках, переживаемых в тюрьмах, и о казни; сам же тов. Амельченко пожал мне руку, расцеловался и просил передать, когда придут наши, все, все, что ими пережито, а именно: кошмарные пытки в Симферопольской контр-разведке и мучения на допросах. В 4 часа утра, — это было 15 октября 1919 года, — когда подъехал автомобиль к тюремным воротам, они перерезали себе вены на руках. Палачи явились (гурзуфские татары с белогвардейскими офицерами) и, войдя в камеру, застали их обоих на кровати в бессознательном состоянии. Палачи до бешенства жалели, что не могли над живыми поиздеваться, схватили их за руки и ноги, потащили на автомобиль и повезли по дороге в Ореанду.

А. М. Долгова.

АМИРЬЯН* Арсений (АМИРОВ Арсен) — редактор газеты «Бакинский Рабочий», погиб в числе 26 бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами 20 сентября 1918 г.

Имя тов. Амирьяна связано с нашей партией только с 1910 года, когда он порвал свои идейные связи с партией социалистов-революционеров и примкнул к нашей бакинской организации. Но и до этого Амирьян был известен в армянской среде, как смелый противник дашнакцаканов. Весною 1906 года тов. Амирьян, до того ярый дашнакцакан, выступил с разоблачительной брошюрой «Пора очнуться» против дашнакцутюн. В этой известной брошюре т. Амирьян очень резко критикует нравы дашнакцутюн, его шовинизм, его кровавую политику 1905 — 1906 годов. Не порывая с национально-демократической идеей дашнакцаканов, т. Амирьян призывал «честных революционеров» дашнакцаканов к «старым боевым традициям» партии. Он предлагал реформировать партию в социалистическом направлении. Брошюра эта подняла большой шум в националистическом болоте дашнакцутюн. Через год т. Амирьян выступил с новой брошюрой («Кризис дашнакцутюн»), где более определенно и без романтического преклонения перед традициями партии, вскрывает язвы разлагающейся партии дашнакцутюн. Эта и предыдущая брошюры стали идейным основанием для группы молодых дашнаков, главным образом бакинских, в их борьбе против кровавого режима партии. Вскоре эта группа откололась от дашнакцутюн под названием «анжатаканы» («отколисты») и образовала армянскую секцию с.-р. Но недолго оставался т. Амирьян в рядах эс-эров. Их беспочвенность в Закавказьи и теоретическая путаница оттолкнули пытливого и «почвенного» Амирьяна от них, и он перешел в лагерь марксистов. Это было в 1910 году, с какого времени тов. Амирьян всецело слился с нашей партией и ее работой.

Будучи незаурядным журналистом, тов. Амирьян в годы войны сотрудничал в армянской марксистской (пораженческой) газете «Пайкар» (издавалась в Тифлисе с декабря 1915 г.), где он поместил ряд блестящих статей (под псевдонимом «Адмирал») против националистического угара и подлой империалистической политики армянской буржуазии по отношению к турецким армянам. Особенно яростно тов. Амирьян бичевал лакейскую природу армянской интеллигенции. От его метких стрел попадало и недавним друзьям его — Атабекьяну («отколист» эс-эр) и другим. Революция застала тов. Амирьяна в Баку. Здесь он и остался работать в качестве ответственного редактора органа большевиков «Бакинский Рабочий». С этого боевого поста он был снят бакинскими социал-предателями, от рук которых и погиб в группе 26.

Честное, благородное имя «неистового Арсена» останется дорогим воспоминанием для бакинского и закавказского пролетариата, к которому пришел он на поклон и служил, раскаявшийся и озлобленный против всякого рода национализма.

С. Маркорян.

(«Бакинский Рабочий», № 211 от 20/IX 1922 г.) См. **Шаумян С.**

Воспоминания о т. Амирове.

А. Амирова я знал с 1904 года, когда он, тогда еще студент I курса Киевского университета, активно участвовал в студенческом движении, приезжая на Кавказ, принимал участие в ученических организациях Баку и писал в армянской периодической печати.

В настоящей заметке я хотел бы передать несколько штрихов из его личной жизни и дать некоторые воспоминания о его работе в Баку за время большевистской власти в 1917 — 1918 годах.

Редко можно найти такого человека с своеобразными «чудаковскими» чертами в личной жизни, как это бывало у Арсена. Будучи по природе молчаливым, скрытным, вдумчивым и воспринимающим глубоко все, но не выявляющим это внешне, он был чужим у себя в семье. По отношению к товарищам он проявлял редкую искренность и чуткость, но это проявлялось иногда в такой резкой, порою грубой, форме, что многих, не понимавших его, отталкивало. Вел он весьма простой, подчас аскетический образ жизни, несмотря на то, что по семейному положению был сравнительно обеспеченным человеком. В практической жизни он был беспомощный человек. «Служил» в жизни только раз в каком-то акцизном управлении от Совета съезда нефтепромышленников. Не имея никакого влечения к этой работе, он заходил туда на час для того, чтобы подсчитать количество отправленных цистерн керосина. Личной жизни он почти не имел.

Переходя к его работе за последний период до падения Сов. власти в Баку в 1918 году в качестве редактора газеты «Бакинский Рабочий», можно сказать следующее. По природе своей он был журналистом (публицистом); он не был ни организатором, ни пропагандистом-агитатором, его трибуна была газета, и ни разу он не покидал эту трибуну и ни на что не желал променять ее.

После перехода власти в наши руки, он, в качестве редактора официального органа Бакинского Комитета, должен был разобраться в сложных условиях бакинской жизни и дать правильную политическую оценку совершающихся в Баку событий. Если товарищи перелистают «Бакинский Рабочий» за этот период, они найдут шедевры публицистики в виде его передовых статей. Прочтите статью, написанную по поводу знаменитого исторического заседания Бакинского Совета, когда тов. Шаумян делал доклад о внешней и внутренней политике, и в порядке дня был вопрос о приглашении англичан. В этой статье вы почувствуете, как глубоко он переживал тогдашние бакинские события. Часто Арсен не соглашался во многих вопросах с тогдашней нашей Бакинской организацией и был в оппозиции, как бы составлял с некоторыми товарищами левое крыло.

Вы встретите в «Бакинском Рабочем» резкие статьи по адресу азербейджанского Совнаркома, несмотря на то, что они подчас были даже неудобны со стороны официального партийного органа. Но Степан всегда прощал Арсену, ценя его, как редкого работника. Арсен был несогласен с Степаном в его политике лавирования между националистическими партиями мусаватистов и дашнаков, он был несогласен с умеренной политикой по отношению к эс-эрам и меньшевикам. Арсен хорошо знал все кавказские политические партии не только в их историческом развитии, но и знал лично руководителей; это подсказывало ему правильную оценку боровшихся против Советской власти сил.

Известно, какой популярностью пользовался «Бакинский Рабочий» среди промысловых рабочих. Это была своя рабочая газета, ставшая такой, конечно, благодаря только Арсену.

На партийных собраниях он не выступал, он говорил плохо, но все партийные товарищи его знали и любили.

Лучшим памятником для т. Арсена является газета «Бакинский Рабочий», свято хранящая свои старые боевые традиции.

Мравъян.

(«Бакинский Рабочий», № 211 за 1922 г., 20/IX.)

АМИРЬЯН Татевос—см. **Шаумян С.**

АМИТОВ ** **Нафик**,—казак Торенкульского поселка. Служил до революции писарем при Трехозерной станице. Был избран в 1918 г., 20 марта, на II Троицкий уездный Съезд Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов, где играл видную роль (будучи беспартийным) в восстановлении Советской власти. Съездом был избран членом уездного Совета и вел работу при Комиссариате Просвещения в качестве комиссара по просвещению мусульман до 18 июня 1918 г., т.-е. до взятия города чехами.

После взятия Троицка был арестован, сидел в Красной Казарме, а последнее время на Меновом Дворе вместе с Шарковым, Волковым и рядом других товарищей под строгим надзором. В сентябре 1918 г. был увезен из гор. Троицка сначала в Челябинскую тюрьму, затем в Тобол и, наконец, в Ново-Николаевске был расстрелян. («Набат», № 28 от 18/VI 1922 г.)—См. **Аппельбаум.**

АМЯГА ** **Фрол**,—родился в 1898 г. в с. Нивицком, Ольгинского уезда, Приморской обл., в крестьянской семье. После окончания начальной школы он готовится к званию сельского учителя. Призыв на военную службу прервал его занятия; служил он в одном из полков Владивостокского гарнизона, где его застала февральская революция. Мне, имевшему тогда возможность жить постоянно в Владивостоке, удавалось часто встречаться с ним. На школьной скамье он, благодаря учителю А. Н. Яременко, научился «кое-чему излишнему», чего не подобало знать верноподданному российской империи. Он с юношеским жаром адепта прочитывал революционные брошюры и книги, выпускаемые различными партиями после революции. Его прирожденный критический ум не позволил ему совершить «легкомысленный шаг»—наскоро записаться в одну из партий революционной демократии. Его, сына сибирского крестьянина, не видевшаго ни дворян, ни помещиков, эс-эровский лозунг «земля и воля» не интересовал, но радикализм большевиков находил отклик в его крестьянской психике. Соглашательско-империалистическая политика социал-патриотов возбуждала в нем негодование. Здоровый познавательный ум не поддавался на грошевые инсинуации правых буржуазных и соглашательских листков против партии большевиков. Корниловская авантюра повлияла на его решение. В конце сентября 1917 года он говорил мне, что решил записаться в Р. К. партию. Но Октябрьский переворот задержал его формальное вхождение в партию. Он объяснял свой поступок тем, что он не считает нужным записаться в партию, когда она без него уже совершила революцию, и что входят в господствующую партию в момент торжества, главным образом, карьеристы. При этом добавлял, что добытая победа будет требовать еще много жертв для ее удержания и, если перипетии революционной борьбы потребуют их от него, то он пойдет по первому зову Советской власти, как член большевистской партии. Да, он не плыл по течению, как многие из лагеря политических трусов и карьеристов. Когда в силе было социал-соглашательство, он был левым; когда в спросе стала левизна, то он остался самим собою. «Шествуй своей дорогой, пусть люди говорят, что хотят!» — Это был его лозунг, которому он стойко и неуклонно следовал в течение всей своей сознательной, увы, так внезапно оборвавшейся молодой энергичной жизни.

Чехо-словацкий переворот во Владивостоке открыл дверь озверевшей белогвардейщине. Банды Колчака, Семенова и других разгуливали по сибирским деревням. В конце 1918 года в первом бою, происходившем в Сучанской долине под корейской деревушкой Николаевкой между красными партизанами и белобандитами, один из первых партизан, коммунист без партбилета, был тов. Фрол Амяга. Он первым же погиб, борясь под красным знаменем коммунизма и советской власти. Оборвалась жизнь этого юного борца... Его уже нет между нами, но вспоминания о его внешне и внутренне благородном облике будут долго жить в сердцах тех, кто его знал, уважал и любил.

Ч. *Пак-Диншунъ.*

АНАНЬЕВ **—см. **Уткин.**

АНАНЬЕВ Александр Иванович *, «**Ваня**», —26 лет, член Симферопольского комитета Р.К.П. Родом из Карасубазара. Ведал делами печатания прокламаций. Работал в Врангелевых войсках как агитатор, посланный организацией. Честный, преданный работник. При первом совещании при Собачьей Балке задержан контр-разведкой, был судим военно-полевым судом и после пыток повещен в апреле 1920 года. — См. **Зиновьев.**

АНАНЬИН Илья Андреевич **,—сын сибирского крестьянина, бывший до войны 1914 г. народным учителем, в партию Р.К.П. вступил в 1917 году на Румынском фронте, где и выдвинулся во время октябрьской революции в ноябре 1917 года. В 6-й армии румфронта он был избран председателем корпусного комитета, но вскоре вместе с другими товарищами, принимавшими участие в перевороте на фронте, был арестован фронтовым штабом Щербачева и с ними же предан румынам, как заложник. После долгих мытарств и скитаний, т. Ананьин, обмененный вместе с прочими товарищами на румынских сенаторов и депутатов, чудом вырвался от румынских палачей, но все же, попав по дороге из Севастополя в Москву к восставшим донским казакам, лишь после двух военно-полевых судов добрался до Москвы. Весь 1918 год т. Ананьин, после бесплодных попыток попасть в Сибирь, работал в Москве в 3-й высшей военной инспекции при Всебюрвоенком, занимая там очень ответственный пост. Товарищ Ананьин, чрезвычайно искренний и горячий по натуре, не выносил уже зарождавшегося тогда в центральных органах бюрократизма, сватовства и кумовства. Это был революционер и коммунист-идеалист, вечно горевший, кипевший негодованием на малейшую несправедливость, особенно на лакейство и хамство.

Уже через полгода работы в Москве он просится на фронт.

В 1919 году весной он едет, наконец, на восточный фронт, попадает туда в самое пекло во время наступления Колчака и погибает в одном из боев. Погиб 33 лет от роду. *И. К.*

АНДРЖИЕВСКИЙ Григорий, — председатель Пятигорской организации Р.К.П., повешен в Пятигорске 30 августа 1919 г.

АНДРЕЕВ Е. И., — член правления проф. союза кожевников, умер в июне 1918 года.

АНДРЕЕВ Филипп Алексеевич. — В начале 1920 года в Петрограде пропал без вести хороший коммунар и старый партиец, тов. Андреев (Филя). В революционное движение т. Андреев был вовлечен в 1905 году и сразу примкнул к большевикам. Рабочий-металлист г. Николаева, он первые годы своей партийной работы провел в Николаеве. В годы реакции здоровое пролетарское чутье и марксистское воспитание не дали упадочным настроениям захватить Филиппа, и он остался в партийных рядах. В 1908 году, жестоко голодая, т. Андреев принимает самое горячее участие в постановке партийной работы в Николаеве, является одним из организаторов газеты (нелегальной) «Борьба», а потом заведующим техникой, одним из редакторов, наборщиков, печатников, распространителей. В то же время он избирается в члены Николаевского комитета Р.С.-Д.Р.П. (б.). В начале 1909 г. т. Андреев высылается в Вологодскую губернию. По возвращении из ссылки опять работает в Николаеве, откуда посылается в партшколу (большевистскую) за границу; по окончании школы работает кратковременно в Баку, Петербурге и снова попадает в ссылку, в ту же Вологодскую губ., но уже в г. В.-Устюг, вместо Яренска, где он был в первый раз. Отбыв вторую ссылку, Андреев едет в Петербург, где и работает. В начале 1914 г. арестовывается, освобождается во время войны, и тут начинаются его нелегальные скитания по фабрикам и заводам Питера вплоть до революции. 1917 год т. Филипп проводит в Питере, избирается по нашему списку в Лесновскую районную думу. После Октябрьской революции переезжает в Воронеж, а оттуда, по освобождении Украины, в Николаев. В Николаеве занимает пост председателя Губчека. Во время наступления Деникина переходит в армию и совершает в рядах 45-й дивизии знаменитый марш от Одессы до Житомира по местности, занятой противником. В 1919 г. перебрасывается в 7-ю армию, где работает сначала в особом отделе, а потом в Поарме 7. В начале 1920 г. он пропадает без вести.

Тов. Андреев—один из старой большевистской гвардии, рожденной революцией 1905 года, всегда оставался верен своему знамени; ни годы упадка и разочарования, ни мутные шовинистические волны не поколебали его твердых коммунистических воззрений.

Б. Козловский.

АНДРЕЕВА**, — член комсомола, курсантка Одесской Губпартшколы, убита на голодном фронте в Балтском уезде в 1921 году в последних числах августа.

АНДРОНОВ **, — служащий московских трамваев, погиб на фронте в середине декабря 1918 г.—См. **Володин** и **Константинов П.**

АНИКИН Степан,—см. **Подтелков.**

АНИСИМОВ **,—член Реввоенсовета 9-й армии, умер в Новочеркасске в январе 1920 г. от сыпного тифа. — («Изв. В.Ц.И.К.» № 48 от 23/II 1922 г.)

АНИСИМОВ * Алексей Андреевич—был откомандирован 23 мая 1919 г. на фронт, служил в 6-м московском стрелковом полку на должности политрука полковой школы до 1 мая 1920 г. При выходе полка из Белой Церкви был назначен в закупочную комиссию и находился на этой должности приблизительно около трех недель. Во время наступления поляков, в конце 1920 г., когда т. Анисимов сопровождал закупленные продукты, на обоз напали польские банды. Анисимов был ранен и умер под забором от кровотечения вследствие того, что не мог сделать себе перевязку, а помощи не было. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

АНИСИМОВ Яков, — омский коммунист, расстрелян в 1919 г.

АНОСОВ ** Сергей Давидович, — председатель Ананьевского уездного Ревкома, погиб от предательской пули 28 сентября 1920 г. при исполнении революционных обязанностей близ села Липецкого, Ананьевского уезда.

Тов. Аносов — сын безземельного крестьянина, родился в 1885 году на Кавказе. Отец его, уроженец с. Шестаково, Павловск. у., Воронежской губ., в то время служил стрелочником на ст. Кавказская, Кубанской обл. Детство т. Аносов провел в г. Ростове-на-Д., учился в 5 классном городском училище. В августе 1901 г., 16 лет, он поступает на службу в Управление Владикавказской ж. д. и здесь познает все прелести подневольного труда. Свою революционную деятельность т. Аносов начал, когда ему едва минуло 17 лет. В 1904 г. он принял деятельное участие в революционной борьбе за освобождение трудящихся. Революция 1905 г. его захватывает, он покидает родительский дом, всецело уходит в революционную борьбу и активно участвует в проведении железнодорожных забастовок и в вооруженном восстании в Ростове-на-Д. В мае 1906 г. попадает в тюрьму и ссылается в Томскую губ., в мрачный Нарымский край. Но революционер жаждет борьбы, жаждет мести и победы над царским режимом, он трижды бежит из тюрьмы и, наконец, убегает на Кавказ.

В апреле 1907 г. его снова арестовывают в г. Армавире. Уже в сентябре Аносов бежит из тюрьмы с тем, чтобы через несколько месяцев, в декабре, снова очутиться в когтях жандармских палачей. Его пристегивают к большому процессу Екатеринодарских анархистов, осуждают на 15 лет каторжных работ, и с 1908 г. до начала революции 1917 года т. Аносов видит перед собой только стены холодной тюрьмы. Февральская революция освобождает т. Аносова из Херсонской каторжной тюрьмы. Он сразу же в Херсоне принялся за работу по организации советов Р. К. и С. Д., был членом президиума Херсонского Губисполкома. Он хорошо был известен херсонскому пролетариату и окрестному селянству как пламенный агитатор и оратор. В мае—июле 1918 г. работал в Павловском уезде, Воронежской губ. В августе поехал в Херсон, арестован там немцами и после месяца тюрьмы выслан в Великороссию. В сентябре 1918 г. командирован Ц. К. Украины для подпольной работы в Одессу, а затем в Херсон. В мае 1919 г. вступил в ряды коммунистической партии в Одессе, работал в качестве Губпродкомиссара и Упродкомиссара Херсонщины. В августе 1919 г. в бою с деникинцами под Вознесенском был ранен и взят в плен, из которого бежал через неделю, опять работал в подполье Херсонского уезда и в Одессе.

С февраля 1920 г. — Губпродкомиссар Одесской губ. В последнее время был председателем Ананьевского Уревкома и членом президиума уездного Бюро партии.

Тов. Аносов погиб при следующих обстоятельствах: в Ананьевском уезде вблизи г. Ананьева находился смешанный монастырь под названием «Райский сад». На основании полученных в Ревкоме сведений о том, что в монастыре скрывалось много контр-революционного офицерства, скрыты большие суммы денег и масса продовольственных припасов, было решено оцепить монастырь и произвести в нем обыск. Утром 28 сентября председатель Ревкома т. Аносов с отрядом красноармейцев приступил к исполнению распоряжения Ревкома. Результаты обыска превзошли ожидания: помимо скрывавшихся от Сов. власти офицеров и больших сумм денег, было обнаружено большое количество контр-революционной литературы агитационного характера и склад оружия; в монастыре нашли себе приют небольшие вооруженные отрядики, которые часто выходили на большую дорогу и обирали проезжавших крестьян и др. лиц.

С. Аносов.

Когда монастырь был оцеплен, одна из монашек пробралась на ст. Бирзула и заявила коменданту Инко, будто бы на монастырь напали бандиты. Инко тотчас же отправился с отрядом красноармейцев к монастырю. И хотя, дорогой, встретившимся начальником уездной милиции ему было объяснено, что в монастыре не бандиты, а производится обыск под руководством предуревкома т. Аносова, Инко предложил ничего не знавшим красноармейцам рассыпаться в цепь и начать обстрел монастыря. Тов. Аносов с одним из красноармейцев вышли из монастыря и стали призывать стрелявших прекратить стрельбу, но оба были убиты наповал. Немедленно произведенным расследованием было установлено, что в монастыре скрывалась сестра коменданта Инко, а сам он оказался бывшим офицером, скрывшимся в 1919 г. от Советской власти и служившим после ухода ее у белых. (Свед. взяты из «Изв. Одесск. Губ. Рев. Ком.» № 26 от 1/X 1923 г. и из «Изв. Ананьевского Уездного Ревкома и Парткома» № 100 от 2/X1920 г.)

АНТИПОВ ** — см. **Шишагин.**

АНТОНОВ ** **Грицко,** — коммунист, харьковский рабочий, комиссар отряда, отправленного в начале ноября 1917 г. из Харькова на ст. Чертково. Держался он замкнуто, но, несмотря на это, пользовался общим доверием и уважением. Это был один из тех героев, которые мало говорят о себе, но которые умеют вести за собой тысячи борцов, вдохновить их и достойно умереть. Участвовал со своим отрядом в начале января 1918 г. в боях под ст. Лихой, Каменской, Глубокой и проч. В 1919 г. тов. Антонов был зарублен в плену у Махно на посту командира Отд. Бригады имени тов. Ленина, пробыв 6 лет в Р.К.П. (б.). Погиб 24 лет. (Свед. взяты из статьи Зинаиды Чалой, помещ. в 1-ом сборнике «Пролетарская революция на Дону», стр. 57.)

АНТРОПЦЕВА * **Ольга,** — пала 3 марта 1918 года в рядах 41-го партизанского отряда, организованного рабочими фабрики «Пекарь» (в Петербурге). Деятельно работала эта молодая стройная девушка-работница по организации этого отряда. Всюду она поспевала, всюду ее видели... Без тов. Оли трудно было себе представить 41-й отряд. Веселая, жизнерадостная, она—душа всего. Оружие, санитарная помощь, продовольствие, — все это отряд, при ее деятельном участии, быстро получает, и через день он уже в бою... Тов. Оля в первых рядах с винтовкой в руке, под свистом пуль стрелой носится по цепи, передавая приказания, подавая патроны, смеясь, подбадривая.

Нужно установить связь между отдельными частями отряда, а для этого надо пройти открытое место в сотне шагов от неприятельских пулеметов. С винтовкой в руках Антропцева бросается исполнить эту трудную задачу, но открывается убийственный огонь в упор по бесстрашно бегущей девушке, и она падает, как подкошенная, с зияющей раной на голове. («Правда» № 48 от 14 марта 1918 года.)

Тов. Антропцева погибла на Нарвском фронте под станцией Корф в бою с германцами.

АПЛЫГИН Петр, — политический комиссар армии, пал во время боя в начале сентября 1918 г. До отправки на фронт тов. Аплыгин был членом Царскосельского Совета.

АПОСТОЛ — расстрелян в 1918 году англичанами. — См. **Шаумян. С.**

АППЕЛЬБАУМ Яков Вольфович — родился в середине 80-х годов в г. Белостоке. Образование получил домашнее, 14 лет от роду был отдан родителями на службу в банкирскую контору в Гродне, где проработал около 15 лет, до начала империалистической войны. Заинтересовавшись рабочим движением, стал тяготиться службой в банкирском доме, но не считал нужным оставить его, ценя знакомство с постановкой банковского аппарата. В 1905 году принимал близкое участие в революции, хранил и распространял оружие, оказывал помощь арестованным. К определенной партии не примыкал, колеблясь между социал-демократией и максимализмом. В годы реакции занимался самообразованием. Высланный в 1914 году, как неблагонадежный, из прифронтовой полосы, он был отправлен в Челябинский уезд. В ссылке его революционное сознание окрепло, и ко времени октябрьского переворота он был убежденным большевиком. В Троицке он выдвинулся как организатор Советской власти. Был там членом Военного Совета и председателем Уисполкома. Как на видного большевика, на него обратили внимание белогвардейцы, когда город попал к ним в руки. При приходе белых он скрылся, но потом все-таки был ими арестован, вывезен в Челябинск и там расстрелян. Когда он находился под стражей на ст. Троицк в ожидании отправки в Челябинск, толпа контр-революционеров осыпала его площадной бранью и требовала выдачи его для расправы. Тов. Аппельбаум, обратясь к толпе, сказал, что многие из находившихся в ней не понимают переживаемых событий.

Я. Аппельбаум.

В газете «Набат» (№ 28 от 18/VI—1922 г.)—сказано: «Тов. Аппельбаум принимал живейшее участие в строительстве Советской власти и в партстроительстве в Троицком уезде. Способный и трудолюбивый, он являлся всегда первым на всех поприщах советской и партийной работы. Первый секретарь Троицкой организации Р.С.-Д.Р.П. (б.), он и дальше всегда занимал самое первое, самое опасное и трудное место, пока преждевременно не был убит белыми разбойниками. В высшей степени терпеливый и человеколюбивый, он всегда старался подойти к делу с точки зрения общественного расчета. Только благодаря ему Советская власть в Троицком уезде все шире и шире популяризировалась, и к моменту подхода белых банд в городе насчитывалось больше 3.000 регулярных войск. В городе Яков Вольфович остался, должно быть, потому, что не успел уйти. Выданный в руки белой своры, он был увезен в Челябинск. Первоначально его истязали и надсмеялись над телом, как трудно себе и вообразить; а затем уже повесили на столбе, не доезжая до Челябинска».

Из истории гражданской войны в г. Троицке.

Гражданская война в г. Троицке началась во второй половине февраля 1918 г., когда был организован малый казачий круг под председательством полковника Половникова. Их штаб находился в станице Кособрожской. Первый бой с ними произошел 28 февраля 1918 г. под станцией Клястицкой. Посланный в качестве парламентера для переговоров тов. **Ильин** был повешен казаками.

Во 2-й половине мая чехо-словаки, захватив г. Челябинск, двинулись через ст. Полетаево на г. Троицк. Высланные навстречу из Троицка отряды, после боев под ст. Полетаево и под Еманжелинской станицей, отступили к г. Троицку. 13 июня чехо-словаки стали наступать на Троицк, но потерпели поражение и отступили за 40 верст к ст. Нижне-Увельской.

В этом бою доблестно погиб начальник артиллерии тов. **Крахмалев**. Тов. Крахмалев был на наблюдательном посту сражен пулей и после уже окончательно добит прикладом. Всего было убито с нашей стороны 62 человека и ранено около 3.000 человек. Между прочими в окопах были убиты 22 красноармейца из села Николаевки, Екатериненской волости. В бою на р. Увельке погиб член Совета Рабочих Деп. комиссар жел. дор . тов. **Ег. Летягин**.

После первого боя в г. Троицке решено было приступить к мобилизации добровольческих казачьих отрядов. Т.т. **Попруга** и **Хомутинин** изъявили согласие произвести мобилизацию казаков в станицах и отправились в ст. Кундравинскую, где были захвачены казаками и отправлены к чехо-словакам на Миасский завод. В пути тов. Попруга бежал, бросился в пруд и был убит в воде. Тов. же Хомутинин пропал без вести.

Второй решительный бой с чехо-словаками произошел 18 июня. В этот день в окопах вокруг города сидели красноармейцы и, надеясь на разведку, мирно спали. Чехи застали их врасплох и захватили окопы, почему и пришлось произвести отступление. Ввиду спешности наступления чехов Военкомату не представилось возможным произвести эвакуацию снарядов, оружия и денежных знаков. Бой продолжался около двух час., и нашим отрядам пришлось отступить от г. Троицка по двум направлениям — на Кустанай и по Орской жел. дороге. В этом бою погиб член Уисполкома **Голощапов.** Попытки нового наступления вместе с верхнеуральцами были неудачны; по постановлению штаба, Верхнеуральск был сдан без боя, и наша армия отступила в Белозерский завод.

После занятия г. Троицка чехо-словаками, там началась дикая, жестокая расправа над правыми и виноватыми. Стоило кому-нибудь указать на человека, знакомого с красноармейцами, как жизнь его уже была решена. Виселицы и расстрелы свирепствовали во всю. Ими было расстреляно около 3.000 человек. В числе погибших: **Аппельбаум**, **Дмитриева**, **Дмитриев**, **Иванов** (железнодорожник), 2 брата **Малышевы**, **Сковронский**, **Бородин** (беспартийный), **Кузовкин**, **Степанов Ф. Як.**, **Титов Ф. Ф.**, **Колобов**, **Лаврентьев**, **Иванов, В.**, **Еремеев**, **Дубинин Тар.**, **Амитов**, **Волков**, **Шаров Ор.**, **Войцеховский**, **Кениг** и др., а также было масса арестовано и отправлено в тюрьму, в числе которых только из ст. Николаевки, Екатерининской волости, 150 человек. («Набат» № 28 от 18/VI—1922 г.)

АПРАКСИН ** **Василий Несторович** — родился в 1900 г., сын рабочего Владимирской губ., Покровский мещанин. В партию вступил в апреле 1917 г. Во время организации Красной Гвардии вступил ее членом; во время октябрьской революции поехал добровольцем и сражался против юнкеров и наступал по Яузскому мосту. В ноябре или декабре вторично был в охране Московского Совета и гор. Москвы. В 1918 г. с первым партизанским отрядом ушел опять добровольно на фронт и находился в бою под Таганрогом. В сентябре 1918 г.

был вместе с отцом в первом Московском Революционном полку 4-й роты, в телефонной связи, под ст. Зубриловкой. Вследствие заболевания тифом был на излечении, после выздоровления пошел проводником из Орехова до Киева. С повстанческими бандами пришлось вступить в бои, и продовольствие было отбито и привезено в Орехово. После этого откомандирован Москвой в Козлов, Тамбов, Пензу, где назначен взводным командиром одного из полков, продвигавшихся по направлению к Новочеркасску. После боя тов. Апраксин не нашелся. («Братская могила», стр. 15.)

АПРЕЛЕВ Александр Платонович, — член секции водников. Умер в марте 1921 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 66 от 27 марта 1921 г.)

АРИСТОВ ** Петр Михайлович — родился и вырос в пролетарской семье в Спас-Деменске Калужской губернии. В обстановке тяжелой борьбы за существование протекли детские и юношеские годы товарища Аристова. Я встретился с Петей в Козельской учительской семинарии, куда он поступил в 1916 г. Умный, талантливый, общительный, чуткий, правдивый и честный, Петя Аристов был любим и уважаем товарищами. В 1917 г., с первых дней революции, Петя Аристов сделался коммунистом. Он вдохновляет нас революционным словом, заражает примером. В борьбе со старой школьной рутиной и ложью он — первый. Но школьная жизнь, работа в тылу, когда на полях сражения льется кровь за свободу, невыносима для борца-революционера.

П. Аристов.

Весной 1919 г. Петя зовет нас и идет первый на 1-е Артиллерийские Командные Московские курсы. В августе 20-летний П. Аристов — красный командир, полный веры в конечную победу пролетариата, полный любви к жизни и готовый отдать свою жизнь, чтоб всем, кто угнетен, кто страдает, жилось лучше, — как говорил он, — и рвется на фронт против белых деникинцев. Он — на южном фронте во 2-ом легком артиллерийском дивизионе 57-ой дивизии. Он — военный следователь дивизионного трибунала, он у пушек следит за наводкой и трубкой. Собрание — он первый говорит о необходимости борьбы до конца, о конечной победе, он поднимает дух красноармейцев. В редкие минуты передышки он пишет старой матери слова ободрения и революционной веры.

Но недолго жил с нами красный молодой орел. В конце октября 1919 г., после упорного неравного боя под Севском, наш дивизион остался один. Снаряды иссякли, не было сил больше держаться. Снялась 2-я, за ней — 1-я батарея. Тихо начался отход... Свист пуль, треск шрапнели, грохот гранат. Вышли за город... Крики «ура», казаки, в погонах, лавой с тыла и флангов бросились на нас... Последний снаряд, с ним последняя надежда на удачный исход... Не желая отдать себя в руки белых врагов, окруженный ими, товарищ Аристов убил себя сам. Последняя пуля нагана кончила дни юного борца.

П. Платанов.

АРМАНД Инесса — умерла 24 сентября 1920 г. Она принадлежала к числу самых старых и, уж во всяком случае, к числу самых преданных и испытанных работников нашей партии.

Тов. Инесса вышла из буржуазной среды. Но с первых шагов своей сознательной политической жизни она примкнула к революционному лагерю. Многие из ее близких примыкали к эс-эрам. Но тов. Инесса всей душой — на страже рабочего класса и рабочей партии. Она примыкает к большевикам.

Уже в революции 1905 г. покойная принимала выдающееся участие. После поражения революции тов. Инесса Арманд попадает в тюрьму и ссылку, затем в эмиграцию. Начинается долгая, тяжелая и душная эпоха контр-революции. Тут-то познаются настоящие друзья рабочего класса. Тов. Инесса ни на минуту не теряет веры в дело и будит эту веру в других. Она организует кружки содействия партии, она деятельно работает в партийной школе, куда организации из России присылали лучших рабочих, она работает среди французских пролетариев. И, наконец, она в 1913 г. одна из первых отправляется на нелегальную партийную работу в Россию. В это время тов. Инесса работает в Питере, вынося на себе главнейшую тяжесть ответственности. Рабочие не нахвалятся ею. В Питере ее арестовывают. Спустя довольно продолжительное время ей с трудом удается выбраться из тюрьмы. Она вновь попадает за границу.

Империалистическая война. Крах II Интернационала. Тов. Инесса на посту. Она не колеблется ни минуты. Она агитирует и пишет против войны. Она едет в Париж на нелегальную партийную работу против войны среди французских рабочих (покойная в совершенстве знала франц. и англ. языки). Она—одна из организаторш 1-ой международной женской конференции после войны. Она—делегат нашей партии в Кинтале. Она работает в швейцарской партии. Она переводит важнейшие произведения тов. Ленина и издания Ц. К. нашей партии.

Февральская революция. Тов. Инесса в России — сначала в Питере, потом в родной ей Москве. Она жадно набрасывается на работу, как голодный на кусок хлеба. Три года она работает (главным образом среди женщин-работниц), не зная устали, не зная свободной минуты. Одновременно она участвует в интернациональной работе, пишет в наших журналах, едет вместе с тов. Мануильским в делегации во Францию, участвует в I и II конгрессах Коминтерна, является душой II международной женской конференции. И в то же время помогает товарищам, делится с ними последним, поддерживает и ободряет уставших, чутко прислушивается к новым запросам.

Инесса Арманд.

Тов. Инесса умерла на Кавказе от сравнительно легкой болезни. Не будь ее организм так сильно подорван громадной и неустанной работой, она, быть может, легко перенесла бы эту болезнь. Но она не щадила себя. А партия и друзья во-время не доглядели.

Рабочие потеряли неоценимого друга, партия и весь III Интернационал потеряли одного из лучших своих борцов.

Международный пролетариат должен помнить имя Инессы Арманд. («Ком. Интерн.» № 15.)

АРОНШТАМ Борис Наумович—погиб на южном фронте 6 июня 1919 г., через несколько дней после гибели своего брата Ильи. Гимназист 7-го класса, 19-летний юноша, отдал свою молодую чистую жизнь за революцию. Вступив в ряды Харьковского союза коммунистической молодежи, он в короткий срок, благодаря начитанности и личным качествам, избирается секретарем союза. Наступление немцев на Украину заставляет Борю уйти на фронт и с винтовкой в руках защищать революцию. Фронт подорвал здоровье Бори, и он приезжает в Москву, где работает в Сокольническом районном комитете партии в качестве помощника секретаря. Недолго он сидит в Москве. В сентябре 1918 года Сокольнический военный комиссариат отправляет его с гаубичным артиллерийским дивизионом на южный фронт. Тут он вскоре был ранен в голову, но остался в строю. В дивизионе его избирают членом контрольно-хозяйственной комиссии и потом секретарем комячейки. Честный и мягкий, Боря завоевывает всеобщую любовь красноармейцев и командного состава. Во время отступления с Дона он был отправлен с обозом в тыл, где дивизион должен был формироваться. В тылу вспыхнуло восстание казаков, и обоз попадает к ним в руки. В хуторе Орловском тов. Аронштама схватывают, уводят в лес и расстреливают. В лесах Медведицы оборвалась молодая жизнь революционера. *Л. Аронштам.*

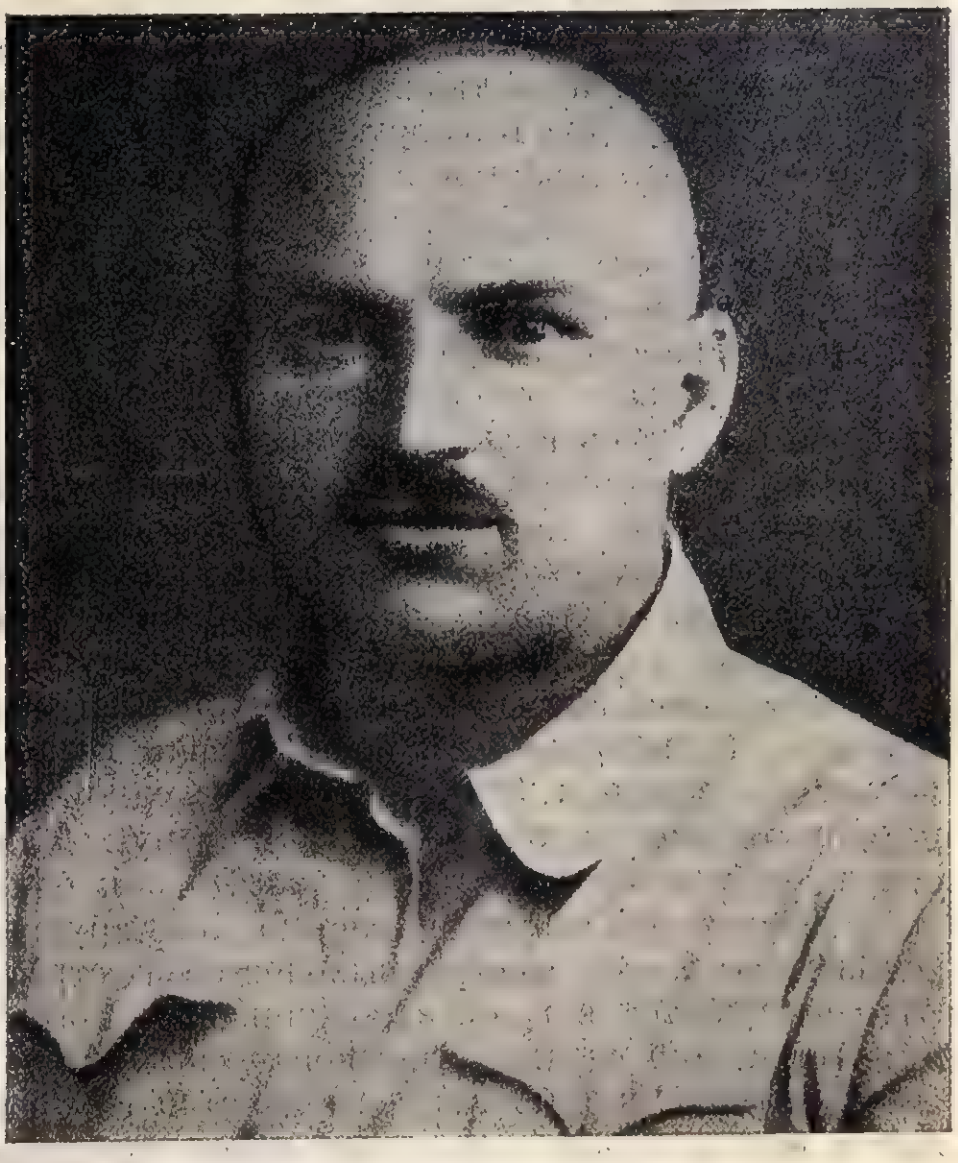
АРОНШТАМ Илья Наумович—погиб 18 мая 1919 года в бою у Вятских Полян. Тов. Аронштам вступил в партию большевиков в мае-июне 1917 года; но еще накануне 1917 года, будучи студентом Психо-неврологического института, он ездил с каким-то поручением партийного характера из Питера в Харьков. В начале своей партийной жизни он работал главным образом в военной организации, сначала в Нижнем, будучи солдатом 1-го учебного студ. батальона, а потом в Питере, где он был юнкером 2-ой Петергофской школы прапорщиков. Во время октябрьского переворота, он во главе с несколькими другими товарищами захватывает петергофскую телефонную станцию и, перехватывая и исправляя телефонограммы Керенского к петергофским юнкерам, задерживает в течение нескольких часов выступление юнкеров на Петроград. После октябрьского переворота тов. Аронштам назначается комиссаром телефонной станции в Петергофе. Через несколько времени, когда началась ликвидация военно-учебных заведений, его посылают в Казань, где он успешно проводит эту ликвидацию. После этого он переезжает в Москву. Там, начиная приблизительно с декабря 1917 года вплоть до своего отъезда на фронт в июле 1918 года, он работает в Сокольническом районном совете. Несколько раз он подавал заявления о желании отправиться на фронт, но ни исполком, ни районный комитет партии не считали возможным отпустить его из района. Наконец, ему удается вырваться на фронт; он попадает на восточный фронт, где, в качестве военполиткома дивизии, он, все время в первых рядах, личным примером увлекая других, сражается до тех пор, пока пуля противника не сразила его. Он погиб на 24 году жизни. («Известия Наркомвоен» № 139 от 1 июля 1919 г.)

АРОСЕВА Мария Августовна (Вертынская)—18 сент. 1918 года была уведена белыми из Спасской тюрьмы и расстреляна в 8 верстах от г. Спасска. М. А. было 50 лет. Ее вина заключалась в том, что она вела культурно-просветительную работу среди крестьян, да еще в том, что была матерью коммуниста—Александра Аросева.

М. А. была революционерка-народница. Тихо, спокойно, незаметно для окружающих протекала ее работа в глуши Спасского уезда в дер. Войкине. Всей душой ушла она в эту работу—просвещение темной деревни. Всей душой была она предана делу трудящихся. «...Я всегда была с тобою и за тобою,—пишет она сыну 17 ноября 1917 года:—ваша идея для меня свята, ибо она—сама правда и справедливость. Слепец тот, кто этого не видит, и негодяй тот, кто это видит, но не признает из-за личных выгод...». «Ежедневно езжу по деревням и устраиваю собрания и чтения, по одному разу в неделю в каждом селе поочередно...»—пишет она сыну в другом письме. Белогвардейцы знали, кого они убивают... Преданного друга народа убили они. (Ее письма. См. «Пролет. Рев.» № 5.)

АРТАМОНОВ—умер в марте 1919 года. Он был молодым рабочим Тушино-Гучковского района. Еще до революции он вошел в революционную работу и был брошен царской охранкой в тюрьму. С первого дня февральской революции без устали, без отдыха работал он. Выступал на митингах среди рабочих и крестьян, беспощадно громил меньшевиков и эс-эров, был членом Московского уездного, а также и губернского исполкомов. Последнее время был председателем волостного комитета. За несколько дней до смерти отправился в уезд, где ему нужно было выступить против соц.-соглашателей. Пройдя до вокзала пешком, тов. Артамонов вспотел, а затем сел в нетопленный товарный вагон, простудился и через 3 дня умер от воспаления легких.

АРТАМОНОВ ** Степан Иванович—происходит из граждан Тамбовской губ., Темниковского уезда, Ермишенской вол., с. Ермишина. Родился в 1898 году, образование получил в с. Ермишине в пятиклассном училище. После школы вскоре поступил в слесарное учение. Родители его, хотя были крестьяне, но занимались ремеслом, — работали гвозди. Среди общей нужды тов. Артамонов оставил свою родину в 1913 г. и поехал в Орехово-Зуево, где поступил в красильную ф-ку С. Морозова в качестве красильщика. Характерной чертой т. Артамонова было то, что он с детства изучал политическую литературу, и, когда произошла февральская революция, т. Артамонов тут же вступил в Раб. Красную милицию г. Орехово-Зуева, где все внимание отдал организации милиции и почти все время был председателем бюро ячейки милиционеров. Ячейка выдвинула его на пост начмилиции 1-го отделения. Тов. Артамонов служил ярким примером для милиционеров: совершенно голодный, не щадя своего здоровья, во время всяких белогвардейских выходок он мужественно переносил все невзгоды.



Артем (Сергеев).

В 1919 г., 19 мая, Орехово-Зуевский уездком партии мобилизовал коммунистов на фронт против Деникина; был мобилизован и тов. Артамонов. Уже 7 июня на Южном фронте близ хутора Каменки Революц. Московский полк вступил в бой с бандами Деникина. В этом бою много наших товарищей было ранено, а больше было убито: там же погибли тов. Артамонов, Буханов и многие другие. Тов. Артамонов был в это время рядовым бойцом и сражался храбро и стойко. (Сведения взяты из сб. «Братская Могила».)

АРТЕМ (Сергеев) Федор Андреевич.—24 июля 1921 г. в 6 час. 35 мин. вечера по Курской дороге на 104 версте сошел с рельс аэровагон, в котором находились делегаты Коминтерна и несколько пассажиров, выехавших из Москвы для ознакомления с фабриками и заводами Московского района. Из находившихся в вагоне 22-х человек убито 6: председатель Ц. К. союза горнорабочих т. Артем (Сергеев), Отто Струпат (Германия), Гельбрих (Германия) Хьюолетт

(Англия), Константинов Иван (Болгария) и т. Абаковский. Тяжело ранены 6 человек, из которых т. Фриман Поль (Австралия) скончался в ночь на 28 июля. («Правда» № 162 от 26 июля 1921 г.)

Тов. Артем это кличка. Его настоящее имя Федор Андреевич Сергеев, впоследствии в тюрьме прозванный «Федей Громогласным» за его мощный и сильный голос. Родился он в селе Глебове, Фатежского уезда, Курской губернии, 7 марта 1883 г. Сын богатого крестьянина, перекочевавшего на Украину для ведения подрядов строительных работ в то время расцветавшего промышленного юга. Здесь, в Екатеринославе, впервые Артем определился в подготовительную частную школу, затем его отдали в Екатеринославское реальное училище, которое он успешно заканчивает в 1900 году. В том же году осенью поступает в Москве в высшую техническую школу и на первом же курсе подвергается аресту за участие в демонстрации, пересылается в воронежскую тюрьму, где и просиживает около 4-х месяцев.

На этом собственно и заканчивается учебная карьера тов. Артема в России. После выхода из тюрьмы Артем в 1901 году уезжает в Париж и поступает в школу профессора Ковалевского. Там он живет, продолжая учиться до 1903 г., после чего возвращается в Россию, где и посвящает себя целиком партийной работе.

В 1904 году работает в Екатеринославской губернии, переходя с завода на завод в качестве рабочего, ездит кочегаром на паровозе, в то же время ведет партийную работу в этом районе.

1905 год застает тов. Артема в Харькове, куда он перебрасывается партией для работы. Здесь крылья молодого партийного орленка расправляются во всю ширь; он за короткое время становится главарём организации такого крупного рабочего района, как Харьков, с прилегающими фабриками в его окрестностях. Одной из его отличительных черт было то, что он был совершенно неуловим для полиции и жандармерии. Его считали буквально «шапкой-невидимкой».

Особенное внимание он уделял Ивановскому району, канатной фабрике и заводу Гельферих-Саде, впоследствии руководя у ворот этого завода вооруженным восстанием. Здесь, когда все уже было проиграно и почти все главари переарестованы, Артем ускользает из рук полиции, попадая на Сабурову дачу, откуда ему удается бежать в халате, как больному.

Другой раз его снова застают на Сабуровой даче—казалось бы, уже здесь нет выхода: у всех ходов и выходов стоит стража. Но Артем и здесь находит выход: он ложится в гроб, заколачивается крышка, его выносят, как покойника, мимо всей этой стражи. Он снова ускользает.

Наконец, в 1906 году его ловят и сажают в харьковскую тюрьму, откуда Артем вскоре бежит и получает новое поручение от Ц. К. партии—направиться для работы на Урал, в г. Пермь. Здесь, в Перми, Артем заболевает. Его арестовывают и сажают в пермскую тюрьму, откуда направляют в ссылку. Из ссылки Артем бежит, долгое время бродит по Сибирской тайге, пока не заболевает и не заходит в ближайший поселок, где его арестовывают и присуждают на каторгу.

В 1910 году Артем снова бежит. После побега он попадает в Корею. Из Кореи, вместе с тремя товарищами, направляется в Японию и, наконец, в 1911 г. попадает в Австралию, где живет до 1917 г., работая в качестве грузчика в порту, чернорабочим на бойнях, на фермах и т. д.

Здесь в Австралии тов. Артем начинает вести агитацию против войны 1914 г., завоевывает симпатии рабочих масс Австралии, производя сильный нажим на соглашателей тред-юнионов, и ему с большим трудом удается достигнуть некоторого сдвига профессиональных организаций. Он создает вокруг себя в Австралии в рабочих кругах антимилитаристическую атмосферу. (Об австралийском периоде его жизни см. «Пролетарская Революция» № 2, статью Сережникова: «Тов. Артем за работой в Австралии».)

Русская революция 1917 года дает возможность т. Артему вернуться на родину.

В июне 1917 года он попадает в Харьков. С приездом его начинает развертываться работа харьковской организации. Вначале тов. Артем главную работу проводит на харьковских заводах, в основянских мастерских, в Новой Баварии и на заводах в Будах. В июле, после знаменитых июльских дней, начинает развивать свою работу, охватывая все бо́льшие области, как Лебедянск и Изюмские мастерские, где было эс-эровское засилье, и работает в цитадели большевизма, в вагонных и паровозных мастерских г. Харькова, а также на заводе Гельферих-Саде, где все его помнят еще с 1905 года.

В августовские и сентябрьские дни тов. Артем переносит центр тяжести своей работы на Областной Донбасс и начинает постепенно из Харькова, как из центра, охватывать Донецкий бассейн. Он связывается с Луганском и Кадиевском, с Юзовкой и Никитовской, со Щербиновкой и Ровеньками, где у него были хорошие приятели, старые друзья и стойкие товарищи. Тысячами отдельных нитей связывая Донецкий бассейн, он заставляет всё и вся тянуться к нему в Харьков.

В сентябрьские и октябрьские дни тов. Артем берется за Харьковский совет, насквозь пропитанный меньшевизмом, усиленно занимается подготовкой первых красногвардейских отрядов, ведя борьбу с чугуевскими юнкерами, с одной стороны, и с белым офицерством—ударниками, направлявшимися через Белгород, Купянск на Дон к Каледину—с другой. Из Харькова выделяются большие кадры квалифицированных рабочих на борьбу с Калединым. Артем принимает решительные меры к тому, чтобы вооружить весь Донбасс. По его предложению посылается экспедиция в Тулу, откуда получается до 56.000 винтовок, до 500 револьверов и до двух вагонов пулеметов, и все это через областком рассылается по всем углам Донбасса.

В середине октября тов. Артем вызывается Ц. К. партии в Питер, где он остается в самый важный исторический момент переворота.

В декабре 1917 г. он возвращается в Харьков и здесь начинает бороться сразу на трех фронтах. Первый фронт—это Центральная Рада и дышащий уже на ладан меньшевизм Харькова. Второй фронт—Каледин. Тов. Артем спешит создать в Донбассе упроформы для вербовки рабочих-шахтеров против белого Дона. Третий фронт—это фронт своей борьбы против уклона наших товарищей, ориентирующихся больше на Киев, чем на Донбасс. Здесь начинается деление товарищей Украины на две группы—левобережную и правобережную. Артем становится лидером левобережной группы. Он указывает на необходимость превратить Донбасс в крепость Украины и центр тяжести перенести в Донбасс и, только создав здесь опору, имея свой украинский Питер, продолжать борьбу с врагами рабочего класса.

Впоследствии, когда его точка зрения не одержала верха, он в противовес ЦИКУКУ, организовавшемуся в Киеве, выдвигает идею новой Криворожско-Донецкой республики и становится во главе ее.

А сколько энергии проявил тов. Артем в деле борьбы с германским империализмом, пришедшим к нам на Украину! Буквально неутомимый, по целым ночам напролет тов. Артем проводит в центральном харьковском чрезвычайном штабе, где разрешаются вопросы правильного использования гарнизона, создания новых красногвардейских отрядов и вовлечения в борьбу новых кадров фабрично-заводских рабочих.

А днем тов. Артем с раннего утра принимает десятки и сотни ходоков из Донбасса, дает указания дальнейшей работе упроформов на местах, сидит на проводе в непрерывных беседах с юзовским центральным штабом, передвигает весь штаб отступающей 8-ой армии с румынского фронта в Донбасс со всей материальной частью, сговаривается с ныне убитым тов. Круссером по поводу рационального использования военного имущества, снабжает вооружением и обмундированием центральный штаб, организует курсы красных командиров, усиленно работает в области эвакуации всего ценного для Советской России. Продолжая, хотя урывками, посещать фабрики, заводы и мастерские г. Харькова, ведет громадную агитационную работу, участвуя в газете, работая в городском и областном комитетах, руководя фракцией Совета.

Одним из тяжелых месяцев революционного периода Донбасса был апрель 1918 года, когда под напором германских штыков пришлось отступить из пределов Украины, пришлось покинуть Донбасс. Тов. Артем, видя складывающиеся обстоятельства, спешит скорее на станцию Лиман, угоняет оттуда все ценное железнодорожное имущество и подвижной состав, приказывает немедленно эвакуировать луганский патронный завод со всеми припасами и созывает в Дебальцево всех ответственных работников для обсуждения вопроса о дальнейшей тактике и отступлении. Здесь решается участь Донбасса. Находятся горячие головы среди наших товарищей, которые предлагают топить шахты, разрушать все оборудование, не оставляя камня на камне в распоряжении наших врагов. Тов. Артем горячо протестует против этих предложений, заявляя:

— Мы еще вернемся, это нам еще пригодится. Не смейте разрушать угольного царства.

Все подчинились воле тов. Артема. Донбасс уцелел.

Тов. Артем, после ухода из Донбасса, спешит на ст. Лихую, куда стекались почти все отступающие части бывшего отряда Антонова-Овсеенко; он хочет из этой бесформенной массы недисциплинированных, партизанских, расстроенных и распыленных частей создать крепкие революционные полки, и это ему удается. Тов. Артем становится любимцем всей отступающей группы, он приковывает к себе внимание своей смелостью и отвагой. Он сам садится на бронепоезд, летит в сторону противника и врезывается в его ряды. И затем с большим трудом еле пробивается обратно к своим, показав воочию, как должны бороться революционеры за правое дело.

Затем, став авторитетом в глазах красногвардейских масс, он начинает «шерстить» публику и требует установления железной дисциплины в наших рядах. Он требует применения высшей меры наказания для тех, кто не подчиняется дисциплине и вносит дезорганизацию в наши ряды. Он настаивает на создании регулярной армии еще в мае-июне 1918 года, т.-е. в то время, когда отрезанные части Лихового направления не имели еще сведений из центра по этому вопросу.

Тов. Артем организует строевые дружины из нестроевых элементов армии для охраны тыла и приведения в порядок разрушенной железной дороги по пути отступления. Тов. Артем пробирается через фронт противника и спешит скорее связаться с Царицыном для координации действий.

Тов. Артем не забывает наших действующих частей. С винтовкой в руках, с мешком на спине, он нередко находится в первых рядах наступающих и отступающих цепей. И после битвы на привале вы могли зачастую видеть большую толпу красногвардейцев, окружающих тов. Артема, которой он, увлекаясь, рассказывает, как австралийцы борются, или как там носят тяжести грузчики, или какой вред приносит теплая одежда для здоровья человека. Необыкновенно простой, прямолинейный, находчивый и искренний, он был любимцем всех. У станицы Морозовской тов. Артем отступал буквально под градом пуль и снарядов. В это время казачья лошадь, испугавшись, рванула и опрокинула воз со снопами. Тов. Артем, не задумываясь, останавливается и спешит помочь казаку поставить телегу на свое место. Здесь виден весь Артем с его неустрашимостью, чуткостью и простотой.

Мог ли Артем не поделиться с другими тем, что у него есть? Он все раздавал, он со всеми делился, он не считал карманов, случайно пришитых к его костюму, своими. Он прирожденный коммунист. Другим он не мог быть.

После Царицына тов. Артем спешит на Кавказ вывезти нефть для России, проложить необходимые подъездные пути в Кизляре. Он спешит навести порядок в отступающих с Кавказа частях. Затем направляется по поручению Ц. К. для работы в украинском правительстве. С освобождением Украины в 1919 г. становится членом украинского правительства, получая пост народного комиссара агитации и пропаганды.

В связи с приближением Деникина в мае 1919 г. он просит отправить его на один из боевых участков. Его просьба удовлетворяется. Он попадает на чугуевское направление комиссаром участка. И здесь вместе с частью т. Беренковича, отбиваясь, отступает шаг за шагом, лишь с боем сдавая позиции.

По распоряжению тов. Троцкого, тов. Артем назначается комиссаром упроформа всех частей сумского направления. Здесь, в Глухове, работая в запасных частях, он заболевает тифом; его отправляют в Москву. По выздоровлении тов. Артем Ц. К. Р. К. П. направляется для работы в Башкирскую республику.

С освобождением Украины и Донбасса тов. Артем спешит в свои края. Здесь, в Донбассе он—председатель губисполкома; но внезапный вызов для поездки за границу по делам Можсовпрофа отрывает тов. Артема от Донбасса. Он направляется за границу и здесь на ломанном английском и немецком языках начинает распространять идеи большевизма.

Возвратясь из-за границы, он становится во главе Ц. К. Всероссийского союза горнорабочих. Будучи председателем Ц. К. горняков, он львиную долю времени уделяет своему Донбассу. В марте 1921 г. ездит в Донбасс для проведения губернского съезда горняков. Объезжает горные районы и всюду и везде беседует с рабочими и спецами; спускается в шахты и осматривает оборудование, стараясь всесторонне изучить Донбасс, знать все его нужды и болезни, чтобы можно было постепенно и решительно взяться за его лечение.

Тов. Артем на III съезде Коминтерна собирает группу работников, знакомых с горным делом, и спешит показать им нашу горную промышленность и ее состояние. Хочет показать им изобретение русского рабочего,—вагон с мотором, с пропеллером, развивающий скорость до 150 верст в час. Хочет их прокатить в этом вагоне, пролететь с быстротой молнии по нашей разрушенной, отсталой стране. Не останавливается перед опасностью. Он ее видел миллионы раз на своем пути, и это его не страшит.

На этот раз слетевший с рельс вагон унес с собой изобретателя и заграничных товарищей из Коминтерна, а вместе с ними и нашего любимого вождя Донбасса, нашего любимого друга. Нет больше в наших рядах «Феди Громогласного», нет больше в наших рядах первоклассного агитатора, нет лучшего из лучших в нашей среде! («Коммунист», изд. Харьковского к-та Р. К. П. от 7 ноября 1921 года.)

Рухимович.

Истпартом издана отдельно полная биография т. Артема, составленная Александровой. («Правда» № 171 за 1920 г.)

АРТЕМЬЕВ Е.—член Р. К. П., убит в боях на реке Соме 14 июня 1920-го года.

АРХАРОВ Яков Григорьевич,—комиссар 1-ой батареи Невского артиллерийского дивизиона. Убит в бою под деревней Конскино 17 декабря 1919 г. («Петр. Правда» № 293 за 1919 г.)

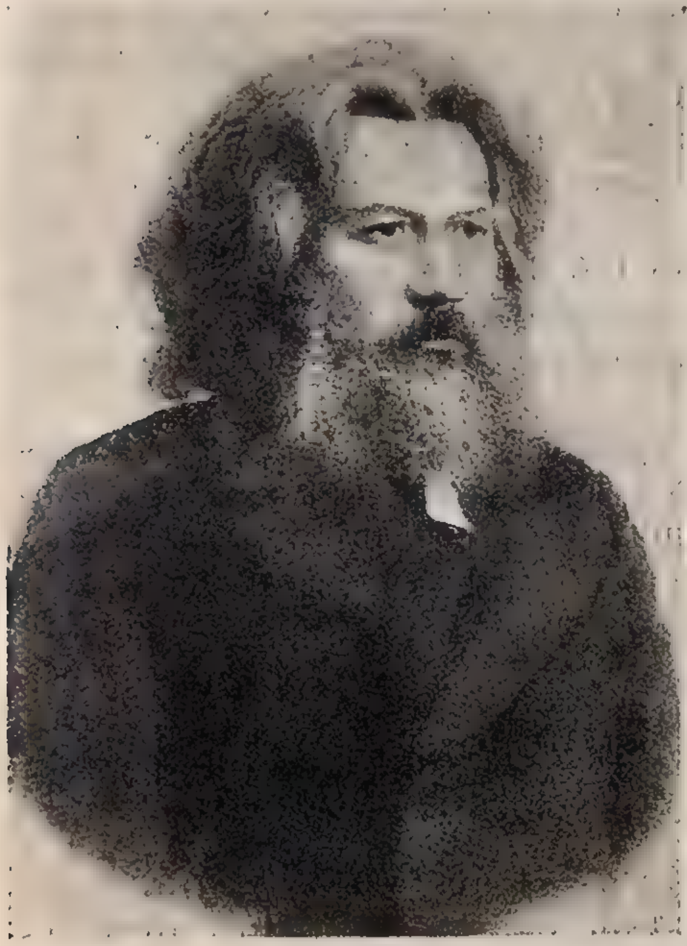
АРХИПОВ—погиб под Петроградом в 1919 году. Он был тяжело ранен в одном из боев на Гатчинском фронте. Умирая, герой-коммунист крикнул своим товарищам по полку:—«Товарищи! Вперед без остановки!». («Б. Правда» № 52 от 4 ноября 1919 г.)

АРЦЫБАШЕВ,—командир роты N-го боевого полка. Благодаря ему, противник, сильно укрепившийся, имевший 18 пулеметов, был выбит. Тов. Арцыбашев убит на Ямбургском фронте в ноябре 1919 г. («Петр. Правда» № 254 за 1919 г.)

АРЦЫБУШЕВ ** **Василий Петрович**—родился в 1857 г. в Курской губ., в имении своего отца-помещика, где и провел первые годы детства. Впоследствии он был родителями отдан в Курскую военную гимназию. По окончании гимназии, юношей 17 лет, он вступает в революционную организацию. С этого момента до последних дней своей жизни он работает как революционер. Никакие невзгоды личной судьбы, никакие препятствия не останавливают его. Любимым изречением Василия Петровича было изречение, помещенное в одном из предисловий Маркса к «Капиталу»—«Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят». И он следовал пути социализма, и никакие силы ни на минуту не могли заставить его сойти с этого пути—шел по нему без колебаний, сомнений, с верой в будущее своих идей. Для В. П. социализм был не только идеалом далекого будущего,— из учения социализма он черпал нравственные правила для жизни обыденной. Насколько возможно в условиях настоящего быть человеком будущего, он был им.

После смерти отца он получил в наследство часть его поместья—землю, которую передал крестьянам, бывшим крепостным своего отца.

На первых шагах своей революционной деятельности он был народником. Переодевшись в костюм рабочего, с инструментом плотника, в лаптях, с котомкою за плечами, он отправлялся в народ и там вел социалистическую пропаганду. В этот период своей деятельности он познакомился с Заичеевским, имя которого известно в революционной истории России. Вскоре они стали близкими друзьями, и по их почину стала издаваться революционная газета «Молодая Россия». Затем его арестовывают и ссылают в Якутскую область, на крайний север, к Ледовитому океану, в гор. Верхоянск. Изгнанникам, посвятившим себя идеям социализма, тяжело жилось вдали от людей, среди полудиких якутов. Они решили бежать. Побег был возможен только через Ледовитый океан в Америку. Сами устроив большую лодку, они спустились по реке к океану, откуда намеревались через Берингов пролив переправиться в Америку. Но бежать им не удалось. Якуты, вооруженные луками, и казаки настигли их на дороге и задержали. Сопротивление было невозможно, так как ружья унесли товарищи, отправившиеся на охоту, чтобы добыть для всех пищу. Их возвратили обратно в Верхоянск.



В. Арцыбушев.

Отбыв срок ссылки в Якутской области, В. П. возвратился в Россию продолжать революционную работу. Судьба, или, вернее, самодержавное правительство, которое он ненавидел всеми фибрами своей души, преследует его, и в 1890 г. его опять отправляют в ссылку в с. Тасеево, Енисейской губ. Здесь он очень много занимался, много читал. В это время он сотрудничает в «Восточном Обозрении», в то время радикальной газете. Особенно заинтересовался он местным экономическим бытом. В результате его трудов появилась написанная им книга «Натуральное хозяйство в Сибири» (изд. «Вост. Обозр.»). В с. Тасеево он был сослан на 2 года, но в последние дни, когда он уже собирался уехать, правительству показался недостаточным этот срок, ссылка ему была продолжена еще на 2 года.

В 1894 г. он переезжает в Красноярск и вместе с другими товарищами организует революционные кружки среди молодежи и рабочих. Затем поступает на службу в организацию по улучшению судоходства по реке Ангаре и переезжает в гор. Енисейск. Но и здесь он не оставляет революционной работы, организует кружки учащейся молодежи, в которых читает лекции об учении Маркса. «Капитал» Маркса к этому времени становится его евангелием, с которым он уже не расстается всю свою жизнь, и каждый раз, когда ему приходилось жить в таких условиях, при которых он был лишен возможности вести революционную работу, он целиком отдавался изучению «Капитала», который он знал настолько хорошо, что мог указать, на какой странице изложено то или другое положение.

В 1900 году он переезжает в Петербург и здесь принимает большое участие в социал-демократической работе, но скоро его снова арестовывают и отправляют в Саратов, откуда он в 1901 году переезжает в Самару, где входит в члены социал-демократической организации. Вскоре после его приезда, под его руководством организуется областная социал-демократическая организация Поволжья, центральное бюро которой находится в Самаре, и в состав которой входят партийные ячейки в городах: Казани, Нижнем-Новгороде, Симбирске, Саратове и др. Областное бюро, связанное с Центральным Комитетом партии, посылало партийных работников «на места», снабжало ячейки партийной литературой и т. д.

1905 год он проводит в Самаре, в его квартире находится революционный штаб. Кучки черносотенцев, натравленных полицией, пытались разгромить эту квартиру. В это же время он с несколькими товарищами подвергается нападению на улице черносотенной толпы, от которой еле спасается. В 1907 году его арестовывают и отправляют в ссылку в Архангельскую губернию на 2 года, откуда он возвращается в Уфу и остается здесь до последних своих дней, продолжая все ту же революционную пропагандистскую, организационную работу, с той же энергией, с той же страстью, с тем же темпераментом, что и в молодые годы.

Судьба, жестокая все время к этому борцу, беззаветному революционеру, под конец жизни наградила его лучшим подарком: за все принесенные жертвы она дала ему возможность реально ощутить свободу, завоеванную революционным народом. В величественном здании революционной свободы, добытой пролетарием, не один кирпич заложен покойным В. П., этим революционным борцом за социализм. *Борис Шехтер.*

(«Красная Быль». Книга вторая, март 1923 г. Самара, стр. 146.)

Тов. Арцыбушев умер 2 мая 1917 г. от сыпного тифа в гор. Уфе после поездки на уральские заводы с целью агитации среди заводских рабочих.

АРШАКУНИ ** **Иван Тигранович**—родился в 1900 году 6 января на Сахалине. Родители его из Эриванской губернии, Александропольского уезда были сосланы на остров Сахалин в 1890 году. Из Сахалина с родителями он уехал в Иркутскую губ., в Балаганский уезд, в 1904 году, где и прожил с ними до 1910 года. В половине 1910 года он уехал на родину с родителями, где в 1912 году 17 января скончалась его мать и в том же году 17 июля скончался отец. После смерти родителей он был взят с братом (их было два брата, из коих старшему было 14 лет и покойному Ивану 13 лет) на воспитание своим родным дядей, который и воспитывал их до совершеннолетия. В 1918 году при советской власти покойный поступил в отряд красной армии в городе Верхнеудинске (по убеждениям он был анархист-коммунист).

Пробыв в красной армии до 7 июля 1918 года, он был ранен под Кяхтинским шоссе в бою против чехов и доставлен в Благовещенский военный госпиталь; там он был арестован и препровожден в Благовещенскую областную тюрьму, где просидел до января 1919 года, но за неимением улик освобожден, в марте того же года взят Колчаком на военную службу, как родившийся в 1899 году (был взят по ошибке), и назначен в 35 Сибирский Стрелковый полк во 2-ю роту в г. Благовещенске, где и вел подпольную агитацию против белых. В последних числах апреля, по доносу приверженцев Колчака, был арестован и 30 июля 1919 г. расстрелян в Благовещенске. (Свед. взяты из сб. «Красная Голгофа», стр. 109.)

АСТАХОВ *,—рабочий завода Гужон, коммунист, убит 2 марта 1917 г. в Москве на Яузском мосту помощником пристава. («Соц.-Дем.» № 134 за 1917 г.)

АУЭРБАХ ** **(Подгородный)**—см. **Билецкий, Н. С.**

АФАНАСЬЕВ ** — с 14-летнего возраста вращался среди партийных работников, помогая им в партийных связях. В 1915 и 1916 г.г. он состоял в ячейке одного из бутырских заводов. После февральской революции он был одним из организаторов союза молодежи Сущево-Марьинского района. Он очень мало проработал в районе, но выказал себя как хороший организатор. Несмотря на его молодость—ему было всего 17 лет, к тому же и ростом он был очень мал, совсем мальчик—тов. Афанасьев мог проводить с успехом собрания, делать доклады на всевозможные темы, участвовать в прениях по серьезным вопросам. Одновременно он работал в жилищно-земельном отделе заведующим подотделом, кажется, учета и распределения жилых помещений. Уже с 6-ти часов утра стояла громадная очередь к нему нуждавшихся в помещении. По возможности он старался удовлетворить крайне нуждавшихся и утешить, убедить тех, кто остался неудовлетворенным. Когда открылись фронты, тов. Афанасьев бросает работу и в июле 1918 года с группой товарищей-добровольцев уезжает на восточный фронт. По приезде в гор. Саратов. вся группа была задержана для работы в чрезвычайной комиссии во главе с тов. Линдовым. Тов. Линдов скоро заметил в нем преданного, талантливого работника и давал ему большие поручения, которые тот исполнял с успехом. После назначения тов. Линдова в Реввоенсовет 4-й Армии, Губком назначил тов. Афанасьева секретарем райкома в один из рабочих районов города, и там он с успехом вел организационную работу. В августе 1918 г. тов. Афанасьев записался красноармейцем в коммунистический отряд, назначение которого было в том, чтобы в числе 10 человек быть впереди полка, показывать своим геройством пример и увлекать за собой часть. Тов. Афанасьев был назначен начальником боевого пулеметного десятка. Не видав никогда пулемета, он по дороге на передовые линии изучил его устройство и стрельбу и был хорошим руководителем. Однажды, под ударами противника полк был опрокинут и разбежался, тов. Афанасьев остался со своим десятком, развернул пулеметы в подступах к мосту, пулеметным огнем задержал противника, пока наш полк приводился в порядок, и дал противнику нахлобучку. Вскоре после этого его назначили комиссаром мало надежного кавалерийского полка. Он еще никогда не сидел на лошади, но быстро научился; из-за головы лошади его совсем не было видно—виднелась только сабля в руке. Тов. Афанасьев был комиссаром полка не на словах, а на деле; он не только умел требовать от красноармейца исполнения его обязанностей, но умел также защищать и его интересы, дать ему, что можно, а чего нельзя, то убедить, почему нельзя. Однажды был характерный случай. Полк отправлялся в бой; мороз был здоровый, полк полураздет; красноармейцы ропщут, отказываются идти раздетыми и без обуви; комиссар Афанасьев снимает с себя ботинки, полушубок, отдает тем, кто разут, и этим приводит всех в смущение, красноармейцы заставили отдать вещи ему обратно, а полк со злостью против противника пошел в бой. С тех пор полк стал одной из надежных частей—трусам и контр-революционерам не давали пикнуть. В мае 1919 года был разбит наш штаб дивизии, противник пробрался в тыл, наш полк пошел навстречу, и на станции Деркуль произошла горячая схватка, в результате которой у комиссара Афанасьева была убита лошадь; однако, он не растерялся, бросился к оставленному пулемету и стрелял, пока были патроны, потом убил троих из револьвера и сам был зарублен шашками в куски. Насколько я знал тов. Афанасьева и наблюдал за его работой, могу сказать, что он всегда делал больше, чем от него можно было ожидать. У него не было ни хвастовства, ни карьеризма, а было только желание сделать свое дело, и его незаурядные ум и воля помогали ему в этом.

Я. В. Матюшин.

Астахов.

АФАНАСЬЕВ Е. А.—см. **Климанов Е. А.**

АХИНИН ** **Павел Наумович.** — В мае 1919 года в станице Нижне-Чирской 2-го Донского Округа (ныне Царицынской губернии) руками белогвардейского офицера деникинской армии был повешен на дереве, на площади, тов. Ахинин Павел Наумович,—председатель Есауловского [1]) станичного Ревкома. Он висел в петле несколько дней, и на груди его красовалась прикрепленная дощечка с надписью «комиссар».

Подробных сведений о тов. Ахинине во 2-м Донском Округе нет ввиду того, что он мало работал в Есауловской станице. Правда, его все, от малого до старого знали как работника, откуда-то присланного. Сам же он весь с головой отдался делу организации и строительства как советского, так и партийного. О себе говорить он не любил, и никто и никогда этого не слышал. Было только известно всем, что он уроженец Тамбовской губерн., рабочий; в станицу для работы был командирован Котельниковским Районным Ревкомом, куда его направил Политотдел X армии. По сохранившемуся партийному билету [2]) видно, что в ряды Р. К. П. (б) он вступил 20 ноября 1918 года. За очень короткое пребывание в ст. Есауловской и в ее районе тов. Ахинин своей работой, отношением к казакам, а также своим образом жизни сумел создать доверие и любовь к себе, несмотря на то, что Есауловская станица в то время была настроена против Советской власти.

П. Ахинин.

В мае 1919 г. началось отступление Красной армии от достигнутых рубежей рек Маныча и Донца. Отступление было до некоторой степени быстрое и не совсем организованное. Это отступление докатилось до Есауловской станицы, нужно было эвакуироваться. Тов. Ахинин был на своем посту и на своем месте, он не покидал ни на минуту Ревкома с его отделами и их ценностями, все отправлял в тыл, чтобы белогвардейцам не досталось ничего. Белогвардейские разъезды были уже в некоторой части станицы, товарищи предупредили тов. Ахинина об этом и о близости неприятельского фронта, но он, оставшись почти один, продолжал отправлять последний обоз с ценным имуществом своего детища—Ревкома, а сам, несмотря на неоднократные предупреждения об опасности и уговоры товарищей поспешить с уходом, оставался в станице.

Разведка золотопогонников, а также и небольшие отряды были уже в станице и приступили к своему черному и преступному делу; тов. Ахинин уже был на коне и хотел уезжать из станицы, когда его окружили белогвардейцы, за полу шинели стащили с лошади и, узнав от некоторых стариков-казаков, что он—коммунист и председатель станичного Ревкома, на глазах всех жителей станицы начали зверски издеваться над ним. Тов. Ахинин, обладая стальной силой воли, стойко переносил все издевательства и побои и держался с достоинством твердого и убежденного солдата-коммуниста. Под усиленным конвоем почетных стариков его отправили в Нижне-Чирскую, где был уже их штаб и работал военно-полевой суд. Что было с тов. Ахининым дорогой и был ли он в военно-полевом суде — неизвестно, но конец известен — затянутая на его шее впетля...

---

[1]) Ныне Степано-Разинская.

[2]) Билет № 59 выдан Тамбовским уездным комитетом партии.

Память о тов. Ахинине в Есауловской станице и в прилегающих к ней хуторах жива и поныне. Станичники, молодые и старые, сохранили о нем теплые воспоминания и говорят о нем только хорошее. В их речах чувствуется искренность, и их словами можно сказать: «побольше бы было таких честных, преданных и любящих дело коммунистов».

Валериан Соколов.

АХМАТИЦКИЙ А. С. (Александров),—сын киевского частного поверенного С. С. Ахматицкого. Еще гимназистом принимал участие в политическом Красном Кресте, а потом в Обществе скорой помощи учащимся. С начала войны тов. Ахматицкий работал в госпиталях и больницах Земского союза, потом отправился на фронт, где вел агитацию среди войск, организовывал школы, библиотеки. Имея возможность поступить в юнкерское училище, тов. Ахматицкий уклонился от этого предложения, продолжая оставаться рядовым и агитируя среди солдат. Во время знаменитого наступления 18 июля тов. Ахматицкий был тяжело ранен и отправился на Кавказ лечиться, но и там продолжал свою политическую деятельность. В Ермоловске он был избран председателем Совета, а затем в Новороссийске членом земской управы. В 1918 году, во время Советской власти в Киеве, тов. Ахматицкий был комиссаром юстиции и членом чрезвычайной комиссии. На пятом съезде Советов в Москве, в июле, тов. Александров выступил с большой нашумевшей речью по поводу политики немецких империалистов на Украине. Немцы потом требовали от Советского правительства выдачи тов. Александрова, как зачинщика убийства графа Мирбаха в Москве и Эйхгорна в Киеве. До своего отъезда из Москвы тов. Александров состоял в партии левых с.-р., перешел в коммунистическую партию, где был принят по личной рекомендации тов. Ленина и Свердлова. В последнее время гетманского режима тов. Александров вел работу на Украине. В Харькове он принимал участие в редакционной коллегии «Известий». В день прихода советских войск в Харьков, тов. Александров заболел и слег в постель, но все же не переставал интересоваться партийными и общеполитическими делами. Умер в Харькове на 24-м году жизни 26 марта 1919 года и там же похоронен 28 марта. («Коммунист» № 22 от 28 марта 1919 г.)

Б.

БАБАЕВ Петр Акимович—родился в 1883 году в г. Касимове, Рязанской губ. Сын ссыльного кавказца-свободолюбца, безграмотного чернорабочего. До 12—13 лет учился в уездном училище Касимова, но курса не окончил. Отец отвез мальчика в уезд на небольшой механический завод, 3—4 года мальчик проходит тяжелую ученическую работу,—продолжительный рабочий день, обслуживание мастеров после работы, побои ото всех и т. д.

В 18 лет он кончает учебу, но тут другие мытарства—в поисках работы. Он меняет ряд городов, фабрик, пароходов (кочегар, помощник машиниста). Т. Бабаев всегда был любим товарищами, нелюбим начальством, как беспокойный, хотя и хороший слесарь и работник. На 21-м году он призывается в Касимове на военную службу (1904 г.). Статный, ловкий и горячий горец производит впечатление на призывную комиссию, его хотят обязательно зачислить в гвардейский полк, но он уже настолько сознательный рабочий, что ни за что не хочет ни гвардейской, ни другой военной карьеры и после долгих препирательств попадает матросом Балтфлота.

1905 год застает т. Бабаева новичком матросом и членом орг. Р. С.-Д. Р. П. (больш.) в Питере. Он принимает деятельное участие в партийной организации и подвергается репрессиям (карцер, разжалование пехотинцем и др.). Все последующее время военной службы проходит под усиленным надзором. За время путешествия в Японию и обратно прекращается даже связь с родными ($1^1/_2$ года).

В 25 лет, закончив военную службу, сознательный член организации, много успевший прочесть в карцерах и на гауптвахтах, хороший слесарь (работал в военных мастерских), снова начинает скитаться в поисках за работой:

Волга, Кавказ, Донецкий бассейн, Екатеринослав и, наконец, в 1912—1913 году зимой устраивается в Москве, в Сокольничьих мастерских трамвайного парка.

В 1914 году т. Бабаева, как старого солдата, призывают на военную службу. В июле же т. Бабаев попадает с 3-й армией в ожесточенный бой с австрийцами, потом перетягивается на защиту Варшавы и т. д. Только зимой 1916 года, как высококвалифицированный рабочий, он был отозван с фронта в Питер на патронный завод. Скоро наступает февральская революция, и он весь уходит в политическую работу: проходит все выборные должности завода до члена Питерского Совета Раб. Депут., а как член организации большевиков—до члена райкома. В июльские дни патронный завод—один из первых по выступлению, и т. Бабаев, как агитатор и организатор, — с заводом на боевом крещении уже от рук временного правительства социал-предателей.

В Питере же т. Бабаев провел и Октябрьские дни. В 1918 году, при разгрузке Питера и завода, т. Бабаев должен был эвакуироваться из любимого города. Он перебирается на старое место в московские мастерские Сокольничьего парка. Здесь, по присущей ему скромности, поступает рядовым слесарем и регистрируется как рядовой член партии. Но и в Москве, благодаря своим агитаторским и организаторским способностям, а главное, необыкновенному знанию рабочей среды, ее нужд и болезней, он быстро завоевывает симпатию и уважение товарищей, избирается членом и секретарем фабзавкома; вскоре он, — секретарь и член партийного комитета Сокольн. райкома, член Исполкома Сокольн. Совета, а затем и председатель Совета и член Моск. Ком. Р.К.П. (больш.) от Сокольн. района и член Моск. Совета, позднее член Исполкома Моск. Совета.

П. Бабаев.

На эти выборные посты т. Бабаев вступает в конце 1918 года и остается до своей смерти — весны 1920 г.

Всегда первый с утра на советской работе, как председатель, и до поздней ночи, как партийный работник, так как эта работа начинается только после советского рабочего дня. Необходимо также обойти митинги и собрания фабрик и заводов района. Все это он успевает. Неоднократно т. Бабаев за период работы в Москве получает ответственные командировки в губернии. В 1919 году он посылается для налаживания работы в Воронежскую и Тамбовскую губернии; там он выбирается председателем Тамбовского губисполкома. Горячий и резкий порой, он с удивительной любовью относится к товарищам. Общее уважение и любовь были заслуженным ответом ему.

Уже давно туберкулез подтачивал его здоровье. Товарищи Сокольнич. райпарткома и Совета настойчиво требовали, чтобы он отдохнул, полечился; настаивали на этом и две сестры коммунистки, но он неизменно отказывался, ссылаясь на отсутствие заместителя и работников вообще. Еле передвигаясь, продолжал он ходить на работу в январе 1920 года, когда туберкулез распространился уже и на горло. И только сваленный в кровать тяжелым недугом, перестал появляться; но, живя в доме-коммуне Сокольнич. Совета, продолжал руководить работой через товарищей, как-то стыдясь, «что так долго завалялся в кровати», а силы уже покидали и страдания становились невыносимыми. 25 апреля 1920 г. в 10 часов утра умер тов. Бабаев, 36 лет.

Ставрович.

БАБАНИН **, **Иван**, — рабочий - металлист гор. Николаева. Империалистическая война, участие в которой он принимал в качестве рядового, возбудила в нем жгучую ненависть к эксплоататорам и угнетателям. После февральской революции Бабанин примыкает к большевикам, работает в Николаеве, ведя яростную войну с меньшевиками и с.-р. Принимает активнейшее участие в перевыборах Николаевского Совета, перевыборах, давших Совету власть, принимает активное участие и в вооруженной борьбе. После очищения германскими войсками Украины, работает в Николаеве. В 1919 году, во время наступления Деникина, был послан Губкомом для проведения мобилизации и был убит под Николаевом подгородними «куркулями» (кулаками).

БАБЕНКО — умер от сыпного тифа, заразившись им во время служебной командировки. Тов. Бабенко уроженец г. Суджи, Курской губ. Сын рабочего, с 14 лет не получал от родителей материальной помощи, но благодаря своему настойчивому характеру поступает в г. Судже в учительскую семинарию. Первые годы пользовался пайком от училища, а потом частными вечерними уроками добывал себе кусок хлеба. В 1918 году, кончив училище, он поступил в Курске на военно-организационные курсы, после чего поступил в Суджинский военный комиссариат и уже в октябре 1918 г. вступил членом в Р.К.П. (б.). Не покладая рук, работал он одновременно и в военкомате, и в компарте. Как военкомат, так и компарт, видя в нем преданного, честного и хорошо грамотного работника, давали ему самые ответственные посты и задачи, которые тов. Бабенко исполнял честно и аккуратно.

В связи с временными неудачами на Восточном фронте, тов. Бабенко был послан на фронт, как хороший работник, и с мая 1920 года он, не жалея сил, работал на Восточном фронте. Во время серьезной служебной командировки он заразился сыпным тифом, и 20 ноября 1920 г. его не стало.

Михаил Баландин.

БАБИЦКИЙ ** — см. **Уткин.**

БАБКИН Евдоким, — казак, расстрелян 10 мая 1918 г. См. **Подтелков.**

БАБУРИН М. Ф. — зарублен под Орлом деникинцами после того, как им были расстреляны все патроны из нагана. Т. Бабурин в 1918 г. был отправлен на Южный фронт. Он служил в Красной армии сначала во 2-м Борисоглебском полку (1918 г.), в 71 стрелковом полку (1918 — 1919 г.г.) и после болезни в 4-м стр. полку, откуда вновь добровольно ушел против Деникина.

БАЕВ ** **Кира,**—крестьянин с. Поперечного, Томской губ., 16-летний юноша, погиб в борьбе с колчаковцами в мае 1919 года. Вблизи села он был замечен одним крестьянином, который донес на него белым; была устроена погоня из 27 конных. Услышав за собой топот, т. Баев бросился бежать, по нем открыли огонь, и вскоре он был ранен. Забежав в избушку из земляных пластов, он стал отстреливаться и уложил двоих, затем бросил через отверстие в крыше гранату и убил еще одного. Попытка преследователей выкурить его дымом успеха не имела: земляной дом не горел, и дым внутрь его не проникал. Послали за подкреплением. У тов. Баева, очевидно, остался только один патрон в нагане. Выйдя из избушки, он обратился к крестьянам с резкой, горячей речью, затем запел похоронный марш и выстрелил в себя. (Свед. взяты из ст. Громова-Мамонова «Партизанское движение в Зап. Сибири», помещ. в «Сб. Истпарта», изд. Сиббюро, № 1, стр. 133.)

БАКУНИН Валентин, — умер от ран 30 апреля 1919 года. Тов. Бакунин был членом Росс. Ком. Партии Бутырского района гор. Москвы.

БАЛАКИРЕВ Николай Дмитриевич,—военком полевого подвижного госпиталя № 1145, умер от тифа 6 апреля 1920 г. Т. Балакирев происходил из крестьян Московской губ. Подольского уезда, села Воронова. Начало его работы в партии относится к концу 1902 г., в Москве, в Лефортовском районе, где он работал около 20 лет, в особенности, на фабрике Ронталер. В 1902 г. он принимает участие в зубатовской комедии, но быстро ориентируется в ее провокации, выходит из нее чрез несколько недель и связывается с организацией с.-д., где до самой смерти остается неизменным и горячим защитником большевизма, почему и получил кличку в районе «твердокаменного большевика». В 1905 г. принимает самое активное участие в проведении всеобщей забастовки, а в декабрьском восстании все время дерется на баррикадах. Т. Балакирев подвергался многим репрессиям, был арестован 7 раз, просидел в тюрьмах около $1^1/_2$ года; 2 раза был в ссылке—в общей сложности 4 года. Покойный товарищ не был оратором-трибуном, но он был отличным организатором и пропагандистом. Он отдался целиком работе партии. Революция 1917 г. вернула его из Олонецкой ссылки, и он принимает в революции самое активное участие, затем получает командировку в Подольский уезд, Московской губ., где был членом исполкома, а в 1919 г., в мае, едет на фронт в качестве военкома. Тут он и погиб. («Правда» от 20 апреля 1920 г.)

БАЛЕПИН Виктор, — молодой большевик и по стажу, и по возрасту. Учеником 6 класса реального училища, 16 лет, он уже принимает участие в социалистическом кружке, где под руководством партийного соц.-демократа знакомится с теорией социалистического рабочего движения. С февральской революции работает в «Социал-демократической группе учащихся Богородского реального училища». По существу это была не соц.-дем. группа, а пестрый по составу социалистический кружок. Виктор с первых дней усвоил соц.-дем. программу, и симпатии его склонились к большевикам: он был одним из упорных, непримиримых большевиков группы, тогда еще формально не связанной с партией. Во время октябрьских дней в Москве у него была мысль пробраться туда, но за неимением связей он остается и предлагает местному совету свои услуги.

Весной 1918 г., по окончании реального училища, он работает на одном из московских огородов и ведет агитацию среди солдат команды, занятой на огороде; вместе с тем он много читает, посещает лекции, рвется на командные курсы. В 1919 г. Балепин становится членом Р.К.П. и в августе отправляется добровольцем против Мамонтова. Мужественный и бесстрашный, он был сражен белогвардейской пулей в первом же бою.

Угаров.

БАЛИЧЕВ Абдула, — член Тат-секции К.О.К., агитатор в татарских деревнях. — См. **Рифатов.**

БАЛЛАД. — 30 января 1919 г. умер от ран, полученных на Нарвском фронте, член исполнительного комитета Колпинского Совета, тов. Баллад. 18 янв. он был отправлен с группой мобилизованных коммунистов Колпинского района на Западный фронт, сразу попал на боевую линию и был ранен в ногу, стоя на часах. Из-за того, что не скоро была подана медицинская помощь, образовалось заражение, что и унесло товарища через несколько дней в могилу. («Красная Газета» № 28 от 6 февраля 1919 г.)

БАЛМЫСОВ **, — в июне 1918 г., находясь в Троицком отряде, отпросился на побывку на родину в станицу Уйскую, где был предательски расстрелян. («Набат» № 28 от 18/VI 1922 г. «Военный обзор».)

БАЛОД, РАЙБУШ, ЗАСТЫНЬ и **ЛЕПИН**, — красноармейцы 6-го Латвийского стрелкового советского полка, погибли в начале августа 1918 года при подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле.

БАЛЯСС **, — один из помощников Гребенки, командира кавалерийского полка 12-армии, оперировавшей на Украине. В 1918 г. при гетмановщине Гребенка организовал грандиозное восстание в Таращанском и соседних уездах. Немцы вынуждены были бросить против него 3 дивизии и после полуторомесячной борьбы заставили его покинуть таращанские дебри и двинуться через Киевскую губ. в Полтавскую, где он и остался с небольшим отрядом для мелкой партизанской войны. Главные же силы прибыли в Курск под командой Балясса. Этот отряд лег в основу знаменитого в истории Советской Украины Таращанского полка, 1-й Украинской, впоследствии 44-й Киевской дивизии. Впоследствии, в 1919 г., в Гребеновском полку под влиянием белого командного состава произошло восстание, сам Гребенка, ведший себя двусмысленно, потом хотя и раскаявшийся и честно дравшийся с Деникинцами, был арестован и увезен в Москву. Балясс же погиб в 1920 г., погиб славной смертью: его часть возмутилась, но он остался верен Советской власти и был убит на своем посту. (Свед. взяты из ст. Затонского «Водоворот», помещенной в сборн. «Октябрьская Революция».)

БАНДУРИН **, — член Московской организации Р.К.П. В марте 1918 года тов. Бандурин зверски убит контр-революционерами при исполнении служебного долга, как комиссар Тульского Продовольственного Комитета. (По материалам Центроархива: телеграмма Тульского Совдепа от 24 марта 1918 г. за подписью тов. председателя Григория Каминского. «Братская могила», стр. 29.)

БАНИВУР ** **Виталий,** — инструктор комсомола Приморской области (г. Владивосток) в период первой японской интервенции (1918—1919 г.г.), был убит белогвардейцами, которые закололи его штыками, предварительно отрезав уши, нос, и у мертвого вырвали сердце, вырезав на груди красную звезду. («Раб. Газета» № 87 за 1923 г.)

БАНИН Василий, — член коллектива полка, убит на Лужском участке под Петроградом в 1919 г. («Боевая Правда» № 11 от 19 сентября 1919 г.)

БАНКЕР **, — красный воздухоплаватель, разбился на смерть при следующих обстоятельствах:

18 мая 1920 г. в 25-м воздухоотряде был поднят аэростат «Парсеваль» с наблюдателями в гондоле — инструктором-воздухоплавателем т. Банкером и артиллеристом-наблюдателем тов. И. Гавриловым. Через час после подъема тов. Банкер открыл пулеметный огонь из гондолы аэростата против появившегося самолета противника, но, несмотря на все принятые меры обороны, самолет противника прорвался к аэростату и на третьем вираже зажег его какой-то темной массой, выброшенной из гондолы. По словам т. Гаврилова, воздухоплаватель т. Банкер, заметив, что аэростат стал гореть, обернулся к нему, попрощался еще раз, повторил ему, как надо выбрасываться на парашюте, сообщил свои наблюдения для передачи командиру и выбросился из корзины. По ошибке он выбросился не с того борта: стропы парашюта перетерлись о стропы корзины, оборвались, и т. Банкер стремительно упал на землю. Тов. же Гаврилов, видя, что его в корзине уже нет, выбросился вслед за ним с другого борта. С земли наблюдалась такая картина: в то время, когда аэростат был зажжен, он находился приблизительно на 500 метров от земли. Столб пламени, охватывавший все больше и больше аэростат, появился в верхней носовой части. Вслед за этим у западного борта корзины появился черный комок, который повисев несколько секунд у борта корзины, стал стремительно падать. Как оказалось потом, это был тов. Банкер, выбросившийся не с своего борта. Вслед за ним с южного борта появился другой темный комок. Пролетев стремительно секунды три, он стал плавно спускаться на землю с открытым парашютом «Жюкмеса». Это был артиллерист-наблюдатель т. Гаврилов. Горящий аэростат с шумом упал на землю, в корзине стали рваться патроны в обоймах оставшегося там пулемета. С момента атаки аэростата и до его падения прошло не более 2-х минут. («Вестник Воздушного Флота» № 5 от 1920 г.)

Е. Барамзин.

БАННИКОВ **— См. **Блоштейн.**

БАРАБАШ **, — член комсомола, курсант Губпартшколы в г. Одессе, убит на голодном фронте в 1921 г. в последних числах августа.

БАРАМЗИН * **Егор Васильевич** и **БАРАМЗИНА Александра Всеволодовна.** Ег. Вас., старый партийный работник, род. в 1867 г. в Вятке, мещанин, окончил казанский учительский институт, был учителем. В 1891—1892 г.г., в Казани Б. организовал и руководил кружками учащейся молодежи и народных учителей. Сам был членом марксистского кружка. В 1892 г. привлекался к дознанию за участие в клубе, организованном для объединения «лучших членов всех нелегальных организаций» и за участие в сходках и собраниях, где обсуждались программы разных партий и где он отстаивал с.-д. программу. После предварительного заключения в 1894 г. был выслан под гласный надзор полиции на

3 года в избранном месте жительства. В 1897 г. привлекался к дознанию в Воронеже за участие в «с.-д. группе, задавшейся целью издания и распространения нелегальной литературы» (стоял во главе группы), а также за пропаганду среди рабочих. Был выслан в 1898 г. в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года. (См. «Материалы для биографич. словаря соц.-демократов», под ред. В. Невского, вып. I.)

Ег. Вас. отбывал ссылку в г. Минусинске. Здесь он женился на местной уроженке Александре Всеволодовне, народной учительнице. Это была на редкость дружная и чистая чета. Они делили между собою радости и треволнения в их общественной и революционной деятельности. Помогая друг другу и как бы дополняя один другого, они проходили рука об руку свой нелегкий жизненный путь.

По окончании ссылки, Барамзины переехали в г. Саратов, где Ег. Вас. поступил на службу в губернскую земскую управу, а Ал. Вс. — на фельдшерские курсы. В Саратове Ег. Вас. все свое свободное время и все силы посвятил на организацию профессионального союза торговых и промышленных служащих, и в 1905 г., состоя членом местной объединенной организации Р.С.-Д.Р.П., он выступал и от имени профсоюзов. При ликвидации этой революции Ег. Вас. был арестован, через несколько месяцев освобожден, снова арестован и т. д. Непрерывные преследования жандармов заставили Барамзиных покинуть Саратов, где они пользовались большой популярностью и симпатией со стороны революционно-настроенного мелкого служилого люда. Они переехали в Казань, а оттуда вскоре перебрались в Петербург. Ег. Вас. продолжал заниматься своим любимым делом—работой в профсоюзе, отдавая ему все свободное от службы время. Оба они поддерживали тесную связь с организацией соц.-дем. большевиков, входили в литературную группу «Звезды»; собрания этой группы происходили у них на квартире. Ал. Вс. одно время состояла кассиром при партийном комитете.

А. Барамзина.

В бурные дни февральской революции в Петрограде оба они принимали активное участие, и Ег. Вас. почти безвыходно провел эти дни в Народном Доме на Петроградской стороне. В начале лета 1917 г. Ег. Вас., здоровье которого сильно пошатнулось к тому времени, переводится по службе для поправления здоровья в Киев, а Ал. Вс. с двумя детьми, с целью «подкормить» их, уезжает к брату в г. Елабугу, Вятск. губ. Это была их первая разлука, продолжавшаяся в силу политических событий, вместо предполагаемых 2 месяцев, более чем полтора года.

Жизнь в Киеве в то время, при непрерывной смене властей, мало способствовала поправлению здоровья Ег. Вас. К тому же он переносит тяжелую форму испанки, которая окончательно подрывает его здоровье. Полное отсутствие известий о семье, отрезанной еще и колчаковским фронтом, заставляет его, совершенно больного, весной 1919 года, после занятия Киева советскими войсками, двинуться в Москву. По приезде в Москву он тотчас слег. После месяца борьбы между жизнью и смертью, едва оправившись, он едет уполномоченным Центросекции в г. Самару, где в то время оказалась Ал. Вс. с детьми. Им за этот период разлуки также пришлось пережить не мало: занятие г. Елабуги чехо-словаками и белогвардейский режим там, затем бегство в Уфу, где они оказались без всяких средств и без знакомых и, наконец, бегство из Уфы с последним поездом перед самым занятием ее колчаковцами. Кое-как они добрались до Самары, где Ал. Вс. тотчас принялась за работу в губнаробразе.

Но не надолго им удалось соединиться. Тяжелый недуг Егора Васильевича (болезнь сердца и туберкулез гортани) быстрыми шагами приближал его к могиле. В декабре 1919 г. Ал. Вс. заболевает сыпным тифом; когда ее состояние было признано врачами безнадежным, Егор Васильевич внезапно умирает от паралича сердца, а через несколько часов после него скончалась и Александра Всеволодовна...

Л. Л.

БАРАМЗИНА Александра Всеволодовна — см. **Барамзин Е. В.**

БАРАНОВ ** **Иван Харитонович** — по социальному положению является рабочим; отец его с малых лет работает на заводах, он сам с 14 лет пошел работать на завод. В Москве работал как подручный слесаря у Гагенталя, в Международном обществе спальных вагонов, на заводе Военно-Промышленного Комитета и др. Октябрь 1917 года застает тов. Баранова рабочим завода Рускабель. С первых дней Октябрьского переворота он вступает в ряды красной гвардии и участвует в уличных боях в Москве, находясь на осаде Кремля. После Октябрьского переворота добровольно с группой рабочих завода Рускабель уезжает на юг на борьбу с контр-революцией. В январе 1918 года возвращается обратно в Москву, но через некоторое время вновь поступает уже в ряды Красной Армии. Затем отправляется на фронт. В 1919 году в боях под городом Аткарском был убит. Тов. Баранов окончил 3-хклассное училище; родился в 1900 году. («Братская могила», стр. 29.)

И. Баранов.

БАРАШНИКОВ — повешен белогвардейцами. Ранее сидел в Бутырках и Таганке под фамилией Гугичев по делу Коломенской окружной организации.

БАРБОЛИН * **Сергей Дмитриевич** — был членом союза рабочей молодежи III Интернационала и членом Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Убит в октябрьские дни 1917 года в Москве.

Воспоминания о тов. Барболине.

Тов. Барболин — небольшого роста, с светлыми глазами, с постоянной улыбкой на лице, с светлым, ясным умом. В его присутствии легче становится на душе, веселее кругом. Казалось, какие-то теплые, солнечные лучи струились от его вечно хлопотливой и деятельной энергичной фигуры, ни минуты не сидевшей без дела, от его крепкой веры, веры без сомнений, без колебаний в наше дело, от его стойкой, непоколебимой уверенности в близкой победе рабочего класса, от его беззаветной преданности и готовности без высоких фраз просто отдать в каждую минуту жизнь за свои идеалы. Бодрость и веру в победу вносил он всюду с собой, бодрость и веру в нашу силу вносила его революционная твердость, расцвет его молодости, — тов. Барболину было только 20 лет. Т.т. Барболин и Жебрунов выделялись не только в Союзе Молодежи, но и в среде взрослых партийных работников. С первого момента революции Барболин принимал в ней самое активное участие. Но ему все мало казалось, он все рвался в бой. 31 октября, при взятии градоначальства, от одного и того же залпа из пулемета погибли оба товарища: оба упали — Жебрунов—убитый на смерть, а Барболин—раненый. Но через несколько дней умер и Барболин. *Рузя.*

(Из сб. «Братская могила», стр. 31.)

БАРК Вольф и **Бука** — арестованы и расстреляны петлюровцами.

БАРК Поля, ДУНИНОВСКИЙ, КРАСНОЩЕКИНА Ида, ЛЮБАРСКАЯ Дора, МИХАЙЛОВИЧ Борис, ПЕТРЕНКО Василий, ПИЛЬЦМАН Миша, РОЙФМАН Яков, СПИВАК Лев — казнены белыми в начале 1920 года в Одессе.

«Процесс 17-ти»... Под таким заголовком рассказывает № 146 подпольного «Одесского Коммуниста» о кошмарной расправе с 9 юными товарищами, павшими жертвой издыхавшей белогвардейщины.

После долгих месяцев самого дикого произвола вначале немцев, затем французов, англичан, греков и, наконец, скоропадчины и петлюровщины, в Херсон явилась долгожданная Красная армия. Восторг неописуемый. Как и в первые дни революционного подъема, люди, совершенно незнакомые, целуются на улицах, поздравляют друг друга. Но время не ждет. Впереди—колоссальная работа по восстановлению разрушенного и укреплению Советской власти. Коммунистический Союз Молодежи выдвигает ряд юных, полных жизненной энергии и энтузиазма, работников.

Но не долго длились радостные дни. Наступил август. Черные тучи нависли над Херсоном. После целого месяца отчаянного сопротивления наши войска, отрезанные от центра и окруженные со всех сторон противником, должны были оставить город. Все причастные к Советской власти эвакуировались. Перебрались в Николаев, а затем в Одессу и юные коммунисты. Здесь, в царстве черносотенной своры, они опять принялись за подпольную работу. Но слишком смелы были действия юных подпольников, и белогвардейская лапа их скоро настигла. Арестовали 17 человек.

Все издевательства и пытки озверевших белогвардейцев ни к чему не привели. Сверхчеловеческой силой воли товарищи сдерживали рвавшиеся из груди крики и на все вопросы отвечали молчанием. Суд продолжался двое суток. В субботу, 4 января ст. стиля, он закончился вынесением 9 товарищам смертного приговора (через повешение), а остальных приговорили к каторге. Осужденные держали себя спокойно, бодро и стойко.

В последнем слове тов. Ида еще раз указала, что она вполне сознательно делала то, в чем ее обвиняют, зная, что по головке ее за это не погладят, но прощения или помилования она просить не собирается. Пусть только остальным невиновным смягчат участь; а о себе она не хлопочет.

«Только и всего? — насмешливо спросила тов. Ида, выслушав приговор. — «Знайте же, хотя бы вы каждый день убивали по 10 человек, наши товарищи каждый день берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета еще раньше, чем вы ее спели нам».

«Неужели вы думаете,—подхватил тов. Борис, — что бессмысленным убийством десятка человек, почти детей, вы совершили великое дело? Лучшие наши товарищи, старые партийные работники, целы и ни на минуту не оставляют работу. Вы ничего не добились, лишний раз доказав свое бессилие».

Много им говорить не дали. Через 24 часа должна была совершиться казнь. Осужденные держали себя геройски, даже стража плакала, видя, как радостно встречали смерть эти юные революционеры.

5-го вечером их должны были прикончить. Караул, и первый и второй, отказался вести на расстрел. Они прожили еще ночь. В понедельник, 6 января, в 9 часов вечера, за ними пришло несколько пьяных грузин, которые предварительно зверски поиздевались над осужденными и избили их до потери сознания. Потом потащили их в погреб, и в тот момент, когда красные войска победоносно вошли в город Херсон, началась страшная расправа над девятью юными коммунистами. Многие умерли не сразу. Их добивали в пьяном озверении прикладами. Когда же после расправы несколько стражников полюбопытствовали взглянуть в погреб, страшная картина смерти поразила даже их, видавших виды.

9 человек с размозженными черепами сидели и лежали в разных местах. Тов. Безбожный с невестой лежали, обнявшись, в одном углу, тов. Ида, крепко сжимая руку Бориса, в другом; подле них лежали разбитые винтовки. Кровавая расправа кончилась геройской смертью этих молодых, но стойких и страстно преданных делу коммунистов. А на следующий день в подпольной газете «Одесский Коммунист» появились следующие посмертные письма убитых, которые мы приводим целиком:

I.

«9 коммунистов, осужденных 4 января 1920 года военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал! Осужденные: **Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дуниновский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барк**».

II.

«Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, т.-е. неделю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били, не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в уголовном розыскном, ночь со вторника на среду провел в Петропавловском участке. Приблизительно до полудня был спокоен, т.-е. думал, что меня отпустят скоро; через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часу; били резиной, ногами, крутили руки и ноги, одну ногу вытянули к лицу, другую к затылку, поднимали за волосы, клали на пол и танцовали по телу, били в лицо, зубы, но так, чтобы не осталось повреждений. Наконец, взбешенный моим молчанием Иваньковский, первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок. Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал. Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватали и снова били. На рассвете меня опять вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работающих со мной. Снова били долгое время и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием. Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался, после чего Иваньковский, махнув рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок. Фактически я уже распрощался с жизнью, и, если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок, выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна, и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перспективы на воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало. Без борьбы я не сдамся, без борьбы я не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой.

Прощайте. *Ваш Зиг*».

III.

«Дорогие товарищи!

Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд скорый, но неправый, меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдав. Будьте счастливы и ведите дело до конца, что мне, к сожалению, не удалось.

Пишу в то время, когда осталось 24 часа жизни. Только что окончилось заседание военно-полевого суда, которое присудило меня и других товарищей к смертной казни через повешение. Настроение очень веселое, бодрое, ибо знаем, за что умираем. Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отомстят кому следует. Писать больше не хочется. Привет всем. Оставайтесь счастливы.

Борис (Туровский)».

IV.

«Милые родные, через 24 часа меня повесят в назидание потомству. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж? Глубоко убеждена, что процесс 17 человек имеет большее значение для революции, чем смерть 9 человек из их числа. Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на политические темы; после 2-х недель ареста сразу почувствовала себя свободной. Только жалею и тужу, что осудили многих слишком строго. Мне 20 лет, но я чувствую, что за это время стала гораздо старше. Мое желание в настоящий момент, чтобы вы все, мне близкие, отнеслись к моей смерти так, как отношусь я — легко и сознательно. Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Краснощекина».

V.

«Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через 8 дней мне будет 22 года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так. Жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом. Целую мою старенькую мамочку — товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы все, приговоренные, держим себя прилично, бодро. Сегодня читали в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина и начнется живая, созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней. Ну, прощайте, будьте счастливы.

Дора Любарская».

VI.

«Дорогие товарищи, еще несколько часов осталось жить. Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству. *Яша Безбожный*».

VII.

«Дорогие товарищи! Еще 24 часа осталось жить, но мы и не унываем и не падаем духом. Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует. Надеемся, что наша смерть не пройдет даром. Рабочий класс увидит воочию, что принесла им добровольческая армия.

Прощайте. *Поля Барк*».

(«Правда» № 88, 25 апреля 1920 г.)

БАРКОВ Семен Павлович, — красногвардеец Петроградского района г. Петрограда, пал в бою с белыми под Выборгом 22 января 1918 года.

БАРКОВСКИЙ Марцелл (Гурецкий), ученик-реалист, член Коммунистического Союза Молодежи, погиб от штыка юнкера в 1917 г. при начале революции в г. Ростове-н/Д.

БАРУЛИН. — Тов. Барулину было 28 лет. Крестьянин Московской губернии, самоучка, он с начала февральской революции сразу примкнул к большевикам и был арестован за агитацию среди солдат. Деятельное участие принимал он уже на фронте во время октябрьского переворота. Вернувшись в Москву при демобилизации армии, он вначале поступил на завод, где был избран членом заводского комитета, но вскоре добровольцем пошел в начавшую тогда формироваться Красную армию. Среди красноармейцев он сразу обратил на себя внимание и завоевал симпатии. Он организовал партийную ячейку при отряде и вскоре был выбран представителем от отряда в районный железнодорожный Совет Рабочих Депутатов и членом районного ж.-д. комитета партии. Впоследствии он был назначен начальником отряда особого назначения при военном комиссариате железнодорожного района и помощником начальника, руководителя этого комиссариата. При первой же партийной мобилизации, тов. Барулин, несмотря на то, что он был еще в империалистической войне 3 раза ранен с повреждением костей, просил отправить его на фронт. Тогда его отправление было признано невозможным, но позднее, при мобилизации на Южный фронт, тов. Барулин добился своего. На фронте тов. Барулин был комиссаром бригады. В качестве комиссара, находясь все время в первых рядах под огнем неприятеля, тов. Барулин нередко в опасные моменты своею храбростью и распорядительностью спасал положение. Он умер в с. Яндыки Астрах. губ. от сыпного тифа в июне 1919 года. («Правда» № 146 от 6 июля 1919 г.)

БАРЫШНИКОВ ** **Алексей Архипович.** — Ему выпала счастливая доля пройти тернистый путь революционера, почти с начала рабочего движения до полной победы пролетариата. Рабочий-коммунист, т. Барышников родился в 1864 году на ф-ке Морозова. На ней же он начал свою трудовую жизнь и революционную деятельность. Впервые свою революционность он проявил в 1885 г., в эпоху стачечного движения. Как видный активный борец, Алексей Архипович в 90-х годах прошлого века уже попадается в руки полиции, его арестовывают и отсылают в места не столь отдаленные. Но в 1904 г. т. Барышников снова появляется на арене борьбы, и происходившая в то время Морозовская стачка видит его в числе своих руководителей.

Когда глухое волнение среди рабочих вылилось в широкую форму — революцию 1905 года, т. Барышников, вместе с другими передовыми рабочими, бьется на баррикадах города Москвы с царскими войсками. Но бессчисленные жертвы и правота дела рабочих не были искуплены. Восторжествовала реакция, и опять началась эпоха жесточайшего преследования революционеров. Для т. Барышникова наступила полоса арестов и в результате — ссылка в Сибирь, в Тобольскую губернию. После февральской революции т. Барышников вновь возвращается к своей работе и сразу же становится в первые ряды — ряды большевиков.

В дни Октября, уже довольно пожилой (ему было 53 года), он активно борется с войсками буржуазии на баррикадах, не уступая молодым. Прошли Октябрьские дни с грохотом орудий и разрушением, и т. Барышников ведет тяжелую и суровую работу по организации отрядов. В последнее время он работал в Уфе.

Судьба как будто посмеялась над этим человеком, отдавшим 35 лет своей жизни на борьбу. Не на баррикадах сложил он свою голову, — тиф сразил его. Полубольной, он едет в Москву, по дороге продолжая работать; в Москве заболевает возвратным тифом и погибает... («Братская могила», стр. 33.)

БАРЫШНИКОВ * **Владимир Архипович** — во время мамонтовского прорыва попал в плен к белым и вскоре повешен Деникиным (1919 г.).

Горячий темперамент, крайне левая выдержанная линия поведения, сильная воля, непреклонная решимость и вместе с тем простая подлинно рабочая фигура, — вот что сразу бросалось в глаза людям, знавшим тов. Барышникова. Он был в Московском губ. комитете представителем Орехово-Зуевского района, того района, который с первых дней революции занял строго классовую точку зрения; никакие мелко-буржуазные идеи, несмотря на всякие попытки, там не прививались. И в этом безусловно не последняя заслуга тов. Барышникова. На

20 — 30-тысячных митингах тов. Барышников выступал с большим успехом и был любимцем всего рабочего района. В «окружке» тов. В. Б. был на первом месте; на конференции он всегда избирался членом губкома. Тов. Барышников был председателем Ореховской земской управы, членом Московского губернского земства, а затем членом Учред. Собрания. Тов. Барышников на нескольких всероссийских съездах Советов избирался в члены В.Ц.И.К. Одновременно он был членом Московского губисполкома. Перед октябрем, на совещании о предстоящем перевороте, обсудив письмо тов. Ленина, со свойственной ему решимостью тов. Барышников настаивал на том, чтобы немедленно приступить к организации восстания, и резко осуждал московские колебания.

В прошлое, до-революционное время, тов. Барышников немало провел в тюрьме и ссылке. Во время чехо-словацкого наступления тов. Барышников был мобилизован на фронт, как член В. Ц. И. К., был сначала комиссаром какой-то мелкой воинской единицы, но скоро, благодаря своим способностям выдвинулся и занял пост члена Реввоенсовета 9-й, а потом 8-й армии и много сделал здесь для победы пролетарской революции. («Правда» № 273, 1919 г.) *Сапронов.*

В. Барышников.

Тов. Барышников, сын рабочего, родился в 1889 году в Орехове, получил начальное образование. В 1903 г. поступает в контору мальчиком. В Р. С.-Д. Р. П. вступил в 1905 году. После боя рабочих с казаками в Городищах, организация направляет Барышникова и Бугрова для проведения забастовки. Во второй половине 1906 года он был арестован и в административном порядке сослан на 3 года в Томскую губернию. В 1908 г. из ссылки бежал. Перешел на нелегальное положение, слушал курсы и занимал должность счетовода; полицией обнаружен и снова сослан в Енисейскую губернию. Вследствие несовершеннолетия, срок ссылки сокращен. Барышников из Енисейской губ. едет в Черниговскую губ., работает в качестве бухгалтера около года в имении, откуда переезжает в Волынскую губернию на ту же должность.

В 1914 г. мобилизуется на фронт. В 1916 году работает в Москве, после в Боголюбове, где его застает февральская революция 1917 года. После первых дней революции т. Барышников переезжает в Орехово-Зуево, становится во главе движения, принимает участие в третейском суде от ореховских рабочих с фабрикантами. В этом же году выбирается председателем Городской Управы, членом Исполкома и в Учредительное Собрание. В 1918 году избирается членом Московского Губернского Исполкома, где работает постоянно. В дни мобилизации членов Моск. Губ. Исполкома Барышников пошел на фронт рядовым красноармейцем и скоро сделался комиссаром 8-й армии Южного фронта, где пользовался среди красноармейцев и командного состава большим уважением.

Во время одной из разведок на автомобиле был схвачен деникинскими бандами и, как комиссар, повешен. («Братская Могила».)

БАРЫШНИКОВА** **Мария** (жена Барышникова В. А.)—работница 25—27 лет. Во время действий мужа на фронте была с ним неразлучно; после тяжелой болезни с детьми приехала в Орехово. Узнав о трагической смерти своего мужа и не успев как следует оправиться от болезни, оставляет единственного ребенка в рабочей семье, идет добровольно на Польский фронт в качестве сестры, где и умирает от сыпного тифа. В партию вступила в 1918 году умерла в 1920 году. («Братская Могила».)

БАСИН * — один из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами 20 сентября 1918 г.

Ярко вспоминается работа т. Басина в союзе торгово-промышленных служащих еще в 1914 и 1915 г.г., в годы тяжелой реакции, когда преследовался каждый за малейшее. 1914 год—год объявления войны. Забастовка нефтепромышленных рабочих. В стенах союза, где преобладает большинство меньшевиков, забастовочное движение не встречает сочувствия. Но небольшая группа большевиков, в том числе и т. Басин, все же ухитряется собираться и давать известное направление данной забастовке. Устанавливается слежка, конечно, за группой большевиков. Т. Басин, бывало, каждый день ночует где нибудь в другом месте. Но на промысле, где он работал в качестве простого рабочего, удается ему избежать ареста. Во время объявления войны, все арестованные участники забастовки, по приезде министра Джунковского, освобождаются, как нужное пушечное мясо для войны. Опять небольшая группа товарищей, вместе с тов. Басиным, собирается, обсуждает отношение к войне, конечно, отрицательное, и пробует это отношение распропагандировать среди рабочих масс. Но единственные уголки, где можно было тогда проводить какую-нибудь работу,—несколько профсоюзов, тогда существовавших,—полицейской лапой закрываются, и вся работа затихает почти на целый год.

Через год удается, после усиленных хлопот, добиться открытия союза иглы, торгово-промышленных служащих и союза печатников. Тогда возникает мысль об открытии клуба торгово-промышленных и конторских служащих. Тов. Басин принимает участие в выработке устава и во всей подготовительной работе. Здесь он опять подвергается преследованиям полиции. Его арестовывают. Когда клуб не удается открыть, организовывается межсоюзная комиссия по открытию народного дома. Тов. Басин и здесь неустанно принимает активное участие, как член временного правления этого народного дома, и затем неустанно продолжает работу в союзе торгово-промышленных служащих, ведя постоянную борьбу с большинством меньшевиков в том правлении, в каком он продолжает работать вплоть до революции 1917 года. *Е.*

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 20/IX 1922 г.) — См. **Шаумян С.**

БАСОВА Лидия Антоновна—происходила из буржуазной семьи. Очень молодой она начала бороться за дело трудящихся, отдавая этой борьбе все свои силы. В темные дни царского самодержавия, до и после 1905 г., Лидия Антоновна организовала нелегальные кружки самообразования среди тульских рабочих и воскресные школы. Получив высшее образование, она заняла пост земской учительницы и была душой тульской земской школы. В этой тихой, незаметной школе шла кипучая работа: дети пролетариев в ней получали образование, способствовавшее развитию их классового самосознания; они приобретали там знания, необходимые для будущей борьбы с угнетателями и эксплоататорами. Эта школа была рассадником революционной армии.

Здесь же происходили заседания Тульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П., здесь же ютилась нелегальная библиотечка, распределялась работа, и надо всем этим Л. А.—неустанный страж. У нее же была явочная квартира, и все прибывающие товарищи находили у нее помощь: она помогала, чем могла, отдавая последнее из своих скудных средств. Молодые побеги рвущегося к знанию пролетариата группировались вокруг этой светлой личности. Своей большой, любящей душой она согревала окружающих. Все находили у нее тепло и ласку. Со своей неутомимой энергией она поспевала всюду, всюду сеяла знание, будила сознание темных масс. И брошенные ею семена не пропали даром: многие, поддерживаемые ею, вышли на широкую дорогу жизни, многие из ее учеников заняли впоследствии ответственные посты, вплоть до членов В. Ц. И. К.

От усиленной работы и нервной напряженности в 1905 г., в полосу арестов и жестоких расправ черной сотни, Л. А. заболела нервным расстройством и в течение нескольких месяцев была изолирована от живой жизни в психиатрической больнице. По возвращении из больницы, уже совершенно здоровой, она была исключена из числа земских учительниц. Ее друзья, оберегая ее, не давали ей участвовать в тревожной, больше чем когда-либо, нелегальной работе. Это внимание причиняло ей большое страдание, ее мучила оторванность от кипучей деятельности. Вскоре ей разрешили открыть частную школу. В ней Лидия Антоновна опять развернулась во всю ширь своего мощного духа.

Лидия Антоновна бывала за границей, знакомясь там с новой постановкой школы; оттуда привезла новый дух, новые пособия. «Молодое поколение надо воспитывать вне семьи, в школе и через труд»,—говорила Лидия Антоновна. И действительно, многие дети из бедных семей находили у нее то, чего не могла дать им семья—тепло, свет, радость. Игры и ученье шли рука об руку в школе Лид. Ант.; смеясь и играя, проходили малютки первые ступени знания.

Грянула революция—раскрылся новый мир, на создание которого Лид. Ант. отдала все, отрекшись от личной жизни. И, будучи уже в преклонном возрасте, она как-то замкнулась в школьных стенах. Трудно ей было разобраться сразу в бурно-хлынувшем потоке новой, яркой жизни, и она на время отошла от общественной жизни, всецело отдавшись работе с детьми, любившими, как мать, свою Лид. Ант.

Недолго ей пришлось прожить в новых условиях. В 1919 г. она заболела воспалением легких; истощенный организм не выдержал, и ее не стало. Умерла Лидия Антоновна в гор. Туле, где работала, где все передовые рабочие—ее ученики—знали, любили и уважали ее.

А. И. Степанова.

БАТЕНКО **—киевский рабочий, командир отряда таращанцев, погиб в 1919 г. в бою на Украинском фронте.

Среди полупартизанских, полукрасноармейских отрядов особенно славные страницы в историю революции на Украине вписали так называемые богунцы и таращанцы. Как те, так и другие сформировались летом 1918 г. на демаркационной полосе, отделявшей немецко-гетмановскую Украину от Советской России. Кадром таращанцев явились крестьяне и казаки Таращанского у., поднявшие восстание в самой гуще немецкой оккупации и с боем прорвавшиеся к границе сквозь сплошные кордоны саксонцев. Их командиром и батькой был киевский рабочий тов. Батенко. Фабричные рабочие г. Клинцов образовали под руководством т. **Щорса** кадры полка имени Ивана Богуна, популярного среди украинцев исторического военачальника.

Когда осенью 1918 года дрогнула мощь германского империализма, богунцы и таращанцы ринулись в бой во имя освобождения труда и власти Советов. Они прошли от Клинцов и Михайловского хутора до западной границы Украины. Впоследствии эти отряды, пополненные крестьянами и рабочими, образовали «I-ю Украинскую Советскую дивизию», командование которой было возложено на т. Щорса при комиссаре Шкляре.

Т.т. Батенко и Щорс погибли в боях в 1919 г. (Сведения взяты из статьи С. Горелика «Наброски из истории революции на Украине», помещенной в № 4 «Красной Летописи» за 1922 г.)

БАТАЛОВ. **—См. **Холмогоров.**

БАТУРИНА ** **Надежда Степановна**—родилась в 1897 году в сельце Заполица Владимирской губернии, в семье священника, училась в епархиальном училище в г. Владимире, и во время своего учения она отличалась от многих окружавших ее учениц духовного звания своим развитием и братским чувством к простому народу. В 8 классе училища она ведет пропаганду среди учащихся, распространяя нелегальную в то время литературу.

Февральская революция застала тов. Батурину на посту учительницы в Ставрове Владимирской губ., где она принимала активное участие в организации фракции большевиков. Вот здесь Батурина впервые показала свои организаторские способности. К октябрьской революции т. Батурина была действительным членом Р. К. П. (больш.), секретарем фракции и учительницей школы I ступени. Необходимо отметить, что, являясь членом Р. К. П. и ведя учительскую работу, она была единственным членом Р. К. П. из учительского персонала, который не останавливался ни перед чем, чтобы только очернить и подорвать авторитет Батуриной среди учеников и сельчан. Много она страдала, много голодала и все же продолжала вести свою работу. Никогда она не жаловалась и не падала духом, а всегда говорила, что это временно. Все это, вместе взятое—и голод, и нравственные переживания—впервые подорвали здоровье Батуриной.

Затем т. Батурина уезжает в г. Владимир, где она работает в качестве заведующей Внешкольным II отделом. В течение 4 месяцев т. Батурина работала в этой должности, и здесь она показала свои способности. Затем т. Батурина работала в Московском Пролеткульте. Дальше вторично была откомандирована во Владимир и работала во Внешкольном II отд., но все время рвалась работать в гущу массы. Она переходит работать в покровский Отнаробраз в качестве зав. Политпросветом. В Покрове т. Батурина особенно много времени отдавала работе просветительной. Она организовала несколько кружков и вела работу с ними; много сделала в смысле организации Политпросвета в Покрове. Затем т. Батурина переходит работать в Орехово, где работает в качестве заведующей Организационным II отделом Уполитпросвета. Во время работы в Орехове, она пошла работать и в Отдел работниц и много сделала по работе среди женщин.

Н. Батурина.

Всегда ровная, спокойная, она умела войти в душу и всегда старалась дать знание тем, кто его не имеет. Тов. Батурина организовала кружок ликвидации неграмотности среди коммунисток и делегаток и, ведя эту работу, часто повторяла во время уроков: — «Товарищи, учитесь, я постараюсь передать вам все свои знания». Также т. Батурина вела кружковую работу политграмотности.

Умерла она 21 ноября 1921 г. в 3 часа ночи. («Братская Могила», стр. 36—37.)

БАУЛИН **—командир партизанских отрядов на Урале, сподвижник Чапаева, погиб в боях с уральскими казацкими бандами в 1918 г.

БАУМАН ** — председатель союза булочников в Одессе, латыш. Погиб во время Одесского переворота на баррикадах в январе 1918 года. Похоронен на Куликовом поле в братской могиле.

Ф. Земит.

БАХАРЕВ * **Иван Павлович**—родился в 1901 г., сын рабочего-металлиста Добрянского Завода, Пермской губернии. В 1918 г.—член Р.К С.М. С приходом на завод чехо-словаков он отступил до гор. Сарапула, где заболел и, находясь в лазарете, попал к бандитам в плен. По выходе из лазарета, тов. Бахарев работал у столяра, но за пропаганду большевистских идей попал в контр-разведку, где избивался бесчисленное количество раз, в результате чего получил заболевание позвоночника и чахотку. Приговоренный к смерти, бежал из-под расстрела в одном белье (в марте месяце) и скрывался у жены одного коммуниста до прихода советских войск. После ухода колчаковских войск с Урала он возвратился в Добрянский Завод, вступил в члены Р.К.П. и был все время на партработе, проявив себя энергичным работником, организатором ячеек Р.К.С.М, работал председателем райкома Р.К.С.М., членом райкома Р.К.П., затем председателем укома Р.К.С.М. Комсомолом он выдвигался на рабфак, но туда не пошел, отказавшись лишь ввиду того, что в районе не хватало работников по Р.К.С.М. Летом 1921 г. он был мобилизован в армию, где и находился до сентября того же года. Развившаяся у него чахотка принимает острый характер, сваливает его, и 21 октября 1921 г. в 11 ч. дня он умирает в лазарете.

Н. П. Бахарев.

БАХТУРОВ ** **Павел Николаевич**,—военный комиссар 11-й дивизии, из казаков станицы Качалинской. Учительствовал, но, когда революция позвала, вышел против Каледина и Краснова и совместно с тов. Колесовым принялся за формирование двух полков. Занимая в Царицынском уезде ряд ответственных должностей, в частности работал в казачьем отделе. В 1919 г. вступил в конный корпус тов. Буденного. Вскоре выделяется своей неутомимой политической деятельностью среди бойцов и назначается комиссаром сначала 6-й, а затем 11-й дивизии на Врангелевском фронте. Тов. Бахтуров вместе с начдивом Морозовым руководил действиями 11-й кавдивизии. Во время одной из важнейших операций, когда некоторые части дивизии заколебались, он бросился вперед, но вражеский снаряд прервал эту кипучую, яркую жизнь. («Конная армия, ее вожди, бойцы и мученики», изд. I конн. Красн. Армии, 1921 г., Екатеринослав.)

БАШИНОВ ** — сын рабочего, шуровщик в Орехове. В 1906 году к революционному движению на фабрике он относился сочувственно, но, будучи совершенно неграмотным и имея семью в 6 человек и больную жену, активно к партии не примыкал. 9 мая 1908 года на конференции вступил в ряды партии во фракцию большевиков и в тот же день вместе со своими товарищами был арестован. К нему и к другим товарищам было предъявлено обвинение в принадлежности к партии по 102 ст. I ч., и они были препровождены во Владимир, где он стойко переносил все прелести царского тюремного режима, был тверд и немного научился грамоте. Просидев 7 месяцев, был освобожден под надзор полиции. В феврале 1911 года Моск. Судебной Палатой он был присужден (процесс 30-ти) к 2 годам крепости. По выходе из тюрьмы он подвергался гонениям, оставаясь без работы с больной женой и детьми. Приходилось лишь думать о существовании семьи. Похоронив больную жену, с малолетними детьми он тянул скудную жизнь до 1917 года. Во время Корниловщины он снова твердо и решительно вошел в ряды партии и был хорошим надежным товарищем. В 1918 году он пошел добровольно на защиту Советской власти (Калединский фронт) где и погиб геройски. Их отряд—I Московский—почти весь целиком попал в плен.
(«Братская Могила», стр. 39.) *Плешков.*

БЕЖИКИН-ШАЛЬНОВ ** **Филипп Андреевич**, — комиссар 6-го караульного батальона при Московском Окружн. Комиссариате по военным делам, умер 30 января 1920 г. («Правда» № 22 от 1/II 1920 г.)

БЕЙЛИН ** — рабочий, портной, член Р.К.С.М. Рогачевской организации с 1920 г. Убит на польском фронте («Набат Молодежи» № 46 от 18/II 1923 г. г. Гомель).

БЕЛОПОЛЬСКИЙ —до фанатизма преданный коммунист, расстрелян чехословаками в г. Красноярске в ночь с 24 на 25 октября 1918 г. Он был рабочим печатного дела, сослан в Сибирь, где сделался портным, затем поступил в контору. Среди товарищей известен был под кличкой «Твердокаменный»,—непримиримый противник вхождения в коммунистическую партию колеблющейся интеллигенции. Его можно считать одним из основателей пролетарской партии в Сибири: он был членом «шестерки», которая в марте 1917 г. восстала против соглашательств, откололась от объединенных с.-д. и создала первую в Сибири организацию большевиков.—См. **Вейнбаум.**

БЕЛУГИН Михаил — командир полка, честно работал, напрягая все свои силы, которые медленно, но неуклонно оставляют его. Но он все же остается на своем посту. Были случаи, когда от переутомления и переживаемых неприятностей он терял сознание и впадал в глубокий обморок. Но не останавливает его ничто; он борется со своим организмом, лишь бы не бросать работы. В ночь на 8-е февраля 1919 г. на товарища Белугина произведено было вооруженное нападение трех неизвестных, которые потребовали документы и, получив их, произвели затем три выстрела, которыми он был ранен в руку.

Последние дни тяжелое настроение его, благодаря критически сложившимся для него обстоятельствам, доходит до максимального предела, и он кончает жизнь самоубийством. («Известия Харьковского Совета» № 53 от 25 февраля 1919 г.)

БЕЛЬСКИЙ ** **Иван Иванович**—рабочий граверного отделения (Трехгорной м-ры), работал на фабрике 22 года, старик 57 лет, состоял в партии Р.К.П. Сознавая свой долг перед партией в тяжелый период тифозной эпидемии, пошел в санитарную комиссию по оказанию помощи рабочим при фабрике и во время исполнения возложенного на него задания по оказанию помощи больным заразился тифом и на другой день умер, в феврале 1920 года. («Братская Могила».)

Беляев Иван Васильевич—на почве крайнего переутомления покончил жизнь самоубийством 5 марта 1918 г.

Покойный товарищ был одним из активнейших партийных работников. Сосланный царским правительством в Сибирь на вечное поселение, И. В. в первые дни революции развил энергичную деятельность там, где его застали первые раскаты революционной грозы—в Сибири. Затем в апреле он в родном рабочем Кинешемском районе в качестве виднейшего партийного работника укрепляет партийную организацию, создавая ряд подрайонов Кинешемского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Когда ход событий все глубже и глубже вырывает пропасть между оборонцами и интернационалистами, раскалывая объединенную организацию, Иван Васильевич стойко несет знамя международного социализма.

Наладив партийную работу, Иван Васильевич неутомимо берется за работу в областном текстильном проф. союзе и, в качестве союзного инспектора, организует Вичугский подрайон.

Наступают октябрьские дни... И. В.—председатель Кинешемского Совета Раб. и Солд. Деп.—решительно проводит в жизнь диктатуру пролетариата. Через некоторое время И. В., усталый, совсем больной, соглашается поехать отдохнуть. Попытки друзей сопровождать его в пути натолкнулись на резкий протест со стороны больного. Он уехал один. Вскоре стало известно, что И. В. вместо отдыха работает в Московской области.

Последние дни жизни застают И. В. на посту ответственного работника родного Иваново-Кинешемского района. Там он и умер... Поистине, он отдал все, до последнего вздоха, делу рабочего люда.

БЕЛЯЕВЫ, братья, — члены Р.К.П., молодые, принимавшие активное участие в подпольной организации Крыма. Арестованы по провокации Акима, казнены в Симферополе в мае 1920 года.

БЕНДОВАЛЬД—активный коммунист, работал в подполье, был арестован и расстрелян в Крыму в августе 1920 г. («Изв. В.-Р. Комитета г. Евпатории» № 27 от 19 декабря 1920 г.)

БЕНЦОВ ** — начальник конного отряда по охране народного достояния, в средине апреля 1918 года стоял во главе отряда, посланного в Тобольск для перевозки бывшего царя и его семьи из Тобольска в Екатеринбург. Погиб от рук контр-революционеров на Сев. Кавказе летом 1920 г.

БЕРГ * — начальник связи армии, погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

Тов. Бергу в 1918 году было поручено провести телеграфную линию от гор. Баку через с. Маразы в г. Шемаху. Приблизительно осталось $1^1/_2$ версты к окончательному выполнению заданной программы, как наши части стали отступать в Шемаху. Тогда, по распоряжению тов. Шабалдаева, команда связи армии отступила в с. Маразы, куда впоследствии отступили все части. Через некоторое время наши части стали отступать, сначала пехота, а затем конный отряд Амазаспа, из Маразов в Джанги.

На просьбы местных жителей-молокан оставить конный отряд, чтобы вместе с молоканами удержать фронт, Амазасп не соглашался.

Тов. Берг, видя настроение маразинцев, желавших самим удержать наступавших турок, обещал держать телеграфную и телефонную связь между гор. Баку и Джангой, куда отступили наши части. Тогда маразинцы, числом в 250 человек, по направлению к Гаджи-Дараси стали вести наступление на шедшую вперед кавалерию неприятеля. Наступление маразинцев сначала было удачно, так что турецкой кавалерии пришлось отступить назад на 4 версты. Тов. Берг, видя успех со стороны маразинцев, сейчас же верхом отправился в Джанги для доставки на грузовике пулемета.

На обратном пути из Джангов с пулеметами он подвергся обстрелу со стороны окружавших сел; вместе с начальником железного отряда, Мячиным, не падая духом, он стал выстрелами рассеивать наступавших со стороны мусаватистов. Тов. Бергу не удалось обратно попасть в с. Маразы, так как уже в это время оно бомбардировалось турками. Ему пришлось сопровождать лишь отступавших крестьян-маразинцев.

Вообще тов. Берг был одним из видных товарищей в деле защиты рабоче-крестьянской власти от ига капитала. *Самойлов.*

(«Бакин. Рабочий» № 211 от 20/IX 1922 г.)—См. **Шаумян С.**

БЕРЕЗНЕВ ** **Иван Федорович** — один из сознательнейших представителей рабочего класса,—25 августа 1918 г. убит шальной пулей по неосторожности одного из товарищей. Тов. Березнев—один из творцов Октябрьской Революции; ею же он был выдвинут на ответственные посты; из рабочего стал членом правления и директором чугунно-литейного и механического завода Вартце и Мак-Гилль, где он работал. По профессии литейщик, покойный до февральского переворота принимал участие в профессиональном союзе металлистов в Петрограде. После февральской революции он сразу примыкает к партии соц.-дем. большевиков, избирается рабочими завода секретарем, а потом председателем заводского комитета, после же октябрьского переворота становится во главе заводоуправления.

25 августа военной комиссией Сокольнического районного комитета Р.К.П. была организована военная прогулка с тактическими занятиями в с. Богородское. В назначенный час члены партии явились к Сокольническому Совету. И вот в это-то время, благодаря несчастной случайности, был убит т. Березнев. Горечь утраты усугубляется тем, что это—жертва бесцельная, жертва невольная, жертва нашей недостаточной обученности, нашей неумелости.

Рабочие в лице товарища Березнева потеряли одного из лучших своих товарищей по Сокольническому району. Идейного и преданного коммуниста лишилась партия, дорогого профессионального работника—союз металлистов, прекрасного и отзывчивого друга—сослуживцы по заводу. Тов. Березнев не был блестящим оратором, но он был до мозга костей революционером, глубоко верил в окончательное торжество рабочих всего мира. Ему было всего 30 лет.

В кармане его одежды, после смерти, была найдена его последняя золотая грамота—«Ответ рабочего крестьянину». *П. Томский.*

(Свед. взяты из сб. «Братская Могила», стр. 41.)

БЕРЗИН К. К.—До революции был штурманом дальнего плавания, причем совершил два кругосветных рейса; потом он перешел в авиацию. Во время первой революции покойный служил в первом латышском авиоотряде летчиком-наблюдателем на рижском фронте. Руководил революционной организацией армейских частей, занимал много ответственных должностей, вплоть до председателя армейского комитета.

Октябрьская революция застала его там же командиром первого латышского авиоотряда. Вместе со своим отрядом он был переброшен на колчаковский фронт, откуда был командирован в Киев, а во время эвакуации Киева переведен в Москву. Здесь он успешно кончил школу высшего пилотажа. По отзывам товарищей, это был выдающийся по хладнокровию и отваге летчик. Погиб он исключительно благодаря своей смелости. Разбился в апреле 1920 г. («Коммунист. Труд» 1920 г. № 31.)

БЕРНШТЕЙН, тов. **Гриша,**—член Р. К. П., бывший анархист. Бернштейн был членом подпольного Ревкома в Севастополе. Ездил для связи в Советскую Россию в Одессу и, вернувшись обратно в Евпаторию, был арестован с девушкой, которая с ним приехала из Советской России. Оба казнены в Евпатории в июне 1920 г.

БЕРНШТЕЙН Роман—член петербургской организации Союза Коммунистической Молодежи, был в августе 1919 года мобилизован и направлен в Н-ский арм. зап. полк Н-ской армии; вскоре погиб в разведке на одном из ближайших фронтов в октябре 1919 года. Все товарищи-красноармейцы живо помнят юношу-коммуниста, старательного, исполнительного, приходившего всегда на помощь красноармейцам в их затруднениях, восторженно говорившего о коммунизме, о пролетарской революции. Он не ужился в тылу и, как только представился случай, уехал со своей маршевой ротой, добровольно заменив назначенного товарища. Когда тов. Бернштейн попал в плен, то на допросе на вопрос: «Кто ты?»—ответил:—«Я коммунист». И продажные белогвардейцы, наемники международного капитала, убили его. («Боевая Правда» № 23 от 3 октября 1919 г.)

БЕРСОН * Станислав—председатель Реввоенсовета в г. Минске—выходец из очень богатой польской семьи. Вся его родня—крупные буржуа, родной брат его—глава банкирского дома в Варшаве. Станислав, порвав с семьей, отдался беззаветно делу революции. Когда Литва и Белоруссия объединились в одну Социалистическую Советскую Республику «Литбелы», Берсон переехал из Минска в Вильну. Однажды в кулуарах редакции «Коммуниста», в связи с первыми смертными приговорами над виленскими фальшивомонетчиками, шел разговор об устрашающем значении смертной казни вообще. Проходивший мимо Берсон со скучающим видом махнул на спорящих рукой: есть, мол, о чем думать и говорить... Этот скучающий жест мне вспомнился потом, когда я узнал, что Станислав расстрелян поляками.

Весной 1919 г., уже в виленском подполье, я из достоверных источников получил потрясающие подробности о последних днях т. Берсона. Последний поезд, отошедший из Вильны в трагические дни 19—21 апреля 1919 г., был недалеко от города обстрелян легионерами и остановлен. Всех задержанных пассажиров, свыше 1.000 человек, отправили в ближайшие местечки. Одна партия, в которой находился т. Берсон, попала в местечко Рудомины, в 7 верстах от Вильны, и была помещена под охраной в бараки. Арестованных опознали через сыщиков и добровольцев из местного населения: «при надобности» били, истязали, пытали, требуя признания в большевистских грехах. Станислав сразу же, без малейшего раздумья, назвал себя. Инквизиторы смутились: к таким коммунистам из знатных семей польских банкиров было не совсем удобно применять обычные «демократические» методы расправы. Решили попытаться умертвить его морально: добиться раскаяния в своих политических заблуждениях.—«Вы поступили на службу к Советам, конечно, ради заработка?»—подсказывали ему на допросе.—«Нет,—с негодованием отвергал коммунист,—я служил идее!»—«Как, у вас такая почтенная, лояльная семья! Ваш брат...»—«Абсолютно ничего общего не имею ни с ним, ни с другими членами семьи. Мы—люди враждебных лагерей».

Исчерпав бесплодно все иезуитские рессурсы, жандармы решились на «самое сильное» средство: направили к т. Берсону двух мудрейших ксендзов, которые начали убеждать его хоть несколько смирить свою гордость и пойти навстречу предлагаемому ему помилованию. Но при первом же появлении святых посланцев жандармерии, Станислав повернулся к ним спиной, заложив руки в карманы. В такой почтительной позе он и прослушал их смиренномудрую речь, не удостоив ни звуком в ответ... Взбешенный таким результатом жандармский офицер крикнул тов. Берсону:—«Вы ведете себя так, что мы будем вынуждены вас расстрелять!»—«Вот так удивили!—рассмеялся тот:—точно я не знал. Конечно, вы меня расстреляете, раз я к вам попал. Попадись вы ко мне—я бы вас расстрелял...» Позднее в Ковне один литовский военный чиновник, бывший в свое время ответственным работником Виленского Совдепа (я забыл его фамилию: таких перебежчиков было так много в Литве), рассказывал мне, что его знакомый, польский студент, привел в исполнение приговор над т. Берсоном. По словам этого студента-палача, рослый, представительный, одетый в форму красного командира, Берсон своим невозмутимым спокойствием перед лицом смерти так подействовал на окружающих, что даже смутил палача, и тот попросил его отвернуться в сторону, чтобы выстрелить ему в бок... Очень вероятно, что этот рассказ—одна из обычных «творимых легенд». Но в основе ее, как это тоже обычно, лежит «кусок жизни»: в данном случае—факт редкостно красивой, почти восторженной, смерти несокрушимого волей, идейного борца-коммуниста. (Взято из ст. «Канун и сумерки Сов. Власти на Литве» С. Гириниса. «Пролет. Рев.» № 8, стр. 79—80.)

БЕССАЛЬКО ** **Павел Карпович** — рабочий-беллетрист, род. в 1887 г., умер в 1920 г. на фронте от тифа. Им написаны романы и повести: «Катастрофа», «Бессознательным путем», «К жизни», «Детство Кузьки» и др. Критические статьи изданы издательством «Антей» под заглав. «Проблемы пролетарской культуры». («Кузница»—Всерос. ассоц. пролетарских писателей. Октябрь 1922 г.)

П. Бессалько.

А. Бессонов.

БЕССОНОВ ** **Андрей Васильевич** — почти с детских лет работал чернорабочим на фабрике «Пламя» в г. Тюмени. Когда чехо-словаки и колчаковцы подступали к Тюмени, т. Бессонов принимал деятельное участие в борьбе с ними, затем смело пошел на освобождение из тюрьмы сидевших там коммунистов. Вскоре он был арестован, заключен в тюрьму, а затем увезен неизвестно куда. Впоследствии стало известно, что колчаковцы его расстреляли. (Сообщено ячейкой фабр. «Пламя».)

БЕССОНОВ Н. И. — комиссар всероссийского главного штаба, пал в борьбе с белогвардейскими бандами в декабре 1918 года.

БИБЕРМАН ** **Самуил** — начальник отряда из балтийских матросов, организовавшегося в Мозырском у. в 1918 г.; расстрелян в г. Дубно Петлюрой в 1919 г. за поднятое среди крестьян восстание. Он распространил свои действия на Овручский уезд и поднял всю Поколевскую волость. (Майоров. «Из ист. рев. борьбы на Украине», стр. 87.)

БИЛЕЦКИЙ ** **Николай Станиславович (Павел Семенович Езерский)** — редактор «Известий Ревкома» в Гомеле. Погиб 26 марта 1919 г. во время гомельского мятежа Стрекопытова.

Вот что пишет о нем тов. И. Виндзор в однодневной газете Гомельской «Роста» от 25 марта 1920 г.:

Когда на съезде советов Гомельского уезда кандидаты в президиум исполкома излагали перед съездом в кратких словах свою биографию, тов. Билецкий сказал: — «Я — сын сельского учителя. По образованию — юрист.

Буржуазные правительства Николая II и Керенского I неоднократно предупредительно захлопывали за мной ворота тюрьмы». Много пережил на своем веку Николай Станиславович. Правительство Керенского дважды бросало его в тюрьму, и только Октябрьская революция освободила этого мученика. Одним из первых он отправляется на чехо-словацкий фронт и, отравленный там удушливыми газами, ослепленный ракетой, принужден временно сложить оружие, чтобы потом с новой энергией приняться за революционную работу...

Организовав первую в Гомеле советскую газету—«Известия Гомельского Ревкома», вкладывая много энергии в дело поднятия этой газеты на должную высоту, тов. Билецкий свободное от занятий редакционными делами время уделял партийной и общественной работе... Он принял весьма активное участие в проведении избирательной кампании в Гомельский Совет...

Самым злобствующим и шипящим элементом гомельской обывательщины, пропитанной в те дни неприязнью к Советской власти, были печатники. Тов. Билецкий своей неутомимой беспрерывной работой среди печатников значительно пошатнул уверенность серых рядов в непреклонной верности убеждений их патентованных «вождей». Последние дни, накануне восстания, дала себя знать болезнь Н. С. Билецкого—результат отравления удушливыми газами. Усталый от неутомимой работы, больной, разбитый, едва державшийся на ногах, он первый взял винтовку, первым был в бою и одним из первых пал на революционном посту.

(Сведения взяты из брош. Г. Лелевича «Стрекопытовщина».)

Восстание Стрекопытова в г. Гомеле.

В средине марта 1919 г. в войсках, находившихся на польско-петлюровском фронте, под влиянием белогвардейской пропаганды и агитации, начались брожения. 22 марта полки, устроив общее собрание, постановили немедленно отправиться домой. Тотчас же началась погрузка частей в вагоны и насильственная отправка поездов. В ночь с 23 на 24 марта эшелоны стали прибывать на Полесский вокзал г. Гомеля. Восставшие красноармейцы требовали дальнейшей отправки без задержек, но местная гомельская контр-революционная организация решила воспользоваться их присутствием, чтобы произвести переворот в городе и свергнуть Советскую власть. Несмотря на малочисленность и полное отсутствие военной силы, местный уком решил все-таки оказывать сопротивление. В распоряжении образовавшегося штаба оказалось только около 300 человек коммунистов, отряд милиции и интернациональный отряд Чека. Был организован военный штаб, в состав которого вошли т.т.: Комиссаров, Ланге, Билецкий, Гуло и Фрид. Штаб и главные вооруженные силы расположились в гостинице «Савой».

К вечеру 24-го мятежники двинулись сначала к Либавскому вокзалу, где, окружив партийный клуб, арестовали несколько железнодорожников-коммунистов, а затем стали занимать город, обезоруживая милицию и отдельных коммунистов. Около 10 ч. вечера повстанцы ворвались в тюрьму и освободили оттуда всякий уголовный и контр-революционный сброд.—«Всю ночь,—рассказывал тов. М. Ш. на страницах «Вечерних Известий Московского Совета,—население Гомеля находилось под властью бандитов, набегавших, приставлявших револьверы к виску и требовавших выдачи коммунистов. Самый беззастенчивый, самый циничный грабеж сопровождал эти налеты. Пишущему эти строки довелось несколько раз быть свидетелем и жертвой подобных визитов». А пока разыгрывалась эта дикая вакханалия, главные отряды мятежников в течение ночи с 24-го на 25-е окружили «Савой» и совершенно отрезали его от внешнего мира. В «Савое» в это время осталось всего около 150 товарищей. Несмотря на свою малочисленность, они решили продолжать оборону. Началась героическая защита «Савоя». От пулеметного и ружейного огня вскоре перешли к орудийному.

После четырехчасовой усиленной орудийной канонады, когда крыша и стены верхнего этажа были пробиты, «Савой» был взят повстанцами. Несмотря на обещанную при сдаче защитникам «Савоя» свободу, они были тотчас окружены конвоем и по дороге в тюрьму подвергались со стороны окружавшей их озверелой толпы всевозможным издевательствам, избиениям прикладами и пр.

В тот же день для населения Гомеля стала известна фамилия руководителя мятежа—это бывший царский офицер Стрекопытов.

Тюрьма наполнилась коммунистами, частью захваченными в «Савое», частью арестованными в разных местах. Тов. Любарский приводит следующую картинку режима стрекопытовской тюрьмы: «Караул удалился. Остался один мерзавец, безусый белогвардеец, бегавший по камере, исступленно ругавший комиссаров и грозивший им немедленной смертью. Он подбежал к товарищу Ланге и бедного измученного страдальца ударил наганом по босой ноге». Тов. А. Горелик в рукописных воспоминаниях о т. Файншмидте, хранящихся в архиве бюро Истпарта, рисует такую сценку: «Начали являться «герои» с пулеметными лентами и снимать все, что на нас было, и в камере только и слышно было звучное «скидывай». Т. Файншмидт остался в одном белье. Через некоторое время его вызывают, и минут через десять он возвращается спокойный и с улыбкой рассказывает, как в коридоре ставили его к стенке, сняли рубашку и велели молиться, ибо его сейчас расстреляют. — «Что же, стреляйте!» — говорит он им, — и винтовка приставлена к груди, щелкают затвором и, после нескольких таких маневров, провожая прикладами, его обратно посадили в камеру».

Вечером 26 марта стрекопытовцы отобрали в тюрьме группу наиболее ответственных работников и поместили их под стражей в вагоне на Полесском вокзале. О трагической судьбе этих товарищей будет сказано ниже.

Параллельно с террористическими действиями, направленными против коммунистов, мятежники показали всем свое погромное лицо. Тов. М. Ш. рассказывал на страницах «Вечерних Известий Московского Совета» следующее: «На-ряду с приказами и объявлениями о полной свободе и личной неприкосновенности граждан, происходили открытый грабеж, ловля коммунистов, аресты, произвольные обыски и избиения евреев. Параллельно с запрещением пьянства всюду можно было видеть напившихся грабителей».

Когда известие о гомельском мятеже достигло губернского центра (г. Могилева), тотчас были приняты энергичные меры для ликвидации его. Из Могилева, Почепа, Бобруйска и др. мест двинулись коммунистические отряды, и из Брянска против повстанцев выступила дивизия с артиллерией.

После схватки с могилевским отрядом стрекопытовцы принуждены были отступить. В этой схватке был убит товарищ **Ратнер И. М.**, член Р. К. П.

На рассвете, в субботу 29-го, мятежники, под давлением красных войск, покинули город. Уходя, они подожгли роскошный замок князя Паскевича, и этот зловещий факел своим багровым светом освещал им дорогу.

Красная армия, восторженно приветствуемая рабочими, заняла Гомель. Арестованные коммунисты, за исключением группы, увезенной на Полесский вокзал, были освобождены из тюрьмы.

Первою жертвою, которую понесли гомельские коммунары, был заведующий Центропечатью т. **Фишбейн**, убитый во время разведки перед «Савоем» еще до взятия последнего, в 10 часов утра 25 марта.

Тов. И. Фаянс в воспоминаниях, рисующих события субботы 29 марта (в его статье ошибочно напечатано 20-го) и напечатанных в «Известиях Гомельского Губкома» за июнь—июль 1921 года, рассказывает следующее:

«Нас сильно беспокоила участь ответственных работников, отобранных бандитами из тюрьмы и посаженных ими в вагон.

«Вдруг среди нас распространился слух, что эти товарищи зверски убиты. Ужас объял нас.

«Я не мог вынести томительного ожидания и сейчас же отправился на вокзал, чтобы на месте выяснить судьбу арестованных...

«Мы подошли к покойницкой, находившейся недалеко от места убийства.

«Туда уже было перенесено несколько трупов... Вид трупов, прибывание подвод с трупами, сваливание их на землю, как простого груза, затем перенесение их в покойницкую, толпы родственников, подробно осматривающих каждый труп (трупы часто были настолько обезображены, что приходилось узнавать личность убитого по белью и др. известным лишь родственникам мелким приметам), наконец, отчаянные вопли и причитания родственников, опознавших убитых родных, а также угрюмое молчание стоявших вокруг кучек людей, свинцовое небо и дождь,—все это заставило сжаться от ужаса сердце...

«Прежде всего, что бросилось мне в глаза, это несколько трупов, из которых некоторые валялись на земле, а другие лежали прикрытыми на носилках, затем небольшой сарайчик с настежь открытой дверью. Левая стена сарая была сплошь забрызгана кровью и мозгом, а на земле виднелись громадные лужи крови, несколько черепных костей и большой целый мозг, как оказалось впоследствии, мозг т. Подгорного.

«Получилось впечатление форменной бойни...

«Поражали прежде всего следы неслыханных издевательств и истязаний, совершенных бандитами над убитыми. Прежде всего у всех было по несколько ранений в разных областях тела. Так, например, по внешнему виду трупа т. Ланге видно, что бандиты страшно издевались над ним. Лицо его сплошь было покрыто синяками и кровоподтеками. Видны на лбу несмертельные удары прикладом, затем бандиты штыком почти насквозь пронзили его грудь у сердца, и, наконец, у него проломлена черепная коробка, виднелся мозг.

«Также был пронзен штыком тов. Билецкий. На лице у него запеклись струйки крови...

«Вот лежит на возу, среди других трупов, лицом к земле труп т. Песи Каганской. На задней части головы видно огромное кровавое пятно; окружающие говорили, что перед убийством над ней издевались...

«Вот страшный вид трупа тов. Подгорного. От головы осталась исключительно мертвенно-бледная половина лица. Черепная коробка зверским ударом по голове сплошь снесена, мозг целиком выпал...

«Одна женщина, стоявшая неподалеку от меня, сказала, что ей отчетливо были слышны ночью (так как она жила недалеко от места убийства) ужасные крики жертв...»

У нас нет описания самого убийства на Полесском вокзале, но зато в «Известиях Ревкома» сейчас же после ликвидации мятежа за подписью *И-л* была напечатана заметка о последних часах погибших товарищей. Приводим ее полностью:

«Один из товарищей, находившийся в одном вагоне с нашими зверски растерзанными товарищами, передает свои впечатления о последних часах героев.

«Заключенные догадывались о той страшной участи, которая их ждет. Все вели себя геройски, и ни слова не было слышно о скором конце. Весь день до расстрела обреченные товарищи пели революционные песни, пели даже арии из «Евгения Онегина». Душа арестованных тов. Ауэрбах (Подгорный) своей живостью, ораторским талантом, замечательной музыкальной памятью отвлекал товарищей от печальных дум.

«Вечером до арестованных долетали отдаленные звуки канонады. Караул у вагона был увеличен. Атмосфера сгущалась. Тов. Ауэрбах мечтал о бегстве и запасся солдатской шинелью и папахой.

«Но вот около часу ночи вошел начальник части, осаждавшей «Савой». Он говорил с арестованными сначала в мирном тоне и расспрашивал о политической деятельности каждого из арестованных. Ему было указано, что некоторые товарищи не принимали никакого участия в защите «Савоя», а также в предыдущей деятельности революционных верхов. В конце разговора он стал читать политические нравоучения арестованным и был немедленно прерван просьбой не агитировать перед смертью.

«Через пять минут после его ухода раздались громкие шаги входившего караула вместе с командой: «Заложники! Одеваться! Раз! Два! Три! Живо!».

«Товарищи начали постепенно одеваться.

«Перед уходом они прощались с оставшимися и поспешно передавали свои последние просьбы. Тов. Билецкий взволнованным голосом воскликнул: «Передайте оставшимся товарищам привет и скажите им, что мы с честью погибли на своем посту. Пусть они продолжают свою работу».

«Всего увели из вагона 14 человек».

Вот имена ответственных работников, увезенных мятежниками из тюрьмы на Полесский вокзал и затем убитых: **Н. Билецкий, С. Комиссаров, И. Ланге, Б. Ауэрбах (Подгорный), Л. Файншмидт, Я. Фишбейн, П. Каганская, З. Песин (Зоя), Я. Фрид, Грозный, Сундуков, Бочкин, Гернер, Копильницкий, Каменко** и 9 неопознанных товарищей. (Сведения взяты из брош. Г. Лелевича «Стрекопытовщина».)

Биография Николая Билецкого.

(Настоящее имя Павел Семенович Езерский.)

Мой брат, Павел Езерский, родился в Петербурге в декабре 1896 г. Отец, Семен Иванович Езерский, родом из польской шляхты Могилевской губернии, был генерал-лейтенант—участник турецкой и японской войн. Мать, Мэри Карловна Берг, была немка с примесью английской и шведской крови. Всего нас было 6 человек детей: два старших от 1-го брака отца и нас четверо от 2-ой жены, матери Павла. Детство и юность мы все провели в Петрограде; отец же почти весь период нашей школьной жизни прожил вдали от семьи, служа (после японской войны) на Дальнем Востоке, и только выйдя в 1912 г. в отставку, окончательно переехал в Петербург и жил с семьей. 7-ми лет Павел поступил в частную 8-классную гимназию К. Мая в Петербурге. По своему подбору педагогов и воспитателей гимназия Мая составляла безусловное исключение среди петербургских мужских гимназий, и мне думается тот определенно «вольный» и общественный для того времени дух и та широта и глубина в постановке преподавания, которыми отличалась эта школа, и дали возможность так сильно развиться «живому огню», которым был богат с малых лет мой брат. Влияние школы и разница в воспитании со старшими детьми сильно сказывались в присутствии отца, и я помню, что с детства наши беззаботные дни часто омрачались грандиозными скандалами отца с братом, возникавшими из-за отказа брата ходить в церковь, из-за его протеста против малейших признаков насилия со стороны отца по отношению матери и нас, детей, главным образом из-за вредных «и незаконных политических идей», которые все чаще и резче проявлялись в подраставшем брате и были глубоко чужды отцу-генералу. Как это ни странно, но наша домашняя жизнь отличалась большой простотой и скромностью; это научило нас с детства не бояться никакой работы и дало нам возможность, выезжая каждое лето в финскую или русскую деревню и живя в простой избе среди крестьян, близко познакомиться с крестьянской жизнью и работой. Отец, происходивший из семьи мелкого малоземельного дворянства, мало чем по своему быту отличавшегося от зажиточного крестьянства, научил нас с малых лет любить и уважать крестьянский труд. Он бывал доволен, когда Павел уезжал с крестьянами на дальние сенокосы и косил, как большой, когда он научился пахать, молотить, ездил с ребятишками в ночное и самостоятельно запрягал лошадь в телегу. Ко времени окончания школы, будучи уже в 6—7 классе, сперва брату, а потом и нам, правда путем упорной борьбы, удалось добиться полного освобождения от исполнения обрядов вроде хождения в церковь, говенья, постов и т. д. Эта победа дала возможность и брату, и нам при окончании школы и вообще впоследствии совершенно самостоятельно выбрать себе дальнейшую учебную линию и профессию. Уже будучи гимназистом 6-го класса, брат давал уроки, занимался репетиторством и таким образом, особенно выезжая летом на кондиции, сам оплачивал свое учение, а, будучи студентом, и содержал себя, часто помогая матери.

В 1913 году Павел окончил гимназию Мая и поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Сразу же попал в кружок «Утопического парламента» под руководством М. А. Рейснера и в кружок политической экономии Туган-Барановского. Деятельное участие принимал в издании журнала «Рудин». Страстный любитель музыки, особенно пения, он в течение трех лет был активным членом музыкального кружка при университете.

Вечно чем-то увлеченный, охваченный какой-нибудь новой мыслью, бегал, организовывал, спорил, писал, вечно всем интересовался, не зная, что такое скука и тоска. То он проводит дома или у знакомых электричество, чинит велосипеды и швейные машинки, возится над новым способом проявления фотографических пластинок, то, забыв о времени и пространстве, сидит неделями над построением моделей «блерио» и «фарманов», высчитывает, измеряет, таскает у матери шелковые тряпки для крыльев, не спит по ночам,—потом зовет всех нас, заводит резиновый мотор своей маленькой изящной птицы и смотрит, как его детище, поднявшись на 1—2 сажени над землей и пролетев 100—200 метров, налетает на дерево и, скомканное, совершенно искалеченное, падает на землю. Все начинается сначала. И так по несколько раз. А то погрузится в философию Ницше. Его так глубоко охватывает теория «фикции», что он отрицает существование всего окружающего, вплоть до родной матери, мучается, пока не выбирается из заколдованного круга. Большой любитель декламации, он сам очень хорошо читал и любил выступать на гимназических и студенческих вечеринках. Помню, его любимым стихотворением был «Сокол» Горького, которого он всегда читал с необыкновенной силой и глубокой внутренней дрожью. О своем отношении к различным партийным кружкам и организациям он с нами в то время не делился и избегал вообще говорить, боясь подвести и мать, и нас под страшный гнев отца. Знаю только некоторые, чисто внешние, факты, вроде того, что он принимал горячее участие в проводах политических ссыльных товарищей (за что чуть не был проклят отцом и выгнан из дома), брал на хранение разные запрещенные книги и вещи. О его активном идейном участии в политических организациях до революции я, к сожалению, ничего более подробного не знаю.

В начале 1916 г., во время германской войны, его год был призван на военную службу, и он, не окончивши университета, с III курса, поступил в Николаевское Инженерное Училище, надеясь, что по окончании последнего его примут в Высшую Авиационную Школу и он сделается летчиком, что было его заветной давнишней мечтой. Через 8 месяцев он окончил Инженерное Училище, но по слабому здоровью в Авиационную Школу принят не был, а был сразу отправлен на северо-западный фронт в 3-ю особую дивизию в качестве офицера-сапера. И февральская и октябрьская революции застали его на фронте; сразу же после февральского переворота он был избран в полковой комитет своей части и проработал в нем до демобилизации последней. Приехав, после демобилизации 3-й особой дивизии, приблизительно в начале декабря 1917 г., в Петроград, Павел, чуть ли не на 5-й день своего приезда начал работать в Отделе законодательных предположений Нар. Комисс. Юстиции, чрезвычайно заинтересовавшись и всецело отдавшись этой работе, окончательно порвав и поругавшись со всеми родственниками и знакомыми, которые не могли ему простить его «штрейкбрехерства» по отношению к саботирующей интеллигенции. Помню, он в свободные минуты охотно знакомил нас с сестрой с совершенно новыми для нас и доселе неслыханными течениями и планами, разъяснял и всегда, кончая, говорил, что надо итти и работать вместе с «ними», что «их» ждет великое и светлое будущее!—что «безумству храбрых поем мы славу». Был ли он уже тогда членом партии или позднее, мы тогда не знали, да и сейчас я точно не знаю, с какого времени он был действительно членом Р. К. П.

Брат проработал в Питере до момента эвакуации всех Наркоматов в Москву, переехал тоже в Москву и продолжал работать в Наркомюсте до лета 1918 года. Еще с весны 1918 года он записался добровольцем в формировавшуюся тогда в

Москве для отправки на чехо-словацкий фронт 27-ю стрелковую дивизию и летом в июле 1918 года (он был вызван из отпуска, где мы с ним виделись в последний раз, срочной телеграммой) отправился с ней на указанный фронт. Участвовал во взятии Казани, Уфы и др. городов. На фронте он пробыл до конца декабря 1918 года в качестве начальника связи дивизии.

Собственно на этом и кончается биография моего брата, как Павла Семеновича Езерского. Дальше следует период его жизни и деятельности, как Николая Станиславовича Билецкого, правда, очень короткий—всего в 3 месяца, но период, о котором мы знаем очень мало, вернее узнали через 2 года после его смерти из рассказов знавших его товарищей. Почему он с фронта попал в Гомель под чужой фамилией, видимо, тщательно скрывая свое настоящее имя, что именно заставило его сделать это так, осталось для нас непонятным и невыясненным. О его работе в Гомеле под именем Билецкого мы знали из его единственного письма, в котором он глухо указал, что одна тяжелая и нелепая история на фронте заставила его бросить армию и под чужой фамилией начать новую жизнь и новую работу в Гомеле. Это все что мы знали о нем, а затем настали $1^1/_2$ года неизвестности и непонятного зловещего молчания. И только в конце лета 1920 года мы узнали, что Павел погиб в марте 1919 года в Гомеле во время Стрекопытовского восстания, а еще через год, летом 1921 г., будучи в Гомеле, я от знавших его близко товарищей узнала о его гомельской жизни, о большой творческой работе, проделанной им за эти 3 месяца и о той необыкновенно светлой, почти легендарной памяти, которая осталась в Гомеле, как лучший, прекраснейший памятник честно и гордо погибшему на своем революционном посту герою-брату. И хочется закончить словами его любимого «Сокола»: «Пускай ты умер, но в песне сильных и смелых духом всегда ты будешь живым примером—призывом гордым к свободе к, свету! Безумству храбрых поем мы славу!».

А. С. Езерская.

А. Благонравов.

БИРОВ—организатор коллектива 1-й Государственной мельницы. Погиб в боях под Гатчиной в ноябре 1919 г. («Петроградская Правда» 1919 г. № 267.)

БИРЮКОВ Петр.—См. **Подтелков.**

БИЧ ** **Иван Андреевич**—крестьянин Енисейской губ. Колчаковщина открывает ему глаза на совершающиеся события, и он уходит в тайгу, организуя партизанские отряды на реке Бирюсе. Его лихие набеги наводят ужас на белогвардейские отряды—и имя его делается легендарным. В 1919 году румынским отрядам удается захватить его. Накануне казни он пишет жене: «Лучше быть бедным, но справедливым, чем богатым, но подлецом—это последняя моя просьба... я последнюю ночь ночую, осужденный к повешению». 1-го декабря 1919 г. он был повешен румынами на ст. Тайшет.

А. Абов.

БЛАГОНРАВОВ ** **Александр Аркадьевич**—старый партийный работник, в дни декабрьского восстания в Москве поддерживал связь между районами в качестве «курьера», впоследствии работал во владимирской организации, умер от тифа в 1919 году (свед. взяты из кн. Ц. Зеликсон-Бобровской «Записки рядового подпольщика», ч. II, стр. 12).

БЛАГУШИН ** — член Р. К. П., член Исполкома Бутырского Совета, заведующий продовольственным отделом, умер в ночь с 21 на 22-ое июля 1919 г.

БЛИНОВ ** — сын казака, за революционную деятельность при царском режиме был брошен в тюрьму. Во время борьбы с Красновым совершил много боевых подвигов, за что был награжден орденом Красного Знамени; погиб в боях в Харьковской губ. в декабре 1919 г. («Правда» № 2 от 3/I 1920 г.).

БЛИНОВ ** — 37 лет, ореховский рабочий, вступил в партию в 1917 году. Мобилизован партией 2 января 1918 года в первый партизанский отряд, прикомандирован к Московскому Отряду. В наступлении против Каледина убит в пределах Таганрога. («Братская Могила».)

БЛИНОВ ** **Тимофей Мартемьянович** — 29 лет, из крестьян Владимирской губернии, Ковровского уезда, Санниковской волости, деревни Сельчугово. Служил в старой царской армии механиком-летчиком, вступил в члены Р. К. П. в августе—сентябре 1917 года. Был ковровским уездным продкомиссаром, а затем членом владимирского Губисполкома и владимирским губпродкомиссаром. Настойчивость, выдержка, работоспособность и преданность делу партии и революции были яркими отличительными чертами тов. Блинова. Погиб он мучительной, тяжелой смертью. Приблизительно в мае—июне 1920 г. он был мобилизован на западный фронт; по окончании же войны с Польшей он, как один из знающих и сильных работников, был двинут на работу по продразверстке на Украину. Там он работал непосредственно в массах и, застигнутый в одном из сел бандами, был зверски растерзан ими. По рассказам нашедших его труп, ему в горло была засунута палка, на другом конце которой была записка: «Блинов разверстку выполнил в 100%».

Георгий Жиряков.

БЛОШТЕЙН ** **Ефим Абрамович** (парт. клички—**Михаил, Абрам**)—родился в 1894 г. в городе Двинске в мелко-буржуазной еврейской семье. В 12 лет он сам себя определил в 4-хклассное училище, по окончании которого в 1911 году поступает конторщиком.

Партийной организации к тому времени в Двинске не существовало: старая давно распалась, работники разъехались, а оставшиеся отдельные партийцы разочаровались и совершенно отошли от работы. Начавшийся к тому времени подъем докатился и до Двинска. В городе появляется «Звезда». Тов. Блоштейн с некоторыми другими создает инициативную группу Р. С.-Д. Р. П., которой вскоре удалось связаться с Питером, а в 1913 уже получали письма и литературу (газеты) из-за границы.

И если маленькая группа в несколько человек разрослась быстро в организацию со связями на всех заводах (а их в городе много), с библиотекой и с собственной типографией, то обязаны мы этим были главным образом тов. Блоштейну. Все время он бессменно выбирался в комитет организации, участвовал в технике (по типографии), ведал партийной библиотекой, им же и созданной.

Получая ничтожные гроши по службе, он все свои деньги тратил на книги. Скромный и застенчивый в частной жизни, сторонясь всегда людей вообще, он умел по-особому подходить к рабочей массе. И там, где никому не удавалось установить связь с тем или иным заводом, поговорить с тем или иным рабочим, задача эта блестяще и легко выполнялась покойным товарищем.

Появление плехановского «Единства» и приезд в Двинск его представителя тов. Юренева внесли некоторую сумятицу в комитетские ряды, но тов. Блоштейн был во главе тех, кто отверг всякие предложения Юренева (о межрайонах— оставаясь выдержанным до конца «правдистом»). Война 1914 года застала нашу организацию без руководящих указаний, и тут опять тов. Блоштейн был с теми, кто верно оценил характер войны и занял правильную по отношению к войне позицию.

1915 год и близость фронта заставляют тов. Блоштейна покинуть Двинск и он по фальшивке,—Михаил Иванович Петров,— уезжает в Питер, где вскоре по указанию Парткомитета поступает чернорабочим на завод (кажется, Морган, по изготовлению форм для чугунного литья). Нужна была исключительная выдержка, чтобы, живя в центре города, вставать в 5 ч. утра, уходить на работу и возвращаться ежедневно в 12 ч. ночи.

Все это время он работает, главным образом, как организатор рабочих коллективов Выборгской стороны и за Московской заставой.

Пребывание его по фальшивке, с частыми переездами на квартиры, чрезвычайно затруднилось, и покойный тов. вынужден в конце 1916 г. покинуть Питер. Он едет снова в Двинск, где немедленно забирается в солдаты и отсылается в Александров, лишь в 1917 г. болезнь вернула его из армии в Двинск, где и застал его Октябрь. Он немедленно приезжает в Питер. Товарищи привлекают его к работе в Госуд. банк, только что нами занятый, но Блоштейн тяготится этой работой, говоря, что никак не может перенести роль начальника и быть к тому же оторванным от масс. Тяготился он недолго. Без ведома всех и никого не предупредив, он уходит в Красную армию, а с нею—на противо-немецкий фронт у Нарвы. Когда впоследствии мы ему указывали, что уход его—это преступное использование сил, он искренно возмущался и негодовал, говоря, что если он достоин большей работы, то это сделает сама масса. Товарищ был прав. Красноармейская масса выдвинула его на роль военного комиссара Ямбурга. Живя там, он участвовал в боях при взятии Нарвы и там руководил борьбой против повстанцев, оперировавших между Ямбургом и Гатчиной. На-ряду с трудной работой по налаживанию аппарата военного комиссариата покойный товарищ все время ведет усиленную партработу.

Е. А. Блоштейн.

Физически совершенно больной, он покидает армию и попадает в Москву в начале 1919 г.; здесь он ведет партработу в Красно-Пресненском районе. Подоспела мобилизация, и Блоштейн направляется Ц. К. партии для работы среди крестьян в Пугачов, Самарск. губ. (после 8-го съезда партии).

Там он избирается в Уездком и руководит в нем агит-пропагандистским отделом. Работу прерывает приближение казачьих банд. Группа товарищей в сто человек решила отстоять город от колчаковских банд и вступила в бой с противником, количественно раз в пять превышавшим их. Но тщетны были усилия этой горсточки героев; они были разбиты, а Блоштейн, увидев себя окруженным казаками и не желая сдаваться в плен, покончил с собой, застрелившись.

Знавшие и работавшие с Блоштейном навсегда сохранят память о покойном, как о милом, преданном и мягком товарище в частной жизни и как о твердом и непоколебимом борце в партийных рядах. *Р. А.*

26 июня 1919 г. вместе с т. Блоштейном погибли:

Дмитриев Тимофей председатель Пугачевского уездного комитета Р.К.П.; **Бугров Алексей**, член У. К. Р. К. П. (с. Большая Глушица), **Гусев Александр**, политком N-го полка «Красной Звезды», **Хамелев Александр**, **Лифанов Афанасий**, **Санталов Павел**, **Островидов Яков**, **Черняев Иван**, **Лобанцов**, **Цыганов**. Умерли от ран в Советской больнице: **Банников** и **Ларион Софронов**—железнодорожник. Найдено в общей могиле 7 трупов неопознанных. Пропал без вести член Саратовской организации Р. К. П. **Седых.** Всего погиб **двадцать один товарищ.** («Коммунист Большевик» № 29 от 18 июля 1919 г. Орган Пугачевского Уездного Комитета Росс. Коммун. Партии (большевиков) и Исполкома Уездн. Съезда Сов. Раб. Кр. и Кр. Д.)

БЛЮМБЕРГ ** **Б.**,—комсомолец, погиб весной 1921 г. в Тамбовской губ. в борьбе с бандой Антонова. Выходец из мелко-буржуазной семьи, сын самарского раввина, он твердо и сознательно порвал всякую живую связь со своим домом и пришел к нам. Развитой, умный, тов. Блюмберг со своей кипучей энергией революционера не мог ужиться в тесных рамках фанатика-талмудиста отца. Несмотря на то, что деспот отец применял к нему жестокие приемы нетерпимости, не давал пищи и одежды, т. Блюмберг все же, голодный и оборванный, в зимнюю стужу приходил к нам и отдыхал среди нас от своих домашних невзгод. Последняя жестокость отца—отказ от дому—навсегда закрепила т. Блюмберга в наших рядах. Работая во многих кружках и комиссиях, т. Блюмберг все свободное время отдавал шахматной секции. Туда тянули его математические способности. Как глава таковой, он у всех остался ясно в памяти, и иногда в часы воспоминаний, вместе с его песенкой: «Шахматная секция—всем секциям секция...», выплывает эта яркая, светлая фигура борца. («Красная быль» Сб. Самарск. Бюро Истпарта.)

БЛЯБЛИН ** **Федор Козьмич** родился в 1869 году, рабочий (ткач). Несмотря на свое болезненное состояние, в 1919 г. 19 мая в партийную мобилизацию идет добровольцем. Все его мысли и желания были—добиться свободы трудящихся и упрочить диктатуру пролетариата. Товарищ умер на славном революционном посту. («Братская Могила».)

БОГДАНОВ, **—сотрудник Донской Ч. К., уполномоченный по борьбе с бандитизмом. Убит у себя на квартире в 1920 г. ворвавшимися бандитами. («Трудовой Дон» № 420 от 17/XII 1922 г.)

БОГДАНОВ,—канцелярский служащий, сочувствующий коммунистам, доставлял сведения и поддерживал связь заключенных с организацией и волей. Арестован вместе с Ливоненко и казнен в мае 1920 года.—См. **Грановский.**

БОГДАНОВ А.,—см. **Шаумян С.**

БОГДАНОВ ** **Авдей**,—30 лет, московский рабочий, вступил в партию в 1917 г., состоял членом Городской Думы, членом Исполкома, на должности председателя Совнархоза. Мобилизован партией в 1918 году в мае месяце. Служил в 8-й армии 40-й дивизии. При поездке за денежными знаками в штаб Южфронта, был захвачен бандой Мамонтова и повешен. («Братская Могила».)

БОГДАНОВ Василий (Васько-Богдан).—В 1917 г. панютинская организация Р. К. П. (Екатериносл. губ.) начала вооруженную борьбу против украинских шовинистов-гайдамаков на ст. Панютино и Лозовая Южн. ж. д. за восстановление Советской власти. В рядах этой организации находился тов. Васько-Богдан (в то время эс-эр-максималист). Он был командиром 1-го бронепоезда, прибывшего на помощь из Харькова; при его поддержке было начато наступление из Панютина на Лозовую.

Васько-Богдан был чрезвычайно стойким бойцом и всегда поддерживал революционный дух в рядах товарищей, устававших в тяжелой борьбе. После первых боев в Лозовой он направился на помощь революционным рабочим Екатеринослава, Полтавы и др. городов Украины. Вскоре он сделался командиром одной из армий в Крыму, где во время нашествия немецко-гайдамацких бандитов был несколько раз ранен в 1918 г. После короткого лечения он попадает на Уральский фронт против чехо-словаков и там снова ранен. В 1919 г. он опять оказывает помощь панютинской организации на Волыни в борьбе с петлюровцами: в тылу он ведет борьбу с известными бандитами Ангелом, Соколовским, Лопаткиным и др. Одно появление Васько-Богдана поднимало энергию, и каждый бой с противником он выигрывал.

Вскоре В.-Богдан пересматривает свою партийную программу на предмет вступления в ряды Р. К. П. Он погиб на своем революционном посту весной 1921 г.

Фуфрянский.

БОГДАНОВ С.,—См. Шаумян С.

БОГДАНОВА Мария Яковлевна — погибла в начале октября 1918 года. Она была работницей Экспедиции заготовления государственных бумаг. Ей было всего 20 лет, и она уже состояла членом коммунистической партии. Несмотря на свои молодые годы, т. Богданова никогда не знала никаких колебаний, даже в самые тяжелые моменты, никогда не изменяла своей рабочей партии; чутко прислушивалась ко всем ее призывам и стойко проводила их в жизнь. По первому призыву организовать продовольственные отряды для поездки за хлебом, тов. Богданова одна из первых записалась в отряд экспедиции. Несмотря на болезненное состояние и на уговоры товарищей по работе не ехать ввиду болезни, она все же поехала. Во время дороги истощенный недоеданием и беременностью организм не выдержал. Заболев, она скончалась в Саратовской больнице. Мария Богданова отдала все, что могла, за рабочее дело,—не только свою молодую жизнь, но и жизнь погибшего вместе с ней ребенка.

БОГДАНОВИЧ, ** —коммунист новгородской организации, агитатор, убит на Олонецком направлении из засады.

БОГОРОДИЦКИЙ ** **Сергей Александрович**, (парт. кличка—**Яков Васильевич**).— В 1905 г. в Орехове т. Яков Васильевич был ответственным организатором Орехово-Богородского района, и под его руководством проведен ряд забастовок: в Орехове, Ликине, Дрезне, Павловском Посаде и г. Богородске. Им же организованы боевые дружины в этих местах. В ноябре, в Городищах, ореховская дружина имела столкновение с казаками, где был убит товарищ Павел; Яков Васильевич, преодолев всякие трудности, организовал гражданские похороны. В декабре 1905 года во время Московского восстания, подавленного семеновцами, Яков Васильевич с одним студентом, по кличке, кажется, «Иннокентий» или «Валентин», вывезли из Москвы на себе нагруженное в санки оружие, которое были намерены доставить на Богородский склад. Не доходя версты полторы или две, товарищ свернул с дороги в лес, а Яков Васильевич пошел осмотреть путь и приготовить помещение, но у шлагбаума была засада казаков, которые его арестовали. Просидев некоторое время в Богородской тюрьме, был переправлен в Бутырки или Таганку (точно не помню), где он был опознан охранкой. Благодаря ошибке московской охранки в марте или апреле был освобожден из тюрьмы, но через полчаса была поставлена вся свора охранки на ноги для его поимки.

С. Богородицкий.

В 1906 г. он работал в военной организации и в Москов. Областн. Комитете, но уже в М. О. К. не состоял, имел только связь. Просьбу товарищей Моск. Обл. Комитета временно оставить работу и выехать из Москвы Богородицкий считал невозможным удовлетворить, так как была горячая работа в военной организации, которую он оставить не хотел. Дальше о его жизни не знаю, но помню одно, что он был врачем в провинции, где и был арестован. На почве революционной борьбы в тюрьме психически заболел и 18-го августа 1913 года помещен в Преображенскую больницу для душевно-больных, где и умер 10 марта 1920 года. *Т. Бугров.*

(«Братская Могила» стр. 42.)

БОГРАД * **Яков Ефимович** (Хаимович),—род. в 1878 г., мещанин, образование домашнее. Привлекался в Одессе в 1897 г. за участие в кружке и в обсуждении проекта устава «Южно-русского рабочего Союза», устраивал собрания и собирал средства на нелегальную литературу. Приговор: 1 год тюремного заключения, после которого выслан под гласный надзор полиции на 2 года в черту оседлости. («Материалы для биогр. словаря соц.-дем.» под ред. В. Невского.)

Воспоминания о т. Бограде.

Я встречался с т. Боградом на заседаниях пересыпского районного комитета одесской организации Р. С.-Д. Р. П. (объединенной) летом 1906 г.

Он пользовался там большим весом и уважением. На вид ему было за тридцать лет, что одно уже внушало нам, в большинстве крайне молодым людям, почтение. Самое же главное—т. Боград обладал огромной эрудицией и великолепной памятью. Его глубоконаучное, марксистское мировоззрение оказывало как на рабочих, так и на интеллигентов, входивших в районный комитет, большое влияние. Т. Боград вел организационную работу, но, видимо, ему больше была по душе пропагандистская деятельность в кружках высшего типа, подготовлявших пропагандистов. По взглядам он, насколько я припоминаю, в то время не примыкал ни к меньшевикам, ни к большевикам, работавшим тогда в одной организации.

Я. Боград.

В обращении он был крайне прост, никогда не давал понять своего умственного превосходства. Арестованный осенью 1906 г., я не имел сведений о т. Бограде и только осенью 1918 г., слышал, что он был расстрелян в Красноярске в октябре чехословаками.

Г. Крамаров (М. Исакович).

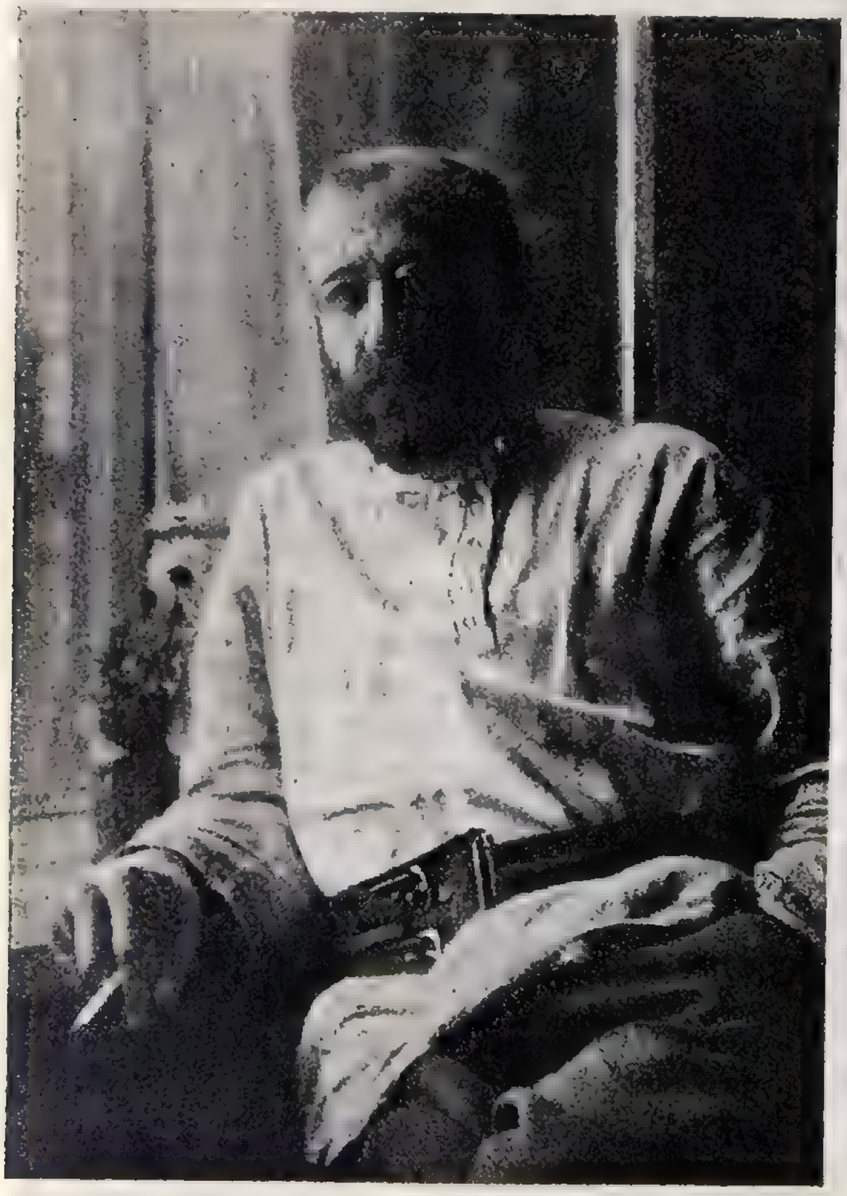
Яков Боград—дорогое и незабвенное имя! Впервые мы встретились в 1915 г. в городе Красноярске на частном совещании рабочих в Доме Просвещения, в одной из комнат, где помещалась столярная мастерская. Разбирался вопрос об издании Красноярской городской думой обязательного постановления о нормировке рабочего дня. Тогда же тов. Боград проявил себя твердым защитником рабочих интересов, отстаивая 8-часовой рабочий день в то время, когда другие считали возможным согласиться на 9-часовой рабочий день.

С виду покойному было 46—47 лет, росту выше среднего, телосложение крепкое, необыкновенной толщины, голова большая, голос грубый, немного надорванный, высказывался ясно, определенно, неособенно интеллигентной наружности, хотя, как я слышал, от товарищей, покойный имел среднее образование. Тов. Боград принадлежал как раз к тем людям, наружность которых бывает очень обманчива. С тех пор мы больше на арене политической и общественной жизни не встречались до 1917 года. После февральского переворота Боград состоял членом тогда еще объединенной, Р. С.-Д. Р. П., но был убежденным большевиком и таким остался после раскола красноярской организации. С самого переворота покойный занялся пропагандой коммунистических идей, читал лекции, рефераты, на митингах и собраниях выступал часто. И в тех случаях, когда он выступал, голос его был очень ценен, речь обдуманная. В руководящих органах покойный принимал очень малое участие, но зато был весь в распоряжении партии. Личной жизнью как будто и не жил, и ее у него не существовало; он посвятил всего себя народу.

После октябрьской революции тов. Боград перешел в полное распоряжение тогда организовавшегося в Красноярске окружного бюро партии большевиков, и свою деятельность перенес за пределы гор. Красноярска. В городах, деревнях и промышленно-заводских центрах читал лекции, рефераты, агитировал, и имя тов. Бограда стало известно и дорого всем рабочим Западной Сибири. Я помню его последний доклад, сделанный на заседании красноярского Сов. Раб.-Кр. и Кр. Депутатов. Много горькой истины пришлось услышать из уст покойного. Он нам поведал о настроениях рабочих, о нуждах и чаяниях крестьянства и об отношении последних к Советской власти. Слишком мало,—говорил он,—обращено внимания на крестьянство, агитация почти не велась, отсутствие продуктов и городских изделий ставит в безвыходное положение крестьян. Он призывал Совет и рабочих напрячь все свои силы, чтобы помочь деревне, ибо в ней залог прочности Советской власти, к которой начинается базразличное отношение, и покойный сказал правду. Когда начался белогвардейский переворот 1918 г., на призыв защиты Советской власти крестьянство не откликнулось. Через короткое время тов. Боград выехал из Красноярска. Белогвардейский переворот застал покойного на одной из угольных копей Сибири, где рабочие отказались выдать товарища в руки палачей; тогда была объявлена блокада копей, но рабочие решили ни в коем случае не выдавать своего учителя, хотя бы пришлось голодать. Много стоило трудов покойному, чтобы убедить рабочих в бесполезности сопротивления. И он сам отдался в руки палачей. Тов. Боград был препровожден в Красноярскую тюрьму, где, в качестве заложника, расстрелян 10 мая 1919 года. (Сборн. «Красная Голгофа», стр. 67, статья И. Олещук.)

БОЖЕНКО, ** — бывш. фельдфебель царской службы, киевский рабочий, член союза деревообделочников, участник киевского восстания рабочих против Центральной Рады в январе 1918 г.; был начальником отряда повстанцев в городском районе, где происходили самые кровопролитные уличные бои; со своим отрядом он хотел прорваться на Печерск на соединение с арсенальцами. Его отряд оказался окруженным целым полком. Они бросились в штыки, полк отступил, оставив убитых и раненых. Тов. Боженко погиб в Житомире, где он был с Таращанским полком. (Майоров. «Из ист. рев. борьбы на Украине», стр. 71.)

БОЙКОВ Михаил Петрович — род. в 1874 г. в Рязанск. губ. Кончил гимназию и поступил в Московский университет; со 2-го курса был исключен в 1894 г., арестован за принадлежность к студенческому об-ству и выслан на 3 года из Москвы. Работая статистиком в Орловской и Тульской губ., в Орле примкнул к только еще нарождавшемуся с.-д. движению. В 1895 г. был арестован в Туле, просидел 1 г. и выслан в Бирск на 3 года. По окончании ссылки ездил по делам организации ненадолго в Швейцарию, откуда вернулся в Уфу. В Уфе он скоро был арестован, привлечен за принадлежность к Уфимскому с.-д. комитету и за сношения с эмигрантами. Просидел в разных тюрьмах свыше $1^1/_2$ л. и выслан в Якутскую область на 10 л., в Средне-Колымск. В 1905 г., когда до Средне-Колымска дошли вести об известной «Романовской» истории, тов. Бойков с 5-ю товарищами организовал вооруженный захват колымского полицейского управления с целью протеста. После ареста он был препровожден в Якутск, где до суда просидел 4—5 мес. 5—7 дек. 1905 г. по суду все обвиняемые были оправданы (вследствие дальности расстояния и ж.-д. забастовки, сообщений с Евр. Россией почти не было, и якутская администрация, не зная, кто у власти, боялась судить). После суда по амнистии от 17 окт., т. Бойков вернулся в Европ. Россию. Здесь он вел партийную работу в Бердянске, а потом в Петрограде. В Петрограде он работал в профсоюзах, а в 1907 г. редактировал и сам составлял «Народный отрывной календарь» на 1908 г.; за последний он был присужден к 1 г. крепости; наказание отбыл в «Крестах» и затем выслан из Петрограда. После революции т. Бойков примкнул к соц.-дем.-интернационалистам, с которыми порвал в октябрьские дни; после октября он вступил в Р. К. П. и работал в бюро военных комиссаров и потом в Политуправлении Реввоенсовреспублики в качестве завед. учетно-распред. отделом, а потом нач. административн. отд. Во 2-й половине 1919 г. т. Бойков сделал 2 большие поездки, объехал политотделы почти по всем фронтам в качестве политинспектора и, вернувшись, почувствовал, что в тылу работать не может. С 1917-го года он, постоянно загруженный работой, не брал ни разу отпуска, не отдыхал ни одного дня, и нервная система не выдержала: на каждое явление окружающей его работы и жизни он реагировал чрезвычайно сильно.



М. Бойков.

Во время наступления Деникина на Орел, т. Бойков ушел добровольно на фронт. «Нужно отказаться от всего интеллигентского,—писал он с дороги своему самому близкому другу,—превратиться в рядового красноармейца и жить одной мыслью о поднятии боеспособности и бодрости своей части. Очень тревожит меня мысль, окажусь ли я хорошим военкомом. Самое главное — сойтись с красноармейской массой, проникнуться ее психологией, быть красноармейцу и братом, и начальником. Жить нужно одной мыслью — о боеспособности каждого отдельного красноармейца... Не важно, останусь ли я жив, лишь бы оказаться достойным той великой чести, которой судьбе угодно было наделить меня...» Он не остался жив, он не успел даже развернуть на новом своем поприще ни своих организаторских талантов, ни своего кипучего, проникновенного духа. Сразу, 14 окт., он попадает в плен и только после неоднократных попыток бежать, перенеся тягчайшие страдания, раздетый, голодный, он добирается до Харькова за неделю до прихода Красных войск, и, когда город в руках своих, он—такова жестокая ирония жизни—заболевает сыпным тифом и, 12 января 1920 г., одинокий, заброшенный погибает...

Так на боевом посту закончилась эта мятежная, всегда воинствующая жизнь. Постоянно горящий огнем революционного энтузиазма, прямой, ни в каких случаях своей жизни не сгибающийся, кристально честный и непримиримый, он сгорел в последнем порыве своей революционной энергии.

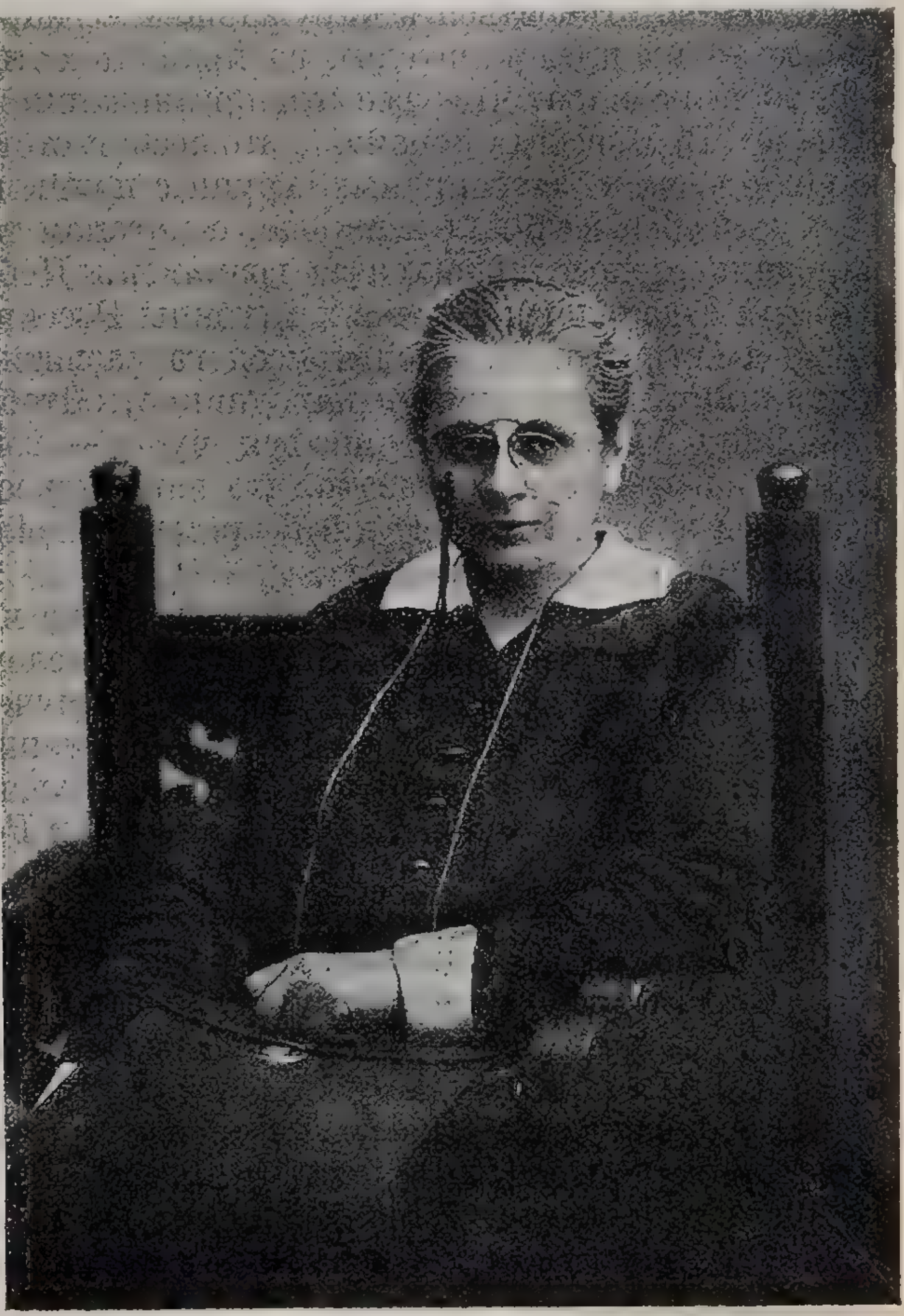
Р. Бархина.

БОЛДЫРЕВ Яков,—См. **Подтелков.**

БОЛШАКОВ,—екатеринбургский рабочий, расстрелян.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Вера Михайловна (Величкина). — В. М. Величкина (по мужу Бонч-Бруевич) родилась в Москве в 1868 г. Отец ее был священник, выделявшийся из своей среды особо внимательным отношением к бедным и нуждающимся своего прихода, которым всегда отдавал много времени. За исполнение для них треб не брал с них денег, за что нередко имел столкновения с остальным причтом прихода. Семья Величкиных была большая. Старшие братья учились в университете, и вместе с ними в среду семьи Величкиных пришло много студенческой молодежи, внесшей и оживление и толки на общественные темы того времени. Реакция царствования Александра III, пригнетавшая всякую общественную работу и мысль, отразилась и в школе, куда поступила В. М. Училась она во второй московской гимназии. Один из братьев В. М. был естественник. Он и его товарищи внесли в семью Величкиных познавательный дух исследователей, и В. М. с юных лет увлекалась естествознанием, работала с микроскопом, собирала гербариум, много читала естественно-научных произведений и в это же время прилежно изучала европейские языки, которыми овладела очень хорошо.

После гимназии, которую она окончила на 17-м году жизни, проведя несколько лет в семье, она затосковала. Наступил голод 1891 г. Вести из глубины России столь взволновали В. М., что она решительно не могла найти себе покоя, а более или менее сытая городская жизнь сделалась ей столь противна, что она старалась избегать всех знакомых, замкнулась, чтобы принять окончательное решение. Она почувствовала жгучую необходимость уйти туда, к голодающим, среди них жить и работать. Всего труднее ей было преобороть свою особо глубокую привязанность к матери, с которой она была особо нежна, дружна и близка. Поскольку возможно подготовив мать, она, как только появились сведения, что Л. Н. Толстой взялся за работу по борьбе с голодом, отправляется к нему, не будучи с ним знакома, и заявляет, что просит послать ее на работу. Окружавшие в то время Толстого рассказывают, что В. М. производила столь тщедушное впечатление, что они решили между собой, что она не может быть привлечена к работе по немощи сил, но Л. Н. сразу, по первому разговору, понял глубину душевного запроса В. М., сейчас же согласился и лишь спросил, когда она думает ехать. В. М. ответила ему: «Сегодня». Эта твердая решимость еще более привлекла Л. Н., и он предложил ей уехать на другой день, дав ей сразу ответственные поручения. В. М., заявив семье о своем непреклонном решении, на другой же день с малым легким ручным багажем двинулась в Рязанскую губернию, в центр деятельности толстовских организаций по борьбе с голодом. Здесь она проработала около года. Приехав с значительным запасом естественно-исторических знаний, воспитанная на принци-



В. Бонч-Бруевич, (Величкина).

пах народнической литературы, она встретила среди толстовцев совершенно новых людей, иного миросозерцания, иных стремлений в работе. Споря и отстаивая свою точку зрения, она, несомненно, почерпнула и для себя много полезного в общении с этими новыми своими товарищами, многие из которых искренне желали новой жизни, жизни с народом,—жизни трудовой и идейной.

По истечении года В. М. и здесь затосковала. И на работе по борьбе с голодом, и среди новых людей она не нашла себе удовлетворения. В 1892 г. она решает уехать за границу учиться медицине, что и осуществляет. Приехав в Цюрих и познакомившись с русской колонией, она серьезно берется за изучение нелегальной литературы и первое время находится под влиянием народовольческих групп. Достаточно быстро ориентировавшись в заграничных течениях, она начинает насмешливо относиться к окружавшим ее народническим организациям, нередко указывая их представителям на правильность мысли Г. В. Плеханова, который как-то выразился, что «все эти организации спокойно могут усесться на одном диване». В. М. всегда поражало это несоответствие многоречивости и саморекламы народнических заграничных групп с полным отсутствием реального содержания, связей и влияния в народе, о котором так много любили говорить остатки народников, поселившихся за границей. Побыв в самом доподлинном народе, в самых отдаленных деревнях глубины России, В. М. ясно чувствовала несоответствие действительного политического развития и требований крестьянской массы с чаяниями и ожиданиями народников. «Чтобы совершилось то, о чем мечтают народники, должно совершиться чудо, — говорила она,—а я в чудеса не верю и должна откровенно сказать, что народническая программа не имеет под собой реальной почвы. Им не на кого, кроме учащейся молодежи, опереться. Крестьяне их не знают и не понимают».

И В. М. устремила все свое внимание на социал-демократическую литературу. В это время она впервые выступает в нелегальной печати; ее корреспонденции о преследовании духоборцев в России и об мученической смерти в дисциплинарном батальоне отказавшегося от воинской повинности учителя Дрожжина были в 1894 г. напечатаны в «Лондонских Листках», издававшихся Фондом Вольной Русской Прессы. Возвратившись на каникулы в Россию, В. М. случайно заводит знакомства с народоправцами. Она не соглашается с их программой, но по традиции того времени дает приют у себя дома видной нелегальной народоправке М. И. Сыцянко (Ослоповой).

Осенью 1894 г. при отъезде за границу В. М. была арестована на вокзале Курской ж. д. Дома у нее был произведен тщательный обыск. Нелегальная Сыцянко арестована, а также были арестованы брат В. М. и ее сестра К. М. Охранное отделение усиленно создавало тогда процесс народоправцев. В. М. была привлечена к этому процессу. Но из дела быстро само собой выяснилась полная непричастность ее к процессу. Характерно для В. М., что всю нелегальную литературу, которую нашли в ее доме, она тотчас же взяла на себя. Но так как все найдено было в одном экземпляре, то этому обстоятельству жандармы не придали большого значения. В. М., просидев под следствием несколько месяцев, была освобождена по амнистии по случаю воцарения Николая II и в порядке усиленной охраны отдана на два года под гласный надзор. Она вскоре уехала из Москвы в Воронежскую губ. и занялась в отдаленных деревнях фельдшерской практикой и культурно-просветительной работой.

Вернувшись в Москву летом 1895 г., она примыкает к уже сложившемуся в то время молодому кружку соц-дем., работавшему среди московского пролетариата. В этом же году она пробует заняться литературой и пишет популярную биографию братьев Гракхов, которую к печати запрещает московская цензура. В 1896 г. она уезжает за границу, полная планов работы и деятельности, имея от нескольких московских с.-д. кружков, к тому времени уже начавших объединяться в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», поручения к группе «Освобождение труда» и, в частности, к Г. В. Плеханову и П. Б. Аксельроду.

За границей она присоединяется к группе товарищей, организовавшейся возле Плеханова и Аксельрода, и принимает участие в идейной борьбе против рабочедельцев. Окончив Бернский университет, она, в качестве врача, уезжает в Канаду с духоборами, которых правительство Николая II, после жестокого разорения, экзекуций и уничтожения в ссылках, решило выслать навсегда из России. Пробыв в Канаде 13 месяцев, где она своими сообщениями в прессу возбудила широкие симпатии канадской рабочей партии к духоборам, разоблачив отрицательную деятельность некоторых местных властей, она возвращается в Европу. За время пребывания в университете и в Канаде она написала и перевела ряд книжек. К оригинальным работам этого времени относятся: «Друг детей»—биография Песталоцци; «Швейцария»—всестороннее описание этой страны для юношества; «Духоборы в Канаде». Из переводной литературы она более всего работала над романом Поленца «Крестьянин», появлению которого в России придавала большое значение и перевод которого ей так прекрасно удался. В это же время она приготовила к печати две книги Вагнера: «В поле и на лугу» и «Жизнь замечательных растений» и для малых детей—«Что рассказывала мама».

Вернувшись в Европу и немного отдохнув, она решила вернуться в Россию. При переезде через границу ее арестовали и препроводили в Петербург в одиночное заключение. В тюрьме она сильно заболела; ее выпустили из тюрьмы прямо в больницу, где у нее родилась дочка, умершая на другой день, по заключению врачей, от тяжелых условий тюремной жизни матери. Проболевшей очень сильно, еле поправившейся, ей разрешили выехать за границу, куда она и возвращается в 1901 году и работает в социал-демократической организации «Жизнь», которая в то время издавала за границей журнал и отдельные книжки. Присоединившись к той части организации, которая стремилась к объединению с работавшей тогда за границей «Лигой с.-д.», а в России организацией «Искра», Вера Мих. ребром поставила ряд организационных и теоретических вопросов, волновавших в то время работавших с.-д., и тем самым возбудила оживленную дискуссию среди членов с.-д. организации «Жизнь». Когда на последнем ее съезде в Женеве голоса разделились почти поровну: одни желали полного объединения с «Искрой», другие отстаивали собственную самостоятельность; одни стремились в ряды революционной с.-д., другие тянулись к беспочвенному индивидуалистическому анархо-синдикализму,—В. М. всецело и безраздельно стала в ряды первых, и в тот же день, как только организация «Жизнь» проголосовала свою ликвидацию, она была, вместе с пишущим эти строки, у Г. В. Плеханова, который тотчас же предложил нам формально вступить в ряды «С.-д. Лиги», так как не формально, а всем делом, работой и помощью этой организации мы там себя считали давным давно.

Это было 22 декабря 1902 г. Поселившись окончательно в Женеве и после раскола нашей партии всецело присоединившись к группе большевиков, В. М. отдала все силы на работу по указанию нашей организации. Принимая посильное участие в борьбе за революционную с.-д. партию, участвуя на съезде Лиги, а после в организации известного протеста «22», она сосредоточила свои силы на литературных работах. В эти годы она перевела Энгельса «Крестьянский вопрос», Гэда и Лафарга «Программа рабочей партии», Каутского «Очередные проблемы международного социализма», Маркса «Критику Готской программы» и мн. другие произведения тех же авторов. В это же время она не забывала и беллетристику и перевела романы и рассказы Поленца, Розеггера, Ан. Франса и мн. др. В России она сотрудничала в журнале «Образование», а за границей принимала близкое участие в редакции партийного журнала «Рассвет» (социал-демократический листок для сектантов), помещала заметки и обрабатывала материалы для «Искры» и «Вперед», издала в издательстве партии составленный ею сборник революционных стихотворений «Перед рассветом». В это же время она написала свою двухтомную «Историю инквизиции». В эти же годы В. М. принимала некоторое участие в журнале «Свободная Мысль», издававшемся в Женеве П. И. Бирюковым, и еще ранее ее письма о положении политических ссыльных в России были напечатаны в сборнике «Свободное Слово», издававшемся в Англии под редакцией П. И. Бирюкова в издательстве «Свободное слово» (А. и В. Чертковых). Она одно время принимала также участие в редактировании изданий «Народных Листков», которые в Женеве издавал Д. А. Хилков. По ее настоянию в этой серии была напечатана речь рабочего Петра Алексеева и др. произведения, необходимо нужные рабочей массе того времени. Когда эти «Листки» стали принимать окраску с.-р., В. М. отказалась их редактировать.

С разрешения Совета партии в 1904 г., согласно резолюции второго съезда партии, в Женеве стал издаваться социал-демократический листок для сектантов «Рассвет». В. М. приняла в этом издании самое живейшее участие и написала ряд статей как на современные события дня, так и исторического содержания. Некоторые из этих статей после были перепечатаны отдельными книжечками и выдержали много изданий. Так три очерка по исследованию религий были соединены в одну книжечку под названием «О священных книгах». Биография рабочего Вейтлинга, под названием «Борец за свободу», также вышла во многих изданиях.

Во время раскола партии В. М. в группе большевиков взяла на себя хлопотливую обязанность так называемого «мелкого транспорта». Дело в том, что нам необходимо было сейчас же по выходе наших изданий, как отдельных брошюр, так и нашей газеты «Вперед», или воззваний, листков, дискуссионных и политических материалов, тотчас же переплавлять их в Россию, хотя бы в единичных экземплярах. Наши рабочие организации, комитеты и отдельные ответственные товарищи должны были иметь их как можно скорее для того, чтобы они могли бы всегда знать и чувствовать ту политическую линию, которую твердо вел наш главный женевский редактор и вождь большевиков, В. И. Ленин.

Вера Мих. дала одному «своему» переплетчику-швейцарцу, сочувствовавшему нашей работе, задание: изобрести такой клеевой состав, который бы мог склеивать тончайшую отпечатанную бумагу, а при размачивании легко бы можно было отделять лист от листа. Наш швейцарский друг произвел множество опытов и добился того, что склеенную нашу литературу, отпечатанную на тончайшей «библейской» бумаге, на которой обыкновенно в Англии печатают Евангелия, или на бумаге подходящего сорта можно было, осторожно размочив в тазу теплой воды, свободно отделять лист от листа, просушивать и свободно читать как обыкновенную газету. В то время для нашей практической цели это было большое достижение и давало большие преимущества при отправке, так как при склейке достигался наименьший объем; а самое главное, все склеенное употреблялось как картон для переплетов, паспарту, картон для наклейки картин, для страниц альбомов, как дно и стенки чемоданов, несессеров, подставок для ручных зеркальцев, как масса для изготовления футляров, картонок для дамских шляп и т. п. всевозможных предметов. Достигнув этого технического усовершенствования, В. М. сама и через своих знакомых как в Женеве, так и в других городах, чтобы не обратить внимание русских шпионов, которые всюду появлялись в Женеве, стала скупать всевозможные вещи и безделушки, перенося их отчасти к себе на квартиру, отчасти сохраняя в различных квартирах г. Женевы. И дело закипело. Множество экземпляров нашей литературы были заделаны в эти весьма изящные вещички. Всевозможные мадонны и др. гравюры лучших западно-европейских художников с величайшим искусством и изяществом первоклассного переплетного мастера были наклеены на картон как в одиночку, так и целыми альбомами, всецело состоявшими из нашей литературы. Надо было проявить лишь особую осторожность при раздаче этих предметов едущим в Россию случайным путешественникам, чтобы не привлечь внимание шпионов, что и было вполне достигнуто рядом обходных движений.

Очень часто какая-либо архи-буржуазная семья или студентка, едущая в Россию, даже и отдаленно не подозревали, что, везя с собой изящные подарки «родственникам» и «знакомым» В. М., они представляли из себя надежных транспортировщиков и ехали буквально начиненные нашей литературой. Гравюры мадонн и пр. мы просто отправляли по почте через переплетчика, и я не знаю случая их провала.

Когда наступили бурные времена 1904 и 1905 г.г., когда грянуло 9 января 1905 года, Вера Мих. тотчас же приняла самое горячее участие в сборах пожертвований в пользу пострадавших рабочих и в первые же дни обходила, вместе с другими товарищами, торговые фирмы, магазины частных лиц и пр. и собрала довольно значительную сумму денег. Также все эти годы Вера Мих. состояла представительницей от большевиков в объединенной организации политического Красного Креста, центр которого за границей был в Женеве.

С наступлением октябрьской революции 1905 года В. М. уехала в Петроград, где была вскоре арестована на последнем заседании Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Просидев несколько месяцев в тюрьме, она от суда и следствия была освобождена, так как была арестована в числе публики, пришедшей на заседание Совета.

Оправившись от тюрьмы, где она серьезно заболела, В. М. принялась за работу в партийном издательстве «Вперед», где состояла членом редакции. Когда это издательство было разгромлено охранным отделением, а организаторы его посажены в тюрьму, когда с каждым днем черная реакция все более и более захватывала пошедшую на убыль революцию, В. М. пришлось сильно сжаться в работе, ибо квартиру осаждали шпионы, а обыски в ней производились чуть ли не каждую неделю. В. М. перекинула свои силы на организацию рабочих клубов, которые устраивала в самом центре рабочих кварталов. Один из таких клубов—клуб «Наука»—просуществовал почти десять лет, хотя не менее раза в год был изгоняем из квартиры под разными предлогами полицией. В эти годы безвременья Вера Мих. принимала посильное участие в работах нашей думской фракции всех созывов и на выборах по рабочей курии Петрограда. Также работала в газетах «Звезда» и «Правда», всеми мерами помогая товарищам, приезжавшим из-за границы и др. городов, поддерживать связи с рабочей массой. Когда в 1912 году наступил голод в Уфимской губернии, она поехала туда и, поселившись в самой глуши башкирских селений, организовала там столовые и медицинскую помощь. В эти же годы она принимала самое горячее участие как бессменный ученый секретарь и один из редакторов петроградского книгоиздательства «Жизнь и Знание», где по ее рекомендации было напечатано много общественно-полезных книг.

В это же время В. М. не пропускала ни одного съезда, который был бы полезен для рабочей массы, и тотчас же принимала самое живейшее участие в агитации за съезды среди рабочих хорошо известных ей кварталов, где она всем была знакома как врач. Частной практикой она не занималась, но всегда, без отказа, днем и ночью, шла в самые глухие места петроградских Песков, где население ее настолько хорошо знало, что даже воры и громилы этой местности как-то раз прислали к ней на квартиру специальную депутацию и заявили ей: «Мы, воры и песковские громилы, пришли к тебе сказать от всей нашей компании—даем тебе свободу на Песках, ходи, где хочешь, свободно—такое вышло наше постановление. Мы знаем, как ты пользуешь народ, и когда мы послали к тебе ночью помочь нашему товарищу Петьке Хлюсту—ты пришла ночью к нам на самую окраину, куда полиция боится ходить, и пробыла у нас два часа, обмывая его раны и даже не подозревая, в каком страшном месте ты была... одна, женщина и ночью, нас это очень удивляет. А Петька выздоровел и теперь вон стоит и караулит нас на лестнице».

Когда в Петрограде на Выборгской стороне рабочими была организована первая больница страховой кассы рабочих, Вера Мих. тотчас же была туда приглашена и, несмотря на свою крайнюю занятость, она точно и регулярно приходила три раза в неделю на прием детей рабочих, так как ее главная специальность была детские болезни.

Когда грянула великая империалистическая война, Вера Мих. сразу стала к ней, если так можно выразиться, в оппозицию. Ей казалось полным безумием все то, что делалось вокруг нее. Но когда в Петроград потянулись бесконечные вереницы раненых, она забеспокоилась и стала собирать мнение ответственных партийных товарищей относительно предполагаемой ее поездки на позиции в качестве врача на помощь раненым солдатам. Конечно, решительно никто, и в том числе наша думская фракция с.-д., не опротестовали этого ее желания, и она, быстро собравшись, уехала в Киев, а оттуда на передовые позиции в Австрию.

Не однажды находясь под действительным огнем неприятеля, Вера Мих. и здесь, в этой совершенно небывалой для нее обстановке, нашла себя и делала свое медицинское дело так же отчетливо, невозмутимо и добросовестно, как это обыкновенно ей было присуще. Очевидцы ее работы рассказывают, что она совершенно не знала чувства страха и под действительным артилерийским огнем, например, при известном австрийском прорыве Макензена, когда все бежали, она, стыдя мужчин, во главе своего отряда, как старший врач продолжала эвакуацию раненых до последнего человека и последнего вагона, уезжая сама в буквальном смысле слова на последнем вагоне последнего поезда, вслед за которыми наши саперы взрывали путь и полотно.

Пробыв около полутора года на фронте, Вера Михайловна решила вернуться в Петроград. Пред самым отъездом ей было поручена организация борьбы с холерой в так называемом Шутковском лагере в Каменец-Подольской губерний, где были сосредоточены русские беженцы. Холера там была ужасная. Вера Михайловна рассказывала, что когда она приехала туда в качестве старшего врача с небольшим медико-санитарным отрядом, то ее особо поразила первая ночь жизни в этом лагере. Весь лес, в котором расположен был этот лагерь, стонал. Оказалось, что там, под открытым небом, приютились тысячи людей, среди которых холера, воистину, свирепствовала. Больные были без всякой помощи. В страшных мучениях умирали они десятками. На другое же утро принялась Вера Михайловна за организацию медицинской помощи. В разбросанных старых бараках она организовала подобие госпиталя, куда и стала свозить больных, которые валялись всюду. Сотни умерших пришлось хоронить в братских могилах. С невероятными усилиями Вере Михайловне удалось-таки наладить это дело, несмотря на то, что ранее посланный туда отряд Красного Креста позорно бежал из лагеря, заявив, что там ничего нельзя сделать, и все беженцы обречены на смерть.

Недели через две эпидемия заметно стала ослабевать; в лагере были введены строжайшая дисциплина и порядок. Сослуживцы Веры Михайловны рассказывали, что она, забыв всякую субординацию, поставила всех на ноги, обращаясь ко всем в письменной форме с самыми резкими письмами по поводу преступлений, творимых всяким начальством по отношению к беженцам, и в скором времени к лагерю подвезли и провиант и медикаменты, а позорно бежавшее «начальство» приехало благодарить. Вера Михайловна встретила начальство, что называется, «в штыки» и так отчитала при всех какого-то важного представителя Красного Креста у братских могил умерших, указывая на эти жертвы, как на жертвы «деятельности» этой организации, что «начальство» постаралось как можно скорее убраться во-свояси.

Закончив дело Шутковского лагеря, Вера Мих. вернулась в Петроград.

В Петрограде (в 1916 г.) в то время уже заметны были проблески рабочего подъема. Отдохнув немного, Вера Мих., помимо редакторских своих обязанностей в книгоиздательстве «Жизнь и Знание», стала работать в рабочей массе через клубы и рабочие амбулатории, которые тогда уже стали возникать.

В этом же году Вера Мих. начинает особо усиленно заниматься, возвращаясь к своей давнишней работе — изучение положения детей и подростков в ремесленном и фабрично-заводском труде. Она через одну из легальных организаций (так называемое «попечительство») проводит текст анкеты с соответствующим воззванием и распространяет его через рабочих по мастерским и фабрикам; ходит сама, пользуясь мандатом попечительства, по множеству ремесленных и т. п. заведений, изучает положение детского труда, записывает анкеты со слов детей и собирает значительный материал, который и обрабатывает в виде доклада. Здесь впервые она намечает всю ту систему работы и борьбы за детскую жизнь, как говорила она, которую после, во время октябрьской революции, она провозгласила в качестве программы деятельности школьно-санитарного дела при Наркомпросе.

Подошла февральская революция. В первую ночь расстрела народа правительственными войсками, когда Вера Мих. после информационного собрания ближайших товарищей отправилась вместе с другими на улицу, и когда почти никто не хотел верить, что это начало революции, она твердо почувствовала, что это действительное начало конца; вернувшись домой, была в особо приподнятом настроении и всю ночь работала над составлением сборника революционных песен, который она назвала «Песни революции», буквально потребовав от меня «завтра же печатать» эту книжку, ибо «народ должен петь песни революции». И завтра действительно произошла революция, связанная с выступлением Волынского полка. Начались уличные бои. Вера Мих. сейчас же принялась за организацию революционного «Красного Креста», выезжая всюду с отрядами на помощь раненым на улицах и, наконец, сосредоточила свою деятельность по помощи раненым в Рождественских бараках, где также неутомимо работал хирург, доктор В. Д. Соколов. Через два дня, сияющая и торжествующая, она появилась в редакции «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и стала первым секретарем редакции, где и проработала вплоть до захвата «Известий» меньшевиками.

Чем ближе к октябрю, тем более деятельность большевиков начинала вновь оживать после временного затишья, наступившего после июльского выступления. Лишь только грянула октябрьская революция и в красной столице водрузился образцовый революционный порядок, Вера Мих. тотчас же организовала революционный «Красный Крест», который и был двинут на позиции против войск Керенского, а потом, когда затихли пушки, она сейчас же принялась за устройство школьно-санитарного отдела при Наркомпросе. Она вскоре приступила к изданию «Бюллетеня» отдела, в № 1 которого изложила всю программу деятельности отдела. Эта программа легла в основу всероссийской организации школьно-санитарного дела в России.

Когда это дело стало налаживаться и работа закипела, переехав вместе с центральным правительством в Москву, Вера Мих. вскоре стала ощущать огромный пробел в общей структуре деятельности правительства. Она настаивала на организации Народного Комиссариата Здравоохранения. Первые совещания по организации этого нового комиссариата состоялись у нее на квартире. На них она привлекла тов. Дауге, тов. Первухина и некоторых других. Тов. Первухина она все время хотела видеть в качестве народного комиссара, так как за двадцать лет совместной работы с ним знала, что он обладает организаторскими способностями, уменьем отделять главное от второстепенного и безусловной настойчивостью в проведении решений в жизнь без колебаний и посторонних влияний, а это, по ее мнению, было все очень важно в этом новом деле, ибо она прекрасно знала врачебную среду и среду низшего медицинского персонала, доведшего тогда больницы до истинного ужаса, и знала, что для того, чтобы ввести все это в рамки, нужна сильная воля и энергичная деятельность. Сама Вера Мих. была назначена Совнаркомом членом первой коллегии Наркомздрава.

Отдавая всю себя советской работе, она не щадила своего здоровья, ясно сознавая, что очень сильно подрывает силы. Редкую ночь она ложилась спать ранее трех-четырех часов, а к десяти всегда была уже на своем посту.

Когда случилось покушение на В. И. Ленина, она была одним из первых врачей у его постели и дежурила около него первые ночи. Прекрасно понимая—и скрывая от окружающих—всю почти смертельную опасность, которой подвергался в эти дни Владимир Ильич, она говорила мне, что ранение таково, что оно не имеет даже клинического значения, ибо при таком прохождении пули слева направо под шею, мимо позвонка и пищевода, почти неизбежна смерть; а если здесь не случится этого, то это просто какой-то странный случай. Имея во время войны на своих руках тысячи раненых, она чувствовала всю ту опасность, которая нависла, как темная туча, над революционной Россией и переживала эти дни в громадной скорби.

В сентябре, когда здоровье Владимира Ильича стало поправляться, Вера Мих. с новой энергией принялась за дело, отдавая себя всецело заботам о детях. Надвигалась голодная осень, и она из всех сил хлопотала получить правительственную субсидию на бесплатное питание детей в школах. В конце сентября к ней неожиданно на квартиру пришла совершенно неизвестная, крайне бедная женщина, прося помощи, заявляя, что она больна. Температура оказалось 40°, Вера Мих., узнав, где она живет в Кремле, пошла сопровождать ее, чтобы дать нужные указания семье (больницы в Кремле еще не было). Ей пришлось вести эту больную, все время поддерживая ее, так как та почти падала.

Через два дня после этого дочь Веры Мих., Леля, заболела какой-то странной инфлуэнцей; через день свалилась няня Лели, заболев такой же весьма странной инфлуэнцей. Вера Мих. лечила их сама. Дочь стала поправляться, но Вера Мих. свалилась. Имея температуру 39°, она все-таки была в Совнаркоме и защищала законопроект об ассигновании сумм для бесплатного детского питания во всероссийском масштабе. На другое утро ей стало еще хуже, но она буквально вырвалась из дома и поехала на согласительное заседание комиссии, куда был передан этот законопроект.

Вернувшись часа через полтора, она совершенно свалилась. Температура была 40°. К утру температура спала, но вдруг среди дня обнаружилось новое громадное повышение и признаки воспаления легкого. Доктора определили болезнь; Вера Мих. была поражена испанкой.

На третий день она уже не могла подняться и лишь делала некоторые распоряжения и подписала срочные бумаги и чеки на выдачу пособия для питания детей в школах. На четвертый день положение сильно ухудшилось: она была в полусознании, иногда совершенно забывалась. У постели дежурили бессменно товарищи-врачи. В ночь на 30-ое сентября Вера Михайловна скончалась, имея 50 лет от роду, оставаясь до последней минуты на своем посту, на который поставила ее октябрьская пролетарская революция.

Похоронена Вера Михайловна на Ваганьковском кладбище.

Владимир Бонч-Бруевич.

БОРГА Вальтер,—финляндский с.-д., умер 10 июля 1918 года.

БОРДОВСКИЙ, **—коммунист, умер от тифа в средине мая 1919 г. (Сведения взяты из сб. «Вел. Кр. Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

БОРЕВИЧ П. М.—29-го августа 1921 г. выстрелом в упор, произведенным бандитом, наемником Савинкова и Балаховича, убит один из преданнейших революции красных командиров, начальник войск В. Ч. К. западной границы республики, тов. П. М. Боревич.

Один из товарищей, близко знавших покойного тов. Боревича, в своих воспоминаниях о нем говорит: «Я помню бесстрашный вид покойного, постоянно бодрого, непоколебимого, глубоко верящего в победный конец и торжество начатаго дела освобождения пролетариата. Этот неутомимый человек, не знавший в работе ни дня, ни ночи, будучи беспрерывно занят обязанностями по должности, умел всегда уделять много внимания и времени и партийной деятельности. Он как будто инстинктивно чувствовал свою близкую смерть и своей кипучей работой желал наверстать остающийся ему короткий жизненный срок. Черты видного, неутомимого революционно-активного, строго-сурового в своей работе деятеля переплетались в нем с необыкновенно добрым и чутким сердцем и снискали ему глубокое уважение и преданность подчиненных. Своей неутомимой деятельностью тов. Боревич навлек на себя страстную ненависть врагов русского пролетариата. Вся свора Савинкова и Балаховича видела в нем серьезного противника, могущего помешать гнусному делу: не дать нам строить свою мирную жизнь. Они следили, искали удобного случая уничтожить опасного врага.

И действительно, момент для убийства тов. Боревича был выбран удачно. Тов. Боревич убит во время объезда вверенной ему границы, на своем боевом посту.

Другой соратник тов. Боревича, вспоминая о том периоде, когда тов. Боревич командовал 15-й кавалерийской дивизией, характеризует его такими словами: «С первого появления он дал почувствовать всей дивизии, что глава ее—действительно боец-коммунист, закаленный в боях с контр-революционными бандами. Еще недостаточно оправившись от полученных на фронте ранений, прихрамывая, он уже инспектировал молодую дивизию. Своими боевыми качествами, знанием дела, добросердечием и беспристрастием тов. Боревич сразу зарекомендовал себя среди всего состава дивизии истинным красным вождем и революционером-коммунистом. Под командованием тов. Боревича, воодушевляемая его личным примером, 15-я дивизия могучим нажимом прорвала польский фронт, глубоко зашла в тыл противнику и оказала неоцененную услугу нашим красным войскам. За лихие налеты и подвиги поляки прозвали дивизию тов. Боревича «Черной Дивизией».

По происхождению тов. Боревич—сын польского середняка-крестьянина, уроженец Сувалкской губернии. Уже в 1905—1906 годах тов. Боревич за свою революционную деятельность подвергался преследованию жандармерии, хотя и не состоял в то время членом партии. Официально в члены Р. К. П. тов. Боревич вступил в 1918 году и с самого начала организации Красной армии, не покладая рук, работал для победы российского пролетариата над его врагами. В Красной армии тов. Боревич занимал ряд ответственнейших командных должностей. За свои боевые подвиги он был награжден золотым портсигаром и орденом Красного Знамени и представлен ко второму ордену Красного Знамени.

Умирая от смертельной раны, нанесенной ему преступной рукой бандита, тов. Боревич нашел в себе силы закончить свой жизненный путь словами: «Да здравствует Советская власть! Да здравствует коммунизм!».

БОРИСЕВИЧ Феликс,—красноармеец команды разведчиков Варшавского Красного полка, пал на боевом посту в апреле 1918 года.

БОРИСОВ.—В ночь с 1-го на 2-ое декабря 1918 г. в бою под Новохоперском, 2-я рота N-го особого батальона потеряла связь с остальными ротами и, по показанию бежавших из плена, была сдана казакам командиром той же роты, бывшим поручиком Полударовым. Днем 2-го дек. пленные были построены на площади вышеуказанного города. Банды Краснова стали отбирать деньги и снимать всю одежду с красноармейцев. Раздевали до нижнего белья. Грабеж и насилие продолжались несколько часов. Потом стали требовать выдать коммунистов. Предатель Полударов указал на тов. Борисова, бывшего политическим работником 2-й роты и состоявшего в организации сочувствующих коммунистам. Тов. Борисова сейчас же схватили и спросили: «Говори, ты коммунист?» Он с гордостью ответил: «Да, я коммунист». Его повели к оврагу и расстреляли. Тело тов. Борисова лежало неубранным и раздетым до тех пор, пока город вновь не был занят нашими войсками. Тов. Борисов был энергичным и неутомимым работником. Происходил он из крестьян Московск. губ. (деревни Скробыхово), работал в Алексеевском волостном Совете. («Изв. Наркомвоен» № 88 от 29 апреля 1919 года.)

БОРИСОВ ** Андрей Семенович,—командир телефонно-телеграфного дивизиона особого батальона связи штаба 14-й армии, умер от сыпного тифа в марте 1920 г. («Правда» № 171 от 5 августа 1920 г.)

БОРМАТОВ ** Володя,—член Р.К.П. и Р.К.С.М., убит на восточном фронте в начале 1920 года. Веселый, жизнерадостный товарищ, он был душой самарской организации. Выдвинувшись в боевых делах, занимая пост военкома полка, тов. Борматов был на высоте своего революционного положения. Он погиб в то время, когда Красная армия, нанеся непоправимый удар Колчаку, наступала на Омск. Последнее его письмо гласило: «Вперед, или победить, или умереть!». Через два дня его не стало, но мысль его и желание были доведены до конца. Колчак был разбит, и Сибирь стала красной. («Красная Быль» Сборн. Самарск. Бюро Испарта.)

БОРОВОЙ,—20 лет, член Р. К. П., судился полевым судом по делу евпаторийской организации, казнен в Евпатории в 1920 г.

БОРОДИН, **—см. Аппельбаум.

БОРОНКИНСКИЙ, **—милиционер. Труп его с раздробленной головой был найден 16 октября 1921 г. в Луженской волости, в реке, между деревнями Семибратчина и Тесны; на голове его обнаружено 27 мелких ран. («Вел. Кр. Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

БОРЯН Арменяк,—см. **Шаумян С.**

БОЧАРОВ Яков Иванович,—рабочий военно-промышленного завода, еще до революции принимал участие в работе больничных касс и зарекомендовал себя как прекрасный работник-страховик. Февральская революция застала его на военно-промышленном заводе, где он пользовался среди пятитысячной массы рабочих огромной популярностью. Он был избран председателем завкома, членом президиума Басманного Совета и членом Московского Совета. Рабочие не ошиблись в своем выборе, ибо нашли в нем хорошего политического руководителя, неутомимого в работе, спокойного, решительного, с прекрасной чуткой душой и незаурядными организаторскими способностями.

После октябрьской революции, когда завод закрылся, тов. Бочаров ушел работать в московский отдел труда, как член коллегии; потом много работал по проведению слияния общегородской больничной кассы с отделом социального обеспечения и охраны труда, где в последнее время работал, как заведующий губ. отделом труда и соц. обеспечения. Несмотря на те обязанности, которые на него возлагались работой в центре, он не оставлял партийной работы в районе на фабриках и заводах и был с ними теснейшим образом связан. Несмотря на $2\frac{1}{2}$ г. работы в центре, популярность его среди рабочих в районе дала ему возможность пройти на выборах объединенных фабрик в члены Московского Совета и затем в члены Исполкома.

Тов. Бочаров был делегирован в г. Подольск на конференцию по охране труда. После доклада у него хлынула горлом кровь. Вернувшись в Москву, он продолжал работать, не обращая никакого внимания на свою болезнь, и вскоре окончательно слег. Скончался 8 марта 1920 г. («Правда» № 56 от 12 марта 1920 года.)

Я. И. Бочаров.

Яков Иванович происходил из крестьян Тульской губ., Каширского уезда. Отец Бочарова не мог прокормить своей семьи небольшой полоской земли, у него имевшейся, и он, как большинство подмосковных крестьян, уходит на фабрику. С большим трудом на крохи, привозимые домой, ткач Иван Бочаров растит своих двух сыновей и трех дочерей. Старшим из детей был Яков. Пройдя суровую школу крестьянина или пролетария, отец Бочаров стремится дать доступное для детей крестьянина образование: почти все кончают двухклассное сельское училище. В школе Яков своими способностями обращал на себя внимание учителей и пользовался любовью сотоварищей. По окончании училища Яков Бочаров отвозится отцом в Москву в «учение» в мастерскую. Сознавая себя помощником семьи, молодой слесарь-водопроводчик стремится познать свое ремесло в совершенстве, и через два года учения Яков Бочаров участвует, как монтер, в сложных работах по прокладке и ремонту водопровода и отопления по Москве, присматриваясь и отмечая резкую разницу между жизнью рабочего и имущего.

1905 год Якова Бочарова застает токарем на арматурном заводе Гагенталь. Молодой токарь не принимает активного участия в движении, но борьба рабочих, волна забастовок оставили глубокий след в душе Я. И. Находясь все время в самой чаще рабочей массы, великолепно изучив ее, Я. И. в разговоре о забастовках образно рисовал роль молодых, стариков, семейных мастеров и героев-вождей, организаторов и вдохновителей выступлений.

В 1915 году Бочарову предлагают место мастера. Бочаров принимает мастерство в небольшой мастерской, но, пробыв в этой должности всего три месяца, он бежит оттуда, заявляя, что он не желает быть ставленником хозяина над рабочими, а стремится быть вместе с ними. Бочаров переходит на военно-пром. завод. Здесь он выдает себя лишь за токаря и до самой революции, несмотря на неоднократные предложения стать мастером, упорно отказывается от этой чести, не желая порывать связь с массой.

В октябрьские дни Бочаров, как член Революционного Комитета басманного района, руководит целым рядом сложных операций (штурм Лефортовской военной школы, организация охраны винного склада), принимая непосредственно деятельное участие в восстановлении порядка в районе.

Отличительной чертой Я. И. было умение отдаваться всем своим существом порученной ему работе. Совершенно пренебрегая своими интересами, он во главу угла всегда ставил интересы дела. Порученное ему дело он всегда изучал досконально, и рассуждения его были обстоятельны, прямолинейны, свидетельствовали о знании предмета.

Як. Ив. Бочаров был недюжинным оратором. При выборах в Совет ему ежедневно поручалось выступать на одном—двух собраниях, и рабочие Москвы несомненно помнят этого типичного рабочего, с шапченкой, надвинутой на уши, в синем потертом пиджачишке, подвязанного шарфом. Будучи уже совершенно больным, он не отказался ни от одного выступления, с большим успехом проводя собрания рабочих. Роковым для него выступлением была конференция в Орехове. После полуторачасового доклада у него хлынула кровь горлом. Он спешит, вопреки наставлениям врачей, в Москву, сдает дела. Здесь с ним происходит второй припадок. Его переводят в санаторий «Высокие Горы», над созданием которого он немало потрудился (теперь санаторий имени Я. И. Бочарова), и через 10 дней он умирает. Умер Як. Ив. 32 лет, в расцвете сил, энергии, явив пример того, сколько мощи, организаторского таланта и умения строить новую жизнь таит в себе русский рабочий. Погребен на Красной площади («Красная Москва», 1917—1920 г.г., стр. 276).

БОЧКИН. ** — См. **Билецкий.**

БОЯДЖИЕВ** **Федор Петрович.** — В 1910 г. т. Бояджиев был студентом Петроградского Лесного института. От него веяло чем-то бодрым, новым и как-то на душе становилось легко с ним. Он умел подойти к людям в горе и утешить; скажет просто, мило, и становилось легко, отрадно. Сам он никогда не падал духом. Он был с закаленной сильной волей и с большой верой в людей.—«Вот мой Бог,— говорил он, — вера в людей». В то время он был жизнерадостный, восторженный, а иногда даже большое доверчивое дитя, у него не было плохих людей; если ему приходилось встречать в жизни плохое, он всегда искал причины, почему это так, и что заставило быть плохим. Сам он очень нуждался, жил в сырой комнате и часто голодал. Он был родом из Болгарии, родился в городе Ямболе, где учился в начальном училище, а потом в Киеве в духовной семинарии и в детстве мечтал быть миссионером, проповедником. Эта кристально-чистая, мятущаяся душа искала правды и красоты в людях и умела находить. Умел он также ценить искусство и музыку и обладал большим художественным чутьем. Т. Бояджиев так любил жизнь, но вся она у него была сплошное страдание, и много пришлось ему пережить гонений за свой революционный дух. В 1905 г. он был исключен из Лесного института, несколько раз арестовывался и ему приходилось скрываться и забрасывать свое учение, но зато шла политическая работа в рабочих кружках Петрограда и в других местах. Он рассказывал, что, занимаясь в то время перевозкой прокламаций из Финляндии, ему приходилось обматываться ими и прыгать из вагонов во время обхода жандармами. Каждое лето он ездил на работы по статистике и по обследованию крестьянских хозяйств по центральным губерниям и таким образом зарабатывал себе на жизнь на зиму, чтоб возможно было учиться. В 1911 г. поступил в Психо-Неврологический институт на юридический факультет, но с III курса ему пришлось покинуть его, так как в 1913 г. у него начал развиваться туберкулез; появились легочные кровотечения. Тогда он был помещен в санаторию в Финляндии, где пробыл полгода. В 1914 г. уехал на Кавказ по настоянию врачей. Работал он там в Терской области по заготовке фуража для армий. Часто ему приходилось сталкиваться с крестьянами и безземельными горцами с их вечной жалобой на безземелье. Он хорошо знал Кавказ и народные обычаи и пользовался большим уважением со стороны туземцев. В 1917 году с началом революции он ринулся в эту пучину; ему пришлось организовывать и работать в Моздоке и его окрестностях, в этом мещанском городишке, и в соседних станицах, где все было так неустойчиво, благодаря разноплеменности населения, часто бывали казачьи восстания. Во время казачьего восстания в июле 1918 г., когда враги революции забрали власть в руки, тов. Бояджиеву пришлось в продолжение 4-х месяцев скрываться в Моздоке, ибо выехать не было никакой возможности. От всех переживаний и лишений этого периода процесс в легких возобновился, и он был на краю смерти. Ему приходилось очень тяжело больному, не имея средств скрываться, но он не падал духом, а только говорил: «Неужели я умру и мне не придется поработать и увидеть зарю новой жизни?». И, несмотря на свою болезнь, он продолжал вести работу в подпольной организации партии большевиков, давал товарищам сведения о положении на месте и имел сношения с фронтом, ободрял своих малодушных товарищей и глубоко верил в победу. Как только получались хорошие вести с фронта, он оживал, самочувствие улучшалось. Кавказ в 1918 г. пылал, как вулкан. Хуторяне, крестьяне приходили ночью навещать его и опасались за его жизнь, так как он для них был опора. Наконец, в ноябре 1918 года г. Моздок был занят красными войсками, и тов. Бояджиев мог выйти на улицу после 4-х месяцев заключения и опять отдаться весь работе. 4-го декабря 1918 г. т. Бояджиев был делегирован от моздокского отдела на 5-й съезд в г. Владикавказ, и там его избрали членом Терского Областного Народного Совета. Часто ему приходилось улаживать конфликты между казаками и туземцами на почве земельного вопроса. В январе 1919 г. Кавказ опять закипел, наступают со всех сторон, г. Владикавказ бомбардируют, начинаются волнения. Т. Бояджиев был командирован на Сулженскую линию для пропаганды и подавления восстаний в станицах. Накануне отъезда он говорил: «Мне смерть не страшна, я с улыбкой на устах умру за светлое будущее». В течение полутора месяцев о нем не было известий, наконец, дошли слухи, что он повешен в станице Слепцовской в марте 1919 г. И в течение 1 года 2 месяцев не было возможности навести справки о подробностях его гибели, так как Кавказ был в руках белых. С приходом Советской власти в феврале 1920 г. удалось узнать следующее. После вступления белых на Сулженскую линию, т. Бояджиев в продолжение двух недель скрывался под домом в станице Нестеровской в ужасных условиях, затем оставаться там было опасно, и ему пришлось уйти рано утром. Больной, измученный он направлялся в горы, но был пойман казаками в лесу и препровожден в станицу Слепцовскую, в которой ему приходилось ранее работать. Началась зверская расправа. Продержали в станичном правлении 6 дней, подвергая издевательствам. Наконец, наступил последний роковой день. В десять часов утра порошил снег. За ним пришли казаки и сказали, что отправляют на суд в г. Владикавказ, вывели на площадь против церкви и станичного правления, где стояли столбы для гимнастики. Толпа стояла в ожидании зрелища. Увидя все это, т. Бояджиев начал говорить речь, смело обращаясь к народу. Толпа заколыхалась, ему старались помешать говорить, били его, но он все же закончил и тогда сам одел себе петлю на шею, не допустив палачей к себе. Последняя его фраза была: «Умираю за светлое будущее человечества». Несколько суток тело не убиралось, и только 1-го мая 1920 г. удалось разыскать среди груды зарытых в канаве трупов и предать земле тело т. Бояджиева.

Е. Я. Бояджиева.

БРАНДТ ** **Ян** — член Р. К. П. одесской организации, латыш, рабочий. Участник баррикадных боев в Одессе в январе 1918 года. Умер в Харькове от сыпного тифа.

Ф. Земит.

БРЕГМАН Александр Абрамович — замучен бандами польских белогвардейцев в конце лета 1919 г. Раненый в руку, он был вторично ранен в ногу и, истекая кровью, упал; его раздели, зарыли по грудь в землю, искололи штыками и, наконец, разрубили шашкой голову.

Т. Брегман везде, где бы он ни был—в Бобруйске ли после октябрьской революции, в Смоленске ли, или позднее в оккупированной местности,—везде работал, не покладая рук, всегда был впереди всех и беззаветно храбро стоял на своем посту. Его ценили товарищи и избрали своим председателем. Среди товарищей его звали «Александрович» или «Железняк»: всегда и везде он был могучим, железным борцом за свободу.

П. И. Семенов.

БРЕДИС Ян — латыш, старый член партии; схвачен в Томске вместе с другими, подготовлявшими восстание 4 марта 1919 г., и после жесточайших пыток расстрелян 12 марта до суда.—См. **Ильмер Карл.**

БРИО Александра Михайловна — член дошкольной секции городского района М. О. Н. О. Умерла 6 июля 1920 г. («Коммунист. Труд», 1920 г., № 94).

БРОВАРНЮК Давид.—В сентябре 1919 г. умер от ран во время операции хорошо известный московским и донецким рабочим бывший инструктор московского совета профессиональных союзов Д. Броварнюк. Рабочий-литейщик, 38 лет, он отдал всю свою жизнь на работу—борьбу за социализм.

Еще молодым парнем, работая на Французском заводе в Николаеве Херсонской губ., Давид вступил в партию, и после раскола организации примкнул к большевикам. В 1903 году, во время стачек на юге России, принимал активное участие в руководстве стачкой в Николаеве (сидел вместе с тов. Ногиным, Радус-Зенкевичем и др.); был присужден к году крепости, которую отбывал в одесской тюрьме. Отбыв срок, переехал в Москву, где, работая на заводе, принимал участие в партийной работе, был активен во время восстания 1905 года, был ранен во время перестрелки в ноги на вылет и арестован. Сидел в Таганской тюрьме в ожидании суда, бежал во время прогулки, перепрыгнув через стенку, и продолжал работать нелегально. В 1910 году был арестован в Одессе, но ему удалось уйти из рук полиции. После этого ареста поступил кочегаром на пароход и пробрался в Америку. В Нью-Йорке, где я с ним встретился, он работал на заводе, и все свое свободное время отдавал работе по организации русских отделов американской социалистической партии и отделов юнионов. В начале революции он со 2-й партией выехал через Японию в Россию, задержался во Владивостоке, где был избран в Исполком. Проработав там 8 месяцев, он переехал в гор. Сураж, Черниговской губ., где работал в качестве члена Исполкома. После занятия немцами Суража, переехал в Москву, где работал в качестве инструктора Московского совета профессиональных союзов. В апреле, после занятия красными войсками Юга России, тов. Броварнюк был делегирован вместе с группой профессиональных работников для постановки профессиональной работы Украины. На его долю выпал объезд Донецкого бассейна и организация съезда шахтеров; на съезде он был избран членом областного правления.

Во время наступления деникинцев на Харьков тов. Броварнюк был мобилизован. Он отказался итти работать в политический отдел, а пошел красноармейцем (он окончил в Москве командные курсы).

За день до отправки на фронт я с ним виделся на вокзале. Он просил передать его привет и его вещи жене (у него остались в Москве жена и двое детей). Во время прощания со мной он говорил: «Я чувствую, что буду убит. В штаб я не поеду работать, убегать с поля битвы не стану». С поля битвы товарищ не убежал и был тяжело ранен. Операция не спасла его. Партия потеряла в нем преданного работника, рабочие—хорошего товарища-борца.

Г. Мельничанский.

БРОДСКИЙ. **—См. **Полонский.**

БРОДСКИЙ Аркадий — член алуштинского к-та Р. К. П., студент, 24 лет, вербовщик в Зеленую армию, впоследствии начальник одного из ее отрядов, принимал участие во всех боях Зеленой армии. Убит в октябре 1920 года в сражении под Алуштой.

БРОНШТЕЙН Моисей Иосифович — родился в еврейской семье, проживавшей в двухстах верстах от Читы, вблизи Монголии. Мося не видел в семье отца достатка. Когда он еще был ребенком, семья переехала в Читу. Потянулись годы тяжелой и безуспешной борьбы за существование, и он всем существом своим познал положение бедняка-труженика. Чуть ли не с четвертого класса он уже зарабатывает себе средства к существованию личным трудом в качестве репетитора, убивая на это юные силы и растрачивая драгоценное для приобретения знаний время. Очень рано он начинает не только интересоваться общественными вопросами, но и глубоко задумываться над ними. У него возникают многочисленные вопросы, на которые он жадно ищет ответов. Мало того, не только ответов,—его мятежная натура побуждает искать практического приложения знаний и сил.

Это было время расцвета сионизма. В этом движении и стал находить Мося Бронштейн разрешение тревоживших и мучивших его вопросов. Сион путеводной звездой сиял для Моси и его товарищей. Мося—центр юношеского движения, вокруг него группируются все более и более широкие круги молодежи. Но вот Россия потрясена революцией. Мося с головой отдается работе, теперь уже принимая посильное участие в съездах, собраниях сионистских организаций и в прессе. В процессе работы он задумывается над социальной природой сионизма. Работает в этом направлении и сближается в этой работе с Поалей-Цион. В этот период его жизни сионизм и размышления над сущностью еврейского национального движения крепко держат в плену мысль юного борца. Но с течением времени Мося в живой работе накопляет большой материал для оценки рассуждений и выводов. И вот в начале 1918 г., когда устанавливалась Советская власть по всей территории Сибири, Мося, после продолжительных разговоров с тогдашней властью в Забайкалье, становится секретарем Народного Комиссариата в Чите. В июле, когда на фронте под Верхнеудинском шла решительная схватка, Мося заявил о своем желании пойти в бой. Но уже совсем готовый к отправке на фронт, получает приказ о назначении на должность редактора красноармейской газеты и остается в Чите до падения Советской власти.

Первые дни после падения Советской власти в Чите, Мося с товарищами живет в тайге, потом возвращается в город. Здесь снова начинается работа. Палестина снова привлекает юношу, и он задается целью создать «Гелохуц». Работа его в этом направлении скоро прерывается: власти бросают его в тюрьму. После долгого сидения Мося выходит на волю и стремится в университет, в Иркутск. Наступает период новых исканий. Теперь уже он окончательно порывает связь с сионизмом. Арест, тюремное заключение окончательно закрепляют его убеждения в коммунистическом направлении. Мося заболевает тифом, выздоравливает, и еще слабый от перенесенных страданий, он берет винтовку и идет защищать в коммунистических рядах дело революции. С победой революции Мося с головой уходит в партийную работу Р. К. П., не порывая связи с «Поалей-Ционом». Он занимает место секретаря советов и секретаря губкома. Затем партийный призыв бросает его на работу в Д.-В. Р. в качестве секретаря Дальбюро.

С сентября 1920 г., он, по возвращении в Иркутск, отдается работе в секции восточных народов в качестве секретаря и временного заместителя Буртмана. В ноябре 1920 г. командируется от секции восточных народов в Исполком III Коминтерна для выяснения принципиальных и тактических вопросов, связанных с положением секции в Коминтерне. В Москве он задерживается работой в университете им. Свердлова и принимает участие в X партийном съезде. Кронштадтские события призвали партийные силы под ружье. Мося пошел под твердыни возмутившегося Кронштадта. Здесь он пал («Народы Дальнего Вост.» № 2.)

БРОНШТЕЙН Яков, ЧЕРЕВАТЕНКО Ольга, ЛЮБИЧ Максим, ТРОФИМОВ и **КИСЕЛЕВ**—казнены 27 августа 1920 г. в г. Ялте после второго провала подпольной организации. Предварительно их месяца полтора мучили и издевались над ними в ялтинской контр-разведке. Ольга Череватенко и т. Бронштейн записками из тюрьмы просили меня дать им какое-нибудь средство для самоубийства, ибо терпеть им было уже невмоготу. Мы, подпольники, надеялись вырвать их из тюрьмы, но нам это не удалось, ибо сила палачей была гораздо больше. Все они геройски перенесли мучения, никого не выдав.

А. В. Ясинский.

БРУМБЕРГ Семен Федорович—организатор рабочего еврейского дома Рогожского района. Умер в январе 1919 г. («Изв. В. Ц. И. К.», 1919 г., № 16).

БРУК—организатор 1-го участка Краснопресненского района Р. К. П., скончался 3 октября 1921 года.

БРУСОВ С.—См. **Ремтер.**

БУБНОВ, Александр—см. **Подтелков.**

БУГРОВ * Алексей.**—См. **Блоштейн Ефим.**

БУДКИН * Павел Алексеевич—геройски погиб в 1920 г. на одном из участков Южного фронта; окруженный врагами, он застрелился, чтобы не попасть в их руки живым.

В 1918 году тов. Будкин работал в г. Ярославле и в уезде. Я в то время занимал должность секретаря фабричной контрольной комиссии на фабрике бывш. Сакина, в 16 верстах от г. Ярославля. На эту фабрику часто приезжал тов. Будкин и выступал среди рабочих, которые очень любили слушать его, так как он простым и понятным языком умел ясно и толково разъяснить значение революции и заинтересовать рабочих. Неизгладимое впечатление произвела на меня речь т. Будкина, сказанная им на митинге в г. Ярославле после того, как там 17 июля был окончательно подавлен белогвардейский мятеж. На площади, среди гробов с телами погибших борцов, мучеников революции, т. т. Закгейма, Нахимсона, среди многотысячной толпы рабочих, пришедших отдать последний долг погибшим героям, тов. Будкин призывал к борьбе и к мести за смерть погибших товарищей. Речь его произвела большое впечатление, и невольно в душе рождалось желание борьбы за свободу и мести буржуазии за ее злодеяния против рабочего класса. В сентябре 1918 г. т. Будкин приезжал к нам на фабрику для организации ячейки и произнес вдохновенную речь на организационном собрании; в этой речи он, между прочим, говорил, что день организации ячейки будет историческим днем для фабрики, а ячейка будет одним из кирпичей для постройки великого здания социализма, где всем будет тепло, хорошо и уютно. Великое начинание не пропало бесследно, и эта ячейка дала много хороших работников революции.

Тов. Будкин—рабочий и старый партийный работник, много работавший во время царской реакции среди иваново-вознесенских рабочих.

Николай Лебедев.

БУДКО Григорий Мефодьевич—сын дорожного мастера ст. Муратово. В молодые годы служил на этой станции телеграфистом. Был послан делегатом на съезд технических агентов службы движения, который состоялся в августе 1917 г., где избран комиссаром службы движения М.-К.-В. ж. д. Во время наступления белых на Курск тов. Будко, уводя вместе с другими товарищами поезд, был отрезан белыми на ст. Отрешково, где и расстрелян в 1920 г. Похоронен вблизи этой станции.

Тов. Будко был одним из самоотверженных воинов, стоявших на страже рабоче-крестьянской власти.

БУДНИКОВ ** И. А.—погиб в одном из боев под Царицыном (у Садовой) в 1918 г. В этом бою два эскадрона конницы оказались в очень тяжелом положении. На выручку им и бросился в броневом автомобиле Будников, занимавший в это время пост командира полка. Он загнал красновскую сотню в реку. Потом, будучи окружен, сделал распоряжение перебросить автомобиль по мосту на другую сторону реки. Во время следования через мост автомобиль сполз одной стороной с моста и остановился. Казаки бросились на автомобиль, с которого Будников пробовал отстреляться из двух пулеметов. Это, однако, не удалось. Его схватили на глазах эскадрона, увели в плен и там замучили. Ходили только слухи о том, как он, в ответ на издевательство офицеров, плюнул одному из них в лицо. Будников по профессии—кузнец («Золотая доска», издание «Товарища красноармейца», 1918 г.).

БУЖДАН **—член Рев. Трибунала в г. Кургане. 2-го июля 1918 г. при занятии Кургана чехами он был схвачен местными погромщиками-белогвардейцами и избит ими до смерти. (Свед. взяты из ст. П. Н. Кунгурова в «Прол. Рев.» № 11 стр. 252—253.)

БУЗДЕС—расстрелян 8 апреля 1919 г. в Екатеринбурге.—См. **Валек А.**

БУЗОЛИН Павел Федорович — крестьянин из деревни Яр в 5—6 верстах от гор. Тюмени. Он был мобилизован колчаковцами в 1918 г. В этот момент перед ним было две дороги: одна—дезертировать, другая—пойти в армию с тем, чтобы внутри ее вести борьбу против белых. Первый путь легче, итти по нему надо меньше усилий, второй труднее и требует большего напряжения сил. Тов. Бузолин предпочел более трудный путь. Так поступают герои. Тов. Бузолин, обладавший от природы большими дарованиями, умело принялся за революционную пропаганду среди своей части.

В Челябинске той части, в которой находился тов. Бузолин, было объявлено о том, что будет проведена противосоветская беседа. Но взвод, в котором был тов. Бузолин, не пошел на нее. Взводный командир донес по команде, что виновны в непокорности солдат Бузолин и его товарищи. Они были арестованы. Вскоре же над ними состоялся суд, приговоривший их к расстрелу. Когда для обреченных рыли в их присутствии могильную яму, тов. Бузолин, получив разрешение, садится на землю и спокойно пишет последнее письмо в деревню. В эти гнетущие минуты, ползущие трудно и тягуче, он пишет: «Смертный приговор я выслушал спокойно и с открытою душой иду на казнь». Все письмо дышет огромным самообладанием, непоколебимой силой, мужеством, чистотой и простотой души. Но какое величие в этой простоте!

Когда приговоренные стояли уже на месте казни, тов. Бузолин успел еще крикнуть одураченным начальством и попами солдатам: «Мы вас не виним. Но стреляйте прямо в сердце—не мучьте долго!». Пронзенный пулями, пал он за торжество Советской власти. Он расстрелян 6-го мая 1919 года вблизи гор. Челябинска («Октябрьский Сборник», стр. 27 из ст. Е. К. «Один из многих»).

БУКИН ** **Василий**—рабочий железнодорожник. В 1914 году т. Букин вошел в партию большевиков, где и остался до своей смерти. Тов. Букин был участником переворота в Саратове, был в историческую ночь 26-го октября выбран в Исполком, прошел все этапы работы и вместе с Вадей Романенко ушел в школу курсантов. Честный до щепетильности, он отдавал все свое другим, и смерть его последовала оттого, что он был скромен и сильно любил рабочих и крестьян. Отправившись с одним из отрядов на усмирение кулацкого восстания, он был слишком неосторожным, возился сам с тифозными красноармейцами и, заразившись тифом, умер в товарном вагоне своего отряда в 1920 году («Пять лет пролетарской борьбы». Г. Саратов).

БУЛДОКОВ Алексей — пал в боях с белыми под Псковом в конце сентября 1919 г.

БУЛЕВСКИЙ ** **Ян.**—В августе 1917 г. был секретарем тогда еще единой Евпатор. орг. Р. С.-Д. Р. П. Затем переехал в Ялту, где был одним из руководителей переворота в янв. 1918 г. После уехал на Украину и был расстрелян гайдамаками.

БУНАКОВ Александр, кличка «Сашков»—член к-та Р. К. П., член подпольного Крымобласткома Р. К. П. Работал до Крыма в Полтаве. Несмотря на свою болезнь (туберкулез костей), отдавался работе самоотверженно. Казнен в январе 1920 года.—См. **Дражинский.**

БУРДАНОВ Константин Федорович — коммунист, погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 г.—См. **Моисеев.**

БУРДИНСКИЙ ** **И. К.** — был народным учителем. Отец его—богатый хлебороб, но И. К. Бурдинский с ним не жил, а работал у Советской власти. В 1918 году перед падением Соввласти в Сибири он был командирован по уезду и был захвачен переворотом. Благодаря оставшимся государственным деньгам, он стал организовывать отряды партизан в Забайкалье. Центром организации был Талочинский район. Около него группировались другие селения. В феврале 1919 года в отряде было уже человек 200 и разделялся он на три эскадрона: Казановский, Богомячковский и Талочинский. Отряд после стычек с семеновскими частями, получив сведения, что семеновские части обходят его в кольцо, решил отступать. Семеновский карательный отряд Никольского, ворвавшись в деревню и не найдя партизан, стал издеваться над мирными жителями. Один партизан Сокол-Номоконов рассказывает об этом так: «После нашего ухода отряд Никольского, войдя в деревню, стал производить террор над населением: рубил отцов, братьев, насиловал женщин, производил пытки. По приказанию своего командира семеновцы изрубили нескольких крестьян саблями на куски, а жен их заставили свалить куски на телеги и вывезти за околицу. Теснимые семеновцами, партизаны Бородинского отряда отходили все дальше в тайгу. Переходя с места на место, ища корма для лошадей и бойцов, отряд все время посылал людей для связи с Читой. Отряд был без денег, лошади без корма, люди голодные. Выходом из этого было одно—разбиться на маленькие группы и разойтись по разным очагам и гнездам, чтобы как-нибудь пробиться до весны. В улусе Кочегыр решено было на общем собрании разделиться на группы, уйти в тайгу и держать друг с другом связь, чтобы весною вновь можно было соединиться. Вскоре Бурдинский погиб от руки убийц-семеновцев, а группа его была разбита и разбежалась в разные стороны» («Беседы Политчаса». Борьба с контр-революцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Изд. воен. совета Н. А. Р. и флота Д.-В. Р. 1922 г.).

БУРЖУА—20 лет, происходил из крестьян Демянского уезда, одно время был военным руководителем Полновской волости Демянского уезда, впоследствии был переведен в Демянский военный комиссариат и поступил как военнослужащий. При объявлении мобилизации профсоюзами изъявил желание ехать добровольцем. Часть, в которую он попал, была направлена на Карельский фронт, близ озера Саар. В темную глухую ночь тов. Буржуа, находясь в сторожевом охранении, был убит ружейным выстрелом. *В. Чистяков.*

БУРМИСТРОВ. ** — См. **Уткин.**

БУРОВ—котельщик главных мастерских Моск.-Казанск. ж. д.,—погиб при наступлении на Варшаву. Тов. Буров работал во многих советских учреждениях на ответственных постах. Он был человеком с крепкой волей и всякое дело доводил до конца.

БУРТМАН Нюма. — Родила его революция, он жил ее трепетами, светился ясной красотой революционного энтузиазма. Настойчивое искание причин, неутомимая жажда знаний были двигающим импульсом этой молодой, необычайно яркой личности. Он был одним из первых, который в кругу молодежи заговорил о необходимости политического самообразования. Он вносил в среду, в которой жил, стремление к интеллектуальному развитию. Еще будучи учеником, он организовал забастовку учащихся всех средних учебных заведений Харбина, как протест против гнусных замыслов контр-революционной клики. Таковы были первые шаги молодой, одаренной жизни, так красочно полно развернувшейся впоследствии. Позже, в качестве студента Владивостокского университета, он вел решительную борьбу с реакционным студенчеством. Из университета Буртман был удален, во Владивостоке оставаться было невозможно, и он возвратился в Харбин, где в начале 1918 г. вступил в члены Р. К. П., ведя неутомимую подпольную агитационную работу среди жел.-дор. рабочих. В середине 1919 года, в период колчаковской мобилизации, он вынужден был бежать в Китай.

В марте 1920 г. он перебирается в Верхнеудинск. Все это время тов. Буртман продолжает много и серьезно работать, знакомится с марксистской литературой, изучает «Капитал». С момента возвращения в Россию он отдается кипучей захватывающей его целиком деятельности. Это—трепетное горение верящей в торжество коммунистической революции личности. Он горел и зажигал других, он говорил и убеждал.

На первом съезде трудящихся Забайкалья Буртман был избран тов. председателя съезда. Затем он работает в качестве управляющего делами правительства Д.-В. Р., участвует в работах Ц. Б. профессиональных союзов, выезжает в Гонготу в составе миссии по ведению переговоров с японцами. Но его настойчиво влечет в Россию к партийной работе. В первых числах июля Буртман прибывает в Иркутск и здесь создает, по поручению Сиббюро, секцию восточных народов. Сам он утверждается на посту председателя секции. С его участием и под его руководством проводится первый корейский партийный съезд. В сентябре он выезжает на общекорейский съезд в Омске, где выступает с резкой критикой деятельности отдельных корейских лжекоммунистов. В Омске им был возбужден перед Сиббюро вопрос о преобразовании секции в Дальне-Восточный секретариат Коминтерна.

В секции он работает до изнеможения. Все же он находит минуты для участия в работах Союза молодежи, представляет серьезные разносторонние доклады в комячейку. Он участвует также в октябре 1920 г. на губернском съезде профсоюзов, проходит по выборам в члены горсовета и состоит членом горисполкома. В ноябре тов. Буртман выезжает в Читу на краевую партийную конференцию, где участвует в работах секции и в пленуме. Здесь ему удается отстоять необходимость оставления секции в Иркутске.

Вскоре по возвращении с конференции в период напряженной партийной работы, в момент, когда он, усталый, изнеможенный, позволил себе роскошь минутного отдыха,—случайным нелепым револьверным выстрелом он был смертельно ранен. На другой день его не стало («Народы Дальнего Востока», № 2).

БУТИН * **Иван Афанасьевич.**—Первый раз я встретила И. А. Бутина в 1909 г., когда его везли из Петрограда в ссылку после годичного заключения в Крестах. Он привлекался, как член с.-д. партии большевиков, но подробности его дела исчезли из моей памяти, так как главное наше внимание всю дорогу было посвящено жаркому спору по поводу «Эмпириомонизма» и «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, которые вызывали тогда большой интерес среди партийной молодежи.

Несмотря на то, что наш совместный этап продолжался очень короткое время, образ этого незаурядного юноши ярко запечатлелся в моей памяти. Особенно привлекательна была в нем непримиримая честность и большая серьезность. Последняя ярко выделяла его из окружавшей молодежи. Ему было тогда едва ли 21 год.

Второй ряз я встретила Бутина в 1918 г. летом в Сретенске, Заб. области, куда он приехал из Читы на казачий съезд, на котором был председателем. Здесь это была уже определенно сложившаяся личность с большим умом, твердым характером и огромным жертвенным порывом.

Отличительная черта его характера—непримиримая честность—и здесь сказывалась в его беспощадной борьбе со всеми злоупотреблениями и гнусностями, откуда бы они ни исходили. Среди рабочих и казаков он пользовался большой любовью и популярностью. Несмотря на то, что он был председателем областного забайкальского Совета, он жил как беднейший из рабочих и был истинным представителем бедноты. Позднее, в июне—июле 1918 года, когда к Чите подходили чехи и семеновцы, Бутин стоял во главе ее революционной обороны и уехал с последним поездом красных из Читы.

Третий раз я встретила Бутина 18—20 июня 1919 года в макавеевском застенке. Макавеево—это небольшая станция у Читы, куда со всего Забайкалья привозились семеновцами на расстрел большевики. Тюрьма, где нас держали, помещалась в ж.-д. вагонах; и вот, в один серый, нудный день вдруг в нашем арестантском вагоне началось необычайное движение. Прибежало десятка полтора семеновских офицеров, и из их переговоров мы узнали, что из Благовещенска привезли партию «комиссаров», и в числе их есть одно очень «важное лицо», привоз которого приводил их в восторг, в предчувствии кровавой расправы.

«Голову понуря, сумрачно глядит»,—декламировал какой-то офицер, очевидно, с «поэтической жилкой». Я, улучив минутку, выглянула в окно около уборной. Действительно, среди кучки людей, окруженной большим конвоем, виднелась одна высокая фигура с сумрачно наклоненной головой. Было что-то хорошо знакомое в этой фигуре, но мучительно не хотелось, чтоб это был Бутин. Скоро раздалась брань, и в вагон кого-то ввели и задвигались по направлению к нашим купэ. Я выглянула в маленькое окно в решетке и почти в упор увидела Бутина.

В первый момент я не узнала это бледное лицо: так много было в нем гордого, сурового презрения, но в следующий же миг оно озарилось присущим ему мягким светом, и я уже не сомневалась. Он также узнал меня.

Осыпая площадной бранью, офицеры посадили Бутина за 2 купэ от меня. Между прочим, площадная брань так не шла к этой чистой личности, что, казалось, будто отскакивала обратно. Это, повидимому, почувствовали и сами семеновцы, потому что скоро они перестали его ругать и только злобно язвили и шипели при своих многократных посещениях гауптвахты и допросах Бутина.

Бутина держали в Макавееве около 1—1½ недели; его и еще 2-х товарищей заковали в ручные и ножные кандалы и посадили рядом с мной. Я часто и подолгу разговаривала за это время с ним. И странно,—даже в нашу мрачную, однообразно тревожную жизнь он своим присутствием внес одухотворущую струю. В нем жила огромная вера в людей и в жизнь.

Я помню, с каким восторгом он показывал мне на отблески заходящего солнца в вечер, когда его должны были увести на расстрел.

У Бутина был безболезненный яд. Перед казнью его и двух закованных товарищей должны были, «по всегдашнему обычаю» семеновцев, жестоко мучить. И вот, когда, прощаясь с ним, взяв письмо и уговорившись обо всем, я напомнила ему, что при первых шагах конвоя он должен принять яд, что этого требуем мы, его товарищи,—он смущенно ответил, что поделил его поровну между своими 2-мя товарищами по казни, и что яда у него больше нет. Казнь была отложена. В эту ночь их не увели. Скоро меня увезли в Читу. Спустя три дня и Бутина привезли тоже в Читу. Перед отправкой из Макавеева Бутина подвергли гнусному издевательству,—его пороли. Товарищи, при которых это происходило, говорят, что после второго удара с ним сделался сердечный припадок и, боясь, что он умрет преждевременно, палачи бросили истязание, дав ему 8—10 ударов шомполами.

И. Бутин.

В читинской тюрьме я 2 раза мельком видела тов. Бутина в тюремной больнице: он был бодр... В начале июля был прислан конвой с семеновского броневика, который взял на расстрел 60 человек, в том числе 40 чел. политических. В этой партии увели и тов. Бутина. Было лето, мы сидели на открытых окнах и напряженно ждали появления партии, которая должна была пройти мимо наших окон. И вдруг стройно из-за угла вышла колонна людей,—это шли 40 политических, нога в ногу, подняв гордо головы. Получалось впечатление, что не их ведут конвойные, а они своим стройным движением увлекают конвой за собой. Посреди первого ряда выделялся своей высокой фигурой И. А. Бутин. Он быстро нашел меня глазами и кивнул головой: «все кончено». Долгий прощальный взгляд, глубоко серьезное лицо. Сзади в камере раздались дикие вопли,—это плакала старый друг тов. Бутина, фельдшерица Филиппова, седая старушка, которую семеновцы засадили в тюрьму за то, что она принесла ему передачу. Дальше — слезы жены у тюремных ворот, рассказы об этом надзирательниц.

Узнать о дальнейшей судьбе Бутина точно я не смогла; его жена говорила впоследствии, что его сожгли живым в топке паровоза. А между тем, свое прощальное письмо к товарищам он заканчивал словами: «не мстить». До привоза в Макавеево Бутин содержался в благовещенской тюрьме, где сидел под чужой фамилией порядочное время, перенес 2 тифа, но под конец был узнан и переведен в одиночку смертников, где почти месяц сидел до отправки в Макавеево.

Много славных, красивых личностей погибло и боролось на Востоке с белогвардейцами, и среди них в первых рядах шел т. Бутин. В Чите у некоторых товарищей имеются материалы по его биографии и, мне кажется, пора ее написать, так как память о нем и сейчас живет в народных низах Забайкалья.

Вера Владимирова.

Воспоминания об И. А. Бутине.

Тов. Бутин,—в то время левый эс-эр,—был председателем Забайкальского Исполнительного Комитета Советов первого состава.

С этим большим человеком я впервые познакомился в январе 1918 г. в г. Чите. На мартовском областном съезде трудящихся (в 1918 г.) Ив. Аф. был выбран членом Заб. Обл. Исполнительного Комитета и затем его председателем. С этого момента почти на протяжении шести месяцев мне пришлось ежедневно работать вместе с Ив. Аф., пользоваться в работе его советами и указаниями, а особенно его моральной поддержкой. Обаятельный чуткий рыцарь долга и самопожертвования, он был непоколебим в своей кристальной честности и до героизма нетребователен к своему личному благополучию. Его безграничная выдержанность, скромность и гуманность, гармонирующие с твердой настойчивостью и природным умом, делали его очень цельным и большим человеком. Когда и где бы вы его ни встретили—за работой ли в кабинете, в лихорадочной ли работе ревштаба, на досуге ли—везде и всегда он был неизменно спокоен, всем доступен, внимателен и обаятелен. Ив. Аф. не был лишен и дара художественного творчества. Организ.-агитационный отдел, в котором я работал, помещался в одном здании с Исполнительным К-ом. Рано утром, когда правительственная жизнь обычно еще не начиналась, Ив. Аф. уже спешил к любимому им месту—Исполкому. Почти ежедневно мы встречались с ним по дороге в Исполком и, располагая значительным запасом времени, шли погулять под дышавшими теплом лучами утреннего солнца.

Ив. Аф., как всегда, интересный и занимательный собеседник, одухотворяясь красотами гор Забайкалья, его яркими пламенными лучами солнца, или читал по памяти свои стихотворения, или что-либо рассказывал из своего жизненного опыта, или просто увлекался деловыми разговорами и выкладками.

После свержения Советской власти на Дальнем Востоке Ив. Аф. жил и работал нелегально в Благовещенске.

Только когда он был оторван от кипучей работы (в первое время после падения власти Советов нельзя было вести подпольную массовую работу), Ив. Аф. мысленно заполнял пробелы семейной жизни, для которой у него не хватало прежде времени. Он страдал за своих любимых детей, которые оказались в тяжелых условиях. И теперь он оставался все тем же: близким, чутким и незаменимым товарищем, не знавшим забот о своем благополучии. Исполин культуры, беззаветно преданный революционер и дорогой товарищ — он был любимцем трудовых масс и своих соратников и достойным гражданином великого народа!

Арестованный в Благовещенске, он был выдан семеновцам—после стойких испытаний был вырван из наших рядов рукой палачей.

Анатолий Полтавский.

В сборнике «Красная Голгофа» (посвященном памяти т. т., погибших за рабоче-крест. дело, под редакцией И. Жуковского и З. Мокина, г. Благовещенск, 1920 г.) помещены автобиографические очерки тов. Бутина под заглавием «Записки странника» и «В детстве» (стр. 33—57), а также его некролог, стихотворение Жуковского, посвящ. памяти И. А. Бутина и 2 предсмертные письма т. Бутина (стр. 57—60). Ниже приводим одно из этих писем:

Предсмертное письмо И. А. Бутина к товарищам.

Милые, дорогие, все мои родные и товарищи. Вне всякого сомнения, сегодня я буду убит без всякого «суда и следствия». Повидимому, даже в.-п. «суд» для меня в Чите не назначен. Ну, что же? Прощайте, прощайте, милые. Конец. Я совершенно спокоен. Смотрю в последний раз на заходящее солнце и благословляю жизнь; да—даже эту кошмарную жизнь этого времени. Знаю, глубоко верю, что она будет такой же яркой и светлой, как это солнышко. Завещаю всем не грустить по мне, а мужественно бороться до заветного конца. Обнимаю всех и крепко, крепко целую. Весь ваш Иван.

Не мстите! 16-го июня 1919 года.

БУТОВСКИЙ ** **Федор Тарасович** — родился в 1895 г. в деревне Волча Лепельского уезда Витебской губ., рабочий —слесарь механической мастерской вагонного завода, член Р. К. П. (б.) с 1918 г. По партийной мобилизации был командирован в школу инструкторов и агитаторов, а оттуда в г. Кирсанов Тамбовской губ. для работы в качестве инструктора и агитатора по всему уезду. После трехмесячной работы, при командировке в село Трескино был там убит из-за угла бандитами 10 июня 1919 года. По имеющимся сведениям он был окружен 10 бандитами и, раненный в голову и шею, застрелился сам. *Е. Бутовская.*

БУТЫРИН Афанасий—рабочий кожевенного производства, агитатор-массовик, пламенный оратор, любимец рабочей и крестьянской аудитории, работал активно в Воронеже в партийных и профессиональных организациях, на Украине был председателем Чрезвычайной комиссии, членом Исполкома. В 1920 г. погиб под Кременчугом в бою с махновскими бандами.

БУХАРИН Петр Иванович — красный курсант, погиб от сыпного тифа на Туркестанском фронте в начале июля 1920 года («Правда» № 145 от 6 июня 1920 г.).

БУШЕН. ** — См. **Уткин.**

БЫКОВ ** **Александр Аркадьевич**—один из деятельных коммунистов, старый большевик, все время работал в Москве. Сын бедных родителей—мать была прачкой. С начала Октябрьской революции заведывал полиграфическим отделом. Был мобилизован вместе с женой в 1920 г. в Симбирскую губ., где и умер от сыпного тифа.

БЫКОВ ** **Ефим Васильевич** (1887—1920) — род. в дер. Волково, Егорьевского уезда, Московской губернии, в крестьянской семье (отец его, как анархист, был арестован при царизме). С 13-ти лет работал в Москве в пекарне, где, будучи разносчиком хлеба, был использован для передачи нелегальной литературы по домам. Впервые арестован 17-ти лет в Донбассе, где работал в шахтах чернорабочим. Примыкая к анархистам, работал в егорьевской организации, много раз арестовывался, был в ссылке и эмиграции. Арестованный в Егорьевске в 1913 году за убийство провокатора и за «экс», был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Отбывал каторгу в Бутырках (вместе с Дзержинским, Рыкуновым и др.). В феврале 1917 г. выходит из тюрьмы и примыкает тотчас к большевикам. Вынужденный уехать на юг, благодаря сильно развившемуся в тюрьме туберкулезу, не перестает принимать самое активное участие в жизни ялтинской организации нашей партии, особенно в корниловские дни. В Октябрьские дни бросает лечение и спешит в Москву, где назначается членом Центрального штаба красной гвардии, заведывает хозяйственным отделом штаба, работая по 24 часа в сутки. В 1918 году едет на Царицынский фронт, потом в Крым, откуда во время немецкой оккупации ему удается вместе с некоторыми товарищами бежать, тогда как другие (Торвацкий, Слуцкий) были убиты. В 1919 г. работает в артскладе на Ходынке и по ревизии артскладов в Егорьевске и др. местах. В том же году—уполномоченный тов. Муралова (а затем т. Ярославского) при московском военном комиссариате. Командированный снова в Крым, уходит от туда с последним поездом при занятии Крыма Врангелем. Постоянные переезды, тяжелая работа подорвали в конец расшатанное еще царскими тюрьмами здоровье и в 1920 г. Е. Быков умер от туберкулеза гортани в г. Славянске, Харьковской губернии.

Ив. Товстуха.

БЫКОВСКИЙ * **Сергей** — член Московск. Губерн. Исполнит. Комитета, командир на петроградском фронте погиб в бою под Новыми Буграми в 1919 г. Назначенный командиром отряда всего за несколько часов до отправки на фронт, тов. Быковский, принимая команду из рук Ревкома, просто и без рисовки сказал, что он знает свой долг и исполнит его до конца. 22 октября вечером отряд тронулся из Москвы на выручку Петрограда; 29-го, ровно через неделю, тов. Быковский отдал свою молодую жизнь за свободу пролетариата («Правда», № 245 за ноябрь 1919).

БЫСТРОВ **—См. **Уткин.**

БЫСТРОВ ** **Михаил Васильевич.**—С тов. Быстровым я познакомился в 1918 году на курсах в 1-м крестьянском Петроградском университете имени тов. Зиновьева. В течение двух месяцев нашего учения т. Быстров вел себя, как достойный и примерный слушатель тех политических лекций, кои нам преподавались.

По окончании курсов мы с тов. Быстровым хотели остаться в Петрограде, где думали проникнуть поскорее на фронт, но наше желание было отвергнуто, и мы поехали в Боровичи. Здесь нас сразу, как людей более или менее политически зрелых, взяли для работы агитполитпросвета военкома. Тов. Быстров был назначен на должность военкома в караульный батальон. К работе по политико-просветительной работе тов. Быстров относился ревностно и все время мечтал об отъезде на фронт. В феврале 1919 года он вместе со своим батальоном выехал в Новгород и оттуда на фронт.

С. Шемякин.

К воспоминанию о тов. Быстрове.

Я знал М. В. Быстрова в Боровичах в 1918 году, он—идейный работник, коммунист. 8-го июня 1919 года мы вместе с т. Быстровым выехали на восточный фронт против Колчака. Тов. Быстров был командиром нашей роты, я—старшиной. В первом бою я был восхищен его безграничной храбростью: несмотря на град пуль, снарядов, он вел свою роту вперед и ободрял слабых, задерживал бегущих красноармейцев других рот, отступавших в беспорядке. Мы оторвались от других. Несмотря на это, т. Быстров вел свою роту в тыл противника, и мы были окружены со всех сторон. Он не растерялся, мы пробили себе дорогу штыками и присоединились к своим частям. Красноармейцы сразу посмотрели на него, как на героя, все его уважали, и наша рота за все время боев была первой. Вот один из примеров. Под Пермью в бою с колчаковцами, когда под натиском кавалерии наши части начали отступать, т. Быстров со своей ротой продолжал преследовать удиравшие обозы с пулеметами и захватил много пулеметов; окруженный со всех сторон, он не думал отступать и держал свои позиции до самого вечера. Это дало возможность отступившим частям перегруппироваться, и победа осталась за нами, хотя почти половина роты Быстрова выбыла из строя.

После этого нашу дивизию перебросили на южный фронт против Деникина. Здесь в бою под Обояном и погиб мученической смертью наш лучший командир, герой-коммунист, т. Быстров. В то время, когда мы были расположены по квартирам в деревнях Каменке и Колтеве, вследствие измены высшего командования на нас вдруг неожиданно напали два корниловских полка.

Быстров со своей ротой и здесь дал отпор, держал наступавшую пехоту противника несколько часов и в это время дал возможность третьему батальону присоединиться к своему полку. С остатком же своей роты, окруженной со всех сторон, он обстреливал белую кавалерию до тех пор, пока не был сражен двумя пулями сразу, почти в упор; он упал со словами: «Смерть вам, предатели революции, не сегодня, так завтра!». Из боя взять его не удалось, так как кавалерия рубила шашками красноармейцев, и Быстров остался лежать тяжело раненый среди неприятельской кавалерии. На другой день мы опять заняли эту деревню. И вот, что мне лично рассказали здешний священник и крестьяне. Т. Быстров был ранен как раз около церкви и прямо у дома священника. По уходе нас казаки слезли с лошадей и подошли к Быстрову, который истекал кровью и просил пить; один крестьянин хотел помочь ему, но белый офицер не позволил и в то же время ударил тов. Быстрова ногой в лицо, так что у того брызнула кровь. Уезжая, белые строго запретили помогать ему, грозя расстрелом за ослушание. Тов. Быстров лежал с 11 часов дня до самых сумерок и все был жив. Местный священник с тем же крестьянином, по уходе из деревни белых, на свой риск снесли его в близстоящую сторожку. Тов. Быстров еще был жив и попросил, чтобы написали письмо домой. Священник предложил ему приобщиться, но он отказался. Похоронен т. Быстров на общем кладбище при той же церкви. *Готлов.*

БЯХОВ — сотрудник особой группы, убит бандитами 3-го сентября 1920 года. Он был опознан одним из бандитов и зверски замучен. Сошел незаметно со своего боевого поста, но не бросил его сам. Его заставили уйти гнусные убийцы. Ушел без крикливых шумных фраз, без красивых жестов, один, без друзей, под хохот своих врагов. После страшных издевательств, расстался со своей молодой жизнью. Как осенние листья падают от ветра бесшумно на землю, так уходят от жизни преданные революции ее сыны, снятые с постов предательской рукой. Без шума. Без крика. С полным сознанием своего революционного долга. Такова их работа и при жизни. Никем не заметные, часто испытывая страшную нужду, они как кузнецы, под треск, шум, грохот, несправедливость куют новое счастье миру. Удар за ударом... удар за ударом. Над ними не блещет ни слава, за которой многие, многие в погоне топчат часто лучшие порывы человека. Да они и не ищут ее. Слава наших погибших друзей это—добрая память о них всех, кого они охраняли в тяжелую годину гражданской войны. От революции они не требовали ничего. Революции же отдавали все.

Ушел одиноко. Не видя перед своим концом ни одного братского взгляда, кроме осатанелых врагов. Кого он звал перед смертью—брата, отца, мать, жену иль друга? Только непроглядная угрюмая ночь слышала последнюю волю осужденного. Ушел незаметно, как слетевший осенний лист, для тех, кто подчас с презрением смотрел на него, как на мелкую сошку, кто с важностью, проходя мимо, бросался фразой «чекист». *Чекист.*

В.

ВАВИЛОВ — видный советский работник в Самаре, увезен оттуда чехами, в качестве заложника, в 1918 г. Позже был расстрелян в Сибири, где он работал в подполье.

ВАВИЛОВ ** — питерский рабочий, стал пулеметчиком броневого поезда. Броневой состав, окруженный противником, геройски дерется. Постепенно вся прислуга у орудий и пулеметов выбывает из строя, замолкают орудия; противник пользуется этим и зажигает поезд; из горящего поезда продолжают бить два пулемета. Это работает один оставшийся живым Вавилов; перебегая от пулемета к пулемету, он отстреливается на две стороны; будучи ранен, садится у пулемета и стреляет до тех пор, пока огонь не покончил с ним. Противнику достались только остатки платформы («Красноармеец», № 1 за 1919 г. Москва).

ВАЙНЕР * **Леонид Исаакович** — екатеринбургский работник. В 1917—1918 г. г. работал в городском Совете. Работа по регулированию промышленности, по разрешению многочисленных конфликтов в Екатеринбургском городском Совете велась, главным образом, тов. Вайнер. Впоследствии он был избран в областной комитет партии, был его секретарем, но не надолго: вскоре ушел с отрядом на фронт и был убит одним из первых. (Сведения взяты из статьи Вл. Воробьева в журнале

«Пролетарская Революция», № 11, стр. 224, и из сборника «Рабочая революция на Урале».)

ВАКУРОВ Михаил Степанович ** член Р. К. П. (б.) красноярской организации, погиб 30/VIII—1918 г. во время налета на Красный Яр банд генерала Толстого («Из истории Красноярской орг. Р. К. П.»).

ВАЛЕК Антон — осужденный колчаковским военно-полевым судом и расстрелянный в Екатеринбурге в 1919 г. 8-го апреля, родился в 1887 г. в г. Харькове. Его отец был рабочим, а потом станционным сторожем в г. Харькове, поляк, из бывших повстанцев. Революционер по духу, он много передал своему сыну. Мать же—набожная русская женщина влияла также на сына, говоря постоянно о боге, много молясь, заставляла и сына делать то же. И Валек чуть ли не с 9 лет задумывается над вопросами религии. 12-летний мальчик дает обещание посвятить себя служению богу. Его мечта—поступить в монастырь, сделаться монахом.

Но по окончании 2-хклассного училища, он вынужден помогать родителям материально, для чего 14-ти лет поступает в мастерские ж.-д. депо. Здесь скоро его набожность рассеивается, и мысль о монастыре также забыта. 16-летний юноша скоро сталкивается с товарищами—работниками революционного подполья, выполняет технические поручения по расклейке, разброске прокламаций, разноске литературы и т. д. 17-ти лет он уже состоит членом партии с.-д. Организовывает кружки, в которых люди, вдвое старше, внимательно слушают своего юного товарища. Вместе с партийной работой т. А. Валек пополняет свой скудный запас знаний, посещает общеобразовательные курсы, много читает. 18-ти лет, в 1905 г., с оружием в руках он сражается на баррикадах Харькова. После подавления восстания арестован и сослан в Олонецкую губ. на 3 года. Но, пробыв в ссылке 3 месяца, он бежал и вернулся обратно в Харьков. Там он живет нелегально на конспиративных квартирах, но вскоре опять арестовывается и после шестимесячного заключения ссылается в Тобольскую губ., в г. Тару на 5 лет. С первых же дней ссылки он готовится к новому побегу. Валек всегда удивлялся товарищам, которые могли покорно в глухой ссылке пробыть годы своего срока, не пытаясь, хотя бы с риском быть расстрелянным, бежать.

После 3-хмесячного пребывания в Таре он снова бежит и также благополучно. Но на этот раз он уже не рискует ехать в свой любимый Харьков, а направляется на Урал и поступает на Надеждинский завод, на электрическую станцию. От почти трехлетнего скитания по тюрьмам, этапам и ссылкам его здоровье совсем расшаталось. 20-летний юноша, — он выглядит гораздо старше своих лет. Помнится, как т. Валек, выступив на митинге-массовке в лесу Надеждинского завода, вдруг замолк и с извинением, что закружилась голова, отошел, не кончив своей речи, и сел.

Оправившись, он принимает самое деятельное участие в подпольной работе, состоя членом комитета в тогда революционном Надеждинском заводе. Но и администрация этого завода тоже организуется: вытребовали отряд ингушей, которые пускают нередко в ход свои нагайки. У рабочих по 2 месяца не бывает получки. Им выдают из конторы купоны, которые они продают спекулянтам-лавочникам иногда за 40 и 30% их стоимости. На возмущение рабочих администрация отвечает угрозами закрытия завода, если рабочие вздумают объявить забастовку. К этому времени усилился шпионаж, участились обыски и аресты. В ответ на возмутительное отношение к рабочим, бывшим тогда в Надеждинском заводе знаменитым Лбовым были выделены несколько товарищей «убрать» директора завода г. Прахова. Тов. А. Валек не был сам террористом, но в этом случае он во многом посодействовал «молодцам» Лбова. Был убит директор, а также и шпион-урядник, благодаря которому многие рабочие были арестованы. На завтра, 26 августа 1908 г., завод был закрыт, а 10 тысяч рабочих вынуждены были разбрестись кто куда в поисках заработка.

Но этого мало. Нужно было просеять отъезжающих рабочих, чтобы выловить виновников в убийстве директора и урядника, для чего вся Богословская линия была наполнена шпионами и жандармами, и на конечной станции этой линии, Гороблагодатской, был устроен заградительный пункт, где все более молодые рабочие задерживались, обыскивались и многие арестовывались, препровождались в знаменитую тогда Николаевскую тюрьму или роту. Был задержан и А. Валек со своими товарищами. Последних обыскали и арестовали. А. Валеку на этот раз помогли его опыт и уменье держать себя с господами жандармами. Он развязно предложил им сделать обыск и у него, жуя во рту явки и другие компрометирующие документы и открывая корзину, в которой были нелегальные брошюрки.

Жандармы были обескуражены и отказались делать обыск. Однако в вагон, куда сел Валек, был поставлен шпион, от которого ему пришлось скрыться, соскочив с поезда до остановки у Н.-Тагильского завода и оставив свои вещи в вагоне. Пошли мытарства нелегальной жизни, часто без работы. Тов. Валек, тогда Яков Семенович Богданов, держал путь к Туркестану, куда он попал только весной 1909 г. За время его путешествия он был грузчиком, мельником, красильщиком. Немного поработав на одном месте, он двигался дальше.

В годы 1910—1915 А. Валек партийной подпольной работой не занимается. Все замерло, но кипучая, увлекающаяся натура т. Валека не засыпает. Его деятельность направляется в другую область—он занимается самообразованием; изучает один вопрос за другим: от электротехники переходит к изучению зубоврачебной техники и потом фотографии. Он удивлялся и часто говорил: «Как могут люди сидеть на одном месте всю свою жизнь, до гроба, застыть, не зная, не умея ничего больше. Дело для нас, а не мы для дела».

В годы реакции А. Валек обзаводится семьей. В 1916 году, сделав паспорт на свое нелегальное имя, он переезжает в Петроград, поступает на Путиловский завод токарем и работает до февральской революции. С первых дней революции окунается в её поток. Из довольно хорошего семьянина, отца, мужа он делается вновь только революционером. С утра до позднего вечера он находится на улицах Невского и, по его выражению, «убирает камушки с дороги для колеса истории».

При образовании временного правительства он был выбран в Совет от шрапнельного цеха Путиловского завода. Здесь начинается его созидательная работа. Он работает лихорадочно, желая везде поспеть, все сделать, он организует заводской комитет. Вскоре у него зарождается мысль ознаменовать революцию постройкой «дворца рабочего». С этой целью он обращается с воззванием прежде к путиловцам, а потом и к рабочим других предприятий с призывом жертвовать на эту постройку. Но более нужные и неотложные дела заставляют отложить эту идею до более благоприятного времени и он, передав в Госуд. Банк собранные свыше 50 тысяч рублей, на этом дело закончил.

Дальше, работая в жилищной секции, тов. Валек вырабатывает опросную анкету, которая была проведена раньше в Нарвском, а потом и по другим районам. В мае 1917 г. во время усиленного движения в сторону большевизма его перевыбирают в Совет Будучи большевиком с 1905 г., он в 1917 г.в деталях, а именно в способах агитации, по его словам, «насильственных», расходится с большевиками. Но из партии меньшевиков, в которой он состоял с марта, его официально исключают за большевизм. Он являлся оппозицией для меньшевиков и для большинства рабочих-путиловцев; для последних, главным образом, не из-за принципиальных расхождений, а за борьбу против полного падения производительности. Было полное отсутствие трудовой дисциплины. Почти целыми днями завод не приступал к работе, проводя время в митингах, совещаниях или просто в беседах группами.

После июльских дней он вступает в партию большевиков.

В 1918 г., в апреле, тов. А. Валек поехал в Омск. Здесь работает в Совете, а после нападения чехов—на фронте в качестве политического работника. Эвакуировался из Омска вместе с Советом, но в июле был командирован уральским областным бюро в тыл противника для подпольной организации и информации о Сибири, для чего он переходит с некоей М. фронт и приезжает обратно в Омск. Организовав подпольную работу до Иркутска, он едет обратно в Советскую Россию, пройдя опять благополучно фронт. Для большей безопасности и конспирации тов. Валек придавал своей поездке обывательский семейный вид, для чего брал с собой семью (жену и маленького сынишку), фотографический материал и т. д. Здесь он использовал свой многолетний опыт подпольного работника.

Работая в Сибири, он был не только организатором и руководителем подполья, но и учителем товарищей, даже не новичков, как держать себя в царстве Колчака.

Много выслушивали товарищи от Валека нотаций, упреков за неуменье держать себя: «Вы провалите и себя, и меня, если вы будете ходить на цыпочках, оглядываясь по сторонам». Он, действительно, не оглядывался по сторонам. Смело, свободно, всегда со всеми, и это ему несколько раз спасало жизнь. После информации о делах в Сибири и в Москве он едет по назначению в штаб Восточного фронта, а потом назначается в Пермь в военный контроль. При сдаче Перми А. Валек назначается областным бюро опять организатором подпольных работ по Уралу и Сибири, для чего он и еще 7 товарищей оставляются в тылу при отступлении.

Тов. А. Валеку удается переехать в Екатеринбург, часть остальных погибла в Перми, часть—по дороге в Екатеринбург. В Екатеринбурге Валек находит все разгромленным. Ни одной связи. И он решается на смелый шаг—идет к печатникам и ищет там коммунистов. Его сначала пугаются, но не надолго. Он находит большевика и через него связывается с другими предприятиями и военными частями. Он успешно организует самостоятельные ячейки (пятерки). Так проработал он 3 месяца. 1-го апреля 1919 г. тов. Валек был предательски выдан бывшим офицером Логиновым, перешедшим также фронт для подпольной организации. Логинов был арестован накануне, выданный одним провокатором. Зная, что белогвардейская власть не пощадит его, он думает предательством спасти себя Он приводит властей военного контроля к самой квартире—подвалу, где живет Антон Валек. Рассказав подробно прежнюю деятельность его, предатель Логинов объяснил также и поручения, данные теперь тов. Валеку.—«Крепись и будь сильной»,—шепнул последний жене, тоже арестованной вместе с ним. Начались пытки; после допросов раскладывали на пол, на скамьи, били и били. Казалось, не будет этому конца. За 5 дней ему было нанесено около 400 ударов казацкой плетью. Его тело было покрыто сплошными кровоподтеками; пальцы рук, которые защищали тело, были до неузнаваемости опухшими. Он искал конца своим страданиям, но ничего не было под руками. Обломком циркуля, который он нашел около себя, он хотел поразить сердце, но его нехватило—был короток. Осталась от этой попытки зияющая рана. После пятидневных истязаний он был приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Были также приговорены еще 7 сотрудников, среди которых была героиня Мария Оскаровна Авейде, выданные тем же предателем Логиновым. И только после приговора всех их оставили в покое. Нужно было видеть их спокойствие: «Смерти нечего пугаться!—говорил Антон Валек товарищам.—Наше место займут другие. Хуже—это пытки! Они, кажется, кончены и значит можно успокоиться... На нас вырастет хорошая травка»,—говорил он, улыбаясь. И его философское отношение действовало успокаивающим образом. С виду эти 8 героев, жертвы черной власти в Сибири, не были похожи на приговоренных к смерти, к небытию. Они спокойно беседовали, шутили. Тов. Валек, смеясь, указал на товарища, который боялся сесть на пыльную бумагу, чтобы не заразиться тифом, и т. п.

8-го апреля вечером А. Валек с товарищами был уведен сперва в тюрьму, а потом на место казни. По рассказам карателей, Антон Валек должен был видеть казнь всех товарищей, которых не расстреливали по приговору, а рубили шашками. Этого зрелища он не выдержал и умер от разрыва сердца.

Р. Валек. (Из книги «Три года борьбы».)

ВАЛОВ. ** — См. **Уткин.**

ВАНДЕР ** **Петр Марсович** — сын рабочего из г. Вендена. Вступил в Р. К. П. и в красную гвардию в Петрограде в 1917 г. Все время борется с колчаковцами и чехо-словаками на Восточном фронте, находясь в артиллерии. Командир батареи 30-й дивизии. Умер от тифа в марте 1920 г. Похоронен в г. Канске, Енисейской губ. *А. Абов.*

ВАНТОРИН * **Александр Иванович** — родился в 1897 г., кр. Владимирской губ., Суздальского у., с. Воскресенская слободка. Отец его работал десятником на строительных работах. А. И. Ванторин по окончании сельской школы, в которой учился 3 года, поехал в Москву и поступил учеником в слесарную мастерскую, затем перешел в мастерскую фабрики Мюр и Мерилиз, где работал до 1916 г. Был призван на военную службу и отправлен в Баку, а затем на Рижский фронт. В конце 1917 г. приехал в Москву, где был заведующим арсеналом. Во время дежурства при штабе красной гвардии он был убит при взрыве Дорогомиловского Районного Совета в ночь на 6 января 1918 г. Беспартийный. Вместе с ним погибли: **Сальникова**, **Серов**, **Тяпкин** и **Ерофеев**. *Ванторин.*

ВАРШАВИН — рабочий-коммунист симбирского патронного завода, во время служебной командировки на кольчугинский государственный завод заразился тифом и умер в январе 1920 г.

ВАСИЛЕВСКИЙ ** — агент Д. О. Г. П. У., убит во время поимки бандитов. («Трудов. Дон.» № 420 от 17/XII 1922 г.)

ВАСИЛЬЕВ ** — тов. предс. полкового комитета, расстрелян крестьянами с. Медведь, Новгородской губ. 5 апреля 1918 г.—См. **Путрис.**

ВАСИЛЬЕВ **—член Р. К. П. с 1918 г., председатель Миницкого волисполкома, убит 16 октября 1920 г. при выполнении своего коммунистического долга контр-революционером Ивановым, которого арестовал и пытался направить в Боровичи. Тов. Васильев—крестьянин-бедняк, будучи руководителем партийной и советской работы в волости, все свои знания и здоровье отдавал этому делу. Благодаря ему Миницкая волость была одна из примерных волостей Боровичского у. (Св. взяты из сб. «Вел. Кр. Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

ВАСИЛЬЕВ Василий Александрович — родился в 1901 г., окончил Технич. училище при Адмиралтейском судостр. заводе в Петрограде; уехал в Томск в 1918 г., а в 1919 г. был расстрелян вместе со своим братом Константином Александровичем. Вас. Ал. был юношей, преданным коммунизму, полным энергии.— См. **Ильмер Карл.** *А. А. Васильев.*

ВАСИЛЬЕВ Константин Александрович — по профессии токарь, род. в 1891 г., состоял членом союза металлистов, работал в Петрограде на заводе «Однер» с 1908 по 1911 г., состоял членом культурно-просвет. о-ва «Образование 2-го Нарвского района», где в 1913 г. был избран секретарем правления. 5 мая 1913 г. К. Васильев был арестован по обвинению в организации бюро нелегальных проф. союзов. Отбывши 2 мес. в доме предвар. закл., он был лишен права жительства в 57 пунктах России. В ноябре 1914 г., в связи с арестом 5 депутатов соц.-дем. фракции Гос. Думы, снова был арестован в г. Риге и сослан в Нарымский край. В 1916 г. мобилизован и вел пропаганду среди солдат. В начале февральской революции состоял членом томского Совета Солд. Деп. Избирался от партии б-ков в томскую городск. думу. В 1918 г. приезжал в Петроград на 3-й Всероссийский съезд в качестве делегата, после чего, вернувшись в Томск, был секретарем Томского Совдепа. Расстрелян Колчаком в 1919 г. вместе с 19 другими т. т. после суда 19 марта за подготовку восстания в г. Томске. Покойный был человеком дела, а не слов, всегда правдивый, энергичный и отзывчивый.— См. **Ильмер, Карл.** *А. А. Васильев.*

ВАСИЛЬЕВ ** **Степан Иванович** (тов. **Василек**) — родился 28 декабря 1899 г. в г. Иркутске. Окончил землемерное училище в г. Красноярске и поступил в томский технологический институт, но революция 1917 года всколыхнула в нем его далеко не юношеские мысли и он отдался общественной работе. Т. Василек являлся одним из организаторов томской группы анархистов, после разгрома которой во времена царствования Керенского переехал в Красноярск. Владея прекрасно языком эсперанто, он читал лекции по этому языку и вел довольно успешно анархистскую пропаганду среди учащейся молодежи.

Прибыл т. Василек в Благовещенск в декабре 1918 года. Живя первое время легально, он читал лекции по эсперанто, вел агитацию в частных беседах против Колчака среди солдат, казаков и вообще той среды, в которой вращался сам. В 1919 году т. Василек уже отдался революционной работе со всем пылом юношеской души, издавал подпольную газету «Вольное Слово», ездил в область для организации отрядов, налаживал в Благовещенске военную организацию и прочее. Несмотря на сильную болезнь (ревматизм), был хорошим исполнителем и никогда не отказывался от любого, предложенного ему, революционного дела. Он проповедывал террор и сам лично участвовал в террористических актах. Так, напр., он собственноручно убил в Алексеевске Бабицкого, сам охотился на знаменитого «Кешку Косого», организовал покушение на жизнь начальника политической контр-разведки Ф. Д. Васильева.

10 ноября 1919 года т. Василек был застигнут на квартире у своих знакомых «героями» раскаленных шомполов и нагаек во главе со своим начальником Васильевым. Тов. Василек выпрыгнул в окно и бросился бежать; за ним по пятам погнался начальник контр-разведки Васильев. Тов. Василек, чувствуя, что, благодаря ревматизму, бежать ему невозможно, круто повернулся и выстрелил в упор по гнавшемуся за ним начальнику контр-разведки, но, к сожалению, револьвер дал осечку, чем воспользовался начальник «героев» и выстрелом из нагана убил т. Васильева. (Из сборн. «Красная Голгофа», стр. 91—92.)

ВАСИЛЬЕВ ** **Ф. Г. (Глушицкий)** — член Хамовнического Комитета Р.К.П., принял деятельное участие в организации Социалистической Академии, где он состоял членом президиума отдела социалистического воспитания и руководителем студии коммунистического строительства; почти все свое время отдавал новому делу. Он руководил коммунистической ячейкой Академии, организовывал кружки и внестудийные занятия, вовлекал студентов в общественную деятельность, связывал их с местным комитетом Р.К.П. и Отделом Народ. Образования. Наконец, в самое последнее время он был одним из инициаторов очень важного шага — превращения Академии в рабоче-крестьянскую и привлечения в ряды ее рабочих-студентов и крестьян. С увлечением он отдавался этому делу, принимая самое горячее участие и в комиссиях, и в непосредственной агитации. («Правда» № 8 за 1920 г.)

ВАСИЛЬЕВА — умерла от тифа в марте 1920 года. Тов. Васильева родилась в Сибири в богатой семье. 14-летней девочкой она тихонько от родных принимала уже участие в революционной работе и распространяла листовки в Москве. После октября она поступила в хлебопекарню № 3 в Замоскворецком районе, где впервые начала работать среди женщин-работниц. Организовала школу грамоты, детский очаг, затем была выбрана в местный комитет.

После всероссийского съезда работниц тов. Васильева была первой выбрана Замоскворецким районом работниц в Отдел Народного Образования общественным инструктором. Когда сформировался Союз работников просвещения и социалистической культуры, тов. Васильева была выбрана в правление союза, и почти вся работа лежала на ней. В октябре 1919 года тов. Васильева была выбрана членом комитета Замоскворецкого района, и ей была поручена работа ответственного организатора района среди работниц. При перевыборах комитета Замоскворецкого района тов. Васильева была опять выбрана членом комитета и членом Исп. К-та и делегирована в «тройку» по ликвидации неграмотности. При перевыборах Моск. К-та тов. Васильева была выдвинута районным комитетом в члены Моск. Комитета.

ВАСТИНСКИЙ **—тов. председателя Совнаркома Казанской Республики, умер от чахотки. («Пути Революции» № 1, изд. Тат. бюро Истп.)

ВАХИТОВ * **Мулла Нур** — татарин-интернационалист, казнен белыми в Казани по постановлению следственной комиссии в 1918 г.—См. **Фролов.**

Т. Вахитов родился в 1885 году в гор. Кунгуре в семье мелкого торгаша М. Д. Вахитова. Получив первоначальное образование в том же городе, М. Н., вместе со своей семьей, переезжает в гор. Казань, где начинает учиться в реальном училище. Волны революции 1905 года захватывают молодого М. Н. Он начинает работать в кружке по изучению марксизма вместе с другими татарскими учащимися, занятыми этим вопросом. В 1907 году, окончив курс Казанского реального училища, он поступает в Политехнический институт гор. Петербурга. Здесь М. Н., кроме активного участия в кружке по изучению марксизма, начинает изучать восток ислама. На 4-м году обучения он исключается из Политехнического института, как политически неблагонадежный элемент, после чего поступает на экономическое отделение Психо-неврологического института. Но и здесь он пребывает недолго и исключается, но на этот раз лишенный права поступления в какое-либо учебное заведение. Далее он возвращается в Казань; поддерживает свою жизнь, давая частные уроки; поступает на службу в Казанское праление путей сообщения (насколько помню, во время войны 1914—1918 г.г.). Какую официальную связь и отношение он имел в это время с С.-Д. Р. П. (б.)—я точно не знаю. Как передают, он в это время—в дни черной реакции—вел беседы с редко встречавшимися тогда татарскими социалистами, всегда доказывал близость революции, необходимость организации; объяснял сущность марксизма татарской молодежи.

М. Н. до февральской революции не мог связаться с широкой пролетарской массой, с массой трудящихся, и не мог развивать, расширять свою революционную деятельность, ввиду отсутствия какой бы то ни было, хотя самой минимальной, свободы. Февраль открыл широкое поле и М. Н. Вахитову, так горевшему в стремлениях и желаниях к социалистической революции, притом подготовленному научно и имевшему организаторские способности.

Трудящаяся масса татар впервые познакомилась со своим будущим руководителем на общемусульманском митинге. На этом митинге М. Н. выступил с протестом против национальной буржуазии. Буржуазия, духовенство и их прислужники интеллигенты, с целью организовать свой мусульманский комитет, после первых же дней революции (приблизительно 8/III по ст. стилю) собрались в Большом театре, где и был проведен митинг казанских мусульман. На этом митинге М. Н. выступил с протестом против национальной буржуазии, которая хотела взять в свои железные руки только что освобожденных трудящихся от ига абсолютизма. Пылкая, живая речь М. Н. была полна неудовольствия буржуазной революцией и полна призывом к трудящейся массе принять живое участие в борьбе за социалистическую. Эта речь вскрыла политические убеждения М. Н. и определила линию его ближайших последующих действий, в то же время она служила показателем того, что между мус.комитетом и труд.массой татар есть большая пропасть. Мусульманский Соц. Комитет, организованный М. Н. и его товарищами (по истечении нескольких дней после февральской революции) для распространения идей социализма и для борьбы с этим буржуазным комитетом, есть их заслуга, которая достойна высокой оценки. Благодаря неутомимой энергии, упорному труду и личному влиянию Н. М. Вахитову и его товарищам удалось привлечь на свою сторону мусульманские трудящиеся массы, несмотря на крайне неблагоприятные условия работы среди них и противодействие со стороны татарских буржуазных организаций.

Татпролетариат и солдатская масса под идейным руководством Соц. Комитета вступили в Октябрьскую революцию и приняли в ней активное участие. М. Н. вошел членом военно-революционного штаба, как первый представитель рев. пролетариата, победившего буржуазию. М. Н. принял активное участие в организации Советской власти в Казани после Октябрьской революции. Секции по работе среди рабочих, солдат и крестьян при Соц. Ком., организованные с участием самих рабочих и крестьян, есть большой успех в деятельности С. К. Еще до октября функционировали курсы при клубе С. К. по общественным наукам. Страницы газеты «Кызыл Байрак» ¹), не удовлетворяясь тем, что они давали место агитации по вопросам текущего момента, служили органом распространения идей научного социализма, и задачи пропаганды считали неотложными.

---

¹) Орган Мусульм. Соц. Комитета.—*Прим. редакции.*

Этим заканчивается основная работа М. Н. с Октября до отъезда в Учред. Собрание (конец декабря 1917 г.). С этого момента М. Н. начинает работать во всероссийском масштабе. Он всегда интересовался и в этот период его деятельности Казанск. Соц. К-ом и частенько навещал его.

Он совместно с т.т. Г. Ибрагимовым, Шариф Монатовым, оставившими Учредит. Собрание, организовал Центральный Комиссариат мусульман внутренней России и Сибири при Совнаркоме Р. С. Ф. С. Р. Центральный Комиссариат разогнал все местные комиссариаты, которые еще продолжали существовать и после Октябрьской революции, и которые руководились идейно «Нац. Управлением». Вместо них были основаны революц. организации и местные комиссариаты тат.-баш. трудящихся. Он же оказал большую услугу в обороне Соввласти от контр-революции с помощью вооруженной силы, организовавши Военколлегию при Центральном Мускомате под своим председательством. Таким образом, он принял прямое непосредственное участие в обороне.

В марте 1918 г., по инициативе М. Н., была созвана в Москве Конференция мусрабочих. Если один факт созыва этой конференции представляет не малый интерес, то работа Центрального Мусульманского Союза—Коммунистического Комитета, организованного этой конференцией, имеет еще более крупное значение. По инициативе этого Комитета (председат. Мулла Нур) во всех концах России, где имелись трудящиеся, говорившие на тюркском языке, организовались С. К-ты, типа казанского С. К. Как прямой результат деятельности этого Ком-та, успели объединиться все коммунистич. элементы, находившиеся в разных углах России. 18 июня 1918 г. в Казани было открыто совещание всех С. К., работавших в разных губерниях. Это совещание состояло только из представителей коммунистов, так как уже все комитеты были в руках комэлемента. Совещание объявило себя совещанием коммунистов, приняло проект программы Р. К. П. (б), оставивши старые организационные формы и создало компартию татар.

Занятие чехо-словаками Татаро-Башкирской области и надвинувшаяся на Казань гроза заставили М. Н. принять участие в красном фронте. 4 августа, он, взявши с собой часть татбашбаталиона, находившуюся тогда в Москве, и сотрудников Военколлегии, приехал в Казань. Его основной целью было— централизовать все татвоенсилы, чтобы они могли противостоять надвигающейся контр-революции и помочь своими советами в военкругах. Неожиданно 7 августа Казань была взята бандой учредиловцев. М. Н., занятый до последней минуты работой, не успел выйти из Казани. 8 августа он был захвачен в с. Борискове и заключен в тюрьму. Казанская буржуазия присуждает М. Н. к смертной казни. Об этом постановлении дают знать Комитету Учредительного Собрания, находящемуся в Самаре. Из Самары получают приказание: «решение привести в исполнение». Ночью 19 августа палачи контр-революции выводят т. Бахитова из тюрьмы и расстреливают. *И. Рахматулин.*

(«Пути Революции» Истор. журн. Татбюро Истпарта 1923 г. № 3.)

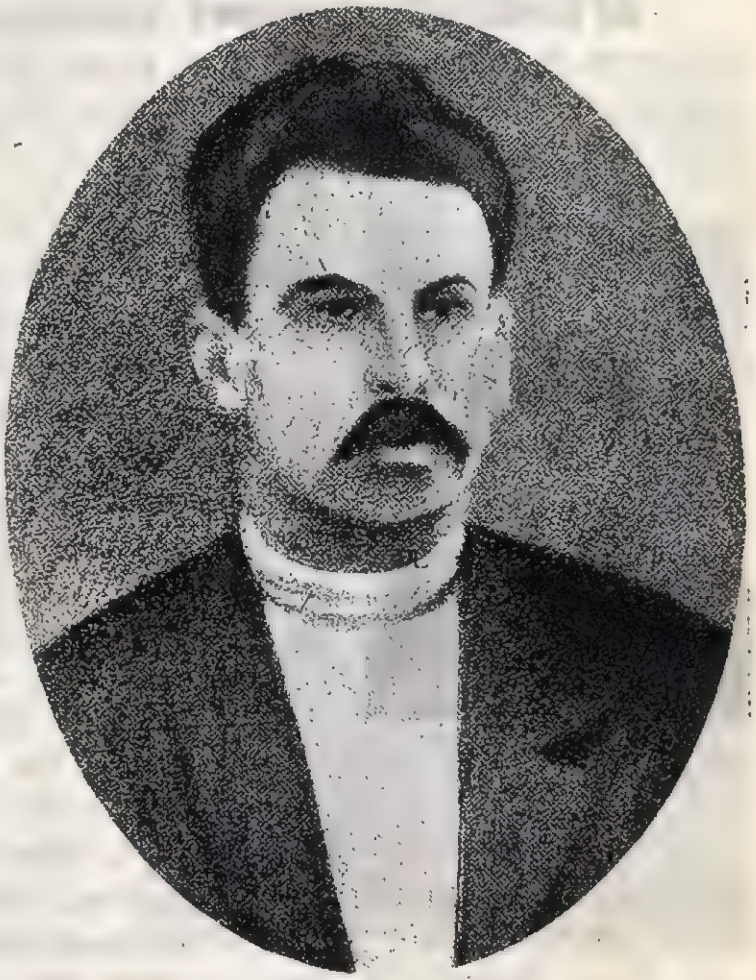
ВАХТЕЛЬ Ефим Михайлович — из отряда Подтелкова, расстрелян 10 мая 1918 г.—См. **Подтелков.**

ВЕДЕРНИКОВ Алексей Степанович (**Сибиряк**), — был старым партийным работником. Еще в 1895 году он вошел в революционную среду и с тех пор беспрерывно находился в рядах борющихся за торжество рабочего дела.

Кто из московских рабочих 1905 г. не знает тов. Ведерникова, по партийной кличке «Сибиряка», приземистого, кряжистого рабочего с завода «Дукс»? Кто не знает его, рядом с тов. «Седым», «Медведем» и другими, как организатора боевых дружин? Не знают его только те, кто стоял в стороне от борьбы рабочего класса.

Еще задолго до 1905 г. тов. Ведерников был широко известен уральским рабочим, как боевой товарищ, не мирящийся с хозяйской и царской кабалой. Он работал долго в партийной организации, а в 1905 г. он уже был хорошо известен партии большевиков, как преданный и умелый рабочий-организатор. После восстания 1905 г. тов. Ведерников, уцелевший от расстрела, работал долго нелегально, участвуя в организации моск. военно-технического бюро. Эта работа привела его на каторгу, в ярославскую тюрьму. Ужасна была эта каторга для несгибаемого, железного Ведерникова. Его подвергали порке, побоям, истязаниям. Друзья опасались, что он не выдержит, окончит самоубийством или будет убит. Но все вынесла его железная натура.

Радостно бросился он в поток революции, освобожденный ею из ужасного плена, от каторжных цепей. И пошел опять впереди. Первые шаги проведения рабочего контроля в Москве связаны с именем тов. Ведерникова, как и первые практические шаги по организации рабочей Красной гвардии. В октябрьские дни тов. Ведерников является одним из членов военно-рев. комитета, вооружает, организует,—решительный, не сомневающийся в победе в самые тяжелые минуты. Сейчас же, после победы, вместе с тов. Пече организует Красную гвардию—начатки современной Красной армии. Потом он был назначен комиссаром Выксунских заводов. Работал там так же энергично, бережно, любовно относясь к предприятиям, перешедшим в руки трудящихся.



А. Ведерников (Сибиряк).

Но сердце было измучено, организм надломлен. Смерть подстерегла его. 12 января 1919 его не стало. («Правда» № 9 от 15 января 1919 года.)

Е. Я.

Примечание. Памяти тов. Сибиряка посвящена статья А. К. «Жизнь борца» в историческом журнале Истпарта «Пролетарская Революция» № 2 (стр. 124—139).

ВЕЗИРОВ * **Мир-Гассан** — погиб в числе 26 бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами 29 сентября 1918 г.

Тов. Везиров родился в 1886 году, происходил из очень бедной семьи. Отец его, старик 70-ти лет, учительствовал у кочевников и этим скудным заработком еле-еле поддерживал существование своей многочисленной семьи, так что т. Мир-Гассану приходилось, еще будучи учеником II класса, разделять со своим отцом тяжесть семейных забот, давая частные уроки и получая за это гроши. Чуть ли не со школьной скамьи он стал увлекаться рабочим движением, зачитывался революционными книгами, которые он обычно прятал на чердаке; кроме того, на революционный путь его толкали произвол и насилие ханов и беков Карабаха. Особенно он стал ненавидеть их после одного позорного случая. В 1906 году антагонизм между мусульманами и армянами Карабаха, благодаря гнусной политике Николая кровавого, черезвычайно усилился. Связь между армянской частью и мусульманской в Шуше была прервана. Покойный, будучи интернационалистом по духу, всеми силами старался примирить эти два народа, сошедшие с верного пути, и неоднократно призывал мусульман опомниться и сойти с того ложного пути, на котором стояли обе нации в течение веков. Это сильно не понравилось некоторым черносотенцам из бек-ханского лагеря и они однажды вызвали т. Везирова в Мерденлинскую мечеть (в Шуше), сильно избили его и всячески издевались над ним. Все это происходило под руководством Гусейн-Ага Джерваншира. Чувствуя великую несправедливость, он с этого часа стал непримиримым врагом беков и ханов. Особенную ненависть он питал к полиции, с которой часто сталкивался, и ему не раз приходилось отвечать перед судом за оскорбление полиции. Окончив среднее учебное заведение, он поступил в Новочеркасский политехнический институт, но окончить политехникум ему не удалось—он заболел туберкулезом и должен был выехать в Крым на лечение. Несмотря на болезнь, как в Новочеркасске, так и в Крыму он принимал самое деятельное участие в студенческом революционном движении, направленном в то время к низвержению царизма. После непродолжительного лечения, к началу революции т. Везиров приехал на короткое время в Шушу, где он с немногими товарищами повел усиленную агитацию за список № 5 (партии большевиков) в Учредительное Собрание. За эту агитацию против него и покойного т. Сальмана местные беки устроили заговор; т. Сальман был убит, а Мир-Гассану еле удалось бежать в Баку, где он уже работал вместе с другими товарищами. Он был прямой и решительный, ничто его не пугало. Его звали бичом карабахских беков и ханов.

Бахрам Бахрамов.

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 28—IX 1922 г.)—См. **Ст. Шаумян.**

ВЕЙНБАУМ Григорий Спиридонович (Валентин) — еще будучи на гимназической скамье вошел в ряды социал-демократов. Он принимал активное участие в «Союзе социал-демократической молодежи», а затем развернул кипучую деятельность в рабочих районах петербургской организации. В темные годы реакции 1909—1910 годов он хорошо был известен питерским рабочим. Валентин был во главе маленькой кучки студенческой молодежи и рабочих передовиков, которым приходилось тогда в Питере вести всю работу по борьбе рабочего класса с царизмом и капиталистами. Он бегал по нелегальным собраниям, читал доклады в обществах, носился по явкам, везде и повсюду возбуждал бодрость и уверенность в силах. Он был самым любимым оратором на рабочих собраниях. На Бабуринском переулке, в «Сампсониевском обществе самообразования», где собирались все сливки выборжцев, он был самым популярным лицом. Всех он заражал своим неисчерпаемым запасом энергии. В апреле 1910 года он вместе с группой работников был арестован «по делу о подготовке выступлений на съезде по борьбе с проституцией и первого мая». Через несколько месяцев его судили, и он получил ссылку на поселение. Революция застала его в Красноярске, где он с головой уходит в советскую и партийную работу.

Г. Вейнбаум.

Тов. Вейнбаум был европейски образованным человеком: он свободно владел несколькими иностранными языками и был, в полном смысле этого слова, знатоком буржуазной дипломатии. Его изумительная память всегда хранила богатый архив всевозможных явных и тайных договоров, нот и посланий, какими обычно министры капиталистических правительств, точно паутиной, опутывают трудящихся всех стран, втравливая их в братоубийственные войны. Поэтому, когда в Сибири победила рабочая революция и стало неотложно необходимым создать местный советский дипломатический центр, то выбор пал именно на т. Вейнбаума. Вскоре же специальным декретом Всероссийского Совнаркома он был назначен комиссаром по иностранным делам Сибири. Но это назначение не повлекло за собой ухода его от текущей практической работы, которую он добровольно исполнял в качестве председателя Красноярского и Губернского Исполнит. Комитетов Советов. Здесь он работал не покладая рук до самого последнего дня. Его энергии красноярские рабочие были обязаны тем, что авантюра местного семеновца—атамана Сотникова—оказалась безболезненно ликвидированной: Сотников вместе со своим казачьим отрядом позорно бежал из Красноярска, благодаря чему населению удалось избежать ужасов уличного боя.

Страстный оратор, т. Вейнбаум своими глубокими речами на 1-ом Всесибирском Съезде Совдепов (в начале октября 1917 г.) помог развенчать тот гражданский мир, который установился в Вост. Сибири и ее политическом центре—

г. Иркутске. Перед силою страстных и глубоко обоснованных слов т. Вейнбуама всегда блекли речи противников. (См. «Три года борьбы». Октябрь 1917—октябрь 1920.)

Тов. Вейнбаум, совместно с американской миссией, вел мирные переговоры с чехо-словаками и за несколько дней до падения Красноярска возвратился в него. Когда в Исполкоме был поднят вопрос об эвакуации и вывозе ценностей из Красноярска, он, вместе с некоторыми другими лицами, был противником этого и предлагал защищаться до конца. И только измена одного полка и начавшаяся в городе перестрелка заставила оставшихся отступить к пристани, сесть на пароходы и поплыть вниз.

Тов. Вейнбаум попал в плен и был отправлен в Красноярскую тюрьму, где был расстрелян вместе с другими в ночь с 24 на 25-ое октября 1918 г.

Вместе с т. Вейнбаумом расстреляны: **Яковлев**, **Белопольский** и **Дубровинский**.

ВЕЛИЧКИНА.—См. **Бонч-Бруевич В. М.**

ВЕЛИЧКО Михаил — комендант ст. Буча. Погиб 17 апреля 1919 г. во время нападения повстанцев. Повстанцы зверски надругались над ним и полуживым зарыли его в землю. («Красная Армия» № 33 за 1919 г.)

К. Веллинг.

ВЕЛЛИНГ ** **К. К.** — родился 13 мая 1889 года в Тверском уезде, в фабричном поселке в доме своего деда, В. И. Русакова. В раннем детстве он был привезен в Москву. Среднее образование он начал в 3-й Московской гимназии, но, желая скорее ее окончить, пройдя 6 классов, вышел из гимназии и в одну зиму без посторонней помощи прошел курс последних 2-х классов гимназии; весной 1907 года блестяще выдержал конкурсный экзамен на аттестат зрелости экстерном при Лазаревском Институте Восточных Языков в Москве. Осенью 1907 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета, который и окончил в 1912 году. Еще 16-летним юношей он стал содержать самого себя. Университетские же годы были годами сплошного труда. Зарабатывая на себя, помогая своей семье, т. Веллинг успевал блестяще выполнять научные работы, связанные с прохождением курса. Кроме того, он успел самостоятельно изучить иностранные языки, как, напр., французский, итальянский, немецкий, английский и притом настолько хорошо, что мог свободно пользоваться ими для своих научных целей.

Наука была его страстью. Было ясно, что из него должен выработаться недюжинный научный работник. Своей специальностью он избрал хирургию и гинекологию. Недостаток средств не позволил ему отдаться исключительно науке. Заниматься частной практикой он не хотел, и потому по окончании университета стал земским врачом. Он был заведующим врачом в хирургических больницах: в Саратовской губернии, Кузнецкого уезда, в Баштанах, Ставропольской губ., в г. Красном, Смоленской губ. Всюду, где бы ни работал, он проявлял неукротимую энергию, выдающиеся организаторские способности и богатый запас научных знаний, которые успевал, несмотря на длительную, интенсивную, ответственную повседневную работу, неустанно пополнять. Где бы товарищ Веллинг ни работал, как врач-хирург и гинеколог, он благодаря своим знаниям, искусству и исключительному бескорыстию, завоевывал любовь в широких кругах населения. Больные текли к нему толпами, и он не одной тысячи людей сохранил жизнь и возвратил здоровье. Работая как специалист, посвящая себя обязательной и ответственной, крайне интенсивной работе высокой квалификации не менее 12—14 час. в сутки, т. Веллинг еще при старом режиме проявлял себя, как общественный работник, участвуя в санитарных советах при земских управах, упорно ведя борьбу с косностью и защищая интересы обездоленных масс. Однако мечтой т. Веллинга было всецело отдаться своей любимой науке, где он чувствовал в себе силы сделать многое.

Революционная деятельность К. К. Веллинга началась когда он был еще гимназистом. В 1905 году во время декабрьского восстания он с револьвером в руках был на баррикадах. Февральская революция застала т. К. К. Веллинга в г. Красном, Смоленской губернии. С первых дней революции он принял в ней самое горячее участие. Он был первым организатором Совета в г. Красном, на него взваливалась вся тяжесть управления уездом в это бурное время. Железной волей, неустанным трудом он сумел предохранить уезд от различных эксцессов революционного времени, ведя в то же время энергичную пропаганду коммунизма. Налаживая административную работу, выступал на многочисленных собраниях, читал лекции и издавал на свои скудные средства газету коммунистического направления, которую рассылал с нарочными по волостям. В то же время т. К. К. Веллинг не забывал и долга врача. Борьба политическая была тяжелая. Не раз т. Веллинг получал письменные угрозы, не раз сторонники противных партий устраивали демонстрации против него с битьем стекол в его квартире. После Октябрьского переворота т. К. К. Веллинг был выбран комиссаром уезда и пробыл на этом посту до половины декабря 1917 года, проявляя выдающиеся административные способности и неустанно ведя пропаганду идей коммунизма.

С половины декабря 1917 года и до конца своей жизни, т. К. К. Веллинг служил в г. Подольске, Москов. губ. в земской больнице, где заведывал хирургическим и родильным отделением. Здесь, как и везде, проявились во всю ширь его необычайные энергия, воля и всестороннее образование. Посвящая больнице 12—14 час. в сутки, производя множество тяжелых и ответственных операций, остальное время К. К. Веллинг отдавал общественным обязанностям. Он работал, как ответственный работник-коммунист, в различных учреждениях. Чтение лекций, организация курсов различного назначения, разработка докладов для Райкома, организация коммунальных огородов, участие в профессиональном союзе, председательствование в комячейке—всему этому товарищ Веллинг отдавался со всей страстью к правде и с любовью к обездоленным.

Неспособный ни к малейшей сделке с своей совестью, т. Веллинг довольствовался тем скудным пайком, который полагался ему, как больничному работнику, уделяя из него на содержание своей семьи. Не имея часто в доме куска хлеба, т. Веллинг все же неустанно выполнял свой долг врача, не отказывая никому в своей помощи ни днем, ни ночью, и выполнял множество общественных обязанностей, выявляя везде свою инициативу и твердость. Голод и неустанная работа доводили его до крайней степени истощения, но сломить волю и энергию им не удалось. В сентябре 1920 года, делая операцию у больного брюшным тифом с прободением язвы кишек, т. К. К. Веллинг заразился и через 7 дней сам заболел брюшным тифом, а через 40 дней у него самого прорвалась язва кишек и т. Веллинг погиб 26 окт. 1920 г. («Братская Могила».)

ВЕНДЕНБАУМ. ** —См. **Линдер, Леопольд.**

ВЕНЦЕК.—«День 8 июня (1918 г.) был ознаменован в Самаре вакханалией зверских самосудов, бессудных расстрелов и т. д. Достаточно было кому-нибудь ткнуть пальцем и сказать: «это—большевик!», чтобы несчастного убивали. В этот день погибло множество товарищей, в том числе несколько видных работников.

«Тов. Венцек, председатель революционного трибунала, 8 июня пал первой жертвой кошмарного самосуда. Толпа белых, потерявших все человеческое, зверски избивала товарища, переломала ему ребра, била палками, топтала ногами, пока, наконец, не размозжила черепа. Убитого раздели, ограбили, сняли сапоги. А толпа зверей продолжала издеваться и кощунствовать над трупом...

Так же зверски был убит т. Штыркин, комиссар жилищного отдела. Военный комиссар т. Шульц, раненый, попался в руки бандитов, его мучили и избивали, пока не добили.

«Самосуду погромщиков чуть не подвергся и сдавшийся т. Масленников. Чехи его защитили; однако ударов ему попало достаточно, на вокзал он был доставлен весь в крови». [См. «В дни Самарской Учредилки» Г. Лелевича (Л. Могилевского) стр. 18].

ВЕРЕВКИН Григорий Кондратьевич — родился в станице Слащевской, Донской области, 10 января 1885 года в бедной крестьянской семье. По окончании приходского, а затем двухкласного училища, он решил продолжить свое образование. При нужде, которую испытывала семья, это было нелегко, и только в 1904 году он поступил в Липецкую Лесную школу (Тамб. губ.), из которой в 1905 году его исключили за «политику». В 1906 году Г. К. был участником революционного восстания крестьян с. Михайловки, Донской обл. При подавлении восстания он был арестован и посажен в Усть-Медведицкую тюрьму; выпущен из нее в 1908 году. После того он поехал в Москву для поступления в высшее учебное заведение. Не бросая революционной работы, он в 1909 году поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. 16 ноября 1915 года, по обвинению в принадлежности к Пресненской группе Р. С.-Д. Р. П. и за агитацию против войны, был арестован и приговорен на 1 год крепости. До окончания срока он был сдан в солдаты, и там окончательно подорвал свое здоровье. После февральской революции, он, освобожденный из-за растроенного здоровья от военной службы, весь отдался делу революции. В октябрьские дни он был выпускающим газ. «Социал-Демократ». Вскоре здоровье его настолько ухудшилось, что пришлось отвести его на родину в Слащевскую. Здесь он и умер от туберкулеза 4 апреля 1918 года. («Правда» № 81 за 1918 г.)

Г. Веревкин.

ВЕРЖА * **Марсель** — делегат красных профсоюзов департамента Сены, делегирован в Россию на второй конгресс Коминтерна.

Тов. Вержа—революционный синдикалист. Это был брюнет низкого роста, с умным энергичным лицом. По профессии рабочий-металлист, секретарь союза металлистов Парижа. Еще в Париже я чувствовал в нем что-то наше, хотя был небольшой уклон к анархизму. Здесь же [1]) он мне определенно сказал: «Вы можете быть уверены, что первый, кто войдет в коммунистическую партию, это—я». В конце сентября 1920 г. при возвращении из России франц. делегаты **Вержа**, **Лефевр** и **Лепети** и сопровождавший их тов. **Митковицер** решили ехать через Мурманск. В Мурманске на небольшом пароходике они четверо, капитан и два матроса, хотели немедленно пробраться через Норвегию во Францию. На море разыгрался большой шторм и они все погибли. Даже трупов их не нашли. (В. Деготь «В свободном подполье».)

ВЕРЗЕЛНЕК ** **Отто Оттович** — в 1917 году рабочий-лекальщик завода б. «Русская Машина» за Крестовской заставой, искренний революционер, прекрасно разбиравшийся в политической обстановке, вошел в состав районного Алексеевско-Ростокинского Совдепа, в котором принял на себя должность казначея. Он не ограничивался внутрисоветской работой тогда еще соглашательского Райсовета, а персонально проводил решительную политику решительного революционера на местах, на фабриках и на заводах Алекс.-Росток. Района. По первому заявлению рабочих и работниц о помощи против своих хозяев он являлся без всякой санкции соглашателей, сидевших в Совете, и на месте разрешал вопросы, не нашедшие отклика в Совете. За день на велосипеде он успевал объехать несколько ростокинских фабрик и решить на них дела: вырвать работниц из рук заводчика, кричавшего в ответ т. Верзелнеку—«Я здесь стою на французской земле. Я французский подданный и вы не имеете права!» и т. д. С револьвером в руке усмирял Верзелнек зарвавшегося француза и в полном смысле слова освобождал работницу из затворничества. В другом месте он, по заявлению рабочих, разыскивал перепроданную локаутчиком-заводчиком нефть, без которой стояла фабрика. Там тоже был иностранец, какой-то уроженец Туркестана. В третьем месте, в паровой прачечной Чернышева, он усмирял заведующего, придавившего фабком. И так каждый вечер ежедневно он посвящал местам, поддерживая в рабочих веру в Советы и держа высоко знамя коммуниста. Так он дотянул до октября.

---

[1]) В Харькове.—*Прим. Истпарта*

Октябрь 1917 г. Восстание. Он, один из организаторов Красной гвардии района, оказался первым в бою. В первую же ночь он бросился в город на автомобилях, взятых с завода «Русская Машина» и с Алексеевской водокачки. И в первый же день восстания он погиб в борьбе с юнкерами за московский почтамт, получив две тяжелые раны в живот. Рассказывали, что Верзелнек, будучи уже раненым, все же добежал до какого-то командира юнкеров и сразил его, сам упав около сраженного врага.

Николай Федулов.

ВЕРМИШЕВ—погиб в борьбе с белыми в сентябре 1919 г. Он был комиссаром батальона. Последние слова избитого, а потом повешенного т. Вермишева были:—«Да здравствует Р. С. Ф. С. Р. и непобедимая Красная армия!» («Б. Правда» № 39 от 29 октября 1919 г.)

ВЕРШИНИН.—См. **Подтелков.**

ВЕСЕЛОВСКИЙ Бронислав Андреевич — расстрелян польскими белогвардейцами 10 января 1919 года.

Тов. Весселовский был старым испытанным революционером. Всю свою жизнь с молодых лет и до самой старости он принес на алтарь революции. Никогда не гнался он за каким-либо положением даже в революционной среде. Он всегда делал то, что, по его мнению, нужно было в данный момент, как бы незначительно и малозаметно ни было это дело. Человек весьма образованный, в совершенстве знавший несколько европейских языков, техник по специальности, он и в частной и партийной работе, если это было необходимо, с готовностью исполнял самую незначительную, чисто техническую работу. Он был до крайности скромным. Он сам считал себя обыкновенным солдатом революции, хотя в действительности был головою выше многих генералов от революции. Проработав несколько десятилетий в революции, отбыв 6 лет каторги и 2 года ссылки, он немедленно стал на своем революционном посту, как только вернулся из ссылки. Он вернулся из Сибири и не искал ничего, а просто взялся за то дело, которое было необходимо. Когда ему сказали, что нужно ехать в Польшу, он тоже не спрашивал, интересна ли эта работа. Просто поехал и... просто умер. Он расстрелян. Убит на своем революционном посту, которого никогда не покидал; умер, как жил: революционером, подвижником и мучеником. Вся жизнь его была сплошным революционным подвигом; его смерть—тоже революционный подвиг. Он никогда не жил для себя, а всегда для революции и умер за революцию.

А. Иоффе.

Одновременно с тов. Весселовским погибли т.т. **Клиоцман, Мария Альтер** и **Айвазова.**

ВЕСКРЕВЕЦ Павел Митрофанович — 28 лет, казнен 22 сентября 1919 г. За службу в Красной армии и начальником отдела снабжения уездвоенкомата г. Ялты был приговорен к смертной казни через повешение с заменою расстрелом. В день казни, за час, его выпустили с закованными руками во двор, где в это время была женская прогулка в 4 часа дня. Тов. Вескревец подошел ко мне в присутствии остальных арестанток и просил отомстить за него, когда придут наши. Я у него спросила.—«Кто вас выдал?» Он не хотел говорить, а потом сказал:—«Поручик Тишевский». Я ему поклялась при всех, что, если только останусь жива и разыщу, все равно отомщу, что и исполнила в декабре 1920 года; затем он просил меня работать до потери сил в наших рядах, оставаясь честной коммунисткой. В 5 часов вечера 22 сентября 1919 года подъехал автомобиль, на котором приехали княгиня Трубецкая, поручик Семенов, начальник контрразведки Герцфельд и мн. др., фамилий не помню, и повезли его на казнь. Уходя из тюрьмы, он запел: «Марш вперед, друзья, в поход, черные гусары; смерть идет, меня зовет, так наливайте ж чары»! Сказал:—«Прощайте, товарищи»!—и ушел. По отъезде автомобиля из тюрьмы, поручик Тишевский, бывший в это время в тюрьме, злорадно смеясь, сказал:—«Я ударил, теперь не встанет». По возвращении палачей с места казни, с 9-й версты имения Ореанда, они поражались геройской смертью тов. Вескревец, который сам командовал своей казнью.

А. М. Долгова.

ВЕРХОВЕН—военком. В самый тяжелый момент существования Украинской Советской Республики с отрядом коммунистов влился в ряды Красной армии. Смелый, горящий огнем пролетарской революции, он везде выделялся своей работой и пользовался исключительной любовью красноармейцев и командного состава. Убит в бою под Перекопом в марте 1920 г. («Извест. У. Р. К. и Харьковский Рев. Сов.», № 63. 1920 г.)

ВЕЧУТИНСКИЙ—коммунист, красноармеец. В 1919 г. во время боев при Тамбове около деревень Араповка и Рудневка он был взят в плен вместе с другими. После размена пленными генерал велел выйти коммунистам вперед, а когда они вышли, их раздели догола и отправили с калмыками в поле; там их и растреляли.

ВИДОНОВ Алексей Захарович—член Ц. К. Всероссийск. Союза рабочих химической промышленности, член коллегии Главстекло. Умер от тифа в начале февраля 1921 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 31 от 10 февраля 1921 г.)

А. Викштрем.

ВИКШТРЕМ ** Александр—латыш, член Р. К. П. одесской организации, стал в ряды нашей партии с июля 1917 года. Преданнейший юноша, находясь в рядах одесской Красной гвардии в качестве заведывающего скудной финансовой частью, эвакуируется вместе со штабом одесской Красной гвардии в Крым, оттуда на Дон и Кубань, где поступает в штаб тов. Калныня. При падении ст. Тихорецкой он попадает в руки белых и содержится в Екатеринодарской тюрьме. Когда в декабре 1918 года одна коммунарка, работавшая в штабе Калныня, попадает в Одессу, она обращается к родителям Викштрема с просьбой, чтобы они поехали в Екатеринодар взять своего сына на поруки, ибо, ввиду последней стадии туберкулеза у него, белые, может быть, согласятся его выдать. Но родители ответили, что они очень жалеют, что этот проклятый большевик еще жив, ибо большевик не может называться их сыном. После этого о нем нет никаких вестей, и бывшие в Екатеринодаре товарищи уверяют, что Викштрем отвезен по направлению к Новороссийску и там где-то расстрелян.

Ф. Земит.

ВИЛКОВ ** Трофим Егорович (дяд Трофим, «Кум»)—по профессии швейцар. По окончании первой ссылки в 1910 г. он вернулся в Москву и в 1911 г. уже соорганизовал из молодежи кружок большевиков. Этим кружком, именовавшимся Бутырским Комитетом, в сентябре того же года была выпущена прокламация с призывом организоваться в Р. С.-Д. Р. П. и в то же время установлена связь с ближайшим заводом. В свободные от работы минуты днем или вечером молодежь собиралась в тесный кружок и вела беседы о марксизме, материализме, идеализме и вообще о жизни. Тов. Вилков руководил кружком. Затем кружок связался с другими районами, но 10 марта 1912 г. тов. Вилков вместе с другими был арестован и выслан в Архангельскую губ. По возвращении из ссылки работал в Центросоюзе, ведя борьбу там с меньшевиками и эс-эрами. В дни революции он уже чувствовал себя сильно ослабевшим и принимал участие по мере сил. Вскоре он заболел сыпным тифом и умер. Тов. Вилков начал свою революционную работу в 35 лет в своей деревне во Владимирской губ., Суздальского уезда. В 1905 году он был сельским старостой, имел хорошее крестьянское хозяйство, большой фруктовый сад—все это он променял на революционную борьбу за освобождение рабочего класса, на большие материальные лишения. (Сведения взяты из ст. Ильи Борисова в сборнике «Братская Могила».)

А. Вилксон.

ВИЛКСОН ** **Анна Юрьевна** — член Р. К. П. Харьковской организации, латышка, домашняя прислуга. Дочь бедной вдовы прачки. При наступлении Деникина поступает в ряды красных сестер и, находясь все время на фронте, где-то под Орлом, пораженная белогвардейской пулей, отдает свою жизнь общему делу в 1919 г. *Ф. Земит.*

ВИЛЛЕР ** **Самуил Ефремович** — работал в партии большевиков неутомимо в течение 10 лет. Он окончил школу права в Париже, владел многими языками. Русской революции он много дал своими знаниями и опытом. В 1914 г. Виллер был призван в ряды старой армии, где вел неутомимую пропаганду против империалистской войны. В результате этой работы был арестован и просидел в тюрьме до февральской революции.

В 1918 г. тов. Виллер вел партийную работу в Москве, но как только получилась возможность наступать на Украину, он перекочевал через демаркационную линию вместе с правительством Украины, тогда еще подпольным. В течение трех месяцев он состоял председателем трибунала армии харьковского направления. На Всеукраинском Съезде Советов тов. Виллер был избран в Ц. И. К. и командирован на партийную работу в Донецкий бассейн.

Вернувшись оттуда, он вошел в политическую инспекцию при реввоенсовете фронта и в мае 1919 г. выехал в дивизию Григорьева. Здесь тов. Виллер был расстрелян пьяными бандами за выступление против бесчинств и за угрозу ареста Григорьева и его штаба. («Коммунист» № 71, 1919 г.)

Воспоминания о т. С. Е. Виллере.

С тов. Виллером пишущий эти строчки познакомился летом 1917 г. в г. Проскурове, Подольск. губ., куда он приехал с тов. Николаевым, П. К., в качестве сотрудника дезинфекционного поезда, организованного Всеросс. Земск. Союзом. В то время мне пришлось заведывать движением санитарных поездов в районе VII и XI армий. Тов. Виллер просил меня не передвигать из Проскурова их дезинфекционного поезда ввиду большого общественного дела здесь, в Проскурове. Как раз в это время шли выборы в Проскурове в городскую думу и избрание городского головы и всей управы.

И вот тов. Виллер развернул здесь свои способности и провел в городские головы тов. Николаева, бывшего в то время левым с.-р. и действовавшего заодно с тов. Виллером. Товарищ же Николаев был заведывающим этим дезинфекционным отрядом, который я загнал в самый глухой тупик на ст. Проскурово и не хотел передвигать на другие станции. Вскоре и меня они пригласили заведывать отделом народного образования Проскуровской городской правы. Пришлось, не оставляя своей военнообязанной должности на эвакопункте, совмещать. Тов. Виллер, после октябрьского переворота в Петрограде, был организатором захвата власти в VII армии (1917 г.). Произошло это таким образом: тов. Виллер из Проскурова, где находился эс-эровско-меньшевистский армейский комитет VII армии, часто ездил в войсковые части, где и вел усиленную пропаганду и агитацию, организуя в то же время партию большевиков. Наконец, заручившись согласием Финляндского полка, снявшегося с фронта, тов. Виллер устроил так, что на предшествующей Проскурову станции организован был план захвата власти в Проскурове. Так и произошло: Финляндский полк, прийдя в Проскуров, занял помещение армейского комитета и арестовал находившихся там членов комитета. Вскоре здесь был организован ревком VII армии, который и развернул интенсивную работу. Тов. Виллер был действительным членом ревкома и местного Совета. Впоследствии тов. Виллер с тов. Николаевым были инициаторами разгона буржуазной городской думы. Отсюда тов. Виллер часто ездил в Киев и в другие города для организации захвата власти на Украине. Крупную роль тов. Виллер играл, когда VII армия направилась на Киев, взяла с бою этот город и произвела там в феврале 1918 г. октябрьский переворот при участии местных рабочих. Тов. Виллер производил впечатление неутомимого организатора, схватывавшего основную суть текущего момента, в связи с чем он предпринимал практические действия. Он не сидел на месте, ездил в полки на митинги, в соседние города, Киев и другие,—все с той же настойчивой целью организации власти Советов и партийного объединения. *Евгений Хлебцевич.*

ВИННИЧЕНКО **—киевский рабочий водного транспорта, провокаторским путем убит в Киеве во время Директории в конце ноября 1919 года. (Майоров. «Из ист. рев. борьбы на Украине», стр. 104.)

ВИНОГРАДОВ Павел—убит в начале сентября 1918 года на фронте, на Северо-двинском направлении. На фронте тов. Виноградов был командиром отряда. Прежде он был товарищем председателя Архангельского губисполкома.

Человек колоссальной энергии, громадного организаторского таланта, тов. Виноградов оказался прекрасным военноначальником, несмотря на то, что никогда раньше не служил в войсках. Он пал, ведя свой отряд в наступление. Пал впереди своего отряда. («Правда» № 201 от 15 сентября 1918 г.)

ВИНОГРАДОВА Елизавета Дмитриевна—примкнула к с.-д. движению в 1909 году. Неоднократно подвергалась репрессиям при царском режиме, несколько раз сидела в тюрьме, крепости, была в ссылке в Вологодской губернии. В 1916 году она вернулась из ссылки в Москву и вследствие болезни долгое время не могла принимать активного участия в общественной деятельности. С октября 1917 года она возобновила свою работу в рядах интернационалистов. Еще в 1918 году, не будучи членом коммунистической партии, она предложила свои услуги Хамовническому районному комитету Р. К. П. С тех пор она всецело уходит в работу по организации женщин, обнаруживая кипучую деятельность и недюжинные способности. В 1919 году она вступила в коммунистическую партию. Напряженная деятельность подорвала ее силы, и ей пришлось лечь в санаторию. Когда покушение на Московский Комитет Р. К. П. вырвало ряд активных работников, тов. Виноградова покинула санаторию и вернулась работать в Хамовнический район. Но подорванный организм тов. Виноградовой не вынес, и незначительная простуда унесла ее в могилу. Она умерла 4 декабря 1919 года. («Правда» № 274 от 6 декабря 1919 г.)

ВИНОГРАДСКИЙ ** **Эмануил Селимович** — член Р. К. П., расстрелян Деникиным в г. Харькове в феврале 1920 г. («Правда» № 37 от 19/II 1920 г.)

ВИНОКУРОВ Ник. Ив. — В ночь на 21 июля 1921 г. скончался от ран, полученных в перестрелке с басмачами в районе Восточной Бухары военный комиссар кавалерийской дивизии Туркестанского фронта, член Обоянской уездной городской организации Р. К. П. Николай Иванович Винокуров. Ранения произошли при следующих обстоятельствах. В середине июля тов. Винокуров с несколькими политическими работниками отправился на фронт для инспектирования частей и выяснения причин целого ряда восстаний местного населения. Проработав на фронте в чрезвычайно тяжелых условиях и наладив политическую работу среди воинских частей, тов. Винокуров возвращался в штаб дивизии. В дороге их застала ночь. Памятуя, что район стоянки неблагополучен от набегов басмачей, зверски расправлявшихся не только с ответственными работниками, но и со всеми красноармейцами,—спутники Винокурова приняли ряд предосторожностей, выставив сторожевую охрану. Тов. Винокуров, как и везде, на пост стал первым. Дежурство его прошло спокойно. Но по прошествии часа, когда Винокуров и остальные товарищи, утомленные долгими переходами по безлюдным и знойным пескам, спали глубоким сном, послышался характерный свист, гул и громкое ржание коней. Часовой едва успел выстрелом предупредить спавших, как весь двор был занят басмачами. Завязалась перестрелка. В темноте, среди диких криков, застигнутые врасплох товарищи защищались, как могли. Винокуров отстреливался из маузера, показывая пример отчаянного героизма и ободряя других. Но роковая случайность сделала свое дело. Пуля застряла в револьвере, и в этот момент тов. Винокуров получил три тяжелых шашечных удара в голову. Остальные, будучи в лучших условиях, отделались более легкими ранениями. Перестрелка продолжалась не более десяти минут, после чего басмачи, боясь появления поддержки со стороны красноармейцев близлежащего полевого охранения, скрылись. Рана товарища Винокурова настолько была тяжела, что в штаб дивизии он был привезен в бессознательном состоянии и здесь, не приходя в себя, умер. Тов. Винокуров состоял в Красной армии с июня 1919 года. Все время он занимал ряд ответственных политических постов. Среди работников армии он пользовался глубокой любовью и большой популярностью, как несомненный марксист, большой политический работник и прекрасный оратор. Пытливый молодой ум его всегда находил выход из тяжелых условий первоначальной работы Красной армии. Душа его всегда рвалась туда, где положение было особенно опасно. Красноармейцы любили его, как одного из лучших воинов-революционеров, отдававших им ум, опыт и знание. Они понимали его—он жил ими. Смерть вырвала его в момент расцвета умственных и творческих способностей. *Колтунов.*

ВИНТЕР **—харьковский рабочий В Э.К. (Всеобщ. Комп. Электрич.), активный член латышского Культурного Центра в Харькове. С харьковским пролетарским отрядом отправился на борьбу с калединцами и погиб во втором бою у ст. Гуково (в 1918 г.). В этом же бою погибла т. **Рутынь** и много других. Всего похоронено в братской могиле за ст. Гуково у полотна жел. дор. 52 товарища. (Сведения вз. из сб. «Октябрьская Револ.», Харьк. изд. из статьи Кирзняк-Силина.)

ВИПЕРМАН Борис — был членом венгерской группы Р. К. П. (б-ков); пал в октябре 1918 года в бою с казаками, будучи командиром на Александрово-Гайском фронте. Он пал, борясь в рядах российского пролетариата за торжество международной социалистической революции.

ВИСКАЛОВ ** —убит разрывной пулей в Ташкенте во время осиповского восстания 19 января 1919 г. при обстреле площади перед военным собором. («19 января», изд. ред. «Костров», стр. 11).—См. **Фигельский В. Д.**

ВИТАШЕВСКИЙ Николай Алексеевич. — Первое выступление Ник. Ал. в роли революционера произошло еще в 70-х г.г. прошлого века. Он принимал самое деятельное участие в первом вооруженном сопротивлении в Одессе и был сослан на каторгу. Попав в Сибирь на Кару юношей, он выехал оттуда уже 40-летним человеком. Во время пребывания на каторге и на поселении он, поскольку было возможно, принимал участие в общественной работе. Кроме того, он начал разного рода работы научного характера, составившие ему впоследствии репутацию хорошего этнографа. Революционер по духу, он не кончил своей работы ссылкой. Едва вернулся он в Россию, как начал работать легально в газетах (редактором и журналистом) и собирал у себя дома кружки товарищей с целью пропаганды. Приехав в 1904 г. в Петроград, он принял самое деятельное участие в с.-р. газете «Революционная мысль». Во время облавы на нее он был арестован и вынужден был с женой и двумя маленькими детьми эмигрировать в Швейцарию, в Женеву. Там он пробыл 3 года. Вернувшись из-за границы уже стариком, он продолжал литературную работу, принимая посильное участие в освободительном движении. Скончался 25 июля 1918 г.

Если можно встретить в жизни людей, жизнь которых есть одно сплошное стремление вперед, то таким можно назвать Н. А. Всю жизнь отдавая русской революции, он пережил ее почти всю. Будучи землевольцем в 70-х г.г., работая под властью царских жандармов, он дождался дней свободы народа,—той свободы, за которую он отдал всю жизнь. Хотя последний год его жизни и был для него, по его словам, полусмертью, он, уходя в могилу, был спокоен душой. До последних дней, переживая муки рождения новой России, он остался в 60 лет тем же горячим революционером, каким был и 18-летним юношей.

Даже в смерти он остался верен себе. По его просьбе его тело зарыто вместе с другими трупами в общей могиле при Яузской часовне в Москве. Никто не знает точно места его погребения. Верный себе, он хотел остаться незаметным и исчезнуть из мира неслышно. *Т. Виташевский.*

ВИТТАСАРИ Юго-Теодор — мальчиком примкнул к рабочему движению на своей родине в Виттасари. Главную свою работу он выполнил среди соц.-дем. молодежи в Финляндии; начиная с конгресса молодежи в гор. Котка в 1909 г., он участвовал во всех конгрессах и до гражданской войны входил в состав правления соц.-дем. союзов молодежи.

Т. Виттасари много работал в профессиональном движении. Будучи по своей профессии пекарем, он занимал различные посты в своем союзе и, между прочим, состоял несколько лет членом правления. В 1915—1916 г.г. он состоял членом гельсингфорсского коммунального комитета партии. После февральской революции работал в избранной гельсингфорсским рабочим представительством городской комиссии.

Во время финляндской революции т. Виттасари стоял на многих ответственных постах—членом главного Рабочего Совета и др. После финской революции он эмигрировал в Россию, очутившись прежде всего в Перми. Здесь он вступил в Красную армию, не прекращая в то же время политической работы. Прибыв в Петроград, он поступил на командные курсы, по окончании которых получил звание красного командира. После этого он принимал участие в боях на северном фронте. При Центральном Комитете Р. К. П. т. Виттасари принимал участие в подпольной партийной работе. Кроме этого, он успел приобрести обширные знания, которые отдавал до последней минуты жизни революционному рабочему движению. Несмотря на свою молодость, он успел выполнить значительную работу на пользу революционному пролетариату. Погиб в Петрограде 31 августа 1920 г. («Комм. Интернационал» № 14 1920 г.).—См. **Рахья Иван.**

ВИХЛЯНЦЕВ, Петр.—См. **Подтелков.**

ВИШЕР. **—См. **Никитич.**

ВИШНЕВСКИЙ ** **Яков**,—учащийся, сын рабочего, член Р. К. С. М. Рогачевской организации с 1919 г., доброволец. Пропал без вести на южном фронте. («Набат Молодежи» № 46 от 18/II 1923 г. Гомель.)

ВЛАДИМИРОВА * **Серафима Владимировна** — поэтесса; стихи ее печатались в «Гудке» и «Правде». Родных своих С. В. не знала. Ребенком была взята из воспитательного дома слесарем Яковлевым-Владимировым. Приемные родители дали ей воспитание, начальное образование и, наконец, 6 классов гимназии. С раннего детства С. В. слышала вольнолюбивые речи дедушки—старика социалиста Черневского. С. В. написала две книги лирики «Симфония любви». После революции революционные настроения завладевают целиком ее лирикой. Последнее время своей жизни С. В. была сотрудницей «Правды». Умерла 30 декабря 1919 г. от воспаления легких. («Изв. В. Ц. И. К.», № 1 от 1 января 1920 г.)

Серафима Владимировна родилась в 1897 году. С ранних лет девочка проявляла наклонность к писанию стихов. Первые же стихи относятся к 9-летнему возрасту, совпавшему с годами нашей первой революции 1905 года. Таким образом, сознание 9-летней девочки получило форму и отливалось в сознание защитника слабых, борца за свободу, за социализм. В 1916 году Сер. Влад. встретилась с пролетарским поэтом—Дегтяревым, сыном кузнеца. Потекла радостная жизнь, полная мечты, планов и труда. Революция 1917 года вызвала у Серафимы Владимировны из недр пролетарского сознания революционные песни. Октябрьская революция захватила всю ее душу, и она отдается творчеству боевому, творчеству о труде—лаборизму (трудизму). Ее стихи, печатавшиеся на страницах газеты «Правда», говорили о недюжинном художественном даровании. Темой ей служили—прачки, ткачихи, сапожники, кондукторши—труд отдельных лиц и труд коллектива, как рубка леса, чистка пути, а также и боевые мотивы, например, большое стихотворение «III Интернационал». Кроме того, у Серафимы Владимировны есть произведения и лирические—нежные переживания молодой, одаренной души, «Лирика любви» и «Симфония любви».

Последние месяцы Серафима Владимировна жила в тяжелых условиях: страдая туберкулезом легких, при трех-четырех градусах холода, совсем не имела галош, рваные ботинки, рваные чулки, рваное, совершенно непригодное к употреблению белье, имела плохую одежду. Как она питалась, нам неизвестно.

(Сведения вз. из сб. «Братская Могила».) *И. Ф.*

ВЛАЗНЕВ. **—См. **Уткин.**

ВОИНОВ * Иван Васильевич. — Познакомился с т. Воиновым я в июне 1914 г. Это было до объявления войны, он тогда был нелегальным и жил по паспорту Москалева, до этого я о нем слышал только по его стихотворениям, печатавшимся в газете «Правда». Его деятельность до нашей встречи я передаю с его слов. Воинов—крестьянин Ярославской губ., учился в сельской школе 3 месяца, попадает в Питер и работает на заводах; в 1911—1912 году его высылают на родину в гор. Ярославль под надзор полиции; там он поступает в больницу рабочим, но за заметку в газету «Правда» о действиях больничной администрации и губернских властей губернатор высылает его из пределов губернии. Он возвращается в Питер; на заводы его не принимают,—он попал в черный список. За агитацию на одном заводе его в 1913 году (точно не помню) высылают в Новгород. В Новгороде, прожив три месяца, он смог всего заработать 20 рублей, больше работы нет; он решается бежать опять в Питер. В 1914 г., прибыв в Питер, получает паспорт Москалева, по которому и живет в Лигове с тов. Володиным. Средства к существованию находит путем продажи ниток по мелочным лавкам, беря таковые со складов на комиссию. Начинается война, и тов. Воинов на мобилизацию не является, да и паспорт Москалева у него белый. В это время его заработок прекращается (поступление ниток в виду войны прекратилось), другой работы не найти. В июле 1914 года по закрытии профсоюзов организует нелегальное правление союза торговых служащих, выпускает 2 или 3 номера подпольной гектографированной газеты «Пролетарий». Тов. Воинов пишет зажигательные передовицы. Всего выходит каждого номера штук по 80—100. Одновременно с этим он пишет стихи в «Правду» и покупает гектографскую массу, а также приносит листовки Ц. К. (большевиков). В это время его материальное положение достигает худшего момента. И вот 8 октября 1914 года ко мне приходит тов. Володин, приносит на мое имя письмо и говорит, что Воинов сегодня дома не ночевал. Вскрыв письмо, мы узнали, что он собирается покончить с собой и, может быть, его уже нет в живых. Мы решили ежедневно просматривать «Ведомости Градоначальства», которые в месте нашей явки (чайная на Сенной) имелись. Через несколько дней прочли: «В Юсуповом саду утром сторожем был поднят некто Москалев, отравившийся нашатырем, он отправлен в Обуховскую больницу». Конспиративным путем навели справки и узнали, что он жив. Пролежав 2—3 недели, он выписался, но за это время, как видно, в больнице открыли его прошлое, и немного спустя он был арестован в Лигове жандармами и посажен в Спасскую часть. Путем переписки нам удалось узнать, что ему предложили ехать на фронт или итти в ссылку; ехать на фронт он отказался, и 30 декабря 1914 года был отправлен в Минусинский уезд на 3 года. После этого я его не видел; и только в июле 1917 года, будучи на фронте, прочел в газете «Правда», что «7-го июля на Шпалерной улице шальной пулей убит проходивший тов. Воинов, вернувшийся из ссылки». Ему было в это время около 35—40 лет. Тов. Воинов, плохо говоривший (он заикался), имел особенный дар писать стихи и особенно горячие зажигательные статьи. Особенной чертой его характера являлось то, что, несмотря на все свое бедственное положение, он всегда категорически отказывался принимать от товарищей помощь, говоря: «Вы сами голодаете». При своем предмертном письме он возвратил мне 3 р. 50 коп., данные ему мной на покупку гектографской массы. Возможно, что я спутал даты его деятельности до 1914 года, но думаю, что мне простится, так как трудно упомнить.

П. Горохов.

В № 98 «Петрогр. Правды» за 1921 г. в ст. «Родная» тов. Шидловский говорит: «В 1903 г. т. Воинов был стрелочником на Николаевск. ж. д. и приносил в «Правду» рукописи о жизни линейных рабочих Николаевск. ж. д. За эти заметки он был уволен. Затем тов. Воинов был сторожем в сумасшедшем доме в Красном Холме и писал о том, как бьют там рабочих, сошедших с ума от тяжелой жизни и голода». О времени и обстоятельствах смерти тов. Воинова в той же статье т. Шидловского сказано: «7 июля 1917 г. на Шпалерной ул. тов. Воинов был растерзан, буквально разорван на куски юнкерами и барыньками за то, что раздавал на улице «Листок Правды».

Стихотворение, написанное т. Воиновым перед отправкой в ссылку, было напечатано в № 149 «Петроградской Правды» (от 17/VII 1921 г.).

Предсмертное письмо т. Воинова перед покушением на самоубийство.

Товарищи! Шлю я вам свой прощальный привет, свою лебединую песнь. Когда вы будете читать эти строки, наверное, меня уже не будет в списке живых. Это печально, это горько, жестоко, но, очевидно, неумолимый фатум навис над моей душой: я, несмотря на всю жажду жизни, мыслю о смерти. Те товарищи, с которыми я последние часы был вместе, наверное, не подозревали, что среди них сидит человек с печатью смерти на челе, да, товарищи, в то время, несмотря на мое кажущееся наружное спокойствие, решение это бесповоротно гнездилось в моем сердце. Меня соединяла с жизнью одна только тоненькая нить, одна искра надежды теплилась в моем сердце. Через полчаса после того, как я с вами расстался, нить эта оборвалась, я потерял уже всякую связь с жизнью. Какая причина моего такого шага,—вот вопрос, который каждый из вас задает себе.

Товарищи, причин несколько, а одна из них, притом самая главная, это тот кровавый кошмар, который мы сейчас переживаем. Когда началась только война, во мне случился какой-то душевный перелом, бессилие остановить ужасы бойни,—вот главная причина моего шага. Товарищи, я не разочаровался в своих убеждениях; нет, никогда я так сильно не чувствовал, как теперь, перед смертью, любовь к рабочему делу,—к делу, которое я любил больше своей жизни. Казалось бы, любовь к рабочему делу должна бы заставить меня сохранить жизнь для борьбы с палачами народа; если бы и погибнуть, то в борьбе. Так и я думал, товарищи, раньше и теперь; я всегда был непримиримым и беспощадным к врагам рабочего народа, тем более теперь; но я изнемог в борьбе, нет больше сил!

Я, как путник в безводной пустыне, стремясь к оазису, томился от жажды. Жадно искал хоть один глоток воды, чтобы подкрепить свои силы: не найдя, сгорел от внутренней жажды. Одной из причин также еще должен признать тяжелое экономическое положение, безработицу; предо мной стоял во всей полноте грозный вопрос о куске хлеба; я был слишком горд, чтобы обратиться за помощью. Пять лет назад я, находясь в критическом положении, обратился за помощью к брату; он сказал, что не надо плакаться, надо бороться. Вот с тех пор я не плакался, боролся, но обессилел. Я знаю, что если бы я обратился, то, уверен, нашел бы помощь, но не хотел. Стоя на пороге смерти, я, товарищи, прошу не следовать моему дурному примеру. Живите, боритесь, страдайте за любимое дело! Любя и страдая, перестраивайте мир применительно к своему идеалу—это мой завет, и прощайте. *И. Воинов* (7 октября 1914 г.).

ВОЙТЕК работал в райкоме 2-го горрайона Петроград. организации, погиб под Кронштадтом в 1921 г. Похоронен на площади Никольской церкви в г. Петрограде.

В. Войтинцев.

ВОЙТИНЦЕВ В. В. ** — председатель Туркестанского Исполнительного Комитета, погиб в Ташкенте во время белогвардейского восстания 19 января 1919 г.

Тов. Войтинцев—один из тех, про которых говорят: у него нет ни роду, ни племени, ни места. Сравнительно молодой человек, он исколесил Россию, побывал всюду, где ковалось дело рабочего класса. С ним хорошо знакомы рабочие—и питерские, и москвичи. Он поработал вдоволь и в студенческих организациях. «Студент-недоучка», так иной раз, шутя, аттестовал себя тов. Войтинцев. На самом деле это был человек с большим научным багажом, отлично изучивший дело рабочего класса и получивший хорошую практическую революционную выучку. Характерно, что тов. Войтинцева можно было видеть всегда всюду. И всюду он буквально горел. Огонь пылал в нем, когда он говорил с трибуны, огонь скатывался с конца его пера, когда он писал свои передовые, будучи редактором «Нашей Газеты». Тов. Войтинцев—не простой рабочий революционер—он энтузиаст. Твердо уверен был тов. Войтинцев в торжестве рабочей революции, и эта уверенность сквозила во всех его движениях, во всей его работе, во всех его словах.

Тов. рабочие-ташкентцы скоро оценили его и выдвинули его на пост председателя Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета. В качестве Предтурцика тов. Войтинцев продолжал работу и в газете, и в комитете партии коммунистов, и в Ташкентском Совете. Турцик в полном составе тогда находился в Ташкенте, и тов. Войтинцев уделял ему максимум внимания. В своем лице он соединял рядового товарища и руководителя.

Надо сказать, что он был самым непримиримым врагом партии левых эсеров. И эта последняя платила ему тем же. Помнится, как-то раз (незадолго перед смертью) возвращался он в «Белый дом», где в свое время пребывал Турцик. По распоряжению левых эс-эров при входе в помещение его объявили арестованным.

— «Я—председатель Центрального Исполнительного Комитета Советов,»— отчеканил тов. Войтинцев,—«приказываю вам,—обращаясь к охране, сказал он,— следовать за мной». Охрана смутилась и покорно подчинилась его словам, в которых они нашли железную настойчивость рабочего избранника.

(«19 Января» изд. ред. «Костров») См. **Фигельский В. Д.** *З. Ефанов.*

ВОЙЦЕХОВСКИЙ **,—См. **Аппельбаум.**

ВОЛАХ Б. М. — был человек необыкновенно яркого революционного горения. На революционный путь он вступил уже 17 лет. В 1904 г., разделяя идеи максимализма в программе и террора в тактике, он стал проводником этих идей среди пролетариев Западного края. В подпольной работе он проявил неукротимую энергию, смелость и бесконечную преданность революции. В 1906 г. он примыкает к союзу с.-р. максималистов. Его бурная деятельность, пересекаясь неоднократными арестами, кончается каторгой, а затем ссылкой в Сибирь на поселение. С первых же дней февральской революции мы его видим в рядах Союза максималистов. Будучи максималистом, он жаждал социалистического переворота, борясь всеми силами против режима переходных политических форм. В первые же дни после октябрьского переворота, он едет в качестве революционного эмиссара в Одесскую и Херсонскую г. для установления Советской власти. Затем потянулись месяцы кипучей деятельности в Союзе максималистов. Тем временем незаметно для посторонних в т. Волахе происходила идейная эволюция. Осуществление его заветных дум и желаний—социалистического переворота— пробудило в нем жажду практической созидательной работы. Это и привело его к мысли о переходе в коммунистическую партию, в которой он рассчитывал найти более широкое поле деятельности.

В 1919 г., вернувшись в Западный край в разгар развития белогвардейщины, он вступает в Р. К. П. и становится во главе боевых органов Советской власти. Когда та часть Белоруссии, где он работал, перешла в руки белых, он принял поручение от Чусоснабарма в Гомель, где его деятельность была пресечена болезнью и смертью. Умер в марте 1920 года. («Комм. Труд» 1920 г., № 5.)

ВОЛКОВ,—политический комиссар полка, погиб на южном фронте в бою 14 февраля 1919 г. Во время боя т. Волков находился на правом фланге, где неприятель напирал особенно сильно. Видя приближение врагов, т. Волков, не желая попасться живым им в руки, немедленно покончил с собой.

Т. Волков родился в 1876 г., сын крестьянина Юрьевецкого у., Иваново-Вознесенской губ. С раннего детства он работал на фабрике «Анны Красильниковой» в г. Родничек. До февральской революции принимал участие в организации кооперативов. После революции он организовал Совет, в котором был выбран председателем. В то же время он вступил в партию коммунистов. После октябрьской революции т. Волков принял непосредственное участие в национализации фабрики. В Совете он работал до ноября 1918 г. На призыв к коммунистам вступить в ряды Красной армии он откликнулся одним из первых, поступив в армию вместе с организованной им группою из 22 коммунистов и 18 сочувствующих. В полку он был назначен на должность политического комиссара и принимал участие в боях под Казанью на восточном фронте. Вместе с полком он перешел на южный фронт. («Изв. Наркомвоен» № 65 от 29 марта 1919 г.)

ВОЛКОВ.—См. **Аппельбаум.**

ВОЛКОВ Иван Васильевич — Ваня — родился в 1893 г. в с. Ново-Волкове, Глазовского у., Вятской губ., в небогатой крестьянской семье. Уже в начальной школе он обнаружил богатые способности. Инспектор народных училищ Л-ий, посетивший школу, обратил внимание на «братьев Волковых» и благодаря ему Ваня, я и третий, двоюродный брат его, смогли поступить в глазовскую гимназию, где инспектором был назначен упомянутый Л-ий. В гимназии Ваня учился в числе первых учеников. До последних классов политическая жизнь шла мимо, только в седьмом и восьмом классах общественная жизнь коснулась и нас. По окончании гимназии (в 1913 г.), Ваня поступает в Казанский университет на естественное отделен. физ.-мат. факультета. Здесь лицом к лицу сталкивается он с революционной молодежью. Избирается в члены правления Вятского землячества, так назыв. «кружка взаимопомощи», где группируются революционные элементы студентов-врачей. Первый кружок, возникший в недрах этого землячества, был кружок глазовцев. Ваня в этом кружке играл активную роль—читал доклады, участвовал в обмене мнений, составлял организационные проекты и т. д. Затем Ваня организует свой кружок, куда входят активные работники

Вятского землячества. Вскоре (в 1915 г.) возникает целый ряд кружков, которые объединяются Советом представителей политических кружков. В числе первых представителей в этот Совет входит и Ваня. Совет координирует работу кружков, принимает самое горячее участие в организации сходок в ун-те. Кто из кружковцев не помнит, как Ваня Волков на многолюдных студенческих сходках, созываемых в вестибюле университета, твердо и уверенно читал резолюции по поводу политических событий в 1915—1916 годах?

Но Совет, сконструированный из представителей политических кружков, не мог быть конспиративной организацией; Ваня выходит из Совета, и при его ближайшем участии составляется редакционная коллегия. В эту коллегию входят с.-д. большевики и эс-эры, впоследствии ставшие «левыми», тогда стоявшие на Циммерв. платформе. Коллегия приступает к изданию подпольного журнала «Клич». Большую часть времени проводит Ваня в редакционной коллегии, работая здесь с утра до позднего вечера. Был выпущен № 1 этого журнала в количестве нескольких десятков экземпляров, и через Совет представителей «Клич» был распространен среди студентов и рабочих. Так, в обстановке подпольной работы незаметно проходят дни до февральской революции. Февральская революция в университете выдвинула кружковцев в первые ряды. Организовался социалистический комитет. Ваня и здесь был одним из руководителей. В ун-т стали стекаться массы солдат. С раннего утра до позднего вечера здесь проводились митинги. На очередь дня выплывает вопрос об организации Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Ваня вместе с несколькими товарищами весной, в разгар распутицы, в худых сапогах идет на завод № 40 для организации Совета Рабочих Депутатов. Вскоре из центра приезжает представитель Ц. К. (т. Тихомирнов) и организует Р.С.-Д.Р.П. (больш.). Центр работы из университета переходит в комитет большевиков — на Рыбнорядскую улицу. Выходит орган партии «Рабочий». Здесь Ваня вместе с Ив. Моховым, Олькеницким и др. издает газету, печатает, разносит по заводам, расклеивает на заборах. Работа кипит, — время, мысли, чувства — все поглощает партия. Весной 1917 г., когда все близкие товарищи уезжают на каникулы, когда в городе наступает пыль, духота, Ваня остается на своем посту. Он целые дни и бессонные ночи проводит в типографии и в комитете партии. Колоссальный успех газеты среди рабочих масс, моральная и материальная поддержка ее рабочими были достойной наградой за неимоверно тяжелый труд по изданию газеты.

В октябре, в разгар боя за Советскую власть, Ваня едет на завод № 40 и там со свойственной ему энергией работает среди рабочих по организации наступления на юнкеров. После октября во дворце с утра до позднего вечера, а нередко и круглые сутки, неутомимо работал он в качестве члена губкома, начальника штаба Красной гвардии и председателя контрольно-реквизиционной комиссии. На заседаниях губкома, так называемого «Совета Народных Комиссаров Казанской губернии», и проч. Ваня всегда принимал горячее участие. Наконец, железное здоровье не выдержало, появился глухой кашель, кровь из горла... Но, несмотря на просьбы товарищей взять отпуск, Ваня продолжал энергично работать, отделываясь на предложения товарищей шуткой. Весной 1918 г. губком ассигнует деньги на лечение, и Ваня едет на кумыс в Уфимскую губернию. Но не долго удается побыть там — наступают чехи. Ваня приезжает домой, разбитый, подавленный. К концу 1918 г. Ваня уже не встает с постели.., часто засыпает. Спит долго. Так проходит бо̀льшая часть времени. И так, незаметно засыпая, Ваня тихо умирает.

Иос. Волков.

(«Пути Революции» № 3, Истор. журн. Татбюро Истпарта. 1923 г.)

ВОЛКОВ ** **Матвей Ефимович**, — рабочий Трехгорной м-ры каледарного отдела ситце-набивной фабрики. Живя около 12 лет и ведя революционную работу среди рабочих масс в период до и после февральской революции, он вел борьбу с эс-эрами и меньшевиками. Не раз подвергался избиению со стороны темных элементов, и, несмотря на все трудности, т. Волков был непоколебим и, твердо веря в победу рабочего класса, продолжал работать. Пользуясь симпатией рабочих, был избран в фабком, где работал до Октябрьской революции и состоял членом Московского Совета. Во время Октябрьской революции принял на себя тяжелую миссию организатора по охране фабричного района. В октябре т. Волков принял пост председателя фабкома, на каковом месте пробыл около двух лет, после чего был избран в куст, был председателем Краснопресненского куста хлопчато-бумажных фабрик. Стоя на страже и защите пролетарской революции, вел упорную борьбу за восстановление хозяйства, не жалея своих сил для республики и рабочих интересов. После тяжкой болезни умер в советской санатории в сентябре 1920 года. («Братская могила».)

ВОЛКОВА * **Мария** — работала с ранних лет на фабрике Прохоровской мануфактуры. В 1918 году вступила в Р.К.П. После 6 месяцев пребывания на Восточном фронте в мае 1919 года возвратилась в Москву и была делегирована в центральную партшколу, где мечтала подготовиться к партийной работе. Но 25 сентября при взрыве в Московском Комитете в Леонтьевском пер. была тяжело ранена в обе ноги, в левую руку, потеряла левый глаз и получила сильную общую контузию, осложнившуюся воспалением легких, печени и мозга. (Из сб. «Братская могила».)

Веселая, энергичная, живая, т. Волкова принимала деятельное участие в работе школы. Я видела ее в последний раз после взрыва с завязанными головой и глазами, она лежала в тесной передней к-та в ожидании отправки в больницу, когда подошла к ней я, тоже только что выбравшаяся из-под обломков.

«Жив ли Бухарин? — был ее первый тревожный вопрос, — а тов. Мясников?» — И, получив утвердительный ответ, она прибавила: «Я умру... Я это чувствую. Передай товарищам: бомбами не убьешь революцию. Победа коммунизма близка. Я завещаю вам отомстить беспощадно за это злодейство. Месть врагам!»

Не сразу умер наш дорогой товарищ. Она промучилась еще 4 дня...

Ступоченко.

(«Правда» № 212, за 1919 г.). См. **Загорский.**

ВОЛОДАРОВ Дмитрий, — См. **Подтелков.**

ВОЛОДАРСКИЙ В., — Моисей Маркович Гольдштейн, по псевдониму В. Володарский, родился в местечке Острополе, Волынской губернии, в 1891 г., в еврейской семье. Аграрное движение 1905 года, разлившееся широкой волной по всей Волыни, производит сильное впечатление на 14-летнего юношу Володарского, и он с этого года отдается революционной работе. Сначала в малом Бунде — так звали организацию еврейских социал-демократических юношей и девушек, которых не принимали из-за молодости в организацию взрослых, а затем и в Спілке (Украинская социал-демократическая партия) он являлся уже тогда одним из активнейших работников, обращавших на себя внимание своих товарищей.

Одновременно с революционной работой он готовится к поступлению в гимназию, что ему и удается. Поступив в 5 класс Дубнинской гимназии, он уже из шестого класса исключается за «политическую неблагонадежность», несмотря на то, что числился первым учеником. Целиком отдавшись после этого партийной и революционной деятельности, он в 1908 году впервые попадает в тюрьму. Вскоре, однако, его освобождают, и тов. Володарский тотчас переходит на нелегальное положение. Его кипучая и энергичная натура, не угасающая жажда борьбы, самоотверженность, доходящая до полного самозабвения, полный отказ от личной жизни и беспредельная преданность делу рабочего класса — все эти качества уже в юношеские годы отличали тов. Володарского. Ораторский талант также рано стал в нем проявляться.

Работая в партии с 1908 по 1911 год в той же Волыни, оставаясь нелегальным, он, главным образом, исполнял обязанности агитатора. Его аудиторией были, с одной стороны, крестьяне в деревнях, с другой — еврейские ремесленники в местечках и городах той же Волынской и соседней Подольской губерний. Как агитатор в местности, не бывшей фабричным центром, он все эти годы разъезжает из одного уезда в другой, редко засиживаясь подолгу в одном месте. И как теперь вражеская рука, его подстерегавшая, застигла его на пути на рабочий митинг, точно так же тогда, в 1911 году, по дороге в Ново-Константиновку, Подольской губернии, куда он ездил на крестьянский митинг, его ночью схватывает царская полиция, бросает сначала в тюрьму, а затем отправляет в административную ссылку на 3 года в Архангельскую губ.

Но и в Архангельской губ. тов. Володарский продолжает свою революционную работу. Ограниченный в свободе передвижения, вечно под бдительным надзором приставленных к ссыльным охранных шпиков, он не может там развернуть все свои силы. И в то время, когда на многих революционеров это вынужденное в ссылке безделье действует самым разлагающим образом, развивая лень, разгильдяйство и сопутствующие им дурные привычки, — тов. Володарский умеет по-иному распоряжаться своим свободным временем. Он усиленно готовится к экзаменам на аттестат зрелости, мечтая поступить затем в университет. Будучи одаренным и с недюжинными способностями, — особенно он любил математику, — тов. Володарский в ссылке добивается разрешения держать экзамен и получает аттестат зрелости. В 1913 году он, благодаря амнистии, за полгода до окончания срока возвращается на родину и скоро же, преследуемый полицией, эмигрирует в Северную Америку. Очутившись в городе Филадельфии, центре портняжной промышленности, с его огромными фабриками-гигантами, тов. Володарский сразу попадает в родную и дорогую ему среду. Он поступает закройщиком на портняжную фабрику и скоро становится любимым руководителем не только среди рабочих своей фабрики, но и всего портняжного цеха. Как и все почти русские эмигранты социал-демократы, он с первого момента пребывания в Америке примыкает к американской социалистической партии и, как портной по профессии, вступает в интернациональный профессиональный союз портных. Как здесь, так и там он одинаково энергичен и неутомим.

В. Володарский.

Уже во время войны тов. Володарский переезжает в Нью-Иорк и здесь, вместе с тов. Бухариным и Чудновским (последний так же, как и он, погиб на славном революционном посту), принимает активнейшее участие в издании и редактировании интернационалистской газеты «Новый Мир».

Вот как характеризует его работу в этот период один из близких по работе товарищей, тов. Восков: «Вплоть до самого отъезда в апреле 1917 г. в Россию он принимал активное участие в работе как агитатор, пропагандист и журналист, работая среди еврейских, русских и английских пролетариев. Столь полно проявленные им в Петрограде черты он проявлял и там: суровый аскетизм, полный отказ от личной жизни, ни минуты для себя, все время для партии, для рабочего класса. Другие уставали, просились отдыхать, но за Володарским этого не водилось. Кто-нибудь запоздал со статьей,—Володарский в полчаса - час готовил статью, — будь то американская политика, грандиозное экономическое выступление рабочих Америки, дело русской колонии, российские дела, фельетон или подправка стихотворения рабочего. Как и все идейные работники-эмигранты в Америке, он не знал сытого, беспечного существования».

И в «свободной» Америке тов. Володарский изведал прелести тюремной жизни. За революционную пропаганду на митингах он был однажды арестован и просидел месяц в американской тюрьме. Но что значит для русского революционера, да еще такого бесстрашного, каким был наш покойный товарищ, месяц тюрьмы? Работая без устали, тов. Володарский последнее время, еще до революции, мечтал о поездке в Россию. Неудивительно, что, как только разразилась февральская революция, ничто уже не могло удержать этого пылкого, рвущегося в бой молодого революционера. Вместе с товарищами Троцким, Чудновским и Бухариным он через Англию возвращается на родину. Товарищи Троцкий и Чудновский, как известно, были английским правительством арестованы; тов. Володарский благополучно добрался до Петрограда. Май 1917 года, — и он в Петрограде. Подышав воздухом революционного красного Питера, оглянувшись кругом и присмотревшись, он идет «в работу». В это время тов. Володарский по своим взглядам скорее примыкал к существовавшей в то время в Петрограде «межрайонной организации социал-демократов» или «межрайонке», как ее обычно называли, которая вскоре после июльских дней слилась с партией большевиков. Но уже в первые дни его приезда, когда еще т.т. Троцкий, Луначарский и др. видные члены «межрайонки» считали слияние с большевиками преждевременным, тов. Володарский относился резко-отрицательно к самостоятельному, раздельному существованию двух интернационалистских партий. И он вступил в ряды большевиков. Ни имя тов. Володарского, ни его способности и талант никому из руководящих членов петроградской организации тогда не были известны. И в первые дни он получает скромное партийное назначение: его прикомандировывают к Петергофско-Нарвскому району в качестве районного агитатора.

Помню, как после первой лекции членов Петроградского комитета от Петергофского района, тов. Кассиор восхищался им и радовался, что приобрел для «своего» района такого работника. Очень скоро тов. Володарский избирается в Петроградский комитет и там — в исполнительную комиссию.

Он становится, вместе с растрелянным впоследствии в Крыму тов. Слуцким, главным агитатором Петроградского комитета. В агитационный отдел все чаще стали поступать требования из районов: «Пришлите нам на митинг тов. Володарского, — митинг будет многолюдным, нужна хорошая сила». Но роль тов. Володарского одной агитацией не ограничилась. Он не был организатором, но в общем политическом руководстве всей партийной работой в Питере принимал живейшее участие. На второй общегородской конференции в июле, за два дня до июльских событий, он избирается в члены президиума, и когда конференция постановила послать делегацию из трех товарищей на заседавшую тогда же конференцию межрайонной организации с предложением устроить совместное заседание для обсуждения текущего момента, с докладом тов. Ленина и содокладом тов. Троцкого, он попадает в эту делегацию. Я был в ее числе и помню прекрасно его пламенную речь.

— Вы можете отнестись к нашему предложению, как найдете нужным; но от имени нашей партии я вам заявляю, что до тех пор, пока наши политические линии будут сходиться так, как они сходятся сейчас, мы не перестанем стучаться в ваши двери и звать вас к слиянию.

Наступили июльские события, а за ними и разгром нашей партии. Товарищи Ленин и Зиновьев должны были уйти в подполье; Троцкий, Каменев, Луначарский и многие другие были брошены правительством Керенского—Чернова в тюрьму. На передовые посты партия должна была выдвинуть новых людей, которые раньше были в тени, и одним из первых, которых партия в эти дни выдвинула, был тов. Володарский. С этого времени начинается его славная, полная самоотверженности деятельность в Петроградском Совете. Партия поручает ему наиболее ответственные выступления. Когда большинство Петроградского Совета перешло на сторону нашей партии, он был избран в его президиум и оставался в нем до последних дней своей жизни. Партия во-время сумела оценить все его достоинства, и скоро он не только член президиума Петроградского Совета, но и член президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, участвует на втором и третьем съездах Советов, а на четвертом съезде в Москве мы видим тов. Володарского уже за председательским столом. С Петроградом, с пролетариатом которого он сросся, он расставался редко и ненадолго. Только однажды ему пришлось совершить более продолжительную поездку. На румынском фронте созывался армейский съезд. Там дольше, чем где бы то ни было, держалось оборончество. За исход этого съезда можно было опасаться, и тут тов. Володарский оказался наиболее подходящим человеком. Поездка была небезопасна, ибо надо было ехать на Украину, где тогда хозяйничала первая соглашательско-буржуазная рада. Тов. Володарский мастерски справляется со своей задачей, как и раньше на съезде V армии, и, обманув бдительность украинских властей, благополучно добирается назад в Питер.

Скоро осуществляется еще одна заветная мечта тов. Володарского. Ему поручается редактирование «Красной Газеты». Он всячески добивался, чтобы Петроградский комитет стал издавать, помимо «Правды», еще популярную газету. Когда в феврале Совет Народных Комиссаров и Ц. К. переехали в Москву, тов. Володарскому страстно хотелось следовать туда же. Но трудно было ему расстаться с питерским пролетариатом, да к тому же и партия наша считала его пребывание в Петрограде необходимым.

Тов. Володарский остается здесь, и при образовании Петроградской трудовой коммуны избирается на пост комиссара по делам печати, пропаганды и агитации. С этого момента он стал особенно ненавистен врагам Советской власти, и они решили его убрать. 20 июня 1918 г. он был убит по дороге на митинг в селе Фарфоровом, за Невской заставой. (Из сборника «Венок Коммунаров», стр. 21—28. Изд. Петроградского Совета Раб. и Кр. Депутатов.) См. брош. В. Князева «В. Володарский».

ВОЛОДИН *, — комендант ст. Лиски, в средине декабря 1918 г. попал в плен к казакам. В плену он вел себя, как подобает революционеру. На вопрос: «кто ты?» он отвечал: «я—коммунист», за что был немедленно расстрелян. («Изв. В. Ц. И. К.», № 50 от 5 марта 1919 г.)

Вместе с т. Володиным были расстреляны: красноармеец-коммунист тов. **Андронов** и ротный комиссар тов. **Кузин**. («Правда», № 43 за 1919 г.) См. **Константинов Петр.**

ВОЛОЖАНИН ** **Леонтий Иванович**—родом коренной сибиряк: он родился в деревне Покровке, Ключевской волости, Барнаульского уезда; Томской губ. Раннее детство провел в крестьянской семье, занимаясь вместе с отцом хлебопашеством. Когда он подрос, то, ввиду крайней бедности семьи, вынужден был часто уходить из деревни в город на заработок. По той же причине Л. И. не пришлось учиться в школе: уже будучи юношей он выучился грамоте самоучкой. В г. Благовещенск т. Воложанин прибыл в 1901 году. Здесь он работал поденно и сдельно по постройке и ремонту пароходов. Позже, когда здесь открылись вечерние общеобразовательные курсы, он, занимаясь все тем же трудом, поступил на них, где значительно и усовершенствовался в грамоте. У Л. И., очевидно, были незаурядные способности, ибо, не обладая достаточным образованием, он очень легко справлялся со сложными чертежами по гражданским и судовым сооружениям. Л. И. политикой заинтересовался в 1905 году, т.-е. в тот год, когда подавляющее большинство российского рабочего класса получило первое крещение на поприще борьбы рабочих за величайшие общечеловеческие идеалы. За агитацию в 1905 году среди пароходских рабочих его увольняют с работ частного пароходства, и полиция долго преследует его.

В 1915 году он был призван на военную службу. С первого же дня революции он примкнул к группе военных социал-демократов, а затем вступил в ряды местной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, при чем в этой работе он проявил себя стойким товарищем. В 1917 г. Л. И. состоял членом Дальне-Восточн. Краевого Комитета и Совета Р.-С. и Кр. Депутатов. Еще раньше Л. И. состоял учителем в воскресной школе молодежи местной общины евангелических христиан-баптистов, и здесь его очень любили, так как он обладал удивительно чуткой и отзывчивой душой.

В мае 1918 г. Л. И. выехал в г. Хабаровск, где и продолжал служить в водном управлении по судоходному отделу рулевым на катере «Далайнор». 1 ноября 1919 г. он был арестован на этом катере вместе с другим товарищем, а 17 декабря в 9 ч. утра расстрелян со Штылевым, Скориком и Луненко. При чем все расстрелянные подверглись ужасным истязаниям: их пороли раскаленными шомполами, кололи штыками, рубили шашками. Трупы их чудовищно обезображены. (Сборн. «Красная Голгофа», стр. 132.)

ВОЛОХОВ Иван — см. **Подтелков.**

ВОЛОЩУК-ТИМОФЕЕВА ** **Ольга Фоминична** — врач, член Северо-Кавказской организации РКП, умерла от сыпного тифа в начале 1920 года в Екатеринодаре. (Сведения взяты из ст. «В Подполье» В. Черного, пом. в сб. «Путь Коммунизма», изд. Кубан.-Черном. Б. Истпарта.)

ВОЛХОВ Григорий Иванович — секретарь коллектива типо-литографии А. А. Маркса; стойкий борец, фронтовик; умер в декабре 1919 г. («Петр. Правда», № 287 за 1919 г.)

ВОЛЫНСКИЙ Меер-Иуда — секретарь Лоевской (Речицкого уезда) коммунистической ячейки; долгое время находился в германском плену, где работал в нелегальной спартаковской организации. В местечке Лоеве т. Волынский вел энергичную борьбу с бандитами, которыми был наводнен весь район вокруг Лоева. Он всецело отдался делу борьбы с бандитизмом и фактически один выдерживал на своих плечах всю тяжесть этой борьбы. Весною 1921 г., когда отряд особого назначения по борьбе с бандитизмом прибыл в район Лоева, т. Волынский тотчас стал в ряды красноармейцев с винтовкой за плечами. Далее он участвовал во всех операциях отряда даже за пределами волости, совершая все трудные переходы и указывая дорогу. Ободряя шуткой уставших, помогая перетаскивать через овраги пулеметные двуколки, он с улыбкой вспоминал: «Вот здесь мы в пятом году прятались от полиции...» Имя Волынского было грозой для бандитов всего района. Его жизнь висела на волоске, и он прекрасно сознавал это. «Убьют, ну да чорт с ними», — говаривал он.

Все лето он не переставал вести энергичную борьбу с бандитизмом, а в сентябре пришло известие, что т. Волынский убит бандитами.

Тов. Волынский, мелкий ремесленник по своему социальному положению, не был теоретически подготовлен. Он был самоотверженным и преданнейшим революционером, но марксистская подготовка у него заменялась революционным инстинктом. Он сильно страдал из-за слабости своего теоретического развития, стремился к знанию и мечтал попасть в губпартшколу. Теоретическая неподготовленность Волынского осложнялась еще тем обстоятельством, что он только недавно прибыл в Советскую Россию и, отдавшись борьбе с бандитизмом, не успел изучить достаточно основы советского строительства. Эта жажда знаний ни на минуту не ослабляла его кипучей энергии, его редкой работоспособности. Характерная черта т. Волынского: он страшно болезненно воспринимал всякий перебой, всякое злоупотребление в советской и партийной работе и вел беспощадную борьбу с «маленькими недостатками механизма», борьбу, особенно тяжкую в мещанской обстановке Лоевского захолустья. (Из статьи Г. Лелевича «Четыре могилы», «Пролетарская Революция» № 6.)

ВОЛЬБЕРГ — погиб на фронте в начале осени 1920 г. Он прибыл на Южный фронт в период отступления Красной армии, когда политическая работа стояла на точке замерзания. Тов. Вольберг вскоре зарекомендовал себя как преданный делу революции коммунист и сделался любимцем товарищей-красноармейцев. Благодаря энергии его и других товарищей коммунистическая работа пошла усиленным темпом. Несмотря на ряд поражений, т. Вольберг всегда был первым там, где падали духом красноармейцы, и своей работой и воодушевлением поднимал дух и веру в красноармейской семье. *К. Виноградов.*

ВОРОБЦОВ * **Егор** — сын рабочего Московской губ., родился в 1891 г. в дер. Хорковке, Бронницкого уезда, в бедной пролетарской семье (отец — прядильщик на фабрике Викулы Морозова). По переезде отца на Дрездну, Егор обучается в фабричной школе при фабрике Зимина и с 12 — 13 лет работает с отцом по различным текстильным фабрикам под Москвою. Наконец, лет 18 он с отцом попадает в Питер, где и работает сначала у Калинкина на ткацкой мануфактуре, а потом поступает на Путиловский завод; тут быстро попадает в среду революционно-настроенного, пролетариата и втягивается в борьбу рабочего класса. Во время событий 9 января 1905 года он был арестован и выслан на родину, где и работал на станции Болшево, Сев. ж. д. Позднее попадает на завод Динамо. Он был энергичным, решительным, храбрым; идет ли дело о выступлении, разведке или действии по отношению к шпикам или полиции, Воробцов лучше всех справляется со всем этим.

Летом 1915 г. при конфликте с администрацией в мастерской, когда во время организованного Воробцовым бойкота мастера, последний стреляет в рабочих из револьвера, Воробцов первый, безоружный, находит способы «охладить страсти» разъяренного администратора. В деле распространения листовок и бойкота выборов в военно-промышленные комитеты Егорушка — первый и наиболее ловкий.

Осенью того же года у Динамо во время октябрьской стачки Егорушка в первых рядах. Позднее его мобилизуют на фронт, и он попадает в Моршанск, откуда вскоре возвращается в Москву и, устроившись с паспортом, едет на Урал, где и работает на Невьянском заводе.

После февральской революции, в апреле 1917 г., он возвращается на завод Динамо, принимая активнейшее участие в партийной работе Симоновской организации. После закрытия завода, к осени 1917 г., опять едет на Урал. Там работает в Невьянске в партийной и профессиональной организации. В начале 1918 года Егорушка избирается на съезды, совещания и проч. Особенно активно Воробцов проявил себя в области организации Красной гвардии. В конце-концов Воробцов становится членом коллегии Пермской губчека и заведует здесь отделом борьбы с контр-революцией.

Но не суждено было этому стойкому борцу, славному товарищу, долго выполнять волю революции. Несчастье в момент подхода белых к Перми настигло Егорушку. Во время отступления, при выходе из здания губчека, утомленный ли работой или случайно, он упал на лестнице; бывшие при нем бомбы взорвались, и он погиб на 30 году жизни.

К. Ратехин.

Воспоминания о т. Воробцове.

В Москве в первый раз я услышала имя т. Воробцова в 1917 г. перед октябрьскими событиями и в октябрьские дни, но лично знала его очень мало. Встретила снова т. Воробцова в 1918 г. 21 июля в г. Перми. Он работал в то время начальником секретно-оперативной части Пермской губчека. Из времени моей совместной работы с т. Воробцовым у меня осталось много хороших воспоминаний о нем. Всегда неутомимый, днем и ночью сидел он в учреждении; его рабочий кабинет служил ему и жилищем, так как на квартиру он никогда не уходил. Особенно он умел жить по-товарищески с сотрудниками, подчиненными ему, называвшими его «Отец Воробцов». Вспоминаю также несколько совместных с ним командировок по району, т.-е. по губернии. Нужно заметить, что в Пермской губ. летом 1918 г. были постоянные восстания крестьян под влиянием агитации эсэров, которые с нетерпением ожидали прихода Колчака. 18 августа 1918 г., по случаю объявления мобилизации, восстали несколько волостей вверх по Каме — Сретенская, Благовещенская и др.,—не желая идти по мобилизации. Т. Воробцов, я и т. Комольцев (Сибиряк) втроем поехали уговаривать крестьян. Когда мы подъехали на пароходе, собравшиеся из нескольких волостей крестьяне бушевали, но с приближением нас затихли и нам освободили дорогу. Подойдя к председателю собрания, мы увидели кругом вооруженных людей и поняли, что здесь дело далеко не благополучно. На наш вопрос, где председатель волисполкома, вместо ответа по существу председатель собрания грубо потребовал от нас мандаты, кто мы такие. Пока он читал мой трехаршинный мандат всему митингу вслух, т. Воробцов успел сходить в здание Совета и узнать от секретаря волсовета (б. писаря), что председатель и члены волсовета избиты до полусмерти, милиция обезоружена, оружие захвачено восставшими, — этого нам достаточно было, чтобы понять настроение толпы. Пока прочли наши три мандата, свирепость крестьян немного улеглась. Т. Воробцов попробовал говорить, но крестьяне не давали, крича: «С ними револьвер», потом кто-то из толпы крикнул: «Бей их!»; в один момент мы были окружены вооруженными людьми: двое моих товарищей оказались разоруженными, так как на них одновременно наскочило врасплох человек двадцать крестьян, вооруженных винтовками; меня же они, как женщину, оставили в покое. Видя, что толпа разгорается, слышны выкрики «предать земле», что здесь дело не шутка, я вынула имевшиеся у меня браунинг и бомбу, крикнув: «разойдитесь, иначе брошу!». Крестьяне бросились бежать в разные стороны, а мы воспользовались этим моментом, приказали сдать оружие, а когда нам сдали оружие, мы возвратили крестьянам, говоря: «Мы не ссориться или драться с вами приехали, а просто случайно, если желаете, расскажем вам, почему война, с кем, и почему мобилизация». Крестьяне согласились слушать; когда прослушали т. Воробцова, то уже совсем приняли мирный вид. В конце, чтобы вырвать зачинщиков, мы предложили им выбрать от себя делегатов в Пермь, а самим разъехаться по домам и ждать ответа. Крестьяне послушались, выбрали зачинщиков, а сами разъехались по домам. Вторая командировка, совместная с т. Воробцовым, была на подавление Семычевского восстания, где организовались одиннадцать волостей, которые имели связь с оханскими и осинскими белогвардейцами и купцами, обещавшими им материальную поддержку.

Восстание было поднято под лозунгом: «Долой грабителей-большевиков! Долой Советскую власть!». Местная Советская власть в волостях была уничтожена, т. е. 16 человек убито, 18 тяжело ранено, а остальные расбежались; председатель Семычевской волости был убит и отдельно ото всех других запрятан в болоте; один из 16 зарытых вылез из могилы; ему было нанесено 12 ран, впоследствии заживших. При раскопке могилы по медицинскому осмотру было констатировано, что почти все были зарыты живыми. Отряд в 100 человек был под командой т. Воробцова; после боев в течение 3 суток (с 17 по 20 сентября 1918 г.) крестьяне сдались в числе 800 человек и выдали командиров и зачинщиков. Эти волости при отступлении Советской власти дали около 200 добровольцев и много фуража. В таких беспрерывных восстаниях, измене на фронте и в тылу, энергично работала Пермская губчека, возглавляемая одним из активных работников, т. Воробцовым. Когда фронт стал подвигаться все ближе и ближе, настроение обывателей в пользу Колчака поднималось, приходилось день и ночь работать, чтобы уговорить рабочих и крестьян, но все старания оказались тщетны; положение на фронте все ухудшалось. Когда же штаб постановил сдать Пермь и эвакуировать все ценности, на нас была возложена обязанность следить за сеятелями преждевременной паники, беспощадно с ними расправляться, провести спокойно эвакуацию. 23 декабря мы получили сведения, что Чусовая сдана, но мост при отступлении нами взорван, что должно задержать наступление противника. Погрузивши нашу канцелярию и весь трусливый элемент, мы оставили всех партийных и беспартийных активных работников. В ночь с 23 на 24 декабря 1918 г. мы проработали до 3 часов утра, после часть легла спать на стульях. Вдруг в начале 4-го часа послышался треск пулеметов, мы насторожились, послали разведку; затем треск пулемета утих и снова начался в 5 часов, когда стало немного рассветать. Мы все, исключая дежурных, с тов. Воробцовым спали в общей комнате, когда разбудил нас дежурный; оказалось, что колчаковцы стреляют уже из пулеметов с церквей и больших домов по проходящим войскам. Не успел дежурный как следует информировать нас, как напротив с чердака дома Мешкова, где ранее помещался штаб, затрещали пулеметы; минут через 5 с чердака губчека

Е. Воробцов.

тоже затрещал пулемет; поднялась паника, бросились бежать куда попало. Тов. Воробцов, чтобы успокоить начавшуюся панику, очень быстро побежал к дверям другой комнаты загородить проход; на нем была кожаная сумка-пантронташ, в которой было три бомбы. Во время его бега оборвался ремешок сумки, посыпались на пол бомбы, одна из трех, ударившись об пол, разорвалась. Осколки бомбы попали ему в горло; он был в памяти, просил пристрелить его, но не оставлять белогвардейцам. Видя его безусловную скорую смерть, мы положили его на лошадь, хотели завести в госпиталь, но он, не доехавши, дорогой умер. Тело его осталось в Перми, и что с ним сталось потом — мне неизвестно. *Матвеева.*

ВОРОБЬЕВ — комиссар-коммунист, работавший в широких крестьянских и рабочих массах «Ижорвоендора», погиб в Неклюевскую авантюру.

ВОРОБЬЕВ (КОЦ) ** **Яков Зиновьевич** — родился в 1885 году в небольшом уездном городе Белая Церковь, Киевской губ. Отец его — местный фельдшер Зиновий Воробьев. Еще в раннем детстве Яков Воробьев отличался силой своего характера. В 1902 г, 16-летний юноша-ученик, Яков Воробьев уже работал в анархических кружках, которые тогда существовали в Белой Церкви. Будучи боевым и отчаянным в борьбе, он вскоре, ко времени первой революции, стал одним из руководителей белоцерковских анархистов. Будучи жителем Белой Церкви, он ходил на экспроприации к местной буржуазии совершенно без маски, и все пострадавшие прекрасно знали его в лицо, что совершенно не смущало его. Его горячий темперамент никак не мог мириться с действительностью, и, не имея возможности пойти открыто в бой с врагом, он очень часто удовлетворялся тем, что по ночам отколотит какого-нибудь полицейского или городового на посту, особенно после ареста и избиения в тюрьме товарища или его самого.

В течение 1904 — 1906 г.г. он три раза сидел в тюрьме, а в 1906 году уже был выслан на два года в Архангельскую губернию. Когда его арестовали в 1906 году, ему предъявили обвинение в экспроприации у целого ряда лиц, которые были приглашены на очную ставку с ним, и, несмотря на то, что все его знали, ни один не признал его, боясь отместки со стороны товарищей Якова, которые предупредили буржуазию, что голова Коца им дорого будет стоить, и он тогда отделался только ссылкой на два года. Характер работы анархистских групп в революцию 1905 г. заставил его призадуматься над вопросами борьбы с буржуазным миром. И в ссылке, после долгих размышлений, он решил уйти от анархистов. В 1908 г. он вернулся из ссылки уже с.-д. большевиком, каковым и остался до последних дней своих. С 1908 — 1910 г.г. он жил и работал в Одессе, где поступил в зуботехническую школу, желая овладеть какой-нибудь профессией. Из Одессы по окончании зуботехнической школы Воробьев вернулся на родину в 1911 году, где продолжал вести партийную работу. Но бдительная охрана устоев царизма не давала ему долго оставаться на свободе. Киевские и белоцерковские тюрьмы быстро его проглатывали: в конце 1911 года его опять арестовали и после продолжительной сидки в тюрьме сослали в Тобольскую губ. на пять лет. Из тобольской ссылки он вернулся в начале 1915 года (благодаря амнистии по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых ему ссылка была сокращена). Пробыв на родине один месяц, он уехал в Саратов. Здесь он сразу нашел старых товарищей по работе, которые ввели его в работу. Проработав несколько месяцев в Саратове, он был мобилизован в николаевскую армию, куда решил пойти без сопротивления, надеясь вести там партийную работу среди солдат. Пробывши в армии три месяца (он был назначен в Самару), он убедился, что — ошибся, при том надзоре, который был установлен за ним, вести работу среди солдат нельзя. После трехмесячного пребывания в армии, Воробьев бежит обратно в Саратов, где принимается снова за работу, переменив только фамилию. Но вскоре и из Саратова ему пришлось бежать, потому что шпики устроили за ним сильную слежку. Бежал он в Нижний-Новгород в начале сентября 1915 года вместе с тов. Сопроновым. Жил он в Нижнем по паспорту Григория Марковича Коца. Партийная кличка его была «Василий». В то время в городе и Канавино организованной партийной работы не велось. Было в Канавине культурно-просветительное «О-во разумных развлечений», которое было в руках меньшевиков и либеральной интеллигенции. Воробьеву удалось скоро сгруппировать партийных товарищей и начать организованную партийную работу.

Яков Воробьев не только организовал работу, он также был пропагандистом и техническим выполнителем. Листовки и воззвания печатал он один, или при помощи кого-нибудь из товарищей. На открытых собраниях «О-ва разумных развлечений» он никогда не выступал и только садился всегда в кругу большевиков на задних скамьях, откуда давался тон собранию. Чтобы указать, сколько веры в работу и пролетариат было у Воробьева и насколько он мог заражать своей энергией и оптимизмом, я укажу на один факт из его подпольной жизни: однажды, приблизительно через месяц после его прибытия в Нижний, к нему пришел рабочий завода Доброва и Набгольц, активный партиец. Когда он вошел в комнату, лицо у него было очень угрюмо. Бросив в сердцах на стол шапку, он говорит: «Нет, Василий, я больше не могу. Ничего у меня не выходит. Никак не сдвинешь их (рабочих) с места, точно каменные». Воробьев сел против него и стал с ним беседовать. Долго продолжалась эта беседа и, по мере того, как он говорил, у того лицо все прояснялось, и, наконец, с улыбкой он сказал: «Чорт бы тебя побрал! Как это у тебя все так хорошо выходит! Пойду, еще попробую». И ободренный, с новой энергией он опять принялся за работу.

Проработав в Нижнем около четырех месяцев, 24 декабря 1916 года он был арестован. Ночевал он в «Обществе разумных развлечений» и так крепко заснул, что его взяли спящим и при нем нашли много разных документов, печать для подделки паспортов и паспортные книжки, которые он писал для нуждавшихся в них товарищей. К тому же он еще был дезертиром из армии. Когда его вели из О-ва в участок, ему уже надели наручники. Яков в первую ночь хотел бежать из участка, но не успел, так как до утра оставалось очень мало времени, а рано утром их уже перевели в тюрьму. Еще в участке Воробьев открыл свою настоящую фамилию, считая более выгодным для себя сидеть как политический, чем как дезертир и поддельщик паспортов. А каторги ему не избежать было так или иначе. Всех арестованных товарищей через месяц отправили в армию. Женщин освободили под надзор, а Я. Воробьеву и Костину предъявили 102 ст., и только революция их освободила... В тюрьме, по отзывам тов. Козина и др., сидевших вместе с Воробьевым, он держался так же бодро, не унывая, как и на свободе, несмотря на то, что он был кандидатом на 15 лет каторги.

И вот я встречаю Якова Воробьева 6 марта 1917 года в «Обществе разумных развлечений», над которым уже красовалась вывеска «Канавинский Комитет с.-д. (большевиков)». Странно было видеть его в этой мирной обстановке человеку, привыкшему видеть его постоянно горящим огнем борьбы, беспрерывно рисковавшим своей свободой и жизнью в борьбе с самодержавием. Романтическая обстановка геройской беспрерывной борьбы—нелегальщина очень подходила к личности Якова. Теперь же, в мирной обстановке февральской революции, краски геройской отваги и беззаветности как-то потускнели. Только энергия и настойчивость в работе остались прежние. Его выбрали секретарем Канавинского Комитета партии, где он и стал работать. Все время после февральской революции он твердил, что вся борьба еще предстоит впереди. Начинаются июльские дни. Воробьев организует Красную гвардию.

В дни октябрьского переворота его горячий темперамент оказался толкачом для более уравновешенных товарищей в деле организации ревкома и проч. В эти дни его смелая боевая натура, беззаветно борющаяся за революцию, выявила себя во всем своем объеме. Будучи начальником Красной гвардии, он со всеми боевыми отрядами шел впереди. Вот Воробьев идет с отрядом в 20 человек разоружить 300 человек до зубов вооруженных юнкеров. И разоружил их без одной капли крови. С небольшой кучкой красногвардейцев, вооруженных винтовками, с шумом и криком, заполнившими все коридоры большого здания юнкерского училища, Яков ворвался к юнкерам; последние растерялись, не оказали никакого сопротивления и были разоружены. Кто берет банк, казначейство и другие подобные учреждения?—отряд Воробьева. И таким образом были взяты почти все учреждения (за небольшим исключением), и всюду поставлены посты Красной гвардии. В банке Воробьев оставался целую неделю. Проводил там дни и ночи при передаче банка назначенному комиссару, тов. Акимову. Потом он перешол в казначейство, пока оно не было окончательно передано Советской власти. После этого ревком поручил ему, вместе с тов. Краевским, организовать революционный штаб. Воробьев стал во-главе политической части, а впоследствии стал председателем губчека, каковым оставался до последних дней своих, т.-е. до сентября 1919 года. В начале 1919 года он на три месяца уходил из чека (во время усиленного течения в партийной прессе против существования чека). Он был глубоко оскорблен тогдашней травлей чека и чекистов и категорически заявил губкому, что в чека больше работать не будет. Губком перевел его в президиум Губисполкома, где он работал до постановления Ц. К. о возврате в чека всех старых чекистов. Он был удовлетворен и вернулся на свою прежнюю работу. Работал он не только в чека. Он был членом губкома и губисполкома всех выборов и членом ревкома, когда таковой существовал, был членом разных комиссий и т. д. Работал он, не покладая рук, бывало три-четыре ночи под ряд не ложился спать, и не было случая, чтобы он жаловался на усталость. А когда в августе 1919 года он, падая с ног от усталости, с распухшими глазами от бессонных ночей, получил месячный отпуск, из него он использовал только 7 дней, после чего опять окунулся в кипучую работу.

Отличительной чертой его характера было то, что он не знал страха. Совершенно спокойно он шел на облаву бандитов, усмирял бессознательную толпу, на обыск к контр-революционерам и т. д., всегда впереди отряда, ободряя его и ведя за собой. Бывали случаи, когда Воробьев рисковал своей жизнью, желая во что бы то ни стало поймать преступника. Воробьев не был мастером слова, и он никогда не выступал на многолюдных собраниях и не мог произносить зажигательных речей. Но молодые сердца зажигались примером его бесстрашия и отваги в борьбе с врагами революции. И так он неустанно работал весь 1918 год, а в первые месяцы 1919 года стал просить губком отпустить его на Украину. Нижегородская губерния казалась в то время ему слишком благополучной. Ему хотелось в Киев, где контр-революционное движение было в полном разгаре. Губком долго не соглашался его отпустить, но в сентябре 1919 года через Ц. К. ему удалось получить назначение в Воронеж в то время, когда на его территории гуляли шайки Мамонтова и других. По дороге в Воронеж, при наступлении Деникина на Курск, он попал к нему в лапы, и по сие время даже не удалось узнать, где покоятся его останки. (Св. вз. из ст. Розы Воробьевой, помещ. в сб. «Материалы по истории революц. движения», № 3, изд. Нижегор. Б. Истпарта, стр. 20—25.)

ВОРОНОВ ** **Арон Львович**,—молодой техник-мукомол, погиб во цвете лет ужасной смертью от рук белогвардейцев. Это было в момент, когда Деникин, в упоении своих побед, подвигался все ближе и ближе к Орлу. Дикая конница генерала Мамонтова заняла город Козлов, продвинувшись дальше к станции Боборыкино. Воронов, командированный Главмукой для объезда мельниц Курска, Ельца и Орла, ехал из Ельца на Курск. 30-го июня 1919 г. поезд, в котором он ехал, был окружен казаками отряда Мамонтова.—«Жиды и комиссары, выходи!»—раздались крики, и казачий отряд начал делать свое зверское дело. Запылал сожженный и взорванный на воздух поезд, начался грабеж пассажиров, изнасилование женщин и избиение подозреваемых в большевизме. Один из негодяев выдал Воронова, указав на него как на еврея и как на ответственного советского работника. Люди-звери вытащили его из поезда и тут же у полотна отрубили ему голову. Кто-то снял с мертвого сапоги, а тело бросили вблизи железнодорожной насыпи; оно было подобрано потом его знакомыми и похоронено на его родине в г. Ельце. Воронов, сын бедного еврея, со страшными усилиями для семьи окончил одесскую техническую мукомольную школу и направил всю силу своих знаний в область мельничной техники. Работы по ремонту и по постройке мельниц и усиленное самообразование открыли ему дальнейшую дорогу. После февральской революции он вступает в левую партию Поалей-Цион, активно работает в Профсоюзе членом правления, заведующим пищевым отделом елецкого Совнархоза; первым Всероссийским Съездом мукомолов избирается в состав коллегии главного управления мукомольно-крупяной промышленности и заведует техническим отделом Главка, в котором он проработал около 1 года 6 мес.

В. Иванов.

ВОРОНОВ ** **Петр** — член Р.К.П. с 1918 г., рабочий трехгорной мануфактуры ситцевого отделения. За 20 лет трудной и тяжелой работы на фабрике он потерял все здоровье. Но, несмотря на болезнь, он помогал рабочему классу по восстановлению народного хозяйства и помогал партии. После мучительной и долгой болезни умер в 1920 г. (Сведения взяты из сб. «Братская могила»).

ВОРОНОВА—погибла на Петербургском фронте 1919 г. Т. Воронова стояла во главе санитарного отряда при партизанском отряде Василеостровского района. Работница по профессии, в наши боевые дни она всей душой отдалась новой работе: перевязывала раненых в передовой цепи и иногда за отсутствием перевязочного материала рвала на себе платье для того, чтобы оказать помощь раненым. 30 октября, когда партизанам пришлось оставить только что занятую деревню, т. Воронова была смертельно ранена и похоронена в общей братской могиле. Она была членом партии коммунистов с первых дней революции и до последней минуты своей жизни честно исполняла свой пролетарский и партийный долг на доблестном посту. («Б. Правда», № 63 от 18 ноября 1919 г.)

С. Восков.

ВОСКОВ ** **Самуил Петрович**,—партийная кличка **«Семен Петрович»**, род. в 1889 г. в селе Глобино, Полтавской губ., из бедной еврейской семьи, образования не получил, изучил столярное ремесло. С юных лет познакомился с членами с.-д. партии и оказывал им возможные услуги; вскоре был арестован и посажен в полтавскую тюрьму. По освобождении был сослан в Ялту, затем уехал в Одессу, где работал в нелегальной типографии, после провала которой уехал в Екатеринослав. В Екатеринославе вскоре был арестован. Из тюрьмы освобожден вместе с другими, благодаря революционному выступлению заключенных, и так как ему грозила каторга за восстание в тюрьме, в 1906 г. эмигрировал в Австрию. Там он пытался организовать еврейских рабочих столяров, но попытка эта не удалась. В 1907 г. переехал в Америку—в Нью-Иорк, где принимал самое живое участие в жизни русского отдела американской социалистической партии и в Федерации Труда. В 1916 г. ему пришлось руководить большой стачкой столяров. В Нью-Иорке много работал над созданием с.-д. газеты «Новый Мир», входил в редакционную коллегию этой газеты. В 1917 г. после русской революции, с первым пароходом, отправившимся в Европу, уехал в Россию. В Петрограде поступил на работу в Сестрорецк, примкнул к большевикам, принял деятельное участие в революционной работе. («Материалы для биографич. словаря соц.-демократов, вступивших в Рос. раб. движение за период от 1880 до 1905 г.» под ред. В. Невского, вып. I.)

Тов. Восков—член Учредительного Собрания от Петроградской губ. и комиссар продовольствия Северной области (в апреле 1918 г.). Он выдвинулся в первые ряды революции лишь благодаря упорному труду, преданности рабочему делу и исключительным политическим талантам. Тов. Восков был всегда на самых ответственных постах. Так было во времена корниловщины; так было, когда сестрорецкие рабочие посылали свои отряды на помощь финским братьям. Всюду Восков был в первых рядах, в передовой цепи. На мирной советской работе Семен Восков проявляет себя как недюжинный организатор. Питерские рабочие выдвигают его как одного из организаторов в Губ. Сов. Рабоч. и Кр. Деп., и здесь он проявляет себя как чудный крестьянский оратор. Восков—один из главных инициаторов грандиозного крестьянского съезда комбедов Северной области. Он был душой съезда, руководил его работами и своим умелым слогом сплачивал громадную человеческую массу. Его знали все питерские рабочие. Умер в Таганроге от сыпного тифа, 19-го марта 1920 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 62 от 21 марта 1920 г.)

Солодухин и Восков.

Солодухин и Восков—это удачное созвездие в Красной армии: первый—с гигантской волей, с яркой самобытной оперативной мыслью, весь зараженный революционным энтузиазмом, и второй—тонкий марксист, глубокий теоретик, с исключительными дарованиями, страстно преданный делу социализма. Их знают северный, южный, кавказский, юго-западный фронты. О них сложились целые легенды.

Солодухина сразил белогвардейский пулемет, Воскова—тиф, но память о них неизгладимо живет в сердцах всех тех, кто их знал. Их работа на фронтах, как боевиков, их порыв и энтузиазм, как революционеров, колоссальны и поучительны.

Как сейчас встает в моей памяти мрачный для Красной армии сентябрь 1919 года. Отдав Орел, мы собирали свои измотанные силы для решительного удара; нужна была чья-то сильная воля, чей-то сверх-человеческий порыв, чтобы произвести перелом в настроении наших войск. И вот из штаба южфронта прибывают в 9-ю дивизию Солодухин и Восков. На первом же собрании комсостава новые начдив и военкомдив произвели неотразимое впечатление людей, приехавших победить или умереть, третьего решения не знавших. В дивизии все чувствовали себя во власти новых вождей, во власти их беспредельной веры в правоту великой борьбы. В трехдневный срок 9-я дивизия, впитав в себя пополнение 55-й стрелковой дивизии и сводной дивизии тов. Свешникова, приняла новые организационные формы, избавилась от бесчисленных партизанских штабов, от разбухших обозов. Реорганизация всколыхнула как красноармейцев, так и ком- и политсостав. Митинги и совещания давали военно-политическую обработку дивизии. Результаты скоро сказались. Через три дня после приезда нового командования дивизии Орел был взят.

Солодухин и Восков настолько быстро завоевали доверие массы и овладели сердцем ее, что достаточно было одного их появления на участке дивизии, где замечалось колебание, как перевес моментально переходил на нашу сторону. Солодухин во время наступления был всегда в полевых штабах бригад и полков, всегда с одним и тем же решением: быть победе. Нерешительного и колеблющегося командира он не мог ни минуты видеть во главе красноармейской части. Инициативу и смелость оперативного замысла—вот что он требовал от командиров.

Неутомимый Восков—весь в кипучей работе по организации власти в освобожденных городах. На красноармейских митингах он буквально производил переворот в душах массы. Он обладал исключительным искусством говорить на простом, но ярком и сильном языке народа, он был всегда интересен и свеж: усталые и голодные красноармейцы после речи Воскова находили и силу и радость для новых походов и новых побед.

Я помню перед взятием Курска разговор по телефону с Восковым: «Растрепите всю бригаду, но Курск должен быть взят сегодня же. Этого требует политическая обстановка». И вот 2-я бригада, несмотря на 12-часовой бой и на чрезвычайное упорство офицерских частей генерала Кутепова, ночью вновь бросается на врага и, сломив его сопротивление, на плечах у противника занимает Курск. Незадолго до смерти, на митинге в Таганроге, весь лучезарный от наших побед, Восков был поистине прекрасен; его слова оставляли глубокие следы в душах слушателей—это чувствовалось на аудитории, только что вчера находившейся под тлетворным влиянием деникинского тыла.

Умирал тов. Восков просто, и даже грозные признаки смерти называл пустяками, умирал, работая чуть ли не до последнего дня, не теряя живой связи с дивизией. Спокойно и гордо встретил смерть тов. Солодухин. Командуя 15-й Инзенской дивизией на южфронте, он в конной атаке был сражен пулеметом. Оставаясь тяжело раненым в неприятельском расположении, он на требование врангельского офицера выдать тайны красного командования мужественно ответил: «Я начальник дивизии и коммунист, белогвардейцам отвечать не буду», и был пристрелен. *П. Александров.*

(«Красные Зори» № 1 за 1923 г., стр. 18—19.)

ВОТЧИНСКИЙ * **Жан,**—моряк Балтийского флота. Пал смертью храбрых в бою с белыми под Везенбергом в декабре 1918 г. В том же бою погибли матросы: **Мартинсон** и **Олимпиев** («Правда» № 286 за 1918 г.).

ВРУБЛЕВСКИЙ ** **Сергей,**—принадлежал к группе Укр. соц.-демократии Нероновича, но после 1-го съезда коммунистов Украины в Москве вступил в Р. К. П. При занятии Киева Петлюрой, последний сначала заигрывал с рабочими организациями и многих рабочих освободил из тюрьмы, в том числе Врублевского и Галину Тимофееву. Но вскоре началась расправа, которой руководил командир осадного корпуса Коновалец. Вот как описывает т. М. Майоров («Из истор. рев. борьбы на Украине») дикую расправу над коммунистами в Киеве во время директории (1919 г.):

«По распоряжению Коновальца делались налеты на Губпрофсовет. Все попытки директории прекратить бесчинства были безуспешны. Расстрелы и убийства не прекращались. Расправа производилась самым мерзким образом. Провокаторским путем был убит рабочий водного транспорта **Винниченко.** Применялась такая система: арестованного коммуниста уводили куда-нибудь и как будто освобождали, а при освобождении убивали его. Так было поступлено со всеми коммунистами, выпущенными из Лукьяновской тюрьмы при петлюровском вступлении в Киев. Они все были амнистированы, а через несколько дней снова были взяты. Так были взяты: Галина Тимофеева, Врублевский и 12 матросов. В рабочих организациях царила растерянность, союзы не совещались. Губпрофсовет закрылся из-за постоянных налетов. Крупный налет был произведен 2 декабря на Губпрофсовет и одновременно на союзы портных и булочников. Было арестовано 40 человек, среди них большевистская пятерка. Однако арестованные были освобождены, так как их было слишком много, да и фигурировали они при аресте в качестве профессиональных работников.

«Кровь стынет в жилах, когда вспоминаешь кошмарную картину расправы с коммунистами. Хочется вскрикнуть словами историка, описывающего историю Парижской Коммуны:—«Шапки долой!». Я буду говорить об украинских рабочих, замученных в Царском саду и на Владимирской горке Коновальцем, Петлюрой и Винниченко. К нам пришли украинские солдаты требовать, чтобы большевики взяли в свои руки руководство восстанием, так как они хотят свергнуть ненавистную директорию. Мы не могли им дать санкции, не поставив вопроса на обсуждение. Вечером было созвано совещание на Ярославской ул. № 29, собралось 16 человек, были товарищи Владимир и Петро. Собрание не успело закончиться, как нагрянули озверелые сечевики. Всех участников отправили в осадный корпус, а оттуда их, не допрашивая, отправили в Царский сад. Ночь была холодная; из 16 человек один остался в Штабе. Как потом оказалось, это был провокатор. Товарищи поняли, что он их выдал. Из этих 15 человек большинство было крестьян, бывших фронтовиков. Их залпами расстреливали, но так как была ночь, то некоторым удалось бежать; остальные были расстреляны. После ухода сечевиков поднялось еще двое тяжело раненых—тов. Владимир из союза булочников и другой, фамилии не припомню. Они доползли до сторожевой будки, разбудили сторожа и влезли в квартиру, сказав, что их ограбили. Всю долгую ночь они пролежали в крови, а на утро были отправлены в Александровскую больницу. Подобные картины мы видели не один раз. Так же на Владимирской горке был расстрелян Врублевский и тов. Самуся, у которого после сняли сапоги. Тов. Самуся спустился по горке к подъему тяжело раненый и дополз до Житнего базара, где жил его товарищ. Там ему оказали медицинскую помощь. Остальные товарищи были свалены на ломовую площадку, отправлены на Лукьяновку и сброшены в яр. Тут произошло следующее: тов. Врублевский, лежавший на площадке внизу, так как сверху него лежало пять товарищей, очнулся, и когда его бросили в яр, то он дополз до сторожевой будки на еврейском кладбище и стал просить помощи; оттуда он был отправлен в еврейскую больницу и жил два дня в полном сознании и рассказывал товарищам о расстрелах». (Стр. 104—106.)

ВЫСОЦКАЯ,—член Р. К. П. Баумановского района Москвы, скончалась 10 июля 1920 года. («Правда» № 151 от 11 июля 1920 г.)

ВЯТКИН Иван Степанович,—военный комиссар Ярославской губ., бывш. военный министр. Д.-В. Р., член Р. К. П. Умер 23-го апреля 1921 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 89 от 24 апреля 1921 г.)

Г.

ГАБЫШЕВ.—См. **Шаумян.**

ГАВЕРДОВСКИЙ ** **Нестер**—рабочий Трехгорной м-ры, механического отд. Выйдя из рабочей семьи, работая в самых тяжелых условиях при царском режиме, зарабатывая пóтом и кровью для тех пауков-кулаков, которые жирели за счет рабочего класса, он разжал свои мускулистые руки для свержения буржуазного строя и стал честно на баррикады в октябре. Во время Октябрьской революции в Москве, взявши винтовку в руки, он поклялся не выпускать ее до тех пор, пока не умрет или не победит. В ночь на 29 октября (1917 г.) был сражен пулей от белогвардейской руки на Поварской улице из одного парадного крыльца. («Братская Могила», стр. 67.)

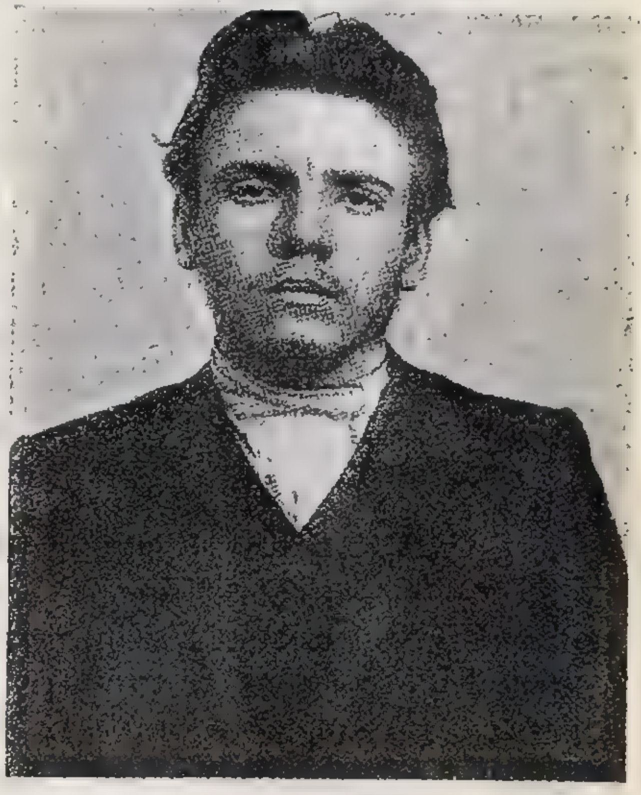
ГАВРИЛОВ Георгий** — член Союза Болгарской Коммунистической Молодежи, умер в октябре 1921 года. Отец тов. Гаврилова, Гаврила Георгиев, умерший в 1917 г., был членом Центрального Комитета Болгарской Коммунистической Партии. Тов. Георгий приехал в Россию, воодушевленный пламенным желанием послужить русской революции, и с большой преданностью работал над коммунистическим просвещением болгарской молодежи в гор. Бердянске. Он намеревался продолжить свое образование в Сов. России и поступить в ряды Р. К. П., но преждевременная смерть помешала этому. (Сведения сообщены секретарем Болгарского Представительства.)

ГАВРИЛОВ ** **Николай Андреевич**,—член Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.), привлекался по процессу 43-х, присужден к 4-м или 5-ти годам каторжных работ; в 1916 или 1917 г. вышел на поселение; работал в Иркутской организации. Во время колчаковщины трагически погиб.

Из воспоминаний о Н. А. Гаврилове.

Неутомимый организатор, агитатор и пропагандист тов. Валентин—Николай Андреевич Гаврилов, сельский учитель Подольского уезда Московской губернии, сын бедного крестьянина. Начал работать в партии, еще будучи учеником Поливановской учительской семинарии в 1903 году, в 1906 году впервые арестован с нелегальной литературой на одной из подмосковных станций; освободившись из тюрьмы, переходит на нелегальное положение. В 1907 г. вторично арестовывается, в 1908 году бежит из тюрьмы и работает раньше в Московск. окружной организации, потом в Иваново-Вознесенске и Баку; в 1909 г. тов. Гаврилова арестовывают в третий раз на заседании Московского комитета, жандармы создают в Москве «процесс 35-ти», в числе которых обвиняется и тов. Гаврилов; после $2^1/_2$ лет предварительного заключения, приговаривается к четырем годам каторги, которую Валентин отбывает в московских Бутырках. Шесть с половиной лет тюремного заключения были широко использованы тов. Гавриловым для научной подготовки, и, выйдя на поселение в Иркутск в 1915 году, Валентин, помимо того, что представлял собою серьезную теоретическую силу, как марксист, еще научился в тюрьме владеть четырьмя языками: немецким, французским, английским и итальянским. В Иркутске застал тов. Гаврилова 1917 г., когда он опять мог окунуться в партийную работу.

Вот что сообщают друзья тов. Гаврилова о последних днях его жизни и трагическом конце. Когда в августе 1918 г. в Чите Советская власть очутилась в кольце: со стороны Иркутска—чехо-словаки с белогвардейскими бандами, со стороны Владивостока—японцы с Колчаком, со стороны Манчжурии—Семенов,—для возможно безболезненной ликвидации Советской власти и перехода партии в подполье была создана пятерка под председательством тов. Гаврилова; пятерка эта до последней минуты стояла на своем посту, давая возможность остальным товарищам законспирироваться. После этого тов. Гаврилов двинулся по Амуру в Хабаровск. Перейдя на нелегальное положение и устроившись учителем в поселке, он связывается с центральным бюро профсоюза в Хабаровске, которое издавало легальную газету, и помещает в ней «Письмо к тетушке», в котором зло высмеивает адмирала Колчака и атамана Семенова. Газетку, конечно, прихлопнули, но открытый вызов реакции был брошен, что имело огромное значение.


Н. Гаврилов.

Далее тов. Гаврилов начинает собирать распыленные, загнанные в подполье партийные силы Владивостока, Благовещенска, Верхнеудинска и Иркутска. Начинается партизанская борьба. Чтобы не оставить партизан без идейного руководства, тов. Гаврилов принимает участие в спешной организации тайной типографии, пишет листовки. 8 мая 1919 г. работу тов. Гаврилова обрывает колчаковская охранка,—его арестовывают; товарищи пытаются ему устроить побег, но предательство губит все дело. Семенов присылает своих молодцов за тов. Гавриловым, которые его уводят в Макавеевский застенок Семенова около Читы. Что было потом, покрыто мраком неизвестности. Оказавшиеся в этом застенке живыми оттуда не возвращались, и что там сделали с тов. Гавриловым, никто рассказать не может. Был ли тов. Гаврилов расстрелян или замучен, осталось невыясненным. Известно лишь одно, что когда партизаны заняли ст. Макавеево, то они нашли там страшные орудия пытки, а жители станции говорили, что здесь редко кого расстреливали, чаще всего замучивали жестокой пыткой. (Ц. Зеликсон-Бобровская: «Записки рядового подпольщика» Ч. II, стр. 58—59.)

ГАГЕН ** **Константин Николаевич**,—один из старейших новгородских наборщиков, всегда преданный революции, умер от чахотки 7 января 1920 года.

ГАГРИН,—командир 3-го кавалерийского Башкирского полка, умер в лазарете от полученной на Петроградском фронте контузии в ноябре 1919 г. («Петр. Правда», 1919 г., № 273.)

ГАЙ Иван,—бывший боротьбист, убит на Украине.

ГАЗЕНБУШ * **Конрад Конрадович**,—кличка **«Константин Константинович»**, род. в 1873 г., из мещан, ветеринарный врач. В 1897 г., будучи студентом ветер. института в Казани, входил в студенческий с.-д. кружок, поставивший целью вести пропаганду среди рабочих, распространял литературу, был одним из устроителей маевки 1898 г., произнес на ней речь. Был привлечен к дознанию в 1898 г. и подчинен гласному надзору полиции на три года вне столиц, уездных городов и местностей фабричного района. В 1902 г. привлекался к дознанию по с.-д. делу в Самаре, в 1903 г. был выслан в Восточную Сибирь на 4 года. («Матер. для биогр. словаря соц.-дем., вступивших в росс. раб. движ.» под ред. В. Невского, вып. I.)

Осенью 1918 года по партийной мобилизации т. Газенбуш был отправлен на фронт, состоял секретарем коммунистической ячейки рабочих и служащих московских боен. Старый партийный товарищ, Конр. Конр. всю жизнь был скитальцем. Много времени провел по ссылкам, сидел не раз в тюрьме. Последнее время, вернувшись с фронта прежней армии, где прослужил врачом все четыре года войны, едва успев повидаться с семьей, он приехал в Москву, куда мечтал перевезти и семью из Екатеринодара. Однако Екатеринодар был вскоре захвачен белогвардейцами, и целый год почти тов. Газенбуш не имел от своих никаких известий, что сильно измучило его. Бодрый, здоровый, полный сил в свои 44 года, Конр. Конр. умер на красном революционном фронте от сыпного тифа в 1919 г.

В памяти многих товарищей-рабочих навсегда останется образ Конрада Конрадовича, как простого общительного человека, проникнутого горячей верой в близкое торжество идей коммунистической партии. («Правда», 1919 г., № 84.)

Боенская ячейка коммунистов.

ГАЙДУКОВ ** **Василий Федорович**, — уроженец Ростовского округа, Донской области мест. Ейское Укрепление, 46 лет, крестьянин. Пламенный революционер. Выдающийся организатор красных партизанских отрядов. В минуту тяжелой борьбы пролетариата с капиталом он первый поднял красное знамя борьбы в Ростовском округе. Не жалея своих малолетних 4-х детей, из которых старший, 16-тилетний, был уже в рядах Красной гвардии, оставляет их и идет в ее ряды. За свою организаторскую способность и боевую отвагу т. Гайдуков назначается командиром отряда. Под Торговой он ведет ожесточенную борьбу с генералом Алексеевым. Т. Гайдуков был всегда живым знаменем впереди. Когда в опасную и трудную минуту приходилось оберегать его жизнь, то он всегда говорил одно: —«Всех нас не убьют, а если меня и убьют, то сын мой, преданный делу революции, сумеет отомстить за смерть своего отца». Но мечте его и словам не суждено было осуществиться, так как сын его в 1918 г. тоже пал смертью храбрых героев. В. Ф. Гайдуков командовал 1-м Тихорецким революционным коммунистическим полком и в 1918 году в декабре под Царицыном попал в плен к белогвардейским палачам. О дальнейшей судьбе его я узнал впоследствии от жителей слободы Карповской: т. Гайдуков принял мученическую смерть— живым был сожжен на костре.

И. Е. Игнатьев.

ГАЛЕНКИН ** **Александр Петрович**, — родился и учился в г. Белом, Смоленской губ., член Р. К. П. с 1919 г., был секретарем Уисполкома в г. Тараще, принимал активное участие в организации Военно-Рев. Комитета. Убит 8 апреля 1921 года в Каркоралинске, Семипалатинской губ., в возрасте 23—24 лет.

ГАЛКОНОВ,—член Р. К. П. Рогожско-Симоновского района гор. Москвы, пал при взятии Кронштадта в марте 1921 года.

ГАМБЕРГ ** **М. М.**,—председатель Совета Народного Образования в г. Ачинске в период советской власти 1918 г. После 4-месячного тюремного заключения расстрелян в ночь с 10 на 11 августа того же года. (Сборн. «Красная Голгофа», стр. 112.)

ГАМЖИН. **—См. **Уткин.**

ГАНИН Михаил,—красноармеец 2-го Коммунистич. Интернац. пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

ГАСАР * Сергей Николаевич,—рабочий, старый член партии большевиков, секретарь профессионального союза рабочих в г. Казани, убит белыми в г. Казани в 1918 г.—См. **Фролов.**

ГАСПРАРСКИЙ,—рабочий-мукомол, из Польши, погиб в битве под Сосыкой в первой половине мая 1918 г.

ГЕЙМОН,—36 лет, старый революционный работник с 1905 г. в Польше в Бунде. Лишился голоса вследствие избиения его в Николаевской охранке. Член партии Р. К. П., активный работник Феодосийской организации. Казнен в Симферополе в мае 1920 г., арестован был по провокации Акима.

ГЕЙМАН, — артиллерист, казнен в Севастополе в январе 1920 г. — См. **Дражинский.**

ГЕЛОУСОВ—См. **Ремтер.**

ГЕЛЬБРИХ Оскар,—оформил свое классовое сознание во время империалистической бойни и в рядах социал-демократии боролся против предательства вождей. В 1920 г. он успешно вел борьбу против гнусных представителей Амстердама в Саарском районе в Германии, томящемся под двойной тяжестью французской и германской эксплоатации. Под его руководством организовалась в этом районе сильная коммунистическая фракция. Облеченный доверием своих революционных товарищей-углекопов, тов. Гельбрих приехал в Москву для работы по созданию красного Интернационала Профсоюзов. Но не пришлось довершить до конца задуманные планы тов. Гельбриху. Во время катастрофы на Курской ж. д. по дороге из Тулы в Москву он разбился на смерть 24 июля 1921 г. В лице его немецкие углекопы потеряли одного из самых смелых, лучших борцов за рабочее дело. («Правда» № 163 за 1921 г.)—См. **Артем.**

А. Галенкин.

ГЕПП. — См. **Ремтер.**

ГЕРАСИМОВ Иван, — сочувствующий Р.К.П., убит в бою на Лужском участке под Петроградом в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

ГЕРНЕР. ** — См. **Билецкий.**

ГЕРШЕВИЧ, **—партийный работник. Во время переворота в Иркутске в декабрьские дни 1917 года он вместе с другими занял типографию штаба военного округа, где начали выпуск «Известий Военно-революционного Комитета». В дни чешского мятежа был повешен чехами. (Сведения вз. из ст. В. Виленского (Сибиряка) в журн. «Пролет. Революция» № 1.)

ГИБИЗОВ Дебола, — расстрелян белогвардейцами. — См. **Цаголов.**

ГИНДЕНШТЕЙН, — студент Коммерческого Института в Москве, ушел добровольцем против банд Антонова и там был убит.

ГИНСБУРГ, **—начальник Казанского сводного отряда, убит в Туркестане. («Пути Революции», изд. Татбюро Истпарта.)

ГИППИУС Евгений Александрович.—Летом 1918 г., когда банды Дутова или, как его называли красноармейцы, «Дудака», надвигались из Донской области к границам Тамбовской и Воронежской губ., приехал военный комиссар по инженерной обороне всего южного фронта, т. Гиппиус, старый партийный работник. У нас в то время формировался Борисоглебский инженерный батальон, который приходилось создавать из ничего. Тов. Гиппиус привозит из Москвы целые эшелоны инженерного имущества, и в батальоне закипает горячая работа. В сентябре 1918 г. инжбат с одной саперной ротой, по приказанию тов. Гиппиуса, выступает на ст. Поворино, где при помощи рабочих-китайцев, по заданию т. Гиппиуса, приступает к постройке стратегического узла сопротивления у ст. Поворино и моста через р. Хопер.

Сам т. Гиппиус был старик с седыми волосами, на нем была широкая до колен неперешитая солдатская гимнастерка, защитные штаны, рыжие сапоги и широкая фуражка. В карманах гимнастерки торчали французские бомбы, на поясе болтался кольт.

Инструктора инжбата рыли окопы, забивали колья, оплетали их колючей проволокой на участках: Самодуровка, Петровское, Дуплянка, Чугаевка, хут. Большинский, Поляна, Калмык, Карачан, Тюменевка и ст. Колено. Участок был армейский. И вот с раннего утра старческая фигура тов. Гиппиуса на автомобиле носилась по фронту, просматривая работы и давая указания. Тов. Гиппиус был специалист-минер и после него остались ценные труды по «взрыву на расстоянии». Он сам неоднократно ставил фугасы, зарывая их в землю, как, напр., под Самодуровкой. Он был человек с железной волей и неустанной энергией; для него не существовало ни дня, ни ночи; что такое отдых — он не знал: с утра до вечера был на фронте, а ночью сидит на ст. Поворино у телеграфного аппарата и, вызвав по прямому проводу инструкторов с далеких участков Южн. фронта, принимает от них доклады о произведенных работах и дает новые директивы на завтрашний день. Благодаря преданности и энергии тов. Гиппиус, Южн. фронт,— опасное для нас место, — был укреплен, и банды Дутова и впоследствии Краснова, докатившись до границ Тамбовской и Воронежской губ., разбивались о стальную щетину тов. Гиппиуса и, изранившись, откатывались в глубь Донщины.

Неоцененную услугу принес нашей молодой, еще не окрепшей в то время, республике тов. Гиппиус: в то время Красная армия только образовывалась и переживала перелом от партизанщины, но благодаря трудам тов. Гиппиуса наши враги не могли проникнуть вглубь республики. Так прошли в великих трудах сентябрь и октябрь 1918 г., в ноябре т. Гиппиус был отозван на Восточный фронт, угрожаемый Колчаком; там он также с неослабной энергией принялся за укрепление. Настал 1919 г. — год наших великих походов и побед; но в первых числах февраля т. Гиппиус заболел сыпным тифом и умер 15 февраля 1919 г. Его надломленный непосильной работой на фронте организм не мог устоять перед болезнью. Память о нем и до сих пор живет среди красноармейцев инжчастей, созданных им. *Черномашенцев.*

ГИРШБЕРГ ** **Вениамин** (Нюма, подпольн. кличка Григорьев), — член харьковской организации и член Харьк. Правления Союза Игла. В Самару прибыл летом 1918 года, вместе с рядом других товарищей, эвакуированных из Украины незадолго до свержения чехо-словаками Советск. власти. Впоследствии он был оставлен в Самаре для подпольной работы и вскоре попал в комитет, где был назначен казначеем. До тех пор я его совсем не знала, но во время подполья узнала его очень близко, так как он все время жил у меня и я через него связывалась с комитетом. Это был необыкновенно скромный человек — один из тех товарищей, которые беззаветно отдаются работе. В нем не было ни капельки тщеславия или честолюбия. Тихий, скромный, постоянно сосредоточенный, очень спокойный и уравновешенный, он тихо и незаметно делал порученное ему дело. Союз Игла, где он был председателем, был штаб-квартирой для всей работы. Долгие часы просиживал он, подводя балансы своих торговых книг, т.-е. ведя отчетность израсходованных денег. Необыкновенно добрый, чуткий и отзывчивый, он пользовался всеобщей любовью со стороны товарищей. Несмотря на неудачи, которые мы тогда терпели (падение Симбирска, Казани и др. гор.), когда целый ряд товарищей стали уже терять веру в победу, он оставался тверд и непоколебимо верил, что победа за нами. Тихо, спокойно доказывал он всем сомневавшимся, и эта его спокойная уверенность невольно передавалась другим.

Незадолго до прихода Советской власти он был командирован партией в Сибирь, вернулся оттуда и снова попросился туда для работы в подполье. Поработав немного, он был в Челябинске арестован и расстрелян.

Козлова.

Воспоминания о т. Гиршберге.

Познакомились мы с т. Гиршбергом при отступлении из Харькова во время немецко-гайдамацкой оккупации. Вместе доехали до Самары. Кто был на Украине в тот период, знает ту сложную, сгущенную атмосферу, то громаднейшее напряжение—физическое и нравственное,—которое приходилось испытывать революционеру. Он принимал непосредственное участие в боевых операциях. В Самару попал из огня в полымя. Время было очень неспокойное. Приближались чехи. Кровавый переворот в Самаре чехо-словаков и бело-эс-эров, свирепствующая реакция, жестокие расправы над коммунистами и революционерами-рабочими. Революционный горизонт заволакивается тучами, отовсюду поступают сведения о поражении красных. Падает Казань. Казалось, революция зашла в тупик, рабочий класс дорогой ценою расплачивался за свою безумную попытку, некоторые т.т., даже среди заключенных, начинают раскаиваться в своих революционных грезах. Момент морального перелома.

Но не так воспринимает т. Гиршберг. Он—революционер до мозга костей—человек действия. Морализировать, когда льется кровь, его недостойно: он подходит к вопросам практически. В борьбе дело решается силой. Ее нужно организовать, нужно подготовить рабочих к восстанию. Это возможно при наличии крепкой конспиративной парт. организации. Нужно оказать помощь заключенным, их семьям, семьям бежавших, спасти оставшихся, снабдить документами и квартирой. Взяться за дело могут люди, нескомпрометированные на месте. Тов. Гиршберг быстро ориентируется и начинает принимать самое серьезное участие во всей этой работе, он попадает в подпольный комитет. Но на-ряду работает и в профсоюзе Игла, как секретарь. Связывается с револ. рабочими, руководит их борьбой с наглеющими предпринимателями. Проходит в сов. профсоюзов, а также в Самарский Сов. Раб. Деп. Здесь он нелегально вместе с несколькими другими т.т. идейно возглавляет револ. оппозицию против меньшевиков. Он горит в работе, поглощается ею. И при всем том голодает, ходит оборванный, не позволяя себе использовать ни одной копейки из партийной кассы. Вечная угроза арестов, бродяжничанье с квартиры на квартиру. Здоровье несколько пошатывается, но он не поддается, и как только на очередь становится серьезное поручение связаться с сибирскими подпольными организациями и создать таковые там, где их нет, он первый вызывается и едет его выполнять. Связавшись с Сибирью, он осел на границе, в Челябинске, где развил энергичную деятельность. Занятие Самары советскими войсками прерывает с ним связь. Лишь однажды прорвалась открытка через границу. И ни слова о себе. Лишь одно требование прислать «Сашу», т.-е. печатника для типографии.

Перед казнью смотрит бодро. Просит — «передайте моим товарищам, что меня расстреляли». Он один из тех светлых типов революционеров, которые, восприняв великие идеалы рабочего класса, забывают себя, растворяют и сливают свое личное в общем могучем социальном порыве, один из энтузиастов, способных к героизму, но вместе с тем и к кропотливой незаметной организационной работе для торжества все той же идеи. Кристально-чистый человек, идеалист в лучшем смысле слова, прекрасный, чуткий товарищ, самоотверженный, сознательный, выдержанный революционер, — вот основные его черты.

Ф. Шуцкевер.

ГЛАДИЛОВ-КОВЕЦКИЙ Константин, — вышел из буржуазной семьи. Товарищ Гладилов-Ковецкий был учеником VII класса X гимназии. Еще на школьной скамье он стал коммунистом. В начале 1919 года тов. Гладилов бросает гимназию и поступает на военно-хозяйственные курсы, откуда он переводится на артиллерийские курсы.

При поступлении на эти курсы врачи нашли товарища Гладилова больным, и ему было отказано в приеме. Тов. Гладилов не успокаивается, он отправляется к комиссару курсов и настаивает на том, чтобы быть принятым. «Я — коммунист и должен быть в первых рядах, — говорит он, — я обещаю вам никогда не жаловаться на свою болезнь». Он принят на фронт. Здесь он в первых рядах, он ободряет товарищей своим примером. Когда вызываются добровольцы, чтобы итти на деревню Новое Катлино, товарищ Гладилов вступает в этот отряд добровольцев и погибает от шальной пули. («Б. Правда» № 49 от 1 октября 1919 г.)

ГЛОДСКИЙ, ** —командир бронепоезда имени тов. Рарио. 31 августа 1920 г. команда бронепоезда была окружена большими силами противника. Красноармейцы во главе с доблестным командиром Глодским геройски отстреливались до последнего патрона. Не желая сдаваться белогвардейцам, они взорвали машину и погибли на своем славном посту. («Красный воин» № 202 от 12 сент. 1920 г.)

ГЛУБОКОВ, ** —член Ольгинского уездн. Исполкома, убит японцами в 1920 г. («Партизанск. движ. в Приморск. Обл.» А. Яременко, помещ. в «Прол. Рев.» № 7.)

ГЛУШИЦКИЙ ** **Р.**,—поэт. Умер в 1918 г. от голодного тифа. («Кузница», октябрь 1922 г.)

ГЛУШКОВ Антон Кузьмич, — старый партийный работник. Печатник по профессии, он вышел из рабочей среды и чуть ли не с детства стал в ряды борющегося пролетариата. При царизме он часто судился и томился в Сибири. Возвратившись после февральского переворота из Сибири, тов. Глушков вступает в кипучую партийную работу в гор. Таганроге, в то время еще в объединенную с меньшевиками организацию социал-демократов, откуда вскоре отделяется большевистское крыло под председательством тов. Глушкова. По восстановлении в Таганроге Советской власти тов. Глушков избирается председателем Сов. Раб. Деп. и ведет энергичную работу в Совете и в Комитете партии. С приходом немцев в Донскую область Таганрог эвакуируется, и тов. Глушков отступает с войсками Красной армии на Кавказ, где в Пятигорске издает «Солдатскую Правду». Беспрерывные переходы и передвижения с армией пагубно отразились на слабом здоровье тов. Глушкова, он заболел тифом, потом получил туберкулез позвоночника и 5 июня 1919 года скончался. («Правда» от 22 июля 1919 г.

ГЛУШКОВ Яков,—пал в бою под Псковом в конце сентября 1919 года. («Б. Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.)

ГЛЯМЖО Петр Михайлович («Петя»), — 23 лет, беспартийный, студент, в чине поручика. Был начальником партизанского кавалерийского отряда, пользовался большой популярностью среди партизан, честный, самоотверженный и преданный делу революции. Погиб в лесу от ранения в 1920 году в июне. Родом из Пятигорска.

ГНЕВИЧ (ФАБЕРКЕВИЧ),—старый польский коммунист, постоянный долголетний сотрудник большевистской «Правды»; убит белогвардейцами в Польше в январе 1919 года.

ГОДОМСКИЙ Александр,—инструктор команды разведчиков Варшавского красного полка, пал на боевом посту в апреле 1918 года.

ГОЙ Лука,—рабочий, организатор библиотеки-читальни в рабочем районе, анархист. Познакомившись с жизнью подпольной организации коммунистов ближе, он перешел в Р.К.П., принимал деятельное участие во всех боевых выступлениях отряда зеленой армии, работая в армии в качестве начальника разведки; отличался самоотверженностью и преданностью делу. Убит в бою с карательным отрядом белых в сентябре 1920 года.

ГОЛЕВ, ** — милиционер, убит в декабре 1921 г. при перестрелке с бандитами в д. Сорокопенно, Старорусск. у Новг. губ. («Вел. Кр. Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

ГОЛОВАНОВ, ** —См. **Уткин.**

ГОЛОДЕЦ ** **Яша**, — студент коммунистического университета имени Свердлова, 10 марта 1921 года в 4 верстах от м. Озаричи, Бобруйского уезда, пал от руки бандитов.

Родившись 22 марта 1901 г. в маленьком местечке в средней зажиточной семье, он в поисках знаний, мальчиком около десяти лет, уезжает в г. Бобруйск заниматься в «ешиботе». Сухая схоластика и гниль среды, в которую он попал, отталкивают его. Он берется за изучение гимназических предметов. Но голодная жизнь вынуждает его бросить учение и поступить на службу. Яша начинает работать по профессион. движению, организовывает союзы и ведет революционную работу среди крестьянства. В 1918 году он вступает в ряды Коммунистической Партии и всей душой предается делу партийного и советского строительства. Организует в 1918 году комячейку в Озаричах, работает в Донбассе и в Красной армии. На этом пройденном пути, на различных ступенях партийного и советского аппарата, от председателя профсоюзов до старосты коммунистического университета, везде он был самым бесстрашным, преданным и честнейшим революционером.

Вспоминается юго-западный фронт: Казатин, Бердичев и целый ряд пунктов правобережной Украины, где Яша проявлял чудеса храбрости. Имя его стало живым воплощением беззаветной храбрости, и этот Яша становится жертвой бандитов. По дороге домой из Москвы после выступления в м. Волосовичах он был зверски убит из засады бандитами Савинкова, оперировавшими в Белоруссии («Бобруйский Коммунист»).

Труп убитого тов. Голодца в течение десяти дней энергично разыскивался частями особого назначения и местным населением. По нахождении, труп при большом стечении всего населения предан земле в м. Озаричах, Бобруйского уезда.

ГОЛОЩАПОВ. ** — См. **Аппельбаум.**

ГОЛУБЕВ, — коммунист, командир роты, убит в бою под деревней Собицы в октябре 1919 г. («Б. Правда» № 20 за 1919 г.)

ГОЛУМБ ** **Гдалий.** — В средине сентября 1920 г., с поезда с перебежчиками на ст. Черновской семеновцами был снят молодой сибирский поэт Гдалий Голумб, пытавшийся пробраться в Верхнеудинск. Семеновские офицеры увели т. Голумба в броневик. За попытку дезертировать с военной службы он был расстрелян на ст. Черновской. Тов. Голумб примыкал к партии левых эс-эров и, как поэт, подавал большие надежды. («Боец» № 116, 3 октября 1920 года.)

ГОЛЬДБЕРГ, — рабочий-кузнец, член РКСМ Рогачевской организации с 1920 г., умер на фронте от тифа. («Набат Молодежи» № 46 от 18/II 1923 г. г. Гомель.)

ГОЛЬДБЕРГ ** **Владислав Александрович** (псевдоним революционный и литературный **Кобылянский**, в товарищеской среде—«Владек»),—родился в Варшаве в 1876 или 1877 году в интеллигентной семье; два старших брата его—литераторы, один работал в Париже, другой в Варшаве. По слабости здоровья Вл. Ал. мало учился в школе, но проявлял уже в детстве большие способности и живой, энергичный темперамент. Знакомство с польской литературой, историей революционной борьбы Польши за свою независимость сделало его еще в юные годы бунтарем-революционером. Он заметил глубокую перемену, начавшую выявляться в развитии революционных идей в Польше в связи с переходом производственных отношений в стране от феодализма к капитализму; понял, что идеал независимой Польши, являвшийся путеводной звездой прежних польских революционеров, отжил свое время, что идея политической свободы неразрывно связывается с социалистическими стремлениями трудящихся.

Во второй половине 80-х годов, благодаря сильному подъему промышленности в Польше, появилось и рабочее движение. Владек нашел благодарную почву для приложения своих молодых сил и проявления своей порывистой, буйной энергии. С 14-летнего возраста он забрасывает учебники и школу и отдается работе в подпольных кружках. К началу девяностых годов рабочее движение в Польше стало складываться по двум главным направлениям: оппортунистическому (П.П.С.)

и пролетарскому (с.-дем. Польши и Литвы); кроме этого существовало и третье течение, ставившее себе целью с помощью наличного польского пролетариата и в связи с русской «Народной Волей» путем террора непосредственно свергнуть царизм; сторонники этого течения образовали организацию «Пролетариат», к которой и примкнул молодой Владек. За участие в демонстрации, устроенной несколькими рабочими кружками на р. Висле в «Иванов день» (в июне 1893 г.), он был арестован и, просидев 3 года в тюрьме, был сослан административно на 5 лет в Восточную Сибирь, в г. Верхоленск, Иркутской губ.

В первый же месяц своего пребывания в тюрьме он перенес тяжелое испытание, отразившееся на всей его последующей жизни. Жандармский офицер, ведший следствие по его делу, полагал, что от 16-летнего мальчика он узнает обо всех участниках кружков, в которых он состоял, и, заметив его упорное молчание, решил угрозами и репрессиями заставить его говорить. Владек на угрозы ответил руганью. Его посадили в карцер. Тогда он начал голодовку. Он голодал до тех пор, пока тюремный врач не обратил внимание следователей на то, что он при смерти. Боясь ответственности, следователь обещал больше не беспокоить его и предложил ему свидания с родными и книги из тюремной библиотеки, которых он его раньше лишил. Владек потребовал и письменные принадлежности, не полагавшиеся ему по тюремной инструкции, и своей решимостью добился и этого. Эта борьба за свою революционную честь стоила ему здоровья: в результате двухнедельной голодовки он заболел. Вскоре обнаружилось, что это—туберкулез, прочно привившийся к расшатанному молодому организму в условиях тюремной обстановки, преследовавший его неотступно в течение дальнейших 25 лет его жизни и сведший его в могилу.

В. Гольдберг.

Этой дорогой ценой юноша купил свое право на звание революционера, и этому званию он остался верен до конца жизни. Впоследствии он этот случай из своей жизни изложил в беллетристической форме. Я видел у него печатный перевод этого рассказа на итальянском языке. Незадолго до смерти он читал мне другое свое произведение, где в прекрасной, поэтической форме изображены муки революционера, прикованного неизлечимым недугом к кровати. Смутно припоминаются мне и рукописи его, посвященные общественной жизни Италии и научному исследованию о Франциске Ассизском.

В верхоленской ссылке, где я провел с ним около 4 лет, он принимал живое участие во всей внутренней жизни ссылки и занимался самообразованием, но уже здесь он значительную часть времени болел. Период его жизни от 1901 до 1917 года я знаю плохо. Первые годы по возвращении из Сибири он участвовал в организации «Пролетариат», писал в органе этой организации, часто ездил за границу за получением нелегальной литературы и нелегально работал в Польше. Усилившаяся болезнь не позволила ему, однако, вести подпольную работу. Она приковала его к санаториям для чахоточных в Италии и Швейцарии, и в них он проводил почти все свое время. Здесь он познакомился с политической жизнью Европы, а в короткие промежутки, когда болезнь не мешала работать, он жил в Париже и Риме, вращаясь в парламентских сферах и занимаясь писанием корреспонденций для польских газет о политической жизни Европы, — и из него выработался блестящий журналист.

После февральской революции он поехал в Россию, хотя ясно сознавал, что по состоянию здоровья ему нельзя было этого делать. Он не был тогда еще большевиком и примкнул к меньшевикам-интернационалистам. Он поселился в Крыму, где провел целый год до падения там Советской власти (летом 1918 г.). Когда прочно засевшие в Крыму меньшевики и эс-эры начали борьбу с большевиками, Владек сначала инстинктивно, потом сознательно выступил против предателей революции и незаметно для себя стал большевиком. Вместе с небольшой горстью большевиков он, забыв о своей болезни, без отдыха работал по организации Советской власти, писал в большевистских газетах Симферополя, Севастополя и Ялты, вел усиленную пропаганду и агитацию большевизма среди матросов Черноморского флота и пользовался у них большим успехом.

Он основал газеты «Ялтинская Газета» и «Таврическая Правда», участвовал в организации вооруженных большевистских сил и, в качестве комиссара по просвещению, был членом крымского Советского правительства. Он оставил Ялту за 4 часа до занятия ее немцами и до последних дней верил, что Крым скоро опять соединится с Россией. Из Крыма через Сев. Кавказ, с тревогами и опасностями, он пробрался в Москву. Тяжелые в продовольственном отношении условия московской жизни отразились на нем: он часто голодал. Прикованный болезнью к постели почти $^1/_2$ года, Владек жил только революцией, думал только о ней. За несколько часов до смерти он казался помолодевшим при известии о революции в Венгрии. В предсмертном бреду он разговаривал с т. Лениным о планах революционной борьбы. Он умер 25 марта 1919 года. *И. Антокольский.*

ГОЛЬДГАМЕР Владимир Владимирович,—помощник командира 2-го Московского революционного полка, вр. исп. обяз. командира полка. Он явился в Замоскворецкий военный комиссариат в марте 1918 г., в то время, когда немцы лавиной вели наступление по всему фронту, и заявил, что он участвовал в калединских рядах в бою против советских войск, но это было заблуждением, и теперь, поняв свою ошибку, он хочет службой в советской армии загладить свою вину. Он был принят рядовым красноармейцем в 1-й Замоскворецкий отряд, который затем с 2-м полком выбыл на фронт. В Москве, а особенно на фронте, тов. Гольдгамер выдвинулся своей энергией, храбростью, боевым опытом и вскоре был назначен инструктором, затем помощником командира полка и, в отсутствие командира, в самое тяжелое время командовал полком.

В походах и в сражениях Владимир Владимирович проводил время с товарищами-красноармейцами, а в бою, в самых опасных местах появляясь без страха, умел воодушевлять и поддерживать бодрость полка. Прибывшие в Москву в командировку раненые, отпущенные по болезни красноармейцы 2-го полка с болью, некоторые со слезами, рассказывали о гибели любимого ими начальника.

Владимир Владимирович был убит под Сызранью после взятия города нашими войсками, когда соседние части отступили, а т. Гольдгамер со своим полком, уже обойденный противником, держался на своих позициях. Чехо-словаки подошли на расстояние 20 сажен; 2-й полк готовился к штыковой атаке; чехи кричали: «Банда, бросай оружие!» Услышав их крик, тов. Гольдгамер, обратившись к своим с криком: «Товарищи, мы не банда, мы солдаты советской армии!» — хотел броситься вперед, но упал, раненый пулей. В это время полк, окруженный с различных сторон, начал отступление. Солдаты пытались унести своего командира, который просил их пристрелить его. Передают, что Владимир Владимирович покончил с собой выстрелом из револьвера. («Изв. Наркомвоен» № 107 от 31 августа 1918 года.)

ГОНЧАРИК ** **Борис,** — коммунист-агитатор, командир отряда, погиб в боях против англичан на Северном фронте.

У деревни Анциферовской он, как всегда, командовал разведкой. Раненый в ногу, лежа, продолжал стрелять. На замечания товарищей выйти из цепи, он ответил: — «Ничего, товарищи, стреляйте». Вторая пуля попала в грудь и убила его. Деревня Анциферовская была взята партизанами, но неудача на западном фланге заставила нас отступить спешно, и труп товарища-героя остался у белых. («Золотая доска», издание «Товарища красноармейца».)

ГОРБАНЬ ** **Федор Иванович**, — убит чехо-словаками при взятии Новониколаевска в 1918 г., член Новониколаевского Совета. Федор Иванович прожил около 30 лет, родился в селе Головко, Чигиринского уезда, Киевской губернии, в бедной крестьянской семье. В детстве отличался бойкостью и умом, и отец послал его в школу. Бездетный и состоятельный дядя Данило полюбил способного Федю и по окончании им народной школы послал его учиться в сельско-хоз. училище. В училище был кружок, занимавшийся агитацией среди крестьян, и в нем горячее участие принимал Федор. Под влиянием его агитации сельско-хозяйственные рабочие стали предъявлять экономические требования помещикам. Власти заволновались. Волостной старшина послал к родителям Федора стражников предупредить их, что он будет расстрелян, если не уймется. Вскоре его и еще 3-х товарищей из кружка арестовали и отправили в Киевскую тюрьму. Продержали 4 месяца. Федору было тогда 18 лет. Он поехал в Одессу и поступил на механический завод Бемера (под кличкой Федора Бемерского он был известен в Одессе). Администрация завода ненавидела его за его революционную работу среди рабочих, но боялась уволить, видя его боевое настроение и популярность среди рабочих. После года работы на заводе он был арестован и просидел 10 месяцев. По выходе из тюрьмы долго бедствовал, пока не поступил матросом на пароход. Среди матросов настроение было боевое, революционное. Федор чувствовал себя хорошо в этой среде и энергично работал по получению нелегальной литературы из-за границы. Во время восстания на «Потемкине» поддерживал живую связь с восставшими. Когда началась общая забастовка матросов, Федор, сильно избитый, был арестован и отправлен в тюрьму в Могилев. Здесь он от побоев несколько месяцев пролежал в больнице; просидел в тюрьме 1 год 3 месяца. Через несколько месяцев по освобождении был снова арестован в Харькове и отправлен в Архангельскую губернию на 4 года. Бежал из ссылки и вернулся в Одессу. Здесь он много страдал от безработицы и необходимости скрываться от полиции. Революционная работа среди одесских рабочих была отравлена провокациями полиции, стремившейся задушить рабочее движение подкупами и проповедью эксов. Федор почувствовал себя в затхлой атмосфере предательства и разврата, — ближайший его товарищ Данило Спиридонов оказался провокатором. Федор был арестован на улице и после 9-месячного пребывания в тюрьме вышел совершенно разбитым. Вскоре был сослан в Сибирь в Нарымский край.

До высылки в Сибирь Федор был анархистом по убеждениям. Деморализация, внесенная эксами, сильно его беспокоила. Большевиком он стал в ссылке в Сибири. Когда царизм был свален, он стал работать в советских учреждениях Сибири. Письма его к жене того времени свидетельствуют, что он вполне проникся большевистским мировоззрением и сознанием громадной ответственности, которую взяли на себя сознательные рабочие. (Сведения сообщены женой т. Горбаня.)

Воспоминания о тов. Федоре Горбане.

Я близко знал т. Федора Горбаня в ссылке в Нарымском крае, а потом вместе с ним скитался по Сибири и работал вместе на заводах. Он был беспримерен по своей преданности рабочему классу. Я знал его уже физически надорванным, но не жалевшим сил и клавшим их на дело движения. Выполняя тяжелый заводский труд, часто ломовой, имея двух детей, он не мог создать даже элементарного житейского уюта, а лишь работал и работал. Превратился он из анархиста в большевика после тяжелых внутренних переживаний, сопровождавшихся рыданиями... Два слова о внешности. Высокого роста, силач, почти Голиаф, и в то же время добрейшей души и скромница. *А. Гастев.*

Впервые я познакомился с т. Федором Горбанем в Одесской тюрьме в 1911 году. Его арестовали несколькими днями позже меня, примерно, если память мне не изменяет, в ноябре 1911 года, при чем, как всегда в таких случаях, мы познакомились обычным тюремным способом, т.-е. перестукиванием через стенку. Горбань был анархистом. Он произвел на меня самое выгодное впечатление не столько теоретическими познаниями, которыми он не был богат, сколько непосредственным душевным подходом к человеку, в данном случае ко мне. Тем более это на меня произвело выгодное впечатление, что в те времена он был лет на 6—7 старше меня и мог оказать то необходимое благотворное влияние, в котором нуждается молодой человек, впервые садящийся в тюрьму. Затем он был куда-то увезен ночью и я не имел о нем сведений уже до 1914 года. В начале 1913 года я был выпущен на свободу, но тов. Горбаня в Одессе найти не мог, точно так же мне не удалось установить, где он в те времена находился. Снова я встретился с Федором в Нарымском крае в начале 1914 года, при чем в тот момент, когда я туда приехал, Федор уже там находился. Если я не ошибаюсь, он прибыл туда вместе со своим товарищем Терентием Головковым, тоже анархистом. В ссылке тов. Горбань принадлежал к той категории ссыльных, которые могут быть названы «вечными смутьянами». Даже для нарымской ссылки, которая была известна своей непокорностью властям и которая фактически держала в своем подчинении всю местную полицию, Федор считался одним из тех, которые более всех ревностно защищали права и неприкосновенность ссыльных. Постоянные столкновения с полицией приводили к неоднократным репрессиям над ним. Вместе с тем Федор довольно усиленно старался пополнить свои знания. Будучи к нему довольно близок и встречаясь довольно часто, я могу сказать, что во время войны, в ссылке, Федор почувствовал полный распад старой социалистической мысли и вместе с тем банкротство идеи анархизма. Он неоднократно мне говорил, что перед фактами измены западных социалистов и анархистов, перед фактом перемены взглядов Кропоткина бледнеют различия между стремлениями, как он выражался, настоящих анархистов и «пораженцев большевиков». Поэтому перед ним стал вопрос о необходимости объединения всех социалистических антивоенных сил. В начале осени 1916 года я бежал из Нарымского края и об его работе после моего побега не могу дать точных сведений.

Ф. Горбань.

После революции я встретился с тов. Горбанем на 3-й Всероссийской Конференции Профсоюзов в июне 1917 г., куда он приехал делегатом из Сибири. В это время он был уже большевиком вместе с целым рядом других товарищей.

А. Гольдман.

С тов. Горбанем я познакомился в начале мая 1917 г. в Новониколаевске, куда он переехал из ссылки после свержения царизма. Мне памятен период «займа свободы», когда Горбань на всех митингах горячо протестовал против войны. В ноябре того же года он вместе с другими товарищами, вернувшимися из ссылки, организовал в Новониколаевске Советскую власть, был членом Исполкома и комиссаром Отдела Труда. Без отдыха работал он по организации и строительству власти трудящихся.

В ночь на 25 мая 1918 г. продвигавшиеся по Сибирской магистрали чехословаки, поддерживаемые местными эс-эрами и меньшевиками, совершили переворот и в Новониколаевске. Аресту подвергались стоявшие у власти большевики.

Горбаню вместе с Дьяковым удалось скрыться и уплыть на лодке вниз по Оби. Но на ст. Болотном они были задержаны и доставлены в город; их поместили в арестном доме, где вместе со мною находилось уже 37 человек. В городе образовалась комиссия из меньшевиков и эс-эров для разбора дел арестованных. Военная клика, желая поскорее расправиться с большевиками, на рассвете 3 июня ворвалась в помещение арестного дома и увела первую группу наиболее видных советских работников. Не прошло 10—15 минут, все уведенные по дороге к военному городку были расстреляны. Вместе с Горбанем погибли Серебренников, Шнурыгин, Петухов и Полковников. (Сообщил М. А. Коробкин-Спиридонов.)

ГОРБАЧЕВ, — командир Титовского полка, погиб в бою с восставшими бандитами под Новочеркасском в апреле 1918 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 89/344 от 23 апреля 1918 г.)

ГОРБАЧЕВ ** Петр Сергеевич,—крест. с. Владимиро-Александровского, Приморск. обл., умный, с кристаллически-чистой душою. После многих поисков его поймали колчаковцы и замучили. Били железным ломом по голове, взбешенные его хладнокровием и молчанием. Он не отвечал на допросах. Резали уши, язык, выкалывали глаза и, наконец, пристрелили и бросили в реку Сучан, запретив хоронить обезображенное тело, когда его выбросило волной на берег. Погиб в 1919 г. (Сведения взяты из ст. А. Яременко «Партизанское движение в Приморск. обл.», «Пролет. Рев» № 7.)

ГОРБУНОВ. — См. **Ремтер.**

ГОРБУНОВ Андрей Иванович. — Революция 1905 г. застала его на военной службе в Закаспийском железнодорожном батальоне. За участие в военном восстании (в Кушкинской крепости или в Чарджуе) он был предан военному суду, но последним был оправдан. До 1912 г. он работал в качестве слесаря на текстильной фабрике, кажется, в Серпухове, откуда был уволен, если не ошибаюсь, за хранение револьвера. После довольно продолжительной безработицы ему удалось поступить слесарем в депо Моск.-Киево-Воронеж. ж. д. Здесь он в том же 1912 г. организует нелегальную кассу взаимопомощи, ставящую своей задачей помощь пострадавшим от тех или иных репрессий рабочим, а в 1913 г. одним из первых среди железнодорожников-брянцев вступает членом в профессиональный союз металлистов «Единение».

В 1915 г. тов. Горбунов принимает участие в создании в Дорогомилове рабочего клуба «Разумный Отдых», существовать которому полицейские преследования не давали возможности, а в конце года вступил в нелегальный революционный кружок, организовавшийся среди учеников Дорогомиловских классов для рабочих. В 1916 г. он принимал деятельное участие в работе Дорогомиловского рабочего потребительного общества «Наша Лавка», где вскоре был выбран председателем правления. В марте 1917 г. тов Горбунов вступает в ряды партии большевиков, организует ячейку на Брянском вокзале, а после создания железнодорожного района избирается в члены комитета жел.-дор. района и бессменно в течение двух лет занимает пост председателя подрайонного комитета Моск.-Киево-Ворон. ж. д. В сентябре по списку большевиков он проходит в члены Хамовнической районной думы.

После февральского переворота он избирается членом комитета служащих и рабочих ст. Москва М.-К.-В. ж. д., членом Совета Рабочих Депутатов моск. жел.-дор узла и членом участкового правления проф. союза жел.-дор. мастеровых и рабочих. В октябрьские дни он входит в Ревком на ст. Москва М.-К.-В. ж. д, и остается его председателем во все время существования Ревкома. При первых после октября выборах он избирается членом Московского Совета Раб. и Кр. Деп. и остается им бессменно до дня смерти.

В начале марта 1919 г. тов. Горбунов заболел тифом и 14 марта скончался. (Из газеты «Октябрь 1917 года в Хамовниках», изд. Хамовнического районного комитета Р.К.П. 7 ноября 1921 г.)

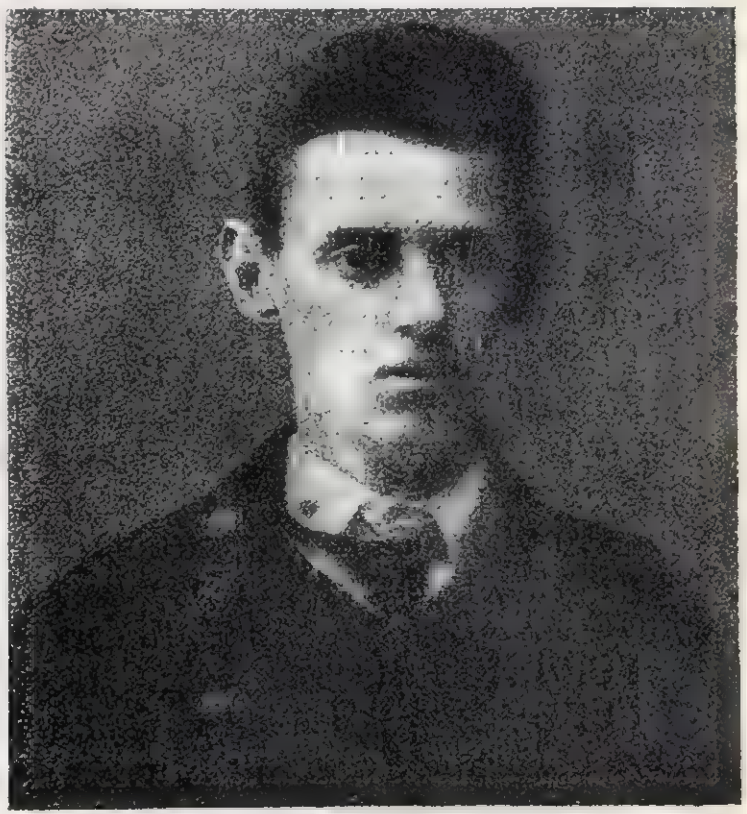
ГОРБУНОВ ** Василий Ефимович. — См. **Симоненко.**

ГОРБУНОВ Сергей. — См. **Подтелков.**

ГОРБУНЦОВ Иван, — член Р.К.П., активный работник, заведывал политпросветом и работал в военном комиссариате в г. Козьмодемьянске, Марийской области; состоял в чрезвычайной тройке по борьбе с бандитизмом. Около 20 августа 1921 г., при возвращении с областной Марийской партийной конференции, убит в лесу выстрелом в голову бандитом, отомстившим ему за расстрелянного по его настоянию брата, тоже бандита. (Свед. даны т. Кузнецовым.)

ГОРВИЦ ** **Александр,** — зверски убит в Киеве в январе 1918 года в дни восстания киевск. пролетариата против Ц. Рады.

Товарищ Саша, как называли его все товарищи, погиб совсем юным — 19 лет.—Будучи еще в гимназии, он обращал на себя внимание своими незаурядными способностями и глубоко вдумчивым отношением к окружающей жизни. В последних классах гимназии он вошел в политический кружок и усиленно занялся своим самообразованием. По окончании гимназии, 16 лет, ушел из дому, тяготясь буржуазной обстановкой семьи—отец киевск. коммерсант—и отказался от материальной поддержки родных. Поступив в казанский университет, он в 1915 году вошел в студенческую группу с.-д. интернационалистов. Февральский переворот застает его в Киеве, где он связывается с организациями с.-д. б-ов и энергично принимается за работу.


А. Горвиц.

Серьезная подготовка в области теории марксизма и неиссякаемая энергия в повседневной работе организации быстро выдвинули его, и на апрельской общегородской парт. конференции он избирается в киевск. комитет, а позднее и в Совет Раб. Депутатов. В киевск. комитете он был одним из активнейших членов его и проходил во все составы комитета вплоть до конца 1917 года. В то же время он состоял членом комит. Печерского района — крупнейший чисто пролет. район,—и одним из организаторов его, руководил работой этого района и был в нем постоянным и любимым докладчиком. Кроме чисто комитетской работы и постоянного сотрудничества в парт. киевской газете, он вел громадную работу в массах, числился неутомимым агитатором и пользовался авторитетом и влиянием в среде киевского пролетариата. Но молодость и отсутствие навыков работы в рядах с.-д. б-ов давали себя чувствовать при решении вопросов нашей тактики, и он числился в правой части киевск. комитета. В начале ноября при обсуждении форм борьбы с Ц. Радой он, вместе с частью других комитетчиков, выступил с решительным протестом против вооруженной борьбы с Ц. Радой и переброски советских войск в Киев. На краевой парт. конференции был контрдокладчиком от протестовавшей части комитета по вопросу об отношении к Ц. Раде и был проведен в краевой комитет от киевск. комитета.

После срыва Ц. Радой Всеукраинского Съезда Советов Р., К. и С. Депут.— 6 декабря—и открытого ее выступления против рабочих и советских войск он лихорадочно начинает проверять занятую им позицию и уже в середине декабря приходит к решению, что допустил грубейшую политическую ошибку. Полная беспомощность разоруженного киевского пролетариата, невозможность сопротивляться против наглых насилий, чинимых Ц. Радой, болезненно обостряют сознание допущенной ошибки, — появилась неуверенность в себе, и он начал воздерживаться при решении вопросов в комитете. В конце декабря он выезжает в Харьков, где на заседании краевого парт. комитета искренно сознается в своих заблуждениях, заявляет, что не пригоден для работы в комитете и просит перевести его на техническую хозяйственную работу. Он твердо стоял на своем решении уйти от руководящей партийной работы, и президиум краевого комитета направил его в област. экономический Совет в Харькове. Но когда получились известия, что киевск. комитет принял решение о немедленном вооруженном выступлении против Ц. Рады, тов. Горвиц стал горячо убеждать товарищей отпустить его в Киев. Никакими уговорами его нельзя было заставить отказаться от этой мысли. Чувствовалось, что он горит желанием загладить свою ошибку перед киевским пролетариатом. После его упорных просьб он был делегирован в Киев с поручением от краевого парт. комитета. 10 января он выехал из Харькова в Киев. Прощаясь перед отъездом, горячо пожимая мне руку, он глубоко взволнованным голосом сказал:—«Клянусь вам, я сумею загладить свою ошибку».—В Киев он пробрался уже к моменту восстания.

По рассказам товарищей-киевлян, тов. Саша все дни осады арсенала боролся вместе с осажденными, был ранен и при разгроме арсенала скрылся вместе с тов. арсенальцами. Но в ту же ночь, когда он пробирался в Подольский район, его поймали гайдамаки и после зверских избиений потащили к Днепру с криками:—«Нужно жида крестить!» Пробив лед, опускали его с головой в прорубь, потом, подняв вверх, избивали и снова опускали. При занятии Киева Советскими войсками труп тов. Горвица нашли на берегу Днепра.

Е. Б.

ГОРДЕЕВ Яков.—См. **Подтелков.**

ГОРЕЛИК Моисей-Виктор,—29 лет, рабочий, член Крымобласткома (подпольного), начальник подпольной партийной контр-разведки, политком 1-го отряда зеленой армии. Последние годы до Крыма работал в Екатеринославе. Честный, преданный работник. Казнен в Симферополе в мае 1920 года.—См. **Зиновьев.**

ГОРЧАКОВ. **—См. **Уткин.**

ГОРШКОВ,**—челябинский рабочий, арестованный колчаковцами, находился в Тобольской тюрьме. 18 октября 1920 г. был одним из руководителей восстания заключенных в Тобольской тюрьме и массового побега из нее. Он был в числе тех 80 товарищей, которым удалось бежать из тюрьмы, но вскоре был убит разъездом милиции в лесах около Тобольска. (Сведения взяты из ст. Вл. Карма—ева «Восстание в Тоб. кат. тюрьме», помещ. в «Октябрьском сборнике».)

ГОРШКОВ Кузьма.—См. **Подтелков.**

ГОРЯЧЕВ ** **Василий Филиппович,**—18 лет, переводчик типографии бр. Менерт в Москве, состоял в организации молодежи Замрайона. Убит 2 ноября 1917 г. выстрелом с кремлевской башни. (Свед. взяты из сб. «Братская могила».)

ГОСТИЕВ Андрей, — расстрелян белогвардейцами.— См. **Цаголов.**

ГОЩИНСКИЙ Юлиан Феликсович, — член президиума Благуше-Лефортовского районного Совета г. Москвы, умер 6 мая 1919 года.

ГРАВИТ Август Германович, — сын рабочего с завода Пирвица в г. Риге. По окончании реального училища, несмотря на страстное желание изучать любимые им естественные науки, тяжелые материальные условия рабочей семьи вынуждают его поступить на службу в качестве конторщика на тот же завод Пирвица, где работал и его отец. Здесь он, благодаря незаурядным способностям, быстро вникает во все тонкости капиталистических махинаций по эксплоатации рабочих и без колебаний становится на сторону угнетаемых и эксплоатируемых. С первых же шагов своей общественной работы он приходит к убеждению, что главный враг рабочего не капиталист, а невежество самого рабочего, который вследствие своей темноты защищает своих врагов и враждует со своими друзьями.

И вот Август Германович со всем пылом молодости и веры в великую силу знания развивает энергичную работу по организации среди рабочих разного рода просветительных кружков. Его деятельность не ограничивается только своим заводом: на соседних заводах среди рабочих он является желанным гостем; там он— и организатор, и лектор, и руководитель.

Развитый не по летам, с замечательным тактом и на редкость искренний,— он быстро приобретает широкую популярность среди рабочих и становится их лучшим другом и руководителем. Призыв в 1915 году отрывает его от родной семьи рабочих и бросает в казармы.

Революция застает его в роли ротного командира. С самых первых дней революции т. Гравит решительно и открыто становится в ряды передовых борцов за революцию. Солдатскими голосами он избирается в члены полкового комитета и целые дни и ночи проводит в казармах среди солдат, где его слова считаются неопровержимой истиной.

Когда перед Омским военно-окружным комитетом встал вопрос о назначении стойкого комиссара в Тобольск к Николаю Романову, выбор останавливается на Августе Германовиче. Но организовавшаяся к этому времени отечественная контрреволюция на границах Монголии и Маньчжурии вынудила военно-окр. комитет назначить его вместо Тобольска комиссаром омского топографического отдела, в котором в это время была сосредоточена заграничная разведка и получались сведения на английском, французском и немецком языках, а Авг. Герм. достаточно владел этими языками.

По расформировании военно-окружных учреждений он переходит, как член редакционного коллектива, в редакцию журнала «Западная Сибирь» и избирается постоянным секретарем пленума Зап.-Сибирского комитета Советов. В журнале, кроме общей работы в редакции, он ведет отдел обозрения иностранной политики, и его статьи под псевдонимом «Интеграл» являются лучшими по своему содержанию и вере в великую победу мировой революции не только в своем журнале, но и во всей тогдашней периодической прессе Западной Сибири.

Выступление по Сибирской ж. д. контр-революции совместно с чехо-словаками отрывает его от редакции, и он становится постоянным секретарем Запсибсовдепа и секретарем заседаний мирных переговоров этого Совдепа с представителями чехо-словаков. Много тяжелых переживаний выпало на его долю на этих провокационных заседаниях. Своим тонким революционным чутьем он сразу разгадал действительные намерения чехо-словаков и их руководителей французов и в то же время прекрасно понимал бессилие плохо организованной революционной части населения Сибири. Однако и в этот критический для Сибири момент его вера в победу революции ничуть не поколебалась; он везде успокаивал малодушных, доказывая, что выступление чехо-словаков и их успехи являются только одним из эпизодов великой борьбы. В течение семи месяцев господства сибирского правительства, директории и колчаковщины Авг. Герм., не явившись, как офицер, на призыв, скрывается в г. Омске.

В самом начале 1919 г. его арестуют и заключают в Омскую тюрьму. И здесь он не падает духом и ведет определенную политическую работу среди товарищей по несчастью. Но ему не суждено было самому принять участие в великом празднике освобождения Омска. 12 ноября 1919 года в 7 час. утра в смрадные тюремные коридоры ворвались казаки, предшествуемые офицерами, и Авг. Герм. одним из первых был выведен, под дикие крики глумления и издевательств, на тюремный двор. Здесь к нему присоединили еще 39 человек лучших борцов за революцию, связали веревками по 5 человек и начали расправу. Озверелые и пьяные казаки и офицеры срывали с них одежду, шапки, сапоги, били их прикладами и нагайками и с диким хохотом и бранью делили добычу между собой. Закончив дележку, окружили связанных и раздетых узников двумя плотными рядами штыков, поместили спереди и сзади пулеметы и, под вопль, стоны и проклятья родных и знакомых, собравшихся огромной толпой перед воротами тюрьмы, повели их за город в березовую рощу. Здесь раздели их до-гола, уложили на дно глубокого рва лицом вниз и начали их расстреливать, колоть, бить прикладами и рубить. 14 ноября, по приходе красных, изуродованное тело Авг. Герм. было найдено во рву и погребено совместно с другими героями революции в саду дома Республики.

(Из книги «Три года борьбы».) *Коношенок.*

ГРАЖЕНСКИЙ — секретарь уполномоченного Времен. Правительства во Владивостоке, убит в июне 1920 г. в вагоне одновременно с т. Уткиным сотником белогвардейского отряда Кореневым.

ГРАНКЕВИЧ Фаддей Иванович — коммунист московской организации Лефортовского района, погиб в решающем бою под Новохоперском в декабре 1918 г.—См. **Моисеев А. И.**

ГРАНОВСКИЙ — кличка «**Ибрагим**»—член Р. К. П., 23 лет. Работал в Ялтинской организации Р. К. П., был арестован и военно-полевым судом приговорен к смерти. Бежал из тюрьмы, находился в зеленой армии, работал в Керчи как секретарь Керченской организации. Проявлял кипучую деятельность. Ввиду провала Симферопольской организации в апреле, работал в Симферополе секретарем Симферопольск. к-та Р. К. П., но через три недели его работы по провокации Акима был арестован и осужден. Казнен в мае 1920 года. Вместе с ним казнены: **Разумова** («**Соня**»), **Крылов-Соболевский, Просмушкин-Бернадский, Лозинский, Хмельницкий, Никотов, Тимофеев, Ливоненко, Богданов.**

ГРАСИС ** **Анна**,—член Р. К. П. Одесской организации, работница, латышка, участница одесского переворота в январе 1918 года. При занятии Одессы германцами эвакуировалась в Крым, оттуда на Дон и Кубань, все время находясь на первых линиях фронта. Осенью 1918 года около станицы Уманской в Кубанской области была ранена; вследствие отсутствия соответствующего медицинского ухода скончалась и похоронена где-то в Кубанской степи.

Ф. Земит.

ГРАЦИНСКИЙ — был Ржевским уездным военным комиссаром. Погиб 2 сентября 1918 года в борьбе с чехо-словаками.

ГРАЧЕВ ** **Николай**—красноармеец 1-й роты отдельного стрелкового батальона войск обороны ж. д., погиб 8 сентября 1920 г. при наступлении противника в районе станции Жабинка, Александровской ж. д. Смерть т. Грачева произошла при следующих обстоятельствах. Взводы 1-й и 3-й рот названного батальона, прикрывавшие переправу наших войск через реку Мухавец, по окончании переправы вплавь перешли реку под прикрытием пулеметного огня, открытого тов. Грачевым с расстояния в 300 шагов по наступавшему значительными силами противнику, но не успели подать помощи отважному наводчику. Враги бросились на тов. Грачева, но были остановлены его метким огнем. Расстреливаемый в упор, уже раненый, тов. Грачев при повторном натиске был заколот в тот момент, когда, израсходовав все патроны, сбросил пулемет в реку, не желая, чтобы им воспользовался противник. («Правда» № 218 от 1 октября 1920 г.)

ГРИГОРЕНКО — крестьянин Таврич. губ., был командиром эскадрона 42-го конного полка; любимец всего эскадрона за свою храбрость и беззаветную преданность делу. Убит в бою с махновскими бандами под г. Мелитополем.

ГРИГОРЬЕВ — организатор коллектива телефонной сети в Петрограде, умер в ноябре 1919 г. («Петроградск. Правда», 1919 г., № 278.)

ГРИГОРЬЕВ—умер летом 1920 г. Рабочие мастерских Международного О-ва спальных вагонов потеряли одного из самых лучших своих друзей. Всю жизнь свою за время работ в мастерских т. Григорьев провел в борьбе за интересы рабочих, не забывая, конечно, и более широких интересов трудящихся всех стран.

По инициативе т. Григорьева в июле 1917 г. рабочие предъявили требование о повышении заработной платы; общество ответило локаутом, но т. Григорьев не потерялся. Он бесстрашно, при поддержке проф. союза металлистов, повел организованную борьбу. Борьба продолжалась до октября; он неутомимо боролся и со штрейкбрехерами, сумел довести борьбу до конца и получить удовлетворение всех требований рабочих. Эта первая бескровная победа на фронте труда имела громадное значение, ибо показала рабочим, что их сила в организованности.

Харитонов.

ГРИГОРЬЕВ Алексей—интеллигент, петроградский коммунист. В 1918 г. до сдачи Омска был там редактором «Известий» («Революционная мысль»); затем работал в подполье. В 1919 г. расстрелян в Кургане.

ГРИГОРЬЕВ И.—рабочий-металлист, был членом правления о-ва потребителей рабочих фабрик и заводов Выборгской стороны, член правления Петрогр.

союза потреб. о-в. В 1918 г. переехал в Москву, работал в В. С. Н. Х., был мобилизован в Сибирь, где и погиб в феврале 1918 г.

ГРИГОРЬЕВ * **Иннокентий**—20 лет, член штаба, подготовлявшего восстание в г. Томске, был схвачен 4 марта 1919 г. и после двухнедельных пыток судом 19 марта был приговорен к смертной казни.

Воспоминания о И. Григорьеве.

В марте 1919 года в Томске в числе 16 расстрелянных коммунистов, активных членов нелегальной организации, был товарищ Григорьев. Мы его звали Кощей; это было его имя, это была его партийная кличка и в то же время в этом названии сказывалось особое отношение к нему. Молодой, с голубыми глазами, тихий, спокойный, он нес на себе огромную работу, он являлся в то же время душой томской организации. Во время революции он не был заметен, он был в томской Красной гвардии,работал в Военном Отделе Совета Раб. и Солд. Депутатов, и его мало кто знал; и только тогда, когда контр-революция задушила в Сибири Советскую власть, он вплотную вошел в партийную работу, он стал одним из наиболее ценных, незаменимых работников. Тяжелая черновая работа, налаживание связей, организации, техники—все это выполнялось им, и в то же время он являлся связующим звеном; он своей работой служил лучшим примером, который зажигал других энтузиазмом, толкал на активную боевую работу. Прошлое его было связано с революцией, с рабочим движением. Вся семья, из которой он вышел, представляла из себя твердых борцов за рабочее дело, и когда его расстреляли, его 16-летний брат и маленькая сестра продолжали за него его работу, лицом к лицу с врагом в партизанских революционных отрядах. Его честность, его преданность революционной работе были безграничны. В его глазах, во всей его фигуре, в его словах чувствовалась светлая, радостная молодая вера в торжество коммунизма.

В нерадостные черные дни, когда палачи торжествовали, когда 16 человек стояли лицом к смерти, он был все такой же. В тот момент, когда его после невероятных пыток переводили из одной тюрьмы в другую и он едва мог итти, он все-таки поддерживал товарища, который шел с ним рядом. Он радостно, как на борьбу, пошел на муки и смерть, радостно отдавая жизнь за рабочее дело. Это был чудесный человек, мягкий, полный любви к жизни, ко всему хорошему, что должно быть в ней. За его чудесные качества он был чрезвычайно сильно любим своими товарищами. Эта любовь проглядывала и в том, как называли его. Рабочий класс должен сохранить память о нем, о честном борце за коммунизм. (Из кн. Конст. Молотова «Контр-революция в Сибири и борьба за Сов. власть», стр. 44.)—См. **Ильмер Карл.**

ГРИГОРЬЕВ Никандр—комиссар дивизии, при наступлении банд Юденича был захвачен в плен и расстрелян белыми бандитами. Тов. Григорьев хорошо известен печатникам Питера как председатель их союза и организатор первого партизанского отряда печатников во время наступления немцев на Петроград в феврале 1918 года. Став во главе отряда, тов. Григорьев храбро сражался с белофиннами на полях Финляндии, где был ранен. Не вылечившись окончательно от ран, тов. Григорьев, как революционер, снова спешит на Нарвский фронт, участвует в операциях под Псковом и т. д. Беспрерывное участие в боях заставило неутомимого бойца революции слечь на некоторое время. Едва оправившись от болезни, он снова спешит в ряды Красной армии, где его назначили комиссаром дивизии. Тов. Григорьев всегда и всюду был в первых рядах, в первых рядах он и пал. («Б. Правда» № 45 от 28 октября 1919 г.)

ГРИГОРЬЕВА Анна—пала смертью храбрых при исполнении обязанности сестры милосердия в Финляндии 16 января 1918 года.

ГРИНБЕРГ—член 1-го боевого отдела Водотранспорта, убит на фронте под Нарвой. («Петр. Правда» № 281, 1919 г.)

ГРИЦАЙ **—См. **Уткин.**

ГРИШАЕВ **—См. **Мартынов.**

ГРОЗНЫЙ **—См. **Билецкий.**

ГРОМОВ А. — инструктор-организатор политотдела дивизии, погиб на Петербургском фронте в 1919 году. («Б. Правда» № 52, 4 ноября 1919 г.)

ГРОМОВ ** **Александр Ефимович**—пал от руки убийцы 26 июля 1920 г. Т. Громов—крестьянин Ярославской губ. Васильевской волости. С малых лет он должен был покинуть свою родную деревню. Работая затем во многих профессиях, перенося неудачи, он выработал из себя борца за свободу, который был готов все отдать за благо угнетенного народа. В февральскую революцию т. Громов, будучи моряком Черноморского флота, работает среди своих товарищей, стараясь пресечь злостную контр-революционную агитацию на национальной почве между великороссами и украинцами. В октябре он пропагандирует коммунистические идеи. После демобилизации армии и флота т. Громова видят комендантом узловой станции Синельниково на юге России, где он работает с 20-ю товарищами-моряками, задерживая офицеров, бегущих на Дон и в Сибирь с оружием и другим народным добром. Потом он в рядах Красной гвардии бьется с наймитами мировой буржуазии, как на юге, так и на Востоке, в Сибири. Много т. Громов поработал по снабжению армии, где он, как опытный организатор, принес огромную пользу.

В Дальне-Восточную Республику он попал недавно, но и здесь успел зарекомендовать себя. Крестьяне Мухаршибиря и других деревень долго будут помнить молодого «крестьянина», который в ярких речах, без всяких непонятных слов, обрисовывал положение Нар. Рев. Арм. Выполнив свою задачу, т. Громов возвращался в Верхне-Удинск и по дороге, около Вахмистрова, был убит неизвестным. («Боец» № 65, 31 июля 1920 г.)

ГРОТ ** — комполка, курляндский батрак, герой 58-ю Краснознаменного полка. Рабочий лесных промыслов. Побывал на всех фронтах. За подвиги в боях против Колчака был награжден орденом Красного Знамени. Гнал, командуя полком, банды Деникина. Погиб на фронте в борьбе со шляхтой под д. Злодеевым. Тов. Грот был ранен. Ввиду сильного огня его тотчас же унести с поля битвы не удалось, а часа через два его нашли уже бездыханным. Его тело было изуродовано штыками белополяков. Ордена на груди убитого не оказалось. Тов. Грот похоронен в г. Остре, Черниговской губ. («Владимирец на боевом посту», изд. Политотд. 7-й Владимирск. им. Юго-стали див. Полтава 1922 г.)

ГРОШЕВ ** **В.**—19 лет. В 1919 году он был мобилизован в маленькой деревушке Рязанской губ. и отправлен на Волгу, над которой в то время шли грозные тучи колчаковских армий. Он пришел на фронт молчаливый, неуклюжий, весь опутанный беспросветной деревенской темнотой. Вскоре Грошев был брошен вместе со своим полком на передовые линии фронта.

Мы встречались с ним в то время почти ежедневно, и порою я даже не мог понять, что, собственно, происходит с ним. Другие сохли, горбились, желтели от голода, от грязи, от невероятных лишений походной жизни, а Грошев, живя в одинаковых со всеми условиях, наоборот, с каждым днем становился все более бодрым и мужественным. Однажды мы разговорились с ним. Грошев говорил, что именно на фронте, в бою, столкнувшись лицом к лицу с белогвардейщиной, творящей неслыханные насилия над рабочими и крестьянами, он понял, на чьей стороне правда, понял, в чем эта правда, что, поняв это, он уже никогда не вернется к прежнему рабству, к старой жизни.—«Вот здесь нашему брату надо или сгибнуть, или победить и добиться своего. Теперь дрыхнуть на печи дома, али околачиваться где—невозможно».

Несмотря на ужасные фронтовые условия, Грошев с какой-то особенной жаждой принялся за учебу, урывая для этого всякую свободную минуту. И едва научившись водить пером по бумаге, едва научившись читать, он уже пишет стихи, пряча их на первых порах от чужих глаз. Дело, разумеется, не в стихах Грошева. Стихи писали и многие другие красноармейцы. Дело в том, что во всем поведении его, в его настроениях, в его глазах сквозило что-то из ряда вон выходящее. Становилось ясно, что это парень исключительный, что в нем зарождается творческая личность. Но вскоре он стал писать стихи весьма интересные:

О, я не вкусил еще силы удара,
Не знаю, как сладок орлиный полет,
Но, властно захваченный красным угаром,
Иду я со всеми вперед и вперед.
Мне старые годы, как верные други,
В червонную даль указали пути,
И слышу я песен чеканные звуки,
И вижу я факел, зажженный в груди.

Вот такого рода настроения были особенно для него характерны.

В процессе гражданской войны Грошев почти совершенно потерял свой крестьянский облик. Он подружился с рабочими. Через рабочих он внутренне приобщился к фабрике, к заводу. Даже странно звучат в устах крестьянина такие, например, стихи:

Грозно шипят раскаленные горны,
Жрут, как чудовища, глыбы углей.
Пасти раскрыли ревущие жерла,
Брызгая струями желтых огней.
Пламя колышется, трепетно бьется,
Лижет, кусает багровый металл.
Лава стальная кипит и трясется,
Точно вулкана глубокий провал.
Грозно трепещут чугунные плиты;
Стиснул модели пресс-великан.
Крепкий кузнец, из железа отлитый,
Молотом хлещет в стальной барабан.
Морды задрали пожарные трубы,
Капли горячие медленно льют.
Горны раскрыли горящие губы,
Песни веселые буйно поют.

Несмотря на ряд недостатков, это стихотворение дышит огромной фабричной мощью. И таких стихов у Грошева довольно много. Почувствовав в себе силы поэта, он стал рваться в Москву, в студию Московского Пролеткульта. К этому его подстрекал целый ряд товарищей. После больших усилий ему, наконец, удалось получить перевод в одну из частей московского гарнизона. Но по дороге в Москву он заразился тифом и умер. *Геннадий Корнев.*

(«Рабочая Москва» № 265 за 1922 г.)

ГРОШИН ** **Павел**—красноармеец, убит 14 окт. 1919 г.—См. **Лутц.**

ГРУБЕ **—матрос, был членом Евпаторийск. ревкома и членом коллегии комис. юстиции.—См. **Кебабчьянц.**

ГРУШЕВСКИЙ Игнатий—комиссар 1-го батальона Пензенского полка, пал смертью храбрых в бою с белыми в начале октября 1918 года.

ГУБАНОВ Василий Николаевич — старый партийный работник, бакинский рабочий, бессменный член Воронежского губернского комитета большевиков, один из руководителей октябрьского переворота в г. Воронеже; в октябрьские дни — член военно-революционного комитета. После победы пролетариата и перехода власти к Советам член губисполкома и заведующий губфинотделом. Погиб на Южном фронте в 1919 году. *Г. Р.*

ГУБАРЕВ Иван.—См. **Подтелков.**

ГУБАРЕВ **— казак, был командирован в Сальский округ на Царицынском фронте для формирования нового отряда. Эту задачу Губарев быстро исполнил и вскоре выступил во главе с новыми отрядами на борьбу с красновскими приспешниками. Мужественно сражаясь, он был тяжело ранен и положен в лазарет на ст. Ремонтной. На станцию Ремонтную налетели кадетские банды, и Губареву пришлось спасаться бегством через цепь противника. Однако вскоре он был со всех сторон окружен врагами. Очутившись в безвыходном положении и не желая сдаваться живым в плен, Губарев выхватил из кармана револьвер и со словами: «Да здравствует всемирная революция!» выстрелил себе в висок. (По данным «Золотой доски» изд. «Товарищ красноармейца»).

ГУКОВСКИЙ * Исидор Эммануилович (Израиль Мануилович)—род. в 1871 г., сын купца, личный почетный гражданин, аптекарский помощник. В 1898 г. в Петербурге был членом кружка «Группа рабочих-революционеров», издававшего «Рабочее Знамя», руководил в Колпине кружком рабочих, участвовал в демонстрации и панихиде в Казанском соборе по поводу самоубийства Костромина. В том же году привлекался к дознанию по делу Р. С.-Д. Р. П., вследствие имевшихся у него связей с белостокской типографией, и за подстрекательство к забастовке рабочих Ижорских заводов. Был подвергнут заключению в крепости, а затем выслан в Енисейскую губ. на 5 лет. Вернувшись из ссылки, поселился в 1904 г. в Баку, где начал снова работать в с.-д. организации, был известен рабочим под именем Федора Измайловича. В том же году привлекался к дознанию как член Комитета «Кавказского с.-д. раб. союза», дело вскоре было прекращено. В 1906 г. был секретарем ред. газ. «Новая Жизнь», привлекался к дознанию по делу газеты, разыскивался по этому делу, так как уехал в Одессу, но затем был арестован, выпущен под залог и уехал за границу. По возвращении оттуда в 1907 г. был задержан в Волочиске, доставлен в Петербург, привлекался по 102 и 132 ст.ст., освобожден под залог до суда. В 1908 г. пет. суд. палата вынесла оправдательный приговор с воспрещением жительства в Петербурге, которое было отменено лишь в 1910 г. В 1912 г. был выслан этапным порядком из Москвы, ввиду ожидавшегося проезда царской семьи, при чем ему воспрещалось жительство в Москве на все время действия усиленной охраны, но в октябре того же года запрещение было снято. После февральской революции был казначеем П. К. (большевиков), после октябрьской—народным комиссаром финансов, а затем полномочным представителем РСФСР в Эстонии. Вследствие постигшего его несчастья (его переехал автомобиль) здоровье и работоспособность его в последний период его жизни были надломлены. Осенью 1921 г., во время приезда в Москву, он умер от воспаления легких. («Материалы для биографического словаря соц.-демократов, вступивших в российск. раб. движение в период от 1880 до 1905 г.» под ред. В. Невского, вып. I.)

ГУЛЬКИН ** —в конце января 1919 г. был избран членом Ольшанского (Звенигородск. у. Киевской г.) Ревкома, и после занятия этой местности деникинцами остался работать в подпольном Ревкоме. Осенью того же года в одном из боев с деникинцами т. Гулькин был убит тузовскими партизанами. Т. Гулькин возвращался к штабу с отнятым у деникинцев знаменем, и тузовцы воспользовались обнаружением деникинского знамени, чтобы расправиться с т. Гулькиным. (Сведения взяты из ст. И. Коваля в сборн. «Октябрьская Революция».)

ГУР-АРИ ** Д. Л.—доктор, комиссар Красного Креста, зарублен добровольцами в Пятигорске на горе Машук в ночь с 13 на 14-е января 1919 г. Т. Гур-Ари был пожилой (лет под 50) человек и старый революционный работник. В начале девяностых годов прошлого века он был выслан за участие в революционном движении на жительство в Ростовский Округ (Донской Области) и был одним из основателей революционного движения в тех местах. После революции 1917 г. он примкнул к партии социал-демократов (интернационалистов) и в бытность свою делегатом на III съезде советов принимал участие в I Всероссийской Конференции этой партии. В 1918 г. он принимал деятельное участие в работе советских организаций в Пятигорске, приезжал по их поручениям в Москву. Для белогвардейцев, захвативших в то время Северный Кавказ, т. Гур-Ари казался вредным элементом, и он был уничтожен.

ГУР-АРИ Розалия—ответственный организатор культурно-просветительного отдела полка, член ком. партии ахтырской организации (Харьк. губ.). Тов. Гур-Ари было 21 год. Дочь бедной семьи, она с малых лет успела почувствовать гнет царизма и капитала. Находясь в гимназии, она пропагандировала идею социализма среди своих товарищей бедных захолустных фабричных городков Белоруссии и Литвы. Когда ей было 14 лет, жандармская нагайка уже легла на ее детские плечи, и она была арестована за распространение революционной литературы. В 1915 г. т. Гур-Ари переехала в Одессу, где отдалась идее «искусство для трудящихся».

После октябрьской революции она, как свободная художница, приняла самое горячее участие в создании пролеткультов и укреплении пролетарского искусства. С конца 1918 г. она принимает участие в редактировании и издании журналов по искусству и ежедневного органа ахтырского исполкома «Известия С. Р. и К. Д.». После занятия Харькова белыми и эвакуации Ахтырки она отправилась на южный фронт, а затем на петроградский, где славный революционный путь ее был пресечен злодейскою рукою даниловского бандита. («Б. Правда» № 64 от 18 ноября 1919 г.)

ГУРЕВ. **—См. **Уткин.**

ГУРОВ Поликарп. —См. **Подтелков.**

ГУСАРОВ* Федор Васильевич.—От Гусарове я слышал много от его сопроцессника Малоземова, с которым мне пришлось сидеть в Зерентуе. По его словам, это был один из самых серьезных работников в петроградской организации с.-д. (большевиков) во время разгона II Думы и восстания кронштадтцев.

Весной 1920 г. я встретился с ним в Омске, где он сразу же выдвинулся как крупный работник. Он не принадлежал к числу тех, кто много обращает внимания на личное благоустройство: при усиленной работе он не принимал никаких мер к улучшению своего питания; буквально жил на тот мизерный паек, который выдавался тогда в Омске. Сил не хватило, и он погиб от истощения, вызванного плохим питанием. *Г. Крамаров (М. Исакович).*

Федор Васильевич Гусаров, военный врач, после II съезда был коонтирован в Ц. К. партии. В 1906 г. был в числе главарей военной организации при СПБ Комитете Р. С.-Д. Р. П., организатором окружного района и представителем военной организации в П. К. Все время был большевиком. Был арестован 21/VI—1906 г. и приговорен к 8-летней каторге. После революции остался в Сибири, где работал до самой смерти—в конце 1920 г. («Материалы для биогр. словаря соц.-дем». под ред. В. Невского).

ГУСАРОВ.—См. **Ремтер.**

ГУСЕВ ** Александр.—См. **Блоштейн.**

ГУСЕВА ** Минодора — убита на Эстляндском фронте в 1919 г. Тов. Гусева—пулеметчик; окруженная белыми, она не сдалась, а погибла как героиня. («Звезда» 1919 г. № 67.)

ГУТКИН ** Григорий Львович—начальник хозяйственной части Поарма XI, умер в ночь с 9 на 10 сентября 1920 г. Вся жизнь тов. Гуткина была одним стремлением к свету, борьбой за народные интересы. В эпоху злейшей реакции он вынужден был уехать за границу. Разлука с родиной тяготила его, и после февральской революции он возвратился в Россию. Развернувшаяся гражданская война увлекает тов. Гуткина. Он идет на фронт и вступает в 10-ю Красную армию в момент ее возникновения. Он—то боец, то начальник. И то, и другое положение радует его, ибо он ставит выше всего сознание быть полезным родному пролетарскому делу. Из 10-й армии тов. Гуткина переводят в Политотдел XI армии на ту же должность, которую он занимал в последнее время в 10-й армии. («Красный Воин» № 200 от 11 сент. 1920 г.)

ГУЦЕВИЧ ** А.—рабочий поэт. Умер на фронте от тифа в 1920 г. («Кузница» октябрь 1922 г.)

Д.

ДАВЫДОВ ** Василий Иванович—рабочий Трехгорной мануфактуры, на которой проработал 6 лет. В 1915 году, 23-х лет, был призван в царскую армию, а после февральской революции был членом Кавказского Совета. По возвращении в Москву поступил опять на фабрику, где был выбран в фабком по охране труда. Через 2 мес. тов. Давыдов был призван в Красную армию и назначен помощником комиссара 41-го пех. полка. Во время наступления Деникина на фронте

Лиски—Лозовая был зарублен белогвардейцами. (Сведения вз. из сбор. «Братская могила».)

ДАВЫДОВ ** **Иван Григорьевич**—гласный Центральной Думы в г. Петербурге. Погиб на революционном посту в конце марта 1918 г. («Правда» № 56 за 1918 г.).

ДАВЫДОВ ** **Иван Мартынович.**—В декабре 1918 года на далеком севере погиб во время разведки политработник т. Давыдов. Ему было тогда около 24—25 лет. По профессии портной, питерский рабочий, он начинает принимать участие в рабочем движении с 1910 или 1911 года в союзе «Игла». В 1912 году он становится членом Р. С.-Д. Р. П. (б.) и выполняет самые разнообразные технические поручения. Неоднократно подвергается обыскам, но без последствий. Наступает война. Давыдов попадает под призыв. Но ему неохота итти проливать свою и чужую кровь за дело буржуазии, и он дезертирует со сборного пункта у воинского начальника и переходит на нелегальное положение. Наступает революция. Давыдов активно работает во втором гор. районе питерской организации. В октябрьские дни он добровольцем идет под Гатчину навстречу войскам Керенского. Между прочим, еще одна деталь. Давыдов и в эпоху керенщины продолжает жить по нелегальному паспорту, не желая по-прежнему итти на чужую войну. Лишь после октября он легализовался и повел активную работу в разных районах питерской организации. С первой же партией добровольцев Давыдов уезжает на Северный фронт, где мы с ним и встретились в сентябре 1918 г. Я получаю серьезное поручение отправиться для работы на Печору. Давыдов предложил поехать со мной. На Печоре Давыдов вел неутомимо политическую работу среди красноармейцев партизанских отрядов и местного населения. В конце октября он с частью отрядов отправляется в поход через Урал по самой дикой его части, по грудь в снегу, при 30 градусах мороза в Ляпино, Березовского уезда, Тобольской губ. Для характеристики условий похода могу сказать, что поход этот на протяжении 70 верст без жилья длился 12 дней. В бою под Ляпином Давыдов, не знавший военного дела, принимает на себя командование отрядом после ранения начальников и увлекает красноармейцев за собою. Ляпино занято. Перед Давыдовым огромная работа среди полудикого населения. Но недолго пришлось ему там поработать. В одну из разведок его сразила пуля. Тов. Давыдов похоронен на обрыве над Печорой в селе Щугор, находящемся на территории области Коми.

Аронштам.

ДАВЫДОВ ** **Николай**—рабочий, активный, преданный работник Воронежской организации, начинающий поэт; вскоре после Октябрьской революции, будучи красногвардейцем, погиб от руки бандита при исполнении революционного служебного долга.

ДАВЫДОВ Сема—29 лет, казнен в октябре 1919 года в Ялте. Семь дней он мучился в камере смертников; все боялись его казнить, ибо массы рабочих караулили у ворот тюрьмы, не хотели допустить его казни; и только на седьмой день, когда пустили слух, что ему казнь заменили 20 годами каторги, все успокоились, приняв провокационный слух за правду. В эту же ночь его в 4 часа утра забрали. За ним пришли палачи: Шах-Меметов и др.; выводил его из камеры, ругая площадной бранью, ялтинский житель, некий Шуб. Уходя из камеры на казнь, тов. Давыдов сказал: «До свиданья, товарищи», а обращаясь к палачам: «Вам, мерзавцы, того же самого желаю». Казнен на дороге Эрекликского Дворца.

А. М. Долгова.

ДАВЫДОВ Яков Петрович—печник моск. мастерских Моск.-Казанск. ж. д., убит под Перекопом при взятии его. Очень хороший работник по снабжению; старый активный коммунист, много поработавший в партии; работал еще до революции.

ДАНИЛЕВСКИЙ ** —рабочий, член харьковской организации большевиков и член харьковского Комитета в 1917 г. В январе 1918 г. уходит на фронт и вскоре погибает на южном фронте. (Сведения взяты из восп. Буздалина, помещ. в сб. «Окт. Революция».)

ДАРСКИЙ**—рабочий-металлист, председатель Отдела Рев. Воен. Трибунала XII армии при N-й дивизии, погиб в плену у поляков осенью 1920 г. Когда истомленная трехлетней борьбой Красная армия, под напором превосходных сил поляков, оставляла г. Ковель, тов. Дарский организовал эвакуацию своего трибунала. Исполнив долг свой как председателя, тов. Дарский не считал свою роль оконченной, и, передавши трибунал своему заместителю, взял винтовку и стал в ряды бойцов революции. Организовав небольшой кавалерийский отряд, он ринулся на передовые позиции, всюду вливая бодрость в сердца красноармейцев и стягивая их ряды. С небольшими силами ударил на врага и в бою около ст. Рожище, объезжая фронт с двумя казаками, попал в плен к полякам. Нечеловеческие муки предуготовили шляхтичи-офицеры попавшим в их лапы красным борцам. Но т. Дарскому пришлось вынести еще более страшные истязания, так как озверелым палачам сделался известным занимаемый им пост. Целый день его, раздетого до-нага, избивали и уродовали, предоставив всякому проходившему солдату издеваться над ним; на ночь поместили в сарай, чтобы на следующее утро возобновить истязания. Ночью тов. Дарский, очнувшись и сознавая неминуемость гибели своей, стал утешать окружавших его в сарае пленных красноармейцев. На утро его снова избили и пристрелили. Тов. Дарский стойко выносил ужасные муки и умер как герой.

ДВОЗСКИЙ ** (**Пешехонов**)—старый революционер. Случайно попавши в Бессарабию, он влился в ряды борющихся пролетариев в конце 1920 года. Сам он старый партиец-журналист и имеет целый ряд брошюр, изданных в России под псевдонимом Пешехонов. Некоторое время он редактировал газету «Красная Бессарабия». В момент расстрела ему было уже лет 45—47.—См. **Кисловский.**

ДГЕБУДЗЕ. **—См. **Мартынов.**

ДЕВ Дмитрий—красноармеец 2-го Коммунистич. Интернациональнного пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

ДЕМИДОВ Алексей Демидович—погиб 11 декабря 1918 года. Тов. Демидов был рабочим Трубочного завода гор. Петербурга, где он работал в течение семи лет. С первых дней февральской революции он вошел в коллектив коммунистов и беспрерывно работал. Еще во время керенщины он был единственным коммунистом в мастерской, где работало 200 человек. Энергично и неутомимо работал он в это время, распространяя литературу, устраивая собрания, стойко отстаивая принципы революционного социализма. Проработав в коллективе около 2-х лет, тов. Демидов едет на восточный фронт для партийной работы среди Красной армии. Всего 2 недели ему пришлось проработать на фронте: во время наступления на белогвардейские банды тов. Демидов был сражен вражеской пулей. («Правда» № 175, от 15 декабря 1918 г.)

ДЕМЫШЕВ—член комитета Р. К. П. в г. Евпатории, а после большевистского переворота в Крыму в 1918 г.—член Ревкома. Расстрелян вместе с Познанским в 1919 г., после падения в Крыму власти Советов.

ДЕНИСОВ ** **Петр**—член Военно-Революционного Штаба, трагически погиб в ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. во время переворота в Никольске-Уссурийске.

Тов. Денисов—уроженец Амурской области, гимназист 8-го класса. Молодой, энергичный, отзывчивый, он с первых же дней службы завоевал симпатии товарищей сослуживцев-артиллеристов (тов. Денисов служил в артиллерийском дивизионе) и почти с первых же дней службы начал принимать деятельное участие в тайных антиправительственных организациях. Будучи в походе в Ольге, товарищ Денисов состоял одним из деятельных членов тайной организации артиллеристов. Честный и открытый, он не мог переносить спокойно действия агентов колчаковской власти и постепенно, шаг за шагом, подготавливал восстание среди артиллеристов. Работа тов. Денисова и его близких друзей-единомышленников, трудная сама по себе, в условиях военного режима осложнялась еще тем, что в дивизионе много было добровольцев, сторонников и ставленников Колчака, следивших за каждым шагом каждого «подозрительного» артиллериста.

По возвращении из Ольги в Никольск, тов. Денисов продолжает свою работу, завязывает тесные связи с местной военной организацией. Создается единый революционный фронт тайных организаций и партизанских отрядов. Когда же избирается Военно-Революционный Штаб, то тов. Денисов, как деятельный работник военной организации, избирается членом Военно-Революционного Штаба. Подготовительные работы по восстанию закончены, штабом разработан план выступления и на тов. Денисова возлагается поднять восстание в артиллерийском дивизионе, что он и начинает делать в ночь на 26 января. Но командование дивизиона, предупрежденное провокатором заранее, принимает меры предосторожности и предупреждения. В результате—тов. Денисов оказывается убитым дежурным офицером Казаковым при разоружении последнего. (Сведения взяты из ст. Л. Е. в сборн. «Красная Голгофа», стр. 98.)

ДЕНИСОВ * Федор Назарьевич, ПАВЛОВ Матвей Павлович и **СПЕКТОР.**— 24—25 октября 1919 г. на Карельском фронте геройски погибли сотрудники В. Ч. К., члены Р. К. П., т. т.: Денисов Павлов и Спектор. Они были в отряде В. Ч. К., взявшем на себя охрану железнодорожной станции Грузино. Отряд этот геройски отбивался от белых. Т. т. Денисов и Павлов в течение двух часов покрывали огнем своего пулемета противника и тут же были убиты. Тов. Спектор убит во время атаки. («Правда» № 243 от 30 октября 1919 г.)

ДЕНИСЬЕВА ** Татьяна Васильевна—член правления союза «Игла» в обмундировочной секции и член Совета Городского района, умерла от сыпного тифа 7 апреля 1919 г. в гор. Москве. («Правда» № 79 за 1919 г.)

ДЕНЬГА—убит в бою с чехо-словаками, спасая штаб фронта в 1918 г.

ДЕРЯБИНА * Серафима Ивановна—была старым подпольным партийным работником. В 1905 году, только что окончив гимназию, она была уже твердокаменной большевичкой. С тех пор она неизменно работала в подполье—Екатеринбург, Тула, Питер, Самара, Челябинск,—а в промежутках—каменный мешок царской тюрьмы.

Это был исключительной преданности революции человек. Личной жизни она почти не имела, а если имела, то судьба ее не баловала. Немудрено, что еще в цветущем возрасте, когда общественный деятель только развертывается, она уже была подточена страшной болезнью. Ведь для нее не кончился период тюремных страданий с революцией 1917 года, раскрывшей для всех нас тюремные двери. Летом 1918 года в Самаре она попала во время чехо-словацкого мятежа в лапы белогвардейцев, и ее «во имя демократии» повез в тюрьму сам Вольский, о чем она, не без юмора, рассказывала.

Когда Красная армия подходила к Самаре, Симу Дерябину, вместе с другими арестованными большевиками, из самарской тюрьмы «учредиловцы» повезли в Сибирь. Крайне скупая на разговоры о себе самой, Сима только глухо рассказывала о той потрясающей, кошмарной эпопее, какую представлял собой «поезд смерти», переполненный рабочими, красноармейцами, обреченными на мучительную казнь бело-учредиловскими палачами. Сима как-то уцелела и, благодаря неразберихе, царившей у белых, «дело» о ней затерялось. Ее отправили на родину в Екатеринбург. Там, после тюремной отсидки, ее временно освободили. Но вскоре контр-разведка Колчака узнала, кто такая Дерябина, и ее снова схватили.

Для кипучей, неутомимой Симы сидеть в колчаковской тюрьме, когда товарищи уже подходили на выручку Урала, было невыразимым мученьем. Ей предстоял опять путь в Сибирь вместе с другими арестованными большевиками, которых «эвакуировали» из Екатеринбурга, чтобы по дороге расстрелять. Но по болезни ее не повели из тюрьмы, и тут она пережила счастливую минуту—получить свободу, завоеванную Красной армией. Больная, кашляющая кровью, тов. Дерябина, не теряя минуты, становится во главе партийной организации и развертывает громаднейшую созидательную работу на развалинах, оставленных Колчаком.

И лектор, и агитатор, и журналист, и организатор,—тов. Дерябина поспевала всюду. Особенно много сделала она для постановки работы среди женщин.

Насколько разностороннего, способного работника потеряли мы в лице С. И. Дерябиной, видно из маленького эпизода последних недель ее жизни. Подходили октябрьские празднества. Специальная комиссия билась над составлением подходящего репертуара. А Сима вдруг принесла какую-то тетрадку и заявила, что она написала пьесу для постановки в день праздника. Все были поражены: Сима—и пьеса! Однако пьесу прочли, признали вполне подходящей, и она была с громадным успехом поставлена 7 ноября. Но любопытно, что Симе пришлось быть почти режиссером—без нее артисты не сумели бы поставить пьесу. Накануне отъезда на VII съезд Советов она написала еще пьесу, более сложную, которую читала кое-кому в Москве.

Поездка в Москву подкосила Дерябину. Тогда еще не был готов мост через Каму, и ей пришлось переходить по льду. Она простудилась, и уже на партийной конференции и съезде Советов ее друзей встревожили зловещий кашель и яркий румянец. Напрасно уговаривали ее лечь в санаторию, отдохнуть, полечиться.— «Ну, что за отдых еще?.. Полежу дома недельку, и довольно».

Избранная в члены В. Ц. И. К., она не могла принять участие ни в одной сессии. Туберкулез сломил ее силы. Она умерла 6 апреля 1920 года. («Правда» от 25 апреля 1920 г., № 590.)

С. И. Дерябина по данным охранки. (Нелегальная фамилия — Иванова, Нина (Антонина) Вячеславовна. Парт. клички «Людмила Сергеевна», «Наташа» и «Александра»), родилась 19 июня 1888 г. в Екатеринбурге. Дворянка, дочь коллежск. ассесора. Круглая сирота. Профессия—литературный труд и частная педагогическая деятельность. Училась в Екатеринбурге в женской гимназии с 1898 по 1905 год.

С. Дерябина.

Из циркуляра Деп-та Полиции от 30/XI 1913 г. по особ. отделу за № 107322 и делу № 578—1914 г. 9-го делопроизводства ДП (Ист.-рев. архив в Петрограде) видно, что она: в 1907 и 1913 г. г. привлекалась в Екатеринбурге при Пермск. губ. жандармск. упр. «к переписке в порядке охраны». Принимала участие в совещании «ленинского» Ц. К-та Р. С.-Д. Р. П. в сентябре 1913 г. в Галиции, за что подлежала аресту. После этого работала в Москве в с.-д. организации под парт. кличками «Александра» и «Наташа», а затем работала в Петербурге, где жила по Широкой улице, в д. № 39, кв. № 14. В 1914 г. в Петербурге была представителем Ц. К-та Партии (больш.) в Петербургском К-те и была членом коллегии пропагандистов при Петерб. К-те и членом Исполнительной Комиссии Петерб. К-та под кличкой «Людмила Сергеевна». Была арестована 18 марта 1914 г. на улице в Петрограде, назвавшись Ниной Вячеславовной Ивановой. Из полицейского участка намеревалась бежать: будучи выпущена в уборную, она схватила по пути фуражку и пальто полицейского надзирателя, но была с вещами этими задержана. На допросе созналась, что она дочь коллежского ассесора Сергея Ивановича Дерябина. При обыске у нее на квартире были отобраны 20 книг и брошюр по соц.-полит. вопросам, в числе их 6 брошюр арестованных, и рукописи и листки с записями по вопросу о женском рабочем движении в России и на Западе. Сидела в СПБ. женской тюрьме с 15 апреля по 25 сент. 1914 г. Была привлечена к дозн. по делу о Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. большевиков-ленинцев, в числе 22 чел.: Георгия Шидловского, Эриха Квиринга, Ник. Ник. Лебедева, Григория Разживина, Дениса Ст. Иванова и др. Дело обо всех было прекращено за недостаточностью улик, и все были высланы под особ. надзор полиции. Дерябина была выслана под особый надзор сначала в Петрограде, а потом в Челябинск с 25 сент. 1914 г. до 29 декабря 1914 года.

Сведения сообщены *Георгием Шидловским.*

Воспоминания о С. И. Дерябиной.

С Серафимой Ивановной я впервые познакомился весной 1916 г. в г. Петрограде. Мы тогда только что переехали на новую квартиру (Вознесенская, 113, против Александровского садика). В той же квартире снимала комнату С. И. Вечером в день переезда она к нам зашла. Нас собралось небольшое общество. Помню в числе гостей т. Куйбышева и, кажется, Бубнова. С. И. вошла какая-то светлая, улыбающаяся. Среднего роста, худощавая шатенка, с прекрасными ласковыми глазами, с мягкой умной улыбкой, она как-то сразу становилась близкой и простой. От всей ее фигуры веяло какой-то душевностью. Мы быстро перезнакомились и скоро стали друзьями. В то время служила она в лазарете сестрой милосердия. Воображаю, какую агитацию она вела среди солдат при своем недюжинном агитаторском таланте. В ту же ночь нас разбудил пронзительный, непрерывный звонок. Дело было 27 апреля. Полиция ожидала, очевидно, первомайского сюрприза. Пошли усиленные обыски и аресты. Когда дверь нашей квартиры раскрылась, к нам ввалилась чуть ли не целая дюжина всякого ранга и чина полицейских, жандармов, шпиков. Был предъявлен ордер на обыск у С. И. Дерябиной и Франца Ивановича Венцека (муж С. И. находился тогда в отъезде в Туркестане). После продолжавшегося несколько часов обыска С. И. была уведена в тюрьму. Перед тем как сесть на извозчика, она успела передать моей сестре утаенные от зорких глаз царских шпиков важные документы. С. И. держали в тюрьме дней десять, но за отсутствием улик глава жандармского отделения Познанский вынужден был ее выпустить, не добившись от нее обещания не участвовать в революционном движении.

Быстро пролетело лето 1916 г. С. И. была неизменно весела. Она часто пела,— у нее был тогда прекрасный голос, впоследствии надорванный нечеловеческой работой. В беседах С. И. высказывала незаурядную начитанность и эрудицию в вопросах марксизма и революционного движения. В конце 1916 г. она была фактическим редактором издававшегося тогда журнала «Самопомощь», который вела в строго-классовом марксистском духе.

Расцвет ее революционно-организаторской работы относится к периоду после октябрьского переворота. Надо отметить, что и лето 1917 года прошло у нее в необычайно усиленной работе. Не было ни одной бреши в партийной работе, которую не пыталась бы заделать С. И. Особенные заботы посвящала она нашей партийной газете «Приволжская Правда». Здесь она была и за корректоршу, и за выпускающую, и хроникершей, и посыльной. При таких многочисленных обязанностях она частенько выполняла еще роль редактора и передовика. Так как газетной работой ее многообразная деятельность далеко не исчерпывалась, то ей часто приходилось искать себе заместителя по газетной работе. Так протекал у С. И. трудовой день до октябрьского переворота. Что же было после, когда к многочисленным партобязанностям прибавились не менее многочисленные советские.

Всюду и везде можно было слышать пламенное слово С. И. Помню ее выступление на фабрике Неклютина перед работницами. Небольшое сравнительно помещение конторы во дворе д. № 50 по Заводской было заполнено пролетарками. Аудитория представляла собою совершенно нетронутую в политическом отношении массу. При первых же словах С. И. все насторожилось. С. И. говорила в лицах, изменяя голос, интонацию. То раздавался грубый бас эксплоататора-помещика и капиталиста, то он спускался до тихого шопота надорвавшейся в непосильной работе работницы. С. И. говорила с сильной жестикуляцией, все ее тело двигалось в разные стороны, приобретая иногда движение маятника. С горящими глазами, с неподдающейся описанию богатейшей мимикой, она быстро покорила всю аудиторию. Как хорошо она умела подойти к неискушенной в политических вопросах массе! Как она расшифровывала простым русским языком самые, казалось бы, сложные вопросы социально-экономической жизни. После таких выступлений простые работницы вспоминали с глубокой благодарностью ее горячие, бунтарские и вместе с тем организующие речи.

С. И. была перегружена работой. Она была членом президиума Губкома и Губисполкома, комиссаром печати, членом редколлегии газеты «Солдат, Рабочий и Крестьянин», вела широкую работу среди женщин, выступала на митингах.

Никогда не забудут работники нашей первой советской газеты, сколько труда было положено С. И. на ее организацию и преуспеяние. Здесь, как и в «Приволжской Правде», С. И. выбирала для себя самый тяжелый невидный труд. Прекрасная публицистка, она сидела преимущественно на корректуре, да на правке материала и никакие уговоры не могли принудить ее взять ответственную статейную работу. Она была убеждена, что техническая постановка газеты имеет не меньшее значение, чем публицистическая работа. Интересы газеты С. И. принимала очень близко к сердцу. Она придавала колоссальное значение печати и стремилась к тому, чтобы там были свои люди, но надо заметить, что честный, искренно работающий с Сов. властью спец находил в ней доброго и внимательного товарища. Зато она была нетерпима к людям, думающим только об удовлетворении своих личных интересов. Был у нас в редакции «Солд., Рабоч. и Крестьянин» такой случай. Работавшие у нас четыре сотрудника беспартийные выразили свое недовольство увольнением некоей Б. (завед. типографией), уличенной в неблаговидных поступках. Они выставили ряд требований, угрожая, в случае неудовлетворения, забастовкой. С. И. была в высшей степени возмущена этим. Она вся зажглась каким-то внутренним огнем. Со словами: «выкурить, выкурить их ладаном», она потребовала их увольнения и стала сама работать за четверых.

Ее преданность делу заражала не только партийных товарищей, но и беспартийных. Работала она так много, что я тщетно ломал голову над вопросом, когда же она отдыхает. Но зато она очень быстро совершенно исчахла. С лихорадочным румянцем, блестящими глазами, с характерным чахоточным кашлем ее часто можно было видеть наклонившейся над рукописью или быстро шагающей на какое-нибудь собрание, либо принимающей горячее участие в прениях в Исполкоме и Губкоме. Характерная черта С. И.—ее безграничное доверие ко всему, что носило или присваивало себе название большевизма. Этой ее доверчивостью, к сожалению, пользовались люди, недостойные этого. С. И. подвергалась больше всех активных работников партии травле меньшевистской «Вечерней Зари». В этом особенно изощрялся бывший большевик, в прошлом близкий товарищ по работе, Степан Белов. Он не постеснялся в своих нападках рыться в биографии С. И., стараясь ее представить в смешном свете. Он не жалел красок, чтобы окарикатурить С. И., утрировал ее манеру держаться во время речи и т. д. Бросая свои стрелы, Белов думал больно уколоть С. И., но последняя только незлобиво улыбалась над шутками ренегата и с еще большим рвением бросалась на работу. Наконец пробил час расплаты за непосильный труд. С. И. свалилась, пошла кровь горлом. Это было в конце, кажется, мая. Но вот надвигается чехо-эсеровская контр-революция. С. И. опять на посту. Она служит живой связью между газетой и красным фронтом. Веселая, уверенная в победе, она бодрит одним своим видом всех, соприкасающихся с ней.

За день до вступления чехо-словаков в Самару она вторично сваливается. Ее помещают на дачу, где она арестовывается белыми палачами. В тюрьме С. И. узнает ужасную весть о растерзании кулацкой толпой ее самого близкого друга т. Венцека. Этот тяжкий удар она переносит как закаленный в битвах боец. Ни болезнь, ни страшные душевные страдания не могут сломить яркой революционной натуры. Свыше года ее обиталищем была тюрьма, сначала демократическо-эсеровская, затем генеральско-колчаковская. Но она рвется на свободу, к работе. Какими-то путями ей удается вырваться из железных решоток мертвого дома. С. И. с головой уходит в подпольную работу. Ее тянет на Урал, где она, десять лет перед тем, развернула во всю ширь свой революционный организаторский талант. В Екатеринбурге весной 1920 года она встретила красные войска. С новым рвением хватается С. И. за партийную, советскую работу в легальной обстановке. Но—увы!—силы растрачены до конца. Тюрьма, революционная работа и снова тюрьма сделали свое дело. Туберкулез торжествует победу.

Уже еле держась на ногах,—рассказывает «Красный Урал»,—она не оставляла своей любимой работы среди женщин-пролетарок. Чуть ли не до самой смерти ее голос, зовущий рабочий класс к борьбе за коммунизм, к победе,—не умолкал... Наступила весна 1920 года. И вместе с таянием снегов растаяла прекрасная жизнь С. И.

Перед самой смертью С. И. успела еще побывать на IX Съезде Р. К.-П.

М. Адельсон.

(«Красная Быль», сборн. Самарского Бюро Истп.)

ДЖАПАРИДЗЕ * Прокофий Апресианович (Алеша)—видный коммунист Кавказа. Во время занятия Баку англичанами т. Джапаридзе был арестован, а впоследствии был увезен англичанами в Асхабад и расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров 29 сентября 1918 года.

Тов. Джапаридзе родился в 1878 году, в Кутаисской губернии, Рачинского уезда, в сел. Шардомети. Сын крупного помещика, Алеша рано лишился отца, после чего перешел на попечение матери. Братья (только по отцу) мало уделяли внимания маленькому сироте. Обездоленная и ничего не имевшая кругом, вдова обратила взоры помощи к своим братьям, проживавшим в другой деревне, но они, сами несостоятельные, могли оказать сироте лишь мизерную помощь. Таким образом пролетарская жизнь будущего народного трибуна начинается уже с малых лет. Одаренный от природы колоссальными способностями, мальчик обратил на себя внимание близких родственников-интеллигентов; один из них, народный учитель Семен Джапаридзе, устроил в 1889 году мальчика в сухгенисское дворянское нормальное училище, где ученье и полное содержание предоставлялись учащимся на счет государства. С самого раннего детства видно было, что из него должен выйти не рядовой человек, среди своих товарищей он всегда выделялся особенными чертами характера: никому он не позволял обижать слабого и всегда до самозабвения заботился об угнетенных. Воспитанный в нужде, бедности и загоне, Алеша, естественно, рано оттолкнулся от богачей и стал другом тех, кто в нужде тяжелым трудом зарабатывал себе кусок хлеба.

В 1894 году Алеша окончил курс начальной школы в Сухгенисах (Тифл. губ. Телавского уезда), после чего при помощи родственников и знакомых поступил в городское училище при тифлисском учительском институте. Проучившись в училище 2 года, он в 1896 году перешел в учительский институт. В этот же период тов. Алеша начинает посещать Кайдановскую библиотеку, где группируется вся свободомыслящая молодежь Тифлиса. В 1898 году при библиотеке организуется нелегальный политический кружок самообразования, куда с первых же дней входит тов. Алеша. Членами кружка, между прочим, состояли: Сергеев, Калюжный (впоследствии видный эс-эр), Домостроев, Александр Родзевич (политический ссыльный), Соколовский и друг. Кружок этот делился на две группы: на марксистов с тов. Алешей во главе и народников под руководством Калюжного. Кружок занимался распространением нелегальной литературы. К этому же времени относится кампания марксистов кружка против протоиерея Восторгова. Были выпущены прокламации. Душой кампании был тов. Алеша. Это было первым его политическим выступлением. Здесь же, в кружке, Алеша в конце 1898 года сблизился с Родзевичем и через него близко сошелся с ссыльными рабочими. Нужно сказать, что Алеша имел особое свойство сближаться с окружающими. Через них он сблизился с грузинскими рабочими и связался с социал-демократической организацией.

В 1900 году в Тифлисе готовится первая первомайская демонстрация. Алеша в подготовке демонстрации принимает активное участие. У него дома хранятся отпечатанные прокламации. За Алешой следили. Перед демонстрацией у него дома происходит обыск. В одно прекрасное утро жандармы его буквально снимают со скамьи в классе (он был тогда в 3-м классе института), арестовывают и сажают в Метехский замок. Продержав там 10—11 месяцев, его высылают в Рачинский уезд, на родину. В 1901 году он едет в Кутаис и руководит там забастовкой пираловских рабочих-табачников. Вокруг него здесь группируется местная революционная молодежь. В 1903 году арестовывают друга Алеши, видного социал-демократа Ноя Хомерики (впоследствии министра земледелия в Грузии при меньшевиках) и высылают в Чиатуры. Желая его освободить, Алеша по дороге вместе со своими товарищами устраивает нападение на конвой, освобождает Хомерики, а сам, преследуемый полицией, бежит в Тифлис. Отсюда партийная организация в начале 1904 года отправляет его для работы в пролетарский Баку. Здесь он развернулся во-всю. Завязал связь с бакинскими рабочими. Официально занимая должность секретаря союза нефтепромышленных рабочих, он скоро становится фактическим главарем и организатором его. Состоя активным членом бакинской организации Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) (он был членом бакинского комитета), тов. Алеша ведет активную борьбу с меньшевиками. Борьба эта, весьма удачно им руководимая, продолжается весь 1904—1905 г.г.

В 1907 году его арестовывают и затем высылают на 5 лет в Ростов. В Ростове Алеша с еще большей энергией продолжает свою революционную работу, где его в 1910 г. снова арестовывают и высылают в Вологодскую губернию в Великий Устюг на 3 года. По окончании ссылки в конце 1913 года возвращается в Тифлис. Здесь он работает в нелегальных организациях. Читает также лекции в народном университете. В 1915 году за подготовку к первомайской демонстрации тов. Алешу опять арестовывают и высылают в Вологодскую губернию в сел. Каменку до окончания войны, откуда после годичного пребывания он бежит сперва в Петроград, а оттуда—в Тифлис. Живя здесь нелегально, он не перестает вести активную политическую работу. В 1916 году тов. Алеша выезжает в Трапезунд под чужой фамилией Баратова, где работает в Кр. Кресте и одновременно руководит революционной работой. Там его застает февральская революция. Избранный в Трапезунде делегатом, он едет в Тифлис, откуда его выписывает бакинская организация (б-ов).

После падения эс-эро-меньшевистского Совета, членом которого его избрали бакинские рабочие, и перехода власти в руки большевиков он становится во главе бакинского Совета.

Тов АЛЕША ДЖАПАРИДЗЕ

А. Джапаридзе.

О работе тов. Алеши в Баку знает каждый бакинский рабочий. Горячая натура Алеши, его организаторские способности, удивительная выдержка и неисчерпаемая энергия,—все эти качества сочетались с его беззаветной преданностью делу освобождения рабочего класса. («Бакинский Рабочий» № 211 от 29/IX1922 г.) См. **Шаумян Степан.**

ДРЖЕВИНСКИЙ, ** — См. **Мартынов.**

ДЗЕМБА Мариан. — В конце февраля 1921 г. скончался от сыпного тифа в лагере для интернированных «Домбие» под Краковом член Р. К. П. тов. Мариан Дземба. С т. Дземба я познакомился в Минске в 1920 г. во время польской оккупации, работая с ним вместе в подпольной организации. Он состоял членом Минского подпольного комитета Р. К. П. Это был человек с редко выдающимися душевными качествами, преданный беззаветно делу пролетарской революции. В конце 1920 г. т. Дземба был одновременно со мной арестован при провале подпольной организации. Во время нашего с ним совместного сидения в X-ом павильоне Варшавской цитадели, в каторжной тюрьме «Вронки» в Познани и в лагере «Домбие», тов. Дземба продолжал работать над созданием партийной организации внутри тюремных стен. Организм т. Дземба был ослаблен сильными избиениями, которым он подвергался со стороны обнаглевших польских жандармов, поэтому, заболев сыпным тифом, он не выдержал и умер.

Гр. Лулов.

ДЗЕН ** **Павел Адамович**—командир взвода 3-й батареи 1-го легкого артилл. дивизиона,—пал смертью храбрых в бою 13 июня 1919 г. Тов. Дзен, находясь в пехотной цепи и корректируя огонь батареи, был смертельно ранен. Своею смертью т. Дзен запечатлел ряд совершонных им боевых подвигов. Награжден орденом «Красного Знамени» («Красные Герои», вып. I).

ДИЛЕВСКАЯ * **Ольга**,—выйдя из буржуазной семьи, получив высшее образование, не прельстилась легкой жизнью. Страдания рабочих, революционная борьба стали для нее дороже, чем жизнь богачей. Отдавшись всецело борьбе за социализм, она в 1912 г. охранкой была выслана из Москвы в Нарымский край.

Вся ее деятельность протекала среди рабочих. Борьба за улучшение их жизни была ее заветною мечтой, целью ее жизни. В марте 1919 г. ее не стало. Во время подавления восстания в Тюмени белогвардейский разгул захватил и ее, она была расстреляна на ярмарочной площади («Октябрьский Вестник»).

Нижеприводимое письмо написано Ольгой Дилевской перед ее последним арестом 10 марта 1919 г. Письмо адресовано Александре Николаевне Ногиной. Для нас это письмо главным образом интересно в психологическом отношении, как интимное предчувствие Ольгой Дилевской своей близкой кончины. Текст письма сохранен целиком, без всяких изменений с нашей стороны.

«Александра Николаевна!—Пишу вам с расчетом, что мое письмо вы прочтете после моего ареста. Вам придется позаботиться об Ирине. Я знаю, что вы сделаете это и без моей просьбы. Никто не знает, что может случиться. Вот адрес моих родных в Москве: Долгоруковская улица, д. № 29, Дилевская, или женская гимназия Потоцкой для Д-ой.

Вот только о чем я хотела просить вас: когда меня не будет—ласкайте Ирочку, как это делала я, и утром и вечером, когда она будет ложиться спать. Быть может, она в этом отношении немного и балована, но мне невыносимо тяжело будет думать, что она лишена нежной ласки. Думаю, что в вашем сердце найдется любовь нежная и для нее. Вот и все, что я хотела сказать. Слова тусклые и бледные, но не к чему их подыскивать. Чувство слишком глубоко и интимно, передать его не умею. Поймите инстинктом и полюбите Ирину.

Ол. Дилевская».

Ольга Дилевская в 1911 г. была передатчицей партийных поручений и через нее партийные работники разных городов вели переписку. Письменно сносилась с участниками уральских боевых 1905—1909 г.г. организаций Р. С.-Д. Р. П.» (Из дела № 122 л. А. Т. 2 Особ. Отд. Д-та Полиции).

Расстрел О. Дилевской.

(Из воспоминаний ее мужа, Н. Н. Авдеева, расстрелянного вместе с ней).

Из письма [1]) видно, что Ольга предвидела возможность ареста. И это весьма понятно: она была секретарем Центрального бюро тюменских профессиональных союзов, была в курсе назревающих событий, как и я. Кроме того, как и ее, так и меня, кое-кто из знакомых предупреждал о грозившей нам опасности. Наконец, за нами была определенная и открытая слежка со стороны колчаковской контр-разведки. Нам, конечно, в то время не были известны все планы колчаковцев, но что дело было «нечисто», я лично предполагал. Ко мне за день или за два до восстания [1]) на улице подходили неизвестные мне лица и спрашивали моего мнения по поводу происходящих волнений среди мобилизованных. Теперь я убежден, что это были лица из контр-разведки, тогда же я только подозревал. Зная наше непримиримое отношение к «Российскому правительству» с Колчаком во главе, контр-разведка хотела во что бы то ни стало втянуть нас в организацию восстания, которое она же и старалась вызвать как можно скорее. Мы были за свержение Колчака, но против сепаратного восстания: слишком были неравны силы противников; у колчаковцев, кроме хороших ружей, были и пулеметы, у мобилизованных же одна надежда на склад в ремесленном училище, который, к тому же, был перед восстанием очищен. Неудача была неизбежной. Была ли у нас возможность скрыться из Тюмени перед восстанием?—трудно сказать: за нами очень следила контр-разведка. Вопрос об этом у нас не возникал. События между тем надвигались. Наступило 13-е марта...

---

[1]) См. выше письмо Дилевской к А. Н. Ногиной. *Примечание ред.*

Ольга была арестована у себя на квартире и немедленно отправлена в контр-разведку. Я в это время находился в типографии тюменского союза потребительских обществ. Типография находилась на Базарной площади, где как раз начались расстрелы мобилизованных. Из окон было видно, как падали мертвыми и ранеными не только солдаты, но и находившиеся в это время на базаре женщины. Выйти из типографии было уже нельзя, так как она была оцеплена вооруженными колчаковцами. Через некоторое время (часа в 3 дня) я был арестован чехом и отправлен под охраной в контр-разведку, где я встретил Ольгу. Ни меня, ни ее не допрашивали и отправили в так называемую каталажку (помещение для уголовных), которая находилась как раз против контр-разведки. Город был объявлен на осадном положении. В каталажке мы пробыли часа три. В течение этого срока, как потом оказалось, контр-разведка и все, кто был с ней в союзе, распространяли по городу слухи, что мы арестованы во время произнесения речей перед взбунтовавшимися солдатами, что у меня найден план вооруженного восстания. Тюменская буржуазия, конечно, радовалась, что арестованы главные «организаторы» восстания. Часов в 6 вечера нас отправили под охраной на извозчиках в тюрьму. Тюремный двор в это время представлял из себя вид военного лагаря. Чехи, вооруженные с ног до головы, наполняли весь двор. Нас временно поместили в будку со стеклами, где обыкновенно происходили через решотку свидания с заключенными. Мимо нас, лязгая оружием и звеня шпорами, ходили взад и вперед чехи и поглядывали на нас с злорадным любопытством. Настроение у нас было напряженное. Вдруг раздался залп где-то вблизи. Потом я узнал, что возле женской тюрьмы, в том же дворе, чехи расстреляли Людмилу Базилевскую, с которой они расправились за то, что она, будучи на службе в контр-разведке, делала неправильные доносы на местных жителей, из которых некоторые были даже на стороне Колчака. Она, между прочим, сделала донос и на нас, кажется, месяца за два до рокового дня, и нас тогда арестовали, но продержали всего несколько часов. Этот донос не спас ее от трагической развязки...

О. Дилевская.

---

[1]) Речь идет о восстании мобилизованных колчаковцами в Тюмени, бывшее в марте 1919 г.—*Прим. ред.*

Зали заставил нас насторожиться... Невольно мелькнула мысль, что нас ожидает что-то... Помню, Ольга сказала:—«Я чувствую, что нас расстреляют... Меня беспокоит участь дочки... Нам не нужно было иметь ребенка. Впрочем, теперь уже поздно говорить об этом»... Я ответил, что, может быть, еще и ничего страшного не случится, а если и случится, то найдутся люди, которые позаботятся о дочке... Скоро нас разлучили: Ольгу отвели в женскую тюрьму, а меня—в мужскую. Часов в десять вечера меня и Ольгу вызвали в контору. Там мы встретили еще 3-х заключенных, арестованных несколько месяцев тому назад,

Один из них, бывший красноармеец, латыш, был мне известен еще по коммерческому училищу, где он одновременно со мной служил писцом в канцелярии. К сожалению, в данную минуту я никак не могу припомнить его фамилии. Ему оставалось сидеть в тюрьме небольшой срок. Другой заключенный был некий Тупицын, бывший капитан парохода, которого арестовали по доносу и при аресте отобрали у него несколько тысяч романовских денег, которыми завладела контр-разведка и не хотела их возвращать по принадлежности. Третий заключенный был недавно привезен из какой-то другой тюрьмы. Есть основание думать, что это был Новгородцев, кажется, родной брат Клавдии Тимофеевны Новгородцевой-Свердловой, жены Я. М. Свердлова. Из конторы нас впятером под усиленным конвоем отправили в контр-разведку. Там нас не допрашивали, а заставили с полчаса ждать нового конвоя, чтобы отправить снова в тюрьму. Нам это показалось по меньшей мере странным. Я после узнал, что начальник контр-разведки Эверт был в это время в поисках кого-либо из офицеров, который согласился бы руководить нашим расстрелом. Охотник нашелся. Это был подпоручик Константинов, который явился, «не то, чтобы очень пьян, но весел бесконечно», вместе с несколькими вооруженными людьми в полушубках, папахах, но без всяких погон и военных значков. Они тоже были «навеселе». Дальнейшие события главный начальник тюменского военного округа, генерал Рычков, в своем докладе министру внутренних дел от 15 апреля 1919 года описывает так: «Около 11 часов вечера 13 марта сего года под конвоем от унтер-офицерской школы из помещения контр-разведки препровождалась в тюрьму партия арестованных (5 человек), в том числе граждане Авдеев и Дилевская. Проходя через Базарную площадь, среди ларей и лавок, трое арестованных бросились бежать, но кто именно, за темнотой конвою не удалось рассмотреть. Начальник конвоя, подпоручик Константинов, приказал стрелять по убегающим. В результате под выстрелами пали все пятеро». Донесение Рычкова, может быть, и было бы похоже на правду, если бы подпоручик Константинов и его помощники несколько удачнее выполнили данное им поручение, но дело вышло так, что, несмотря на расстрел, я все-таки остался жив, правда, в искалеченном виде, и потому то, что подлецы стремились сделать тайно, обнаружилось во всем ужасе и бесстыдстве.

Дело происходило иначе: когда нас довели до Базарной площади, до того места, где находятся лари и лавки, то раздался возглас Константинова: «Стой, снимай одежды, готовься к расстрелу»... Точно электрический ток прошел по всему телу, сердце «екнуло» и потом будто замерло, будто его нет... Что это—сон или действительность?.. Потом вдруг все стало ясно... Да, действительность... Хотят расстрелять... Щелкают ружейные затворы... Начинают прицеливаться... Что же так долго?.. Или это так кажется... Что это такое? Почему вдруг солдаты опустили ружья?.. Раздался лошадиный топот, и мимо нас проскакали два всадника... Что-то крикнули и помчались дальше... Вероятно, это чехи... Снова прицел... Овладеваю собой и начинаю думать о чем-то другом... Мелькает образ дочки... Вдруг кто-то крикнул:—«Я знаю одно»...—«Молчи с...» слышится в ответ... Смотрю вперед... Целятся, но что медлят?.. Что они—пьяны или трусят?.. Эх, если бы Ольга не страдала астмой, можно было бы попытаться... Вдруг раздается ее возглас:—«Будет издеваться! Стреляйте... или вы трусите»?.. Раздался залп... Я очнулся... Лежу на боку... Чувствую страшную боль в правой руке и в спине... Чувствую, как льется кровь... Под боком холодно... Снег и мороз... Лежу с полуоткрытыми глазами, не шевелясь... Кто-то застонал... Раздается возглас:—«Кто-то из них жив. Надо попробовать их штыками...».

Да, придется умереть... Что же с Ольгой? Ах да, она рядом со мной, лежит навзничь... Мертвая!.. У, мерзавцы!.. Слышу скрип шагов... За спиной кого-то пронзают штыком... Приближаются ко мне... Напрягаю всю волю... Не шевелюсь... Вдруг удар штыком в спину возле позвоночника... Я лежал на боку, и штык не пронзил меня насквозь, а нанес мне рану вниз на спине... Было больно, но не очень... Даже стало несколько легче, чем было до этого... Очевидно, штыком солдат вытолкнул пулю, засевшую возле позвоночника... Я не крикнул, и это меня спасло... Начался грабеж... Со всех сняли верхнюю одежду, обувь, шапки. Только на мне оставили брюки и пиджак, так как костюм был в крови. Помню, я испытал очень сильную боль и чуть не вскрикнул, когда с меня снимали обувь и штыком обрывали шнурки на башмаках.. Уцелела также шапка, которая оказалась у меня под боком... Грабеж кончился... И подпоручик с солдатами куда-то скрылся. Вероятно, скоро явятся за трупами... Нужно попытаться уйти, хотя все равно через день-два придется умереть. Но это не важно: смерть для меня теперь безразлична. Важно другое: нужно во что бы то ни стало все это гнусное дело сделать достоянием гласности. Решение созрело... Но есть ли силы уйти с этого «лобного» места? Попытаюсь... Трудно не только встать, но даже сесть: кружится голова, ломит руку, спину... Наконец сел... Огляделся... Тихо... Рядом со мной трупы товарищей и среди них труп Ольги... Стискиваю зубы, чтобы не вскрикнуть от внутренней боли... Опираюсь на плечо Ольги и встаю на колени... Кружится голова... Но вот еще усилие, и я на ногах... Качает из стороны в сторону... Однако надо итти... Но куда? К знакомым нельзя: подведешь... Пойду к себе домой: пусть будет, что будет... Прощай, дорогая и милая Ольга!... (Из статьи Николая Авдеева «В кровавом омуте», помещенн. в журн. «Молодая Гвардия», № 4—5, стр. 218—221.)

ДИЛЛЕ Артур Павлович (Даука, Раусис).—Тов. Даука — член с.-д. Латвии, член Исполнит. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. гор. Вольмара и член Вольмарского «Искообреола». Он погиб на славном революционном посту 21 февраля 1918 г.: он был схвачен и повешен палачами германского империализма.

ДИССУЛЬ ** — большевик. — См. **Слободчиков В. Н.**

ДМИТРИЕВ. ** —См. **Уткин.**

ДМИТРИЕВ. ** — См. **Аппельбаум.**

ДМИТРИЕВ Иван Петрович — убит в Петербурге 15 июня 1918 года. Погибший был одним из активнейших партийных работников 1-го городского района гор. Петрограда; имя его пользовалось большой известностью в рабочей сфере. В рядах борцов за рабочее дело тов. Дмитриев стоял с 1913 года. Почти мальчиком он вступил в большевистскую группу приказчиков и со всею свойственной ему энергией служил делу своего класса. Когда вспыхнула война 1914 года, он все свои силы направил на борьбу против империализма. Он печатал и распространял нелегальную литературу; его бодрая речь смело раздавалась на собраниях. В 1915 году царским жандармам удалось захватить в свои лапы юного борца и заключить в застенок, откуда он был освобожден февральской революцией. Полубольной, но попрежнему энергичный, тов. Дмитриев снова взялся за работу. После тяжелого дневного труда в «Прибое», свой досуг он посвящал партийной работе.

В дни корниловщины тов. Дмитриев рвался на фронт, и только партийная дисциплина (тогда он был секретарем комитета) помешала ему осуществить свое намерение. Когда Советской России угрожало нашествие немцев, тов. Дмитриев был одним из первых, выступивших на защиту власти пролетариата. После подписания мира тов. Дмитриев вернулся в Питер и, подчиняясь постановлению партии, взял на себя работу помощника комиссара. На этом посту он также преданно исполнил свой революционный долг. Пуля, пущенная рукой налетчика, пресекла его жизнь («Правда» № 126 от 17 июня 1918 г.)

ДМИТРИЕВ Степан Егорович — коммунист московской организации Лефортовского района, погиб в решающем бою под Новохоперском в декабре 1918 г.— См. **Моисеев.**

ДМИТРИЕВ ** **Тимофей** — председатель Пугачевского уездного комитета Р. К. П. — См. **Блоштейн Ефим.**

ДМИТРИЕВА * — секретарь президиума уисполкома, член уездкома Р. К. П. вместе с Ивановым и др., всего 5 человек, была расстреляна в июне 1918 г. в г. Троицке;

Тов. Дмитриева прибыла в Троицк из Уфы вскоре после занятия города Северным летучим отрядом и вскоре заняла одно из первых мест среди ответственных работников Троицкого уезда. С серьезной марксистской подготовкой, она обладала громадными организаторскими способностями. Несмотря на свое слабое здоровье т. Дмитриева успевала работать и в качестве секретаря Комитета партии и в качестве секретаря в Совете Рабочих Депутатов гор. Троицка, одновременно она почти одна организовала громадный союз солдаток (больше 1000 ч.) Союз этот сыграл серьезную роль в пролетарском движении Троицка. Во время наступления чехо-словаков она первая явилась в штаб коммунистической дружины, не для того, чтобы спасать свою жизнь, а дабы уничтожить канцелярию штаба, если город будет занят чехами, и, только когда канцелярия штаба находилась в надежном месте, тов. Дмитриева подумала о себе. Решилась она остаться в городе, надеясь на то, что ее в городе мало знают и что чехо-словацкая авантюра продлится недолго. После ареста ей пришлось страдать недолго—в конце июня ее вместе с 4-мя другими товарищами, больную и связанную, вывезли за Меновой Двор и зверски убили. Конвой состоял из офицеров под командой известного троичанам палача прапорщика Казимира Казимировича Миллера («Набат» № 28 от 18/VI 1922 г.).—См. **Аппельбаум.**

ДОБРОВЕНСКИЙ ** **Борис Вениаминович.**—За несколько сот верст от населенного места, в глухой, дремучей тайге скончался в 1920 году от брюшного тифа редактор газ. «Красный Клич», Борис Вениаминович Добровенский,—скончался как раз в то время, когда красное знамя социальной революции снова развертывалось над трудовой Сибирью. Уроженец Малороссии, товарищ Добровенский был осужден в каторжные работы за принадлежность к партии соц.-революционеров и провел целый ряд лет в каторжных централах—Тобольском и Александровском. По окончании срока был сослан на поселение, откуда бежал за границу—в Австралию. Вспыхнувшая в 1917 г. революция в России потянула товарища обратно на родину, к любимой революционной работе, в ряды борцов за рабочее дело. Поселившись временно в г. Чите, тов. Добровенский вступил в ряды партии левых соц.-революционеров и принял самое горячее и активное участие в революционной работе, отдавшись всей душой делу. Живой, энергичный, вдумчивый Борис все время работал в партийной организации и в советских учреждениях, где и был комиссаром социального призрения.

Когда рабоче-крестьянской революции стал угрожать кровавый и подлый приспешник буржуазии—Семенов, все революционное трудовое Забайкалье зашевелилось, встав на защиту октябрьской революции.—Одним из деятельнейших бойцов в его среде был Добровенский, выступавший на митингах и рабочих собраниях с призывом к организации Красной армии для борьбы с узурпатором. В это тяжелое время Борис работал, не покладая рук, не зная отдыха... После свержения рабочей власти Борис вместе со многими товарищами принужден был перейти на нелегальное положение и уехать из Читы...

Судьба забросила нас в Благовещенск, где мы вместе поселились. Борис жил под фамилией Алгасова. Почти полтора года прожил товарищ на нелегальном положении под постоянной угрозой быть узнанным шпионами и отправленным в Читу. Но и здесь, живя в положении гонимого человека, Борис не забросил любимого революционного дела. Организовался революционный коллектив Советских Коммунистических партий, и в тесной нелегальной квартирке собирались часто его члены: Мухин, Бутин, Повилихин, Костя Жданов, Ерыгин, Лебедева и ряд других товарищей, среди которых был и Борис. Чрезвычайно трудно приходилось работать нам в это время, когда чуть ли не каждый день кого-нибудь выхватывали из наших рядов. Один за другим погибли Мухин и Бутин, а целый ряд товарищей попали в тюрьму. Был арестован два раза и Борис Добровенский, и оба раза почти чудом ему удалось вырваться для того, чтобы бессмысленно умереть вдали от близких и дорогих людей накануне свободы. Заброшенный из города в далекую глухую тайгу, где была устроена типография народно-революционной армии, он редактировал газету «Красный Клич». (Свед. взяты из ст. Жуковского в сборн. «Красная Голгофа», стр. 93—94.)

ДОБРОХОТОВ * Мих. Петрович.—Самым первым по времени, самым определенным и последовательным по убеждениям и самым деятельным соц.-демократом в г. Калуге, насколько это известно мне, был Михаил Петрович Доброхотов, старший из братьев Доброхотовых. Он был студентом московск. университета и первый раз был арестован в Москве по делу о студенческой демонстрации после знаменитой Ходынской истории в 1896 г.

После продолжительного заключения в Таганке, он был исключен из университета и выслан в Калугу в конце 1896 г. Но и до этого времени, в период 1893—1895 г. г., когда он приезжал на каникулы в Калугу, в его корзине, по рассказам братьев, всегда оказывались свеженькие тогда издания «Группы Освобождения Труда» и «Лиги революционной соц.-демократии за границей». Многочисленная семья Доброхотовых тогда, после смерти их отца, жила бедно, и Михаилу Петровичу приходилось заниматься уроками, при чем одно время он репетировал младших братьев Д. Д. Гончарова в Полотняном заводе. Там он свел довольно прочное знакомство среди рабочих писчебумажной фабрики. Этим и объясняется, между прочим, что самое первое знакомство мое с нелегальной литературой произошло именно в Полотняном заводе, в один из моих приездов туда из Калуги.

Познакомившись с кем-то из братьев Доброхотовых, кажется, с Николаем Петровичем (философ), в воскресной школе,—я познакомился и с Михаилом Петровичем. В это время (1896—1897 г. г.) он уже завел тесное знакомство с некоторыми рабочими жел.-дорожных мастерских и деятельно распространял там часто получаемую им из Москвы нелегальную литературу. Узнав, что я нередко езжу в Полотняный завод, Мих. Петр. иногда поручал мне передать небольшой сверточек тому или иному рабочему из числа его прежних знакомых. Сверточки эти были завернуты обычно в газету, и Мих. Петр. обыкновенно просил передать адресату: — «Только чтобы не вляпался...» — А на мои просьбы самому почитать книжечки прежде, чем передать их, говорил:—«Читайте. Только уговор—не звонить».

Это был один из самых замечательных людей из всех, кого я знал во всю свою последующую, достаточно долгую жизнь. Я не встречал более вдумчивого, серьезного отношения к жизни и человеку, чем те, которые обнаруживал Мих. Петр. Поразительно много знающий (он почти окончил филологический и медицинский факультеты), всю жизнь следивший за всеми явлениями русской общественной жизни и изучавший их до самых мельчайших подробностей,—он был всегда на высоте научных знаний не только в той области, которая составляла его специальность (языкознание, медицина, политич. экономия и социология), но и во многих других. Вместе с тем скромности, как человек, он был необычайной. Всю жизнь он оставался «вечным студентом», тогда как, при желании, мог бы пять раз за это время сделаться или преподавателем (филологии), или врачом. До самого последнего времени он перебивался уроками, какой-нибудь случайной работой, если допускало начальство, и часто жил впроголодь.

Но зато я не знаю случая, чтобы он отказал когда-нибудь кому в своей помощи. У меня не хватило бы места для полного и яркого освещения этого замечательного общественного деятеля и человека, и я пока вынужден ограничиться здесь сообщением, что с самого начала Великой Революции до начала 1919 г. Мих. Петр. работал, не покладая рук, проводя иногда целые недели без сна, как член Петроградского Комитета большевиков, и сгорел, несомненно, от такой превышающей человеческие силы работы. Он умер в апреле 1919 г. в Петрограде.

Д. Разломалин.

(«Первые шаги партийной организации в Калуге». Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Гос. Изд. Калуга. 1921 г.)

Михаил Петрович Доброхотов родился 26 августа 1871 г. Сын чиновника (статск. советника), из дворян. В 1890 г. кончил калужскую гимназию. Был сначала студентом историко-филолог. фак-та Московск. унив-та до 1896 г., а потом, с 1899 г.—Харьковск. унив-та, но государствен. экзамены не держал. В 90-х годах организовал в Калуге интеллигентский марксистский кружок, ставший впоследствии соц.-демократическим и распавшийся в конце 1903 г. из-за ряда арестов. (В кружок этот входили младшие братья Д. и сестра.) Руководил все время этим кружком, а с 1893 г. снабжал его для распространения в Калуге и губернии литературой, изданиями с.-д. группы «Освобождения Труда» и заграничной «Лиги революционной с.-д.» и партийн. журналами и прокламациями. Осенью 1895 г. был избран калужским землячеством Московск. унив-та представителем в союзный совет 45-ти объединенных московских студенческих организаций. После болезни уехал из Москвы в апреле 1896 г. в Калугу и работал в калужской с.-д. организации. В Москву вернулся 12 сентября 1896 г. и вскоре сложил с себя полномочия представителя от своего землячества в союзном совете, но 13 ноября был избран заместителем представителя в совет от землячества и работал в совете. В том же году был арестован в первый раз 24 ноября после безрезультатного обыска по делу о студенческой демонстрации после знаменитой Ходынской катастрофы и по делу ликвидации полицией союзного совета и был привлечен к дознанию по делу об этом совете и в связи с этим был исключен из унив-та с 5-го полугодия. Сидел в Таганской тюрьме. По постановлению от 18 января 1897 г. был выслан 21 января в Калугу под гласный надзор полиции на один год с 17 января с воспрещением жительства в Москве впредь до распоряжения. В 1896—1897 г.г. привлекался в Москве к дознанию по делу о московском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса в России». В своей парт. работе в Калуге он был деятельным и одним из образованнейших среди провинциальных работников-марксистов; отличался необыкновеннейшей скромностью. После высылки из Москвы работал в 1896—1897 г.г. в калужской губ. земск. управе в статистич.-оценочном бюро и вел основательную пропаганду с.-д. идей в среде рабочих Калуги, распространял с.-д. литературу. В январе 1898 г., в связи с хлопотами его о продолжении образования, ему было воспрещено проживать в столицах и их губерниях впредь до особого распоряжения, а с 9 февраля он был подвергнут в Калуге негласному надзору полиции. В 1899 г. жил в Харькове по 1904 г. и был там студентом унив-та. В 1902 г. работал в Харьковском К-те Р. С.-Д. Р. П., сам печатал первомайские прокламации конференции представителей комитетов партийных организаций Харькова и сам распространял их и в Калуге и в Харькове. В том же году в Харькове был подвергнут безрезультатному обыску в ночь на 1 марта по распоряжению харьковск. губернатора, а во второй половине года был арестован там же и привлечен к дознанию по делу о Харьковском К-те Р. С.-Д. Р. П. и за хранение нелегальных изданий. При аресте у него были отобраны с.-д. прокламации, парт. отчеты и нелегальная литература. Он вскоре был выпущен на волю под особый надзор. По приговору от 12 мая 1904 г. ему было вменено в наказание предварительное тюремное заключение. В 1906 г. он был членом Харьковского К-та Р. С.-Д. Р. П. и членом-распорядителем К-та по организации вооруженного восстания. С 1910 г. был деятельным членом и ответственным пропагандистом с.-д. группы большевиков в Харькове. Летом 1912 г. служил в отделе статистики потребления топлива и угля в «Совете съезда горнопромышленников юга России» в Харькове и был в числе руководителей (вместе с Б. В. Виловым, Вл. Ив. Невским и др.) местной с.-д. орг-цией (большев.). 1 июля 1912 г. был руководителем парт. собрания (в лесу за Холодной Горой у Харькова) по поводу предстоящей местной конференции с.-д. партийцев (б-ков и м-ков). В том же году работал в предвыборной кампании в 4-ю Гос. Думу по Харькову и вел летом парт. работу среди железнодорожников, а в сентябре в городской с.-д. группе Харькова. С 12 ноября 1912 г. по 16 января 1913 г. вместе с Вл. Ив. Невским и друг. руководил забастовкой на Харьковском паровозостроит. заводе. В ночь на 15 февраля 1913 г. был арестован в Харькове вместе с Невским и др. по делу ликвидации жандармами харьковской с.-д. организации. При обыске были отобраны с.-д. легальные и нелегальные газеты, журналы и брошюры. Был вскоре по этапу выслан под особый надзор полиции в Полтаву, а 6 июля 1913 г. вошел под негласный надзор в Калуге, куда переехал из Полтавы, и был под таковым надзором до ноября 1913 г. С 1914 г., в течение русско-германской войны, жил в Петрограде, был «пораженцем». В период с февраля 1917 г. до начала 1919 г. работал активно в Петрограде в рядах Р. С.-Д. Р. П. больш. и Р. К. П. и был членом Петрогр. К-та партии. («Материалы для биогр. слов. соц.-демокр» под ред. В. Невского.)

ДОБРЫНИН** **Петр Григорьевич**,—23-х лет, красноармеец, по профессии токарь, родом из Тульской губ. В дни Октябрьской революции в Москве—руководитель защиты Пречистенско-Остоженской позиции. Убит 1 ноября 1917 г. в окопах на Остоженке. (Свед. взяты из сб. «Братская могила».)

ДОКУЧАЕВ Александр Яковлевич.—29 апреля 1919 г. после 11 месяцев изнурительной болезни, вследствие воздушной аварии, скончался инструктор Московской школы авиации, военный летчик А. Я. Докучаев. Он прослужил в Московской авиационной школе пять лет и выпустил много летчиков, из которых многие впоследствии стяжали себе известность в авиационном мире. В лице покойного А. Я. Московская авиационная школа и наш военный воздушный флот потеряли неутомимого и энергичного работника, работа которого протекала без шума и незаметно. («Изв. Наркомвоен». № 94 от 7 октября 1919 г.)

ДОЛГАШЕВ**—подпоручик, революционный офицер, одним из первых перешедший на сторону пролетарской партии, агитировавший за нее, боровшийся и страдавший за основные большевистские лозунги. Он состоял сотрудником «Окопной Правды», «Солдатской Правды» и других большевистских изданий. По распоряжению Керенского он в числе других был арестован, сидел и после был выслан в тыл—в Витебск. Был членом первого комитета Витебской организации, много поработал среди солдат до и после Октября. Тов. Долгашев (сам питерец) пал героем в борьбе за власть Советов, как красный командир, отстаивая от Юденических банд подступы рабочего Петербурга. («Большевики в Витебске» Б. Пинсона.)

ДОЛГОПОЛОВ Андрей Иванович — врем. исп. должн. политического комиссара днепровской военной флотилии, член Р. К. П., утонул в Днепре в 12 часов ночи 21 июня 1919 г. С дней февральской революции А. И. принимал особенно деятельное участие в политической работе. В дни гайдамачины на Украйне А. И. организовал партизанские отряды в районе Бобруйска и Гомеля. («Коммунист» № 89—117 от 24 июня 1919 г.)

Ф. Доронин.

ДОЛМАТОВ Дм. Ив.—комиссар костромских курсов командного состава, видный местный работник; одновременно он работал в губпродкоме, в бюро военной секции, в комитете партии, в губисполкоме.

Страстно, горячо преданный идеям коммунизма, т. Долматов задолго до революции порывает с мелко-буржуазной средой и всего себя отдает служению рабочему классу. Сначала в школьных политических кружках, потом в университете и на военной службе. За несколько месяцев до Октябрьской революции тов. Долматов уже был членом Р. К. П.; долго и в тяжелых условиях сидел в тюрьме за июльское восстание, и только Октябрьская революция дала, наконец, размах его деятельности. Он—то в Петрограде, то в Москве, то на фронте, на ответственных постах, и всюду быстро завоевывает глубокое уважение и любовь. Умер от сыпного тифа во время одной из служебных поездок в мае 1920 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 101 от 12 мая 1920 г.)

ДОРОНИН Федор Петрович—крестьянин, беспартийный, сочувствующий большевикам, любимец и вождь всего села. Арестован в июне 1918 г. в с. Демьянском, Тобольск. у.; до июля 1919 г. находился в заключении в г. Тобольске. Осенью того же года при эвакуации в Иркутск был расстрелян в г. Троицке.

ДОРОНИНА Степанида Петровна, «Стива»,—крестьянка, коммунистка со времени революции. Все время была на партийной работе вплоть до чехо-словацкого переворота. В начале сентября 1919 г. была арестована в с. Демьянском, Тобольск. губ., и заколота. Смелая, гордая женщина погибла 24 лет.—Более подробно см. **Хотеенков Петр.**

ДОРОТОВ А. В.—В ночь с 27 на 28 февраля 1919 г. скоропостижно скончался деятель киевского рабочего движения А. В. Доротов. Покойный был председателем С. Р. Д. первого созыва, городским комиссаром и гласным думы. Его стараниями была основана больничная касса типографских рабочих. Принадлежал покойный к партии меньшевиков. Во времена сильнейшей распри между большевиками и меньшевистско-эс-эровскими группами Киевского Совета, т. Доротов, несмотря на свою официальную принадлежность к меньшевистской партии, нередко голосовал в тогдашнем Исполнительном Комитете против резолюций своей фракции и часто давал своим голосом перевес оппозиционной тогда фракции большевиков. Умер тов. Доротов 33 лет от роду. («Изв. Киевского Совета» № 14 от 1 марта 1919 г.)

ДОЦЕНКО**—казачка. Среди рядовых работников она была одна из немногих: нужно ли было призвать к труду массы, нужно ли было послужить примером в борьбе—она была всегда впереди. Воспитанная в обстановке рабского труда, она хорошо знала жизнь. В революции т. Доценко видела борьбу за свободный труд, борьбу за красивую жизнь. В зиму 1920—1921 г., когда голод и холод ковал по рукам наше хозяйство, Майкопский Совет получил телеграмму: «мобилизовать все силы, устроить работу на продовольственном фронте». Мобилизованная Советом, как лучшая из работниц, для продработы, т. Доценко выехала на место в один из больших населенных пунктов. Совет был уверен, что т. Доценко, не раз справлявшаяся со своей работой, успешно справится и на этот раз. На пути к месту работы зловещая рука белогвардейца подстерегла тов. Доценко и ударом в голову отняла у нее жизнь. Ее нашли несколько дней спустя во рву с примерзшей к земле головой и платьем. («Будем помнить!» А. Метелева в «Пролет. Револ» № 3.)

С. Доронина.

ДРАГУЛЬ — матрос, погиб в первых числах июля 1921 г. в гор. Бобринце, Николаевской губ., во время боя с бандитами.

ДРАЖИНСКИЙ Юрий — рабочий, 21 года, секретарь Севастопольского комитета Р. К. П., энергичный, самоотверженный работник. В январе 1920 г. военно-морской контр-разведкой по провокации были арестованы по квартирам 9 человек подпольного Севастопольского комитета. Суд и расправа были произведены на броненосце «Корнилов». Все 9 человек замучены и полуживые выброшены в море. Из них известны следующие: **Дражинский**, **Корнилов**, **Севостьянов**, **Бунаков**, **Чистяков**, **Геймон** и тов. **Мишка.**

ДРЕЙЕР Н. А. — морской офицер с ледокола «Святогор». Каждому архангельцу памятна эта великая, светлая личность честного борца за торжество социализма. Тов. Дрейер по своему социальному положению до революции принадлежал к антипролетарскому сословию дворян Тверской губернии. Но с гардемаринской скамьи он сжился с матросской массой, отбросив от себя свое дворянское сословие как ненужную ветошь, мешающую развиться в настоящего человека, человека духа времени, а не той крепостнической рутины, коей держалось это сословие. И мы видим, как скоро тов. Дрейер, при первой же возможности, с начала февральской революции, примыкает к трудовому народу, победившему царизм. До октябрьской революции тов. Дрейер усиленно работает на своем корабле по перевоспитанию масс в духе коммунизма.

Вся жизнь тов. Дрейера протекала в условиях творческой, упорной, революционной работы по закреплению социалистического строя в России. За этой работой его застала и оккупация Архангельска «союзниками». Антантовскими агентами, в июле 1918 года, был устроен огромный митинг т. т. моряков в Соломбале на тему: «Германская и союзническая ориентация». Посредством этого митинга лондонские и парижские биржевики хотели знать определенное мнение тов. моряков, как они отнесутся к факту оккупации Архангельска.

Как сейчас помню,—тов. Дрейер держит речь; он говорит: «У российского пролетариата вообще, у арх-ского в частности, ориентация одна, это—международная социальная революция и героическая борьба против всех империалистов, какую бы форму они ни носили. Никакого союза у рабочих и крестьян Советской России не может быть ни с Вильгельмом II, ни с Георгом V». Этого было больше, чем достаточно, чтобы агенты международной буржуазии зашипели по углам, как змеи, но при громовом крике ура, раздавшемся из уст тов. моряков после его речи, ни один из этих «шипящих» не выступил; они фактически убедились, что все честное, стойкое и революционное категорически протестует против вступления союзников в Архангельск. Архангельская буржуазия не могла простить этого тов. Дрейеру и при первой возможности расправилась с ним самым жестоким и подлым образом. Много честных борцов замучено генералами Миллером, Мурашевским, Айронсайдом и пр. в архангельских застенках; теперь к этому списку мучеников за коммунизм прибавилась еще одна жертва: это—Николай Александрович Дрейер.

Предо мною лежит книга приказов белогвардейского Северного правительства: приказ № 216 от 13 июня 1919 года говорит: «Военно-окружный суд в заседании своем от 16, 17 и 18 мая 1919 года, рассмотрев дело поручика по адмиралтейской части Н. А. Дрейера, происходящего из дворян Тверской губернии, обвинение, заключающееся в том, что он Дрейер: 1) принадлежал к преступному сообществу, именующему себя партией коммунистов-большевиков, стремящейся к насильственному ниспровержению законного российского правительства, для чего имела всевозможное оружие; 2) на публичном митинге в Соломбале в июле 1918 года открыто вел агитацию против наших союзников, ведших совместно с нами войну против центральных держав; 3) в покушении во время указанной войны 1 авг. 1918 года на оставление в руках неприятеля (большевиков. *Т. З.*) военного Архангельского порта и на воспрепятствование союзному флоту проникнуть в означенный порт путем приведения в негодность водного пути затоплением фарватера, потоплением судов, т.-е. Преступл. предусм. Ч. 2. Ст. 102 и 126. Ч. I. Ст. 129 и 131. Ч. 3. Ст. 108 Угол. улож. приговорил: Николая Александровича Дрейера, происходящего из дворян Тверской губ., 30-ти лет от роду, поручика по адмиралтейской части, лишив всех прав состояния, знаков, орденов, офицерского, а также и дворянского сословий, к смертной казни. На этот приговор была подана кассационная жалоба защитником тов. Дрейера, но таковая была оставлена без последствий. 26-го мая 1919 г. тов. Дрейер был расстрелян.

Тр. Зенкевич.

ДРОВЯНКИН **—коммунист Новгородской организации, умер в эпидемической больнице в Новгороде 31 марта 1920 г.

ДРОЗДОВ. **—В бурные дни 1905 г. в разгар восстания и забастовки пекарей в Москве из группы активных работников выделился **Дроздов.** Он входит в состав забастовочного комитета, работает по организации Московского союза пекарей. сотрудничает в журнале «Булочник». Когда под давлением победившей реакции союз ушел в подполье, тов. Дроздов работает активно в союзе, пока союз не был окончательно разгромлен; многие его участники, в том числе и Дроздов, оказались под судом. Избежав ареста на этот раз, Дроздов уезжает на юг. В 1909 году он вновь в Москве организует молодежь, пишет стихи в мелких журналах и даже создает объемистую повесть «Черный пекарь». Попытки организации союза в этот момент не увенчались успехом, несмотря на усилия Дроздова. В организации союза в 1912—1913 годах мы многим обязаны товарищу Дроздову и его помощи. В союзе он работал до 1914 года, когда был мобилизован. Мировая война подточила здоровье Дроздова, с фронта он пришел больной. После февральской революции он работает членом правления Союза пищевиков, членом правления секции и секретарем Богородского района. Он не был коммунистом, но вся его работа и преданность идеалам борьбы рабочего класса сделали его одинаково дорогим рабочим массам. 1 июля 1919 года смерть унесла того, кого знали массы пекарей в памятные дни Дубасова и в последующие дни черных годов реакции.

Б. Иванов.

ДРОЗДОВ ** **Матвей Лаврентьевич**—убит на Псковском фронте 14 октября 1919 г. в то время, когда он открыл стрельбу против белых с колена. Тов. Дроздов был один из боевых коммунистов, готовых бороться за великие идеалы октябрьской революции до последней капли крови. (Сб. «Велик. Красный Новгород», ст. Контр-революция и наши жертвы».)—См. **Лутц.**

ДРОНОВ Клементий.—См. **Подтелков.**

ДРУБИЧ (Мыма) — работала в подполье при деникинцах в г. Умани, Киевск. губ.; умерла от тифа.

М. П. Дубицкий.

ДУБИНИН * **Тарас**—рабочий - железнодорожник, член Р. С.-Д. Р. П.(б). Был избран членом Троицкого Уездного Совета и работал в качестве комиссара продовольствия. При занятии города чехо-словаками и казаками остался в городе. Презирая опасность, он не бросал своей винтовки и патронов и так и ходил с ними по городу среди чехов, пока не был схвачен. В тот же день его расстреляли на улице «Павших». — Живой, энергичный он принимал деятельное участие в строительстве новой жизни. («Набат» № 28 от 18/VI 1922 г.)—См. **Аппельбаум.**

ДУБИНИН ** **Иван Константинович** — член Президиума, заведующий экономическим отделом Замоскворецкого Совета, член Московского Комитета и Исполкома Замоскворецкого районного Комитета Р.К.П., член Московского Совета, председатель правления фабрики Даниловской мануфактуры, умер в Москве в январе 1920 г. («Правда» № 16 от 25/I 1920 г.)

ДУБИЦКИЙ ** — народный комиссар путей сообщения Туркестанской Республики, во время Осиповского восстания в Ташкенте расстрелян в тюрьме одновременно с тов. Качуринером 20 января 1919 г. («19 января»—изд. ред. «Костров», стр. 13).—См. **Фигельский В. Д.**

ДУБРОВИН Я. А.—рабочий Уфимской губ. Он начал свою жизнь с общего дела рабочих-пролетариев—заводского ученика, чтобы затем к 18 годам быть готовым сменить 60-летнего отца у плавильной печи. Октябрьская революция выносит его на путь революционной борьбы и работы. Колчаковское наступление застает его на Урале. Он остается в тылу у белых. И здесь он на месте. В феврале 1919 года, на виду контр-разведок и белогвардейских штабов, он участвует в организации добровольческих рабочих отрядов для отправки их через фронт, где они должны соединиться с красными войсками. С одним из отрядов переходит фронт и сам он. Дальше беспрерывно, до сентября 1920 года, он—стойкий солдат Красной армии. Участвует попеременно в качестве рядового стрелка, начальника, лектора или инструктора. В конце 1920 года он командируется в Москву в университет Свердлова. Первые вести о Кронштадтском мятеже бросают его на передовые линии. Тут он и погиб (в марте 1921 года). (Из журнала «Свердловец» № 1, ноябрь 1921 года.)

ДУБРОВИНСКИЙ Яков Федорович—расстрелян чехо-словаками в Красноярске в ночь с 24 на 25 октября 1918 г. До революции он был меньшевиком, несколько раз привлекался и долго жил на нелегальном положении. С самого начала революции 1917 г. он, как вождь красноярской организации «объединенцев», вместе со всеми членами ее становится в ряды Р. К. П. и является одним из наиболее деятельных и самоотверженных советских работников. Он намечается кандидатом в Учред. Собрание и избирается красноярским городским головой, много работает в городском самоуправлении и в Красноярском Совдепе, в котором был одно время председателем, а затем членом его. Когда в Красноярске были получены сведения о выступлении чехо-словаков в Канске и Мариинске, он сразу понял серьезность положения и предложил откомандировать часть коммунистов для поднятия духа и дисциплины среди красноармейцев, между прочим, предложил и себя для этой цели. Через некоторое время он ушел с частями на Клюквенный форт и попал в плен к чехам уже во время переворота. Ему и его отряду чехо-словаками была обещана неприкосновенность, но затем его казнили вместе с другими. — См. **Вейнбаум.**

Я. Дубровинский.

ДУДИН** **Клементий.** — В сентябре 1918 г., белые повели наступление на Ирбитский завод. Пехота под давлением противника начала отходить. У одного из пулеметов прислуга была частью перебита, частью ранена, целым остался один товарищ Клементий, 19-летний юноша. Видя, что белые обходят его кругом, он начал стрелять из пулемета в упор и стрелял до тех пор, пока пулемет не начал «плевать». Тогда он прекратил стрельбу и хотел спасти пулемет, но в это время его ранили в ногу, и он упал, но и раненый он успел разбить пулемет и раскидать запасные части. А потом упал, сраженный вражеской пулей. («Золотая доска» — издание «Товарища красноармейца».)

ДУКЕЛЬСКИЙ Владимир. — Это был пламенный коммунист, не любивший продолжительной кабинетной работы. Его кипучая революционная натура рвалась к живой работе на фронте. Он вел долгую, жестокую борьбу с бело-петлюровскими бандами, подрывавшими тыл Красной армии на Украине. Перейдя на Западный фронт, тов. Дукельский беспрерывно находился в передовых рядах. В одной из геройских атак он погиб на славном революционном посту в октябре 1920 г. («Коммунист. Труд.» № 179, 1919 г.)

ДУКЕЛЬСКИЙ** **Илья.** — В апреле 1919 г. в Екатеринбурге через несколько дней после ареста т. Антона Валека были арестованы Дукельский, Шепелев и др. После казни 8 апреля первой группы в числе 8 человек, было приступлено к допросу второй, в которую входило 8 человек. 11 апр. был суд, который приговорил 7 человек к смертной казни через повешение. В числе их были **Коковин Сергей** (брат Лизы, казненной вместе с Валеком), **Шепелев Владимир**, **Дукельский Илья**, **Анкундинов** и др. Все они были зверски зарублены шашками в правой стороне леса Верх-Исетского завода в ночь с 16 на 17 апреля 1919 г. отрядом поручика Ермохина. (Свед. взяты из сборн: «Рабочая революция на Урале». стр. 146—149.)

ДУНАЕВ ** **Евлампий Александрович** — родился в 1877 году в крестьянской семье села Лежнева, Шуйского уезда, Владимирской губернии. Рано потерявши мать, он совсем малышем остался на попечении сурового и отличавшегося пристрастием к водке отца. Со слов самого Е. А. известно, что отец хотел однажды его утопить, и лишь случайно кто-то из знакомых помешал ему это сделать. С тех пор, т.-е. лет с 8-ми, Е. А. ушел от отца и начал жить самостоятельно. Сначала он сделался просто уличным мальчишкой и ночевал где попало, а затем устроился пастухом, что поставило его уже в совершенную независимость от отца, с которым он встречался возможно редко. В 15-тилетнем возрасте самоучкою Е. А. научился читать; по его собственным словам, писать он выучился лишь в возрасте 21 года, и мне даже в 1910 году еще приходилось оказывать ему помощь в русской грамматике, слабость в знании которой он сильно чувствовал и изучать постоянно стремился. Семнадцати лет от роду Е. А. поступил проборщиком на ткацкую фабрику Меф. Никон. Горелина, типичного для Иваново-Вознесенска фабриканта, скупость и черствость которого вошла в поговорку среди рабочих. Несомненно, это обстоятельство имело важнейшее значение для всей дальнейшей судьбы и деятельности Е. А. Дунаева. Там же, сторожем на фабрике, служил и его отец, переменивший за это время много профессий и занимавшийся то портняжеством, то сапожным ремеслом. Это было примерно в 1894 или 1895 году. С тех пор фабрика и рабочее движение наложили на Е. А. свою неизгладимую печать и скоро заставили пережить все перипетии развития русского рабочего-революционера.

Ему пришлось с первых же шагов поступления на фабрику столкнуться с волной иваново-вознесенских забастовок, начавшейся со стачки 1895 года, которая была ознаменована избиением казаками безоружной толпы рабочих. В конце 1897 года Е. А. Дунаев принял участие в стихийно разразившейся и сделавшейся почти всеобщей стачке иваново-вознесенских прядильщиков, ткачей и ситцепечатников. Вероятно, после этой стачки, с начала 1898 года, Е. А. стал заниматься в нелегальных кружках Иваново-вознесенского Рабочего Союза, имея также сношения и с членами Рабочего Союза села Кохмы, так как уже в апреле 1899 года на конспиративной квартире П. Козлова в Кохме Е. А. Дунаев был арестован вместе с хозяином квартиры, а также Мих. Китаевым из Боголюбовской слободы и Жаровым, и заключен в Иваново-вознесенскую тюрьму. Проведя более шести месяцев в тюрьмах Ивановской, Шуйской и Владимирской, Е. А. Дунаев состоял 1 год 3 месяца под особым надзором полиции, до приговора, сначала в Царицыне, а затем в Саратове, после чего по приговору отбыл 1 год наказания в «Крестах»—одиночной тюрьме на Выборгской стороне в С.-Петербурге. Последний срок, где без воздуха слабогрудому Е. А. Дунаеву приходилось заниматься ткачеством, достался ему особенно тяжело. В самом начале 1902 года Е. А. Дунаев был выпущен на свободу и вернулся на родину. Здесь он поселился в г. Иваново-Вознесенске и работал на фабриках Полушина, а затем Бакулина. В 1905 году, после неудавшейся январской политической забастовки, вспыхнувшей после получения известий о событиях в Петербурге на двух-трех фабриках, рабочие г. Иваново-Вознесенска влились в общую волну революционного движения России лишь с 11 мая, когда на конспиративном собрании фабричных и заводских представителей в лесу было решено начать забастовку с 12 мая, предъявивши фабрикантам около 25 пунктов разного рода требований. По сведениям Д. И. Шорохова, Е. А. Дунаев был первым, выведшим рабочим с Бакулинской фабрики на манифестацию на городскую площадь, где он, по свидетельству А. С. Бубнова [1]), и произнес одну из своих оригинальных и простых по подходу речей, столь понятных рабочей массе.—«Товарищи,—говорил он, между прочим,—вы ведь знаете: наши фабриканты, ведь они—отцы наши, благодетели» и тут же, сделавши паузу, уже совсем другим голосом добавил: «кровопийцы,—сукины дети».

---

[1]) «Рабочая Москва», № 56, 1923 года.

С этих пор Е. А. Дунаев, будучи выбран членом Совета Рабочих Депутатов г. Иваново-Вознесенска, приобретает громадное влияние на рабочих и, становясь их любимцем и одним из влиятельных ораторов во время знаменитых собраний на р. Талке за городом, выдвигается в первые ряды деятелей рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Вместе с тем его имя становится известным как для полицейских властей, так и для фабрикантов. За все время забастовки и действия Совета Е. А. Дунаеву приходится скрываться в лесу, на кладбище, прибегать к переодеванию. После расстрела собрания рабочих на Талке 3 июня, озлобление рабочих достигло крайних пределов: вечером в предместье Ямы вспыхнула ситцевая фабрика Гандуриных и лесной склад Ивана Гарелина, было разгромлено несколько винных лавок, много повалено телефонных и телеграфных столбов. На другой день в окрестностях запылали дачи фабрикантов по речке Молохте (Дербенева, Фокина, Бурылина). Полицеймейстер Кожеловский винил в этом Дунаева, крича своим опричникам: «Поймать Дунаева! Тысячу рублей тому, кто поймает Дунаева!». Но роль Дунаева в Ивановской забастовке еще не была окончена. Избиение не достигло результата; Кожеловский ввиду негодования рабочих был смещен, а забастовка после расстрела продолжалась с новой энергией; продолжались и многочисленные собрания на Талке. В то же время Северный Комитет Р. С.-Д. Р. П. принял название Иваново-Вознесенского Комитета Р. С.-Д. Р. П., и в него вошел на-ряду с Ф. Афанасьевым, Н. Фрунзе, С. Икряпистовым, С. Балашевым, Ф. Самойловым, Мандельштамом, Терентьевым и некоторыми другими и Е. А. Дунаев («Александр» по партийному имени).

Е. Дунаев.

Однако материальное положение рабочих, вследствие сильно затянувшейся борьбы, стало невыносимым. Наступило начало конца, приближался наиболее трагический момент борьбы. По свидетельству Ф. Самойлова, «Совет по предложению городского Комитета с.-д. решил устроить демонстративное собрание на площади перед зданием городской управы и там, в присутствии властей, произнести решительные речи с требованием хлеба, работы и человеческих условий жизни». Демонстрация должна произойти под охраной боевой дружины из 30-ти человек, вооруженной револьверами. 23 июня несколько тысяч человек явилось на площадь; они тотчас же были окружены казаками. Дружинники немедленно разместились сзади казаков. Вся масса собравшихся села на камни мостовой. Над толпой поднялся Е. А. Дунаев, воплотивший в себе весь ее гнев и отчаяние, и с громадным волнением, разорвав на себе ворот рубашки и обнажив грудь, бросил в лицо властям горькие и страстные слова:—«Мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время как виновники этого голода, наши хозяева, владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы не можем больше терпеть этого издевательства! Работы! Хлеба! Хлеба или свинца!».

На этот раз все обошлось благополучно; власти пообещали оказать возможное влияние на фабрикантов, и толпа с красным знаменем через весь город беспрепятственно прошла на Талку. На Талке Совет Рабочих Депутатов обратился к губернатору с заявлением, что ввиду растущего озлобления бастующих рабочих он слагает с себя ответственность за могущие произойти эксцессы. Тогда-то в городе при благосклонном содействии некоторых казаков и других негодных элементов в течение двух дней происходили погромы магазинов и лавок.

В результате летней забастовки в Иваново-Вознесенске, Е. А. Дунаев, как мы видим, оказался тесно спаянным с политическим движением рабочего класса: весь «экономизм», проявлявшийся Е. А. Дунаевым, кстати сказать, еще в начале забастовки и выразившийся, по словам Ф. Н. Самойлова, в форме допускавшегося им примирения на частичных уступках фабрикантам (требование 9-ти часового рабочего дня вместо восьми часов), испарился бесследно; сознание необходимости массовых действий рабочих выявлялось Дунаевым ясно и определенно.

Принужденный скрываться и переодеваться уже во время забастовки, естественно, что по окончании ее и после погрома черносотенцев с осени 1905 года Е. А. Дунаев переходит на нелегальное положение и живет сначала на родине, а затем переезжает в Москву и принимает различные партийные поручения, для чего едет то в Тверскую губ., то снова возвращается во Владимирскую. В 1906 году он был арестован во Владимирской губ. и заключен во владимирскую губ. тюрьму. Существенных последствий, однако, кроме надзора, конечно, этот арест не имел: Е. А. был освобожден и снова уехал в Москву. Там, работая в трамвайном парке, он принимал участие в партийной работе и был представителем от московской организации большевиков на Стокгольмском съезде партии; в 1907 году он был снова арестован, просидел несколько месяцев в Бутырках, откуда административным порядком был выслан в Сольвычегодск, Вологодской губернии, сроком на 2 года. Натерпевшись по дороге с этапом в Вятской тюрьме много притеснений от тюремного начальства, Е. А. приехал в Сольвычегодск в феврале 1908 года. Здесь он весьма деятельно занялся организацией кассы взаимопомощи для проходивших этапов и для нуждавшихся членов ссыльной колонии,—кассы, которая функционировала во все время его ссылки до конца 1909 года. Материальная нужда сильно донимала членов колонии, к тому же исправник в Сольвычегодске постоянно задерживал выдачу ссыльным кормовых и одежных денег. Между ссыльными и им происходила ожесточенная война, как, впрочем, и в большинстве ссыльных колоний. На собрании ссыльных было постановлено ходить к исправнику как можно чаще и напоминать ему о деньгах. Эта роль выпала почему-то на долю Е. А. Являясь к исправнику почти ежедневно, он спрашивал его:—«Барин, когда же ты нам выдашь одежные?», чем и доводил его до белого каления. Можно себе представить, что результаты этой мелкой, но необходимой в ссылке борьбы с начальством, не замедлили сказаться. Летом 1908 года Е. А. и еще несколько членов колонии были арестованы на 1 месяц за встречу этапа. Наконец, зимой 1908 года за проводы жены до станции Котлас Е. А. был выслан из Сольвычегодска в глухую деревушку Никольское в 55 верстах от Сольвычегодска.

Умея подходить легко и просто к людям самым темным, Е. А. еще в бытность свою в Сольвычегодске перезнакомился со всеми серыми, высланными туда, крестьянами, расселенными частью в городе, частью по окрестностям, и вел среди них свою пропаганду, такую же оригинальную, как и он сам. Поселившись в Никольском, он быстро вошел в среду местного крестьянства, сумел приобрести его любовь и уважение и вновь занялся пропагандой. Понятно, что эта пропаганда была скорее просветительной, чем чисто партийной, и люди, входившие с ним в общение, научались более правильно и трезво оценивать явления политической и социальной жизни страны. Летом 1909 года после обыска, обнаружившего у него литературу, Е. А. был арестован и приговорен к заключению в тюрьму на 3 месяца, которое он отбывал в г. Сольвычегодске, а затем был снова отправлен в Никольское, где пробыл до 21 ноября 1909 года, когда окончился срок его ссылки.

Из ссылки Е. А. Дунаев поехал в Москву, но, не найдя там работы, отправился в Петербург, где и поступил монтером-подручным на станцию «Общества электрического освещения 1886 года» и принимал участие в петербургском рабочем движении, но естественно еще не мог войти в него так глубоко, как бы ему хотелось. Поиски лучших материальных условий скоро заставили его переехать в Москву, где он служил в том же «Обществе 1886 года» и где, занимаясь партийной работой, в октябре 1911 года был арестован, просидел 2 месяца в тюрьме и выслан на родину жены в г. Нижний-Новгород под гласный надзор полиции сроком на 2 года. В Нижнем-Новгороде Е. А. Дунаев получил место рассыльного в Народном Доме «Общества распространения народного образования» и здесь сумел быть чрезвычайно полезным для революции, являясь организатором нелегальной партийной работы, исполняя памятную для нижегородских товарищей роль связующего звена между интеллигенцией и рабочими. Однако и здесь тов. Александр (нелегальное имя Е. А. Дунаева) оставался верен самому себе. Нижегородское «Общество распространения народного образования», состоявшее из врачей, учителей и других представителей местной интеллигенции, имело несколько либеральную окраску и позволяло себе заигрывать с рабочими. На собраниях Александр постоянно вел борьбу с такого рода поползновениями, разъясняя рабочим на собраниях истинную цену расположения некоторой части интеллигенции. В феврале 1914 года, по отбытии нижегородской высылки, оставивши семью в Нижнем-Новгороде, Е. А. Дунаев возвратился в Петербург, где поступил монтером снова в «Общество 1886 года». На этот раз он близко вошел в подпольную партийную работу петербургских рабочих; реакция отошла в прошлое; рабочее движение оправилось и снова перешло в наступление. Е. А. вступил в «Бюро по доставке нелегальной литературы из-за границы», где работал сначала втроем, а затем некоторое время остался один. Работа его монтером по проводке электричества на заводах и в разных предприятиях позволяла ему легко и удобно заниматься распространением литературы. Кроме того, с 1912 по 1916 год он раза два с партийными поручениями ездил в Нижний-Новгород. Война, разразившаяся в то время и спутавшая сначала все карты, не оказала своего губительного влияния на мировоззрение Е. А. Дунаева: он оказался яростным ее противником и резко выступал на известном собрании рабочей группы Военно-Промышленного Комитета в Соляном Городке против оборонческого направления гвоздевской группы рабочих, шедших на поводу у фабрикантов, твердо стоял за выход рабочей группы из Военно-Промышленного Комитета. Результаты этого выступления сказались очень скоро: зимой 1916 года Е. А. был вновь арестован и в конце декабря того же года, как военнообязанный, потерявший отсрочку, был послан в войсковую часть, повидимому, в 139-й запасный пехотный полк, стоявший в Шадринске, Пермской губернии. Несмотря на всю бдительность властей, Е. А. Дунаев не доехал до Шадринска, успевши благополучно убежать из Екатеринбурга и возвратиться в Нижний-Новгород, где он прожил нелегально до февральских дней 1917 года.

Переворот в Нижнем-Новгороде произошел 1 марта. Е. А. Дунаев с небольшим отрядом юнкеров отправился в Кремль и арестовал губернатора. Полчаса он был революционным «губернатором», отдавая все приказания, пока не была избрана «семерка», в число которой вошел и он. В это время ярко сказалось его изумительное влияние на народные массы: когда 1 марта толпа подошла к тюрьме, и начальник ее отказался открыть ворота, «Александр» взобрался на наружные ворота тюремного здания и направил толпу в казармы за солдатами. И вся толпа, в которой было полгорода и все сормовичи, повиновалась беспрекословно.

По избрании Совета Рабочих Депутатов Нижнего-Новгорода тов. Александр был избран товарищем председателя Совета. Это обстоятельство является также весьма характерным для нашего друга. Он весь отдает себя делу, вся фактическая работа в весьма значительной степени лежит на нем, но честь первого места ему не нужна. Он удовлетворен радостным сознанием победы рабочей революции, ходит и все время весело напевает про себя: «Да здравствуют Советы Рабочих Депутатов!».

После февральской революции он не почил на лаврах, но знал и всем говорил постоянно, что победа еще не достигнута, что надо укреплять позиции, что теперь-то нужна работа, работа и работа. И он работал в президиуме Совета Рабочих Депутатов, на пленумах, а после июльских дней и в Городской Думе, куда Е. А. Дунаев прошел в числе четырех большевиков [1]. По свидетельству очевидца, когда в Исполнительном Комитете поднимался с места тов. Александр в своей синей рабочей блузе, то каждое его слово, как обухом, било по правой части Комитета; он говорил нелитературно, но каждая его фраза являлась очень верным с пролетарской точки зрения положением. Он весь дышал ненавистью к буржуазии, можно было подумать, что каждый из ее среды является личным его врагом. Он говорил редко, почти никогда вначале, а лишь тогда, когда прения запутывались, он вставал, чтобы сказать как раз то, что было нужно.

---

[1] Г. Биткер. Е. А. Дунаев («Ткач», № 2, 1923, Иваново-Вознесенск.)

После горячки первых дней и месяцев февральской революции 1917 года еще до октябрьских дней Е. А. Дунаев вышел из президиума С. Р. Д. и весь отдался работе в Губернском Продовольственном Комитете. По мысли его теперь, и в особенности после октября, когда политическая власть перешла в руки рабочих, необходимо было все силы употребить на устройство хозяйственной жизни страны. Будучи товарищем председателя Губернского Продовольственного Комитета и заведывающим мануфактурным отделом, он фактически проводил национализацию и муниципализацию всех частных владельческих складов и распределение их среди трудового населения: известно, что за все время своей работы он не разрешал вывозить ни одного пуда продукта из города, оставляя ввоз в Нижний-Новгород совершенно свободным, избавивши, таким образом, город от голодовки. Из Губернского Продовольственного Комитета он перешел затем на работу в Нижегородский Совет Народного Хозяйства, где устраивал Отдел Рабочего Контроля, а затем Пищевой Отдел. Состоя вместе с тем членом партийного бюро, он ездил за это время по разным делам и в Москву и в Петербург, где мне в последний раз удалось поговорить с ним, к сожалению, только по телефону. После одной из этих поездок в Москву в начале 1919 года Е. А. схватил по дороге тиф и заболел по возвращении. Его истощенный долговременными лишениями и усиленной работой организм не выдержал, и 14 марта 1919 года в Нижнем-Новгороде он скончался.

А. Рябинин.

ДУНДИЧ ** — серб по происхождению. Сын крупного скотопромышленника. Отец бессовестно эксплоатировал своих работников, и за это Дундич еще с детства возненавидел его. В 1912 году Дундич воюет против турок, в 1913 г. — против болгар и албанцев, в империалистической войне — против германцев. Попадает в плен в Германию, оттуда в 1916 году перебирается в Россию. Здесь Дундич поступил в Сербский добровольческий корпус. С начала февральской революции он перешел на службу в один из казачьих полков. После октябрьской революции стал на сторону советской власти, сформировал в Одессе из сербских революционеров интернациональный отряд и повел борьбу против гайдамацких и кадетских банд. В 1919 году Дундич попадает в конный корпус, где он действует под непосредственным руководством т. Буденого. В конкорпусе он проделывает чудеса храбрости. Вся армия знает об его несравненном геройстве. Красный Дундич—это была любовь и гордость всей нашей армии. В начале июля 1920 года он погиб под Ровно в борьбе с бело-поляками. Погиб еще совершенно молодым. («Конная Армия, ее вожди, бойцы и мученики» 17/XI 1919 — 17/XI 1920 г.г. Политупр. I кон. Красн. Армии. 1921 г. Екатеринослав.)

ДУНИНОВСКИЙ. — См. **Барк, Поля.**

ДУНОВСКИЙ Стефан — студент московского пролетарского университета, погиб на фронте от воспаления мозга, после самоотверженной работы в Красной армии.

ДУРАКОВ ** **Василий Егорович** — член Р.К.П., 30 лет, крестьянин с. Турки, Балашевского уезда, Саратовской губ. Расстрелян бело-эс-эрами в ночь на 1 января 1921 г. в Троицкосавской тюрьме. Т. Дураков попал в Тобольск в качестве солдата гвардейского Преображенского полка, охранявшего в Тобольске бывшего царя. Это был прямой, решительный характером, с твердой пролетарской волей человек (до призыва в солдаты он был рабочим на заводе). Небольшая группа солдат-преображенцев, 6—7 человек, в их числе был т. Дураков,—примкнула к большевистской фракции в Тобольском Совете и вела в нем активную работу. Когда Тобольский Совет эвакуировался, т. Дураков был в командировке в Ишиме.

Ему была дана телеграмма, чтоб он ехал в Тюмень, но депеша его не застала, и он приехал в Тобольск прямо в руки белым.

Во время его сиденья в тюрьме, там вспыхнуло восстание заключенных, которое было жестоко подавлено с массой убитых и избитых. После восстания над уцелевшими от расправы был суд, в результате которого несколько человек было приговорено к расстрелу; т. Дураков уцелел на этот раз и только был переведен на более суровый режим. Когда, под натиском Красной армии, белым пришлось уходить, они увезли с собой арестованных, и в ночь на 1-е января т. Дураков в числе других был расстрелян.

Вот выдержки из его предсмертного письма в стихах, где он обращается к жизни:

Витает смерть во мраке надо мною,
Придет она под свист и пенье пуль,
Веду в душе расчеты я с тобою
И что ж в итоге вижу?—нуль...

Я расстаюсь с тобой без жалости, спокойно
Предстану в мир загробный, неземной,
А мысль стучит и мечется нестройно:
Без пользы жил, — умри же, как герой!

И. Коганицкий.

ДЫЧКИН Кузьма. — См. **Подтелков.**

ДЬЯКОВ ** Михаил Александрович — врач, учился в Дерптском университете; уже в 1896 — 1897 г.г. был соц.-демократом, работал в Петербурге. Был врачом в Московской губ., умер от сыпного тифа в 1920 г.

ДЮМИН ** А—старый партийный работник. Председатель Бердянского Исполкома в 1918 г., член Тавр. ЦИК'а. Расстрелян немцами в Бердянске 8 апр. 1918 г.

ДЯТЛОВ ** — петроградский рабочий, командовал отрядом при подавлении юнкерского восстания на Гребецкой ул. в Петрограде в 1917 г. Когда над зданием появился белый флаг, Дятлов, думая, что юнкера сдаются, бросается к зданию, чтобы первым проникнуть туда, и падает расстрелянный внезапным провокационным пулеметным огнем. (Свед. взяты из ст. А. Метелева в «Пролет. Рев.» № 3.)

Е.

ЕВДАЛОВ ** Андрей — комсомолец, задушен белогвардейцами в лагере военнопленных на Русском острове в период первой интервенции японцами Приморской обл. (1918 — 1919 г.г.). («Рабочая газета» № 87 за 1923 г.)

ЕГАРОВ ** —коммунист Боровичской организации, убит при исполнении служебных обязанностей в Заспенской волости. Он был зарыт в непроходимый мох и отыскан при помощи собак.

ЕГОРИН Андрей — пал в борьбе с белыми под Псковом в начале сентября 1919 г.

ЕГОРОВ ** — рабочий - мельник г. Саратова. Тов. Егоров — любимец молодежи. Веселый, жизнерадостный, он работал играючи, шутя. В кровавые дни набега казаков, когда многие сурово сжимали челюсти, т. Егоров шутил и говорил: — «Ничего, справимся с этими казачишками, — еще не это будет впереди». — И его слова стали пророческими. Много видел т. Егоров того, что сам предсказал, но никогда духом не падал, ни на одну минуту. Смерть его поразила многих, знавших его, так как он был бодр, и свеж, и весел. («Пять лет пролетарской борьбы», г. Саратов.)

ЕГОРОВ ** Александр Михайлович — сын крестьянина Бараньегорской волости Новоторжского уезда Тверской губернии. С детства его отдали в магазин при ресторане Палкина в Петрограде. Пройдя необычайно тяжелую школу мальчика - прислуги, не видя ни одного почти свободного дня в течение 5 лет, А. М. не потерял в этой удушающей атмосфере своего стремления к иной жизни, которое у него тогда отлилось в форму тяги к дальнейшему образованию. Восемнадцатилетним юношей он поступает в учительскую семинарию, которая в те времена выделялась своим узко-шовинистическим направлением. Здесь особенно культировались лозунги: «Православие и самодержавие». В общей массе молодежи взрослый, сознательный и самостоятельный т. Егоров не мог не выделиться и, конечно, с первого же года обучения ему пришлось выдержать все нападки оголтелых администраторов, поставивших целью выбить из голов своих питомцев всякий намек на самостоятельность воззрений. С трудом, но все же А. М. закончил курс и поступил учителем в Алтуховское двухклассное училище в Калужской губернии. Работа эта не удовлетворяла нервного, вечно ищущего новых путей к освобождению человека. Он осел на землю, т.-е. вернулся в деревню и занялся крестьянским хозяйством. Вскоре А. М. был призван в войска. Несколько лет ему пришлось выносить все тягости солдата царской армии; он служил в артиллерии в г. Риге. Особенно тяготили его общие вопросы жизни, и в частности вопрос религиозный. Я помню одно из его писем, где он горячо упрекал меня за то, что я нарушил его душевное равновесие, развернув перед ним в одной из продолжительных бесед материалистический взгляд на религию. После военной службы А. М. возвращается в Петроград и долго занимается продажей яблок на улицах столицы. Затем переходит на учительскую работу в Московскую губернию. Здесь он ярко выделился из среды учительства на 1-м учительском съезде Моск. уезда. Он резко критиковал постановку дела школьного обучения, говоря, что 10 свободных университетов дадут крестьянству больше, чем все школы уезда. Далее он переходит в страховые агенты Губ. Земства и поселяется на ст. Куровской Богородского уезда Моск. губ., где его и застала революция. С жаром, свойственным А. М-чу, бросается он на агитацию не только в своем районе, но и далеко за его пределами (напр., в Павловском Посаде). С самого начала февральской революции он явился уже определенным стойким поборником тактики и программы большевиков. В своем районе он был избран председателем Совета Рабочих Депутатов и осенью 1917 года—членом уездного земского собрания. После Октябрьского переворота А. М. работал в Губернском Исполкоме, где принимал участие в смене старой земской управы, а затем был назначен комиссаром земледелия Московской губернии. Непосильная напряженная работа в Зем. Отделе Московского Исполкома, выражавшаяся, главным образом, в борьбе со спецами, окончательно надорвала здоровье А. М. и он более полгода находился на излечении в санатории под Москвой. Весною 1920 г. А. М. заболел сыпным тифом и вскоре умер.

А. Егоров.

Д. Розанов.

ЕГОРОВ Михаил Павлович — родился в Петрограде в 1880 г.; сын токаря-металлиста. Общее образование получил в Липецке, в уездном училище, которое и окончил. В 1895 г. пошел работать на патронный завод в Луганске, где в то время работал и его отец. 3 года числился учеником, в 1899 г. получил звание токаря. В период работы на заводе в качестве ученика он старался использовать для пополнения своего образования все свободное от работ время; и хотя последнего было слишком мало, так как в будни работал по 12 — 14 часов, а в праздник—по 7 — 8 ч., он все же имел возможность посещать некоторое время воскресную школу.

Суровая школа юношеских лет, проведенная в стенах патронного завода, где безответственно в то время царили военное чиновничество и полуказарменная дисциплина, к началу девяностых годов выковала из него борца-пролетария.

Период до 1905 г. прошел попрежнему в работе на заводе; но в эти годы пополнение знаний проходило уже не в воскресных школах, а в нелегальных рабочих кружках, которые находились под руководством партийных товарищей, где наряду с задачами развития классового самосознания обсуждались и вопросы текущего момента. В то время в Луганске уже существовал подпольный комитет Р.С.-Д.Р.П., который и руководил работой. Война с Японией, Потемкинское восстание, начавшиеся по всей России вспышки забастовок и протестов находили себе яркое отражение в кружках луганских рабочих; таким путем из членов кружков вырабатывались уже будущие силы, которые в конце 1905 г. повели за собой массы патронного и Гартманского заводов.

1905 г. был годом вступления т. Егорова в Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Конец 1905 г., ознаменовавшийся созданием советов рабочих депутатов, выдвинул и его от рабочих патронного завода членом первого Луганского Совета. Благодаря основательно поставленной организации рабочих, власть в Луганске, правда ненадолго, перешла в руки рабочих; сразу наступившая полоса репрессий и поголовных арестов членов Совета заставила последних уйти в подполье. Энергичные розыски полицией заподозренных рабочих, почти ежедневные обыски на их квартирах заставили и Егорова некоторое время скрываться. В январе 1906 г. он был арестован, но после семимесячного заключения в Луганской, Харьковской и Екатеринославской тюрьмах был освобожден и вернулся в Луганск.

Но в Луганске его, как заподозренного в политической неблагонадежности, на заводы не принимали. В 1906—1907 годах ему пришлось испытать всю тяжесть безработного. После бесчисленных мытарств удалось устроиться в Оренбурге в железнодорожных мастерских. Там он продолжал и свою политическую деятельность. При выборах во 2-ю Государственную Думу он был выборщиком по гор. Оренбургу от рабочей партии. Но в Оренбурге также долго не пришлось прожить, вследствие его популярности среди рабочих, на что администрация мастерских и местная власть смотрели очень косо, и вследствие ставшего известным его прошлого ему предстоял новый арест, что заставило его покинуть Оренбург и приехать в Луганск. Устроившись здесь работать вначале на заводе Гартмана, а потом на патронном, благодаря перемене там почти всей высшей администрации, он продолжал вести кружок. Репрессии после 1905 — 1906 г.г. разгромили тогда все организации почти во всем Донбассе. Сыск и слежка велись широко, и приходилось действовать очень осторожно. Егоров принял деятельное участие в работах рабочего кооператива в качестве члена правления. Благодаря тому, что правление почти исключительно состояло из партийных товарищей, являлась возможность вести широкую пропаганду на заводах. Затихшая было в период до 1910 года партийная работа в кружках возобновилась с новой силой в 1910 и 1911 годах. В Луганске было несколько хорошо организованных кружков; выпускались листовки; имелась собственная подпольная типография; производились сборы и пр.; насчитывался не один десяток хорошо организованных товарищей. Расстрелы на Ленских приисках в Луганске отразились объявлением забастовки на всех заводах. Последовавшие затем аресты вовлекли и Егорова вторично в тюрьму. На этот раз, после 5-месячного заключения, он был выслан за пределы Екатеринославской губ. под гласный надзор полиции. Прожив некоторое время в Кременчуге, Егоров получил разрешение переехать в Самару, где поступил

М. Егоров.

на трубочный завод. Самара в то время служила местом, в котором собрались высланные из разных мест партийные товарищи; они вели энергичную партийную работу среди рабочих, Егоров также принял в ней участие. Партийная работа проходила в рабочем кооперативе; издавалась газета, перешедшая от меньшевиков, которые согласились передать ее большевикам из-за недостатка средств. Резкое изменение направления газеты заставило ее прекратить свое существование. Разгром партийного комитета в Самаре в 1916 г. отразился на Егорове только рядом обысков.

В самарском трубочном заводе Егоров занимал должность мастера инструментальной мастерской. Административное его положение позволяло ему с большой легкостью исполнять те или другие партийные поручения и вместе с тем создало широкую популярность среди рабочих, у которых он пользовался уважением и любовью.

В первый период существования в Самаре Советской власти (октябрь 1918 г.—май 1919 г.) М. П. состоял в Г.С.Н.Х. сначала ответственным работником в одном из отделов, а затем—членом президиума губсовнархоза и даже заместителем председателя. В этот бурный по настроениям период, когда представители Красной гвардии не признавали никаких сдерживающих норм, ему, человеку социалистически-хозяйственному, не раз приходилось под наведенными на него револьверами со спокойной улыбкой говорить: «Я—часовой, товарищи, у советского имущества, а вы знаете, что часовым с постов не полагается уходить, если даже их жизнь подвергается опасности. Давайте лучше по приятельски разберем дело».

Чехо-словацкая авантюра заставила М. П., в период наступления на Самару, оставить совнархозские дела и стать в ряды коммунистических войск, защищавших Самару. В момент отступления советских войск, М. П. был одним из последних, кто, как говорится, считал нужным биться до конца, и замешкался на улицах Самары, пока не осталось ни одного патрона в сумке. Случайность спасла его от смерти в первый момент по прекращении сопротивления чехам. А потом, благодаря прекрасному знанию города, он, ловко маневрируя среди чехов, пробрался в район расположения трубочного завода и здесь скрылся среди рабочих. До июля М. П. вынужден был коротать день за днем в разных сараях, пустых дачных помещениях Барбашиной Поляны, под ежеминутной угрозой быть узнанным чехами и расстрелянным. Изредка ночью он выползал из той или другой своей норы и навещал жену и детей. Когда, наконец, удалось оформить его отъезд, он на барже, тогда еще ходившей по Волге от учредиловки в Советскую Россию и обратно, отправился с группой луганцев в Симбирск.

Завидным спокойствием обладал М. П. В Самаре с величайшим трудом перебивалась его семья, ежечасно посещаемая шпионами, которые то-и-дело справлялись, где он находится. Сам он невероятно бедствовал, подвергался на каждом шагу опасности, но спокойствия не терял. Он говорил: «Дело ясное: наше дело скрываться, а их—ловить нас. Ничего тут другого не может и быть. Поймают,—убьют почем зря, а не поймают—жить будем».

Весь период отступления советских войск до Казани, а затем наступления до Уфы М. П. пробыл в Красной армии, начиная с момента выезда из Самары. Затем он снова вернулся в Самару и вступил членом президиума в самарский Г.С.Н.Х.

Ц. К. Р. К. П. назначил его ответственным работником в луганский металлообрабатывающий завод.

Личность М. П., как человека и коммуниста, какая-то особенная, спокойно-светлая, уверенная в том, что все, что переживается, есть необходимые звенья в цепи жизни переходного времени. Он далек был от того, чтобы создавать для себя героические моменты. Но он решительно и совершенно спокойно не раз выполнял героические роли в борьбе за Советскую власть, за социализм, и выполнял это так же незаметно и просто, как незаметно, на ходу, часто подписывал в губсовнархозе мелкие деловые бумаги.

Михаил Павлович принадлежал к числу тех коммунистов, которые не щеголяют своей преданностью партии, но которые беззаветно преданы красному знамени и всю свою жизнь отдают своей партии, выступая в самые опасные минуты спокойно, без колебаний, на защиту ее принципиальных и жизненно-практических позиций, при этом без крика о своих заслугах. Таким М. П. оставался до конца своей жизни.

Зимой, в одну из поездок в Москву, он при возвращении захватил сыпной тиф и 10 января 1921 года скончался от тифа.

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич — член Р. К. П. московской организации Сущевско-Марьинского района, начальник отделения эксплоатации и ремонта автомобильного управления 10-й армии, умер в начале августа 1919 г.

ЕЖОВ, ** **ФЕДОРОВ** и **ТОЛКАЧ.** Все трое вместе перенесли ужас колчаковщины и все трое почти при одних и тех же обстоятельствах погибли. Поэтому их имена тесно связаны друг с другом в памяти всех, знавших их, хотя они, при жизни, далеко стояли друг от друга, и только при советской власти сблизила их общая работа и идейная спайка.

Петр Иванович **Ежов,** пожилой почтово-телеграфный служащий, начальник Якутской п.-т. конторы. По своему прошлому, по своему классовому положению и идеологии он, безусловно, мог быть не нашим. Но, тем не менее, он искренно перешел на сторону советской власти еще в 1918 году, когда так мало из среды интеллигентных кругов кто-либо поддерживал ее.

После падения советской власти, все трое, в числе многих других, были высланы из Якутии в Иркутскую губ., где они попали в Иркутскую тюрьму. Весь период колчаковщины они провели в ней. Когда Колчаку пришлось туго от наступавших красных частей и от внутренних восстаний потерявшего терпение трудового населения, его сатрапы составили список заложников в 78 человек, из которых здоровыми оказались только 28 человек, а остальные все лежали в тифу. Их увезли в Читу... Прощаясь с товарищами по камере, они были спокойны. Тов. Федоров сказал: «16 лет я не знаю, где моя родина. Некому поэтому посылать привет. Если кто вспомнит меня из старых друзей, то скажите: был Федоров и расстрелян бандитами». Их не довезли до Читы... Всю дорогу били... Два дня не давали ни воды, ни пищи... На ст. Даурия, раздев до-гола, выгнали их в декабрьский мороз на улицу и расстреляли. Тов. Ежов перед этим сошел с ума...

А Толкач... Его «тоже» повезли в Читу... по добавочному списку. Но его не довезли даже до ст. Даурия... Когда конвоиры-казаки начали издеваться над ним, он ответил им тем же. Как будто даже нанес одному из них пощечину. За это ему тут же отрубили шашкой голову. Жену его в Якутске, как большевичку, тоже зарезали.

Ис. Барахов.

ЕЗЕРСКИЙ ** **Павел Семенович.**—См. **Билецкий Ник. Станисл.**

ЕЛАГИНА ** **Елена Андреевна,**—21 года, дочь старых большевиков, вступила в партию в дек. 1919 г. В янв. 1920 г. уехала в Туркестан с агит.-инстр. поездом «Красный Восток». Работая среди ж.-д. рабочих Ташкента, она заразилась тифом и умерла 25 ноября 1920 г.

ЕЛИЗАРОВ Марк Тимофеевич — родился 22 марта 1862 г., умер 10 марта 1919 г. Марк Тимофеевич происходил из крестьянской семьи. Родиной его была деревня Бестужевка Самарской губ., расположенная на Волге против Сызрани. Отец его пользовался большим уважением в деревне, был избираем бессменно в сельские старосты и сыграл видную роль во время освобождения крестьян. Своего меньшого сына, выказавшего еще в сельской школе большие способности к математике, он решил учить дальше и поместил его в самарскую гимназию. Живя «на хлебах», мальчик пошел прекрасно, по математике прямо блестяще, и в старших классах содержал себя сам уроками, при чем занимался, между прочим, и со своими одноклассниками, разными дворянскими и купеческими баловнями. По окончании гимназии он поступил на физико-математический факультет петербургского университета. Но связь его с деревней как в гимназии, так и в университете, не порывалась. Ежегодно по летам приезжал он домой и работал в поле наравне с односельчанами. Вследствие этого у него сохранилась крепкая связь с родной деревней и со всей округой, что по тому времени было редкостью, ибо обычно молодой человек, кончающий не то что университет, но и гимназию, отходил от родной среды, как все разночинцы.

Это не порывавшаяся связь, а также простой, открытый и мягкий характер Марка Тимофеевича создали чрезвычайно благоприятные условия для бесед и пропаганды в деревне. Он был самой популярной личностью; его приездов ждали, к нему шли с расспросами, за советами. Он пользовался таким уважением и доверием, что мог безвозбранно вести беседы, за которые другие представители его же воззрений попадали очень скоро в тюрьмы и в ссылку. Мог читать им такие брошюры, как «Хитрая механика», «Кто чем живет» и т. п. печатные и гектографированные издания. Марк Тимофеевич придерживался тогда народнических воззрений, а затем стал клониться к народовольчеству. Его рассказы в студенческих кружках о собеседованиях в деревне, о настроениях деревни вызывали огромный интерес и даже некоторую зависть к нему, как к поставленному в исключительно благоприятные отношения к народу. Тогда самое трудное было завязать связь с деревней, завоевать себе доверие в ней, и счастливчиком казался товарищ, пользовавшийся всем этим в полной мере, да еще в поволжской деревне, над которой реяли образы Стеньки Разина и другой вольницы, на которую были устремлены вожделения большинства революционно настроенного студенчества.

М. Елизаров.

И Марк Тимофеевич стремился по окончании курса в родное Поволжье, хотел работать и быть полезным там, но ни к какой службе по выборам или в земство его не допускали вследствие близости его в Петербурге к казненному старшему брату Владимира Ильича,—Александру Ильичу Ульянову,—а затем и ко всей семье Ульяновых, с которой он породнился женитьбой на старшей сестре, Анне. По справкам департамента полиции видно, что со времени своей женитьбы он находился под постоянным негласным надзором полиции.

Пришлось взять канцелярскую работу в Самаре, а затем с 1893 года бухгалтерскую в жел.-дорожном управлении в Москве. К этому времени Марк Тимофеевич распростился окончательно с народническими иллюзиями и стал соц.-демократом. Он был близок к кружкам Мицкевича и Масленниковых и хотел войти в московский соц.-демократ. комитет 1896 года, которому оказывал много услуг, но члены его (Финн, Чорба и др.) сказали, что считают М. Т.—вследствие семейного положения—более полезным вне комитета. Это был год массовых стачек текстильщиков в Петербурге и Москве,—год, когда сидел в предварилке по делу Союза Борьбы Владимир Ильич.

И позднее почти непрерывающаяся замешанность кого-либо из семьи Ульяновых, а иногда и нескольких сразу, в революционной работе затрудняла таковую для Марка Тимофеевича. Необходимо было хоть кому-либо «быть опорой» семье,—главным образом матери, Марии Александровне Ульяновой, которая прожила с Марком Тимофеевичем почти беспрерывно до самой смерти своей, в 1916 году, и для которой он был истинным сыном. Но кроме того и широкая, открытая натура Марка Тимофеевича плохо подходила для той сугубой конспиративности, с которой, в его положении, приходилось вести дело.

Наскучив сухой бухгалтерской работой, Марк Тимофеевич задумал поступить в Московское Инженерное Училище, но охранка отказала ему в выдаче необходимого для этого свидетельства, и лишь распоряжение министра путей сообщения, Хилкова, принять его как выдающегося жел.-дорожного работника, помогло ему обойти это препятствие. Но обойденная охранка злилась, неоднократно доносила на него в училище и при первом же случае, накануне, так сказать, окончания, на 3-м курсе, арестовала его и добилась его исключения.

Этим случаем были студенческие беспорядки в марте 1901 года и одновременный крах соц.-дем. комитета (Платон Васильевич и Софья Николаевна,—по второму мужу Смидович,—Луначарские, М. И. Ульянова, Немчинова, Блюм и др.). Хотя Марк Тимофеевич членом этого комитета не был, а лишь оказывал ему некоторые услуги и присутствовал лично лишь на одной вечеринке, в число участников которой затесался провокатор Азеф, но близости его к семье Ульяновых было достаточно для того, чтобы его продержали 8 мес., как и главных участников, и дали одинаковое с ними наказание—2 года гласного надзора. Это было в то время, когда «Искра» и организаторская работа Вл. Ильича заставила полицию кусать локти от досады, что она пустила его за границу.

Марк Тимофеевич выбрал родину, Сызрань, но, не найдя работы там, поехал на инженерную практику сначала в Томск, а затем на Дальний Восток. Последняя служба дала ему возможность посетить китайские города—Шанхай, Чифу—и Японию.

По окончании гласного надзора он вернулся в Россию и поступил бухгалтером службы пути в управление Николаевской жел. дор. в Петербурге. Это было уже, так сказать, в канун октябрьской революции 1905 года. В рабочих массах, в том числе и железнодорожных, все бродило. Экономическое положение их, как и всего пролетариата, было очень тяжелое. Марк Тимофеевич стал сразу входить в интересы широких масс железнодорожников. Он начал разрабатывать для них пенсионный устав на широко демократических началах. Вычеты со служащих и рабочих в пенсионный фонд должны были прогрессивно сильно падать соответственно получаемому ими жалованию, так что низшая категория получала по этой идее пенсию почти исключительно из государственных средств, а высшая почти исключительно из вычитаемого с нее в эмеритуру. Проект этот, составлявший по тому времени очень смелое новшество, горячо приветствовался всей рабочей частью железнодорожников и создал Марку Тимофеевичу огромную популярность в их среде. Он был выбран представителем Никол. жел. дор. на пенсионный съезд, который занял сразу очень смелую и независимую позицию по отношению к правительству и явился прологом к октябрьской революции 1905 года. С момента всеобщей железнодорожной забастовки делегаты на съезд стали фактически во главе управления. Марк Тимофеевич получал телеграммы и при почтово-телеграфной забастовке как из далекой Кушки, где удалось добиться отмены расстрела инженера Соколова, так и из других мест, в то время, когда министры таковых не имели.

Зато после подавления революции гнев правительства обрушился прежде всего на главарей. Марк Тимофеевич был арестован в начале декабря 1905 года и, после 3-месячного сидения, выслан из Петербурга с запретом служить по железнодорожному ведомству. Он выбрал Сызрань, где принимал деятельное участие в редакции газеты «Сызранское Утро», популярной, широко распространявшейся среди крестьянства, разъяснявшей платформы разных партий при выборах в 1-ю Думу. Затем он переехал в Самару, где участвовал также в газете, а затем вступил в местный соц.-дем. комитет и проводил выборную кампанию во 2-ю Думу. Его выступления на предвыборных собраниях против кадетов и эс-эров обратили тогда на себя общее внимание и приветствовались очень широко. Он умел сразу, как пером, так и словом, найти общий язык с массами, подойти без всякого труда вплотную к их пониманию.

Наступившая после разгона 2-й думы реакция и отсутствие заработка заставили его поехать на работу в Нерчинск; но и в том далеком краю он мог служить на постройке железной дороги лишь неофициально, благодаря знакомству с заведующим постройкой. Эта служба дала Марку Тимофеевичу возможность привести в исполнение свою давнишнюю мечту: проехать морем из Японии в Западную Европу.

По возвращении надо было опять подумать вплотную о заработке. Но работу Марк Тимофеевич мог иметь лишь в частных обществах.

Тюремные заключения, высылки и полная тревог и волнений жизнь, как для него лично, так и для всей его семьи, рано вызвали в нем болезнь сердца, которая при неизменявшихся условиях все прогрессировала. В 1911 году врач заявил ему, что он может жить лишь «потихоньку».

Но потихоньку по своей натуре Марк Тимофеевич жить не мог и когда во второй раз в его жизни, с началом пролетарской революции, перед ним встала возможность работы на широком поприще, он вошел в нее со всем жаром и полным самозабвением. Он взял на себя тотчас же после октябрьской революции пост наркома путей сообщения, что имело большое значение для партии ввиду сохранившейся к нему со времени первой революции симпатии железнодорожных низов.

Но для самого Марка Тимофеевича эта колоссальной трудности работа в течение первых месяцев страшного хаоса и общего почти саботажа обошлась слишком дорого: он постарел на несколько лет.

Второй комиссариат, организованный им единолично, был по страхованию и борьбе с огнем. Прекрасный организатор по натуре, Марк Тимофеевич сумел сплотить вокруг себя и поставить на трудовые рельсы всю работу, снискав в то же время большую любовь и уважение сотрудников.

Реорганизация этого комиссариата, заставившая его уйти, стоила ему многих волнений, что сильно ослабило его сердце.

В январе 1919 года Марк Тимофеевич вошел в коллегию Нар. Комиссариата Торговли и Промышленности,—теперешний Внешторг,—но здесь ему не удалось уже развить своей деятельности. Подкравшейся во время его первой служебной поездки в Петроград болезни (сыпного тифа) не вынесло его сердце. И стало меньше одним из энергичных строителей в пролетарских рядах, одним из горячо бьющихся за лучшее будущее сердец...

И все, близко знавшие Марка Тимофеевича, почувствовали, какую огромную пустоту, — как работник-организатор, как преданный революционер-коммунист и как добрый, отзывчивый товарищ,—оставил после себя покойный.

А. У.

ЕМЕЛЬЯНОВ ** —убит учредиловцами на станции «Якушка» Спасского у. летом 1918 г. («Пути Революции» № 1, изд. Татбюро Истпарта.)

ЕМЕЛЬЯНОВ ** **И. С.** — командир сводной роты Новгородских Курсов, погиб на фронте 2 ноября 1919 г. Тов. Емельянов — студент политехнического института, насильно загнанный в ряды царской армии во время империалистической бойни. Он вышел из крестьянской семьи и, когда раздался мощный призыв Революции, он вступил в ряды коммунистической партии. («Звезда» № 277 от 23/XI 1919 г.)

ЕРЕМЕЕВ — быв. прапорщик, секретарь комиссара юстиции, своим беззаветным мужеством и распорядительностью с горстью храбрецов задерживал наступление чехо-словаков, чем дал возможность уйти к Верхнеуральску всему отряду. Был расстрелян вместе с т. т. Ивановым и Дмитриевой в г. Троицке в конце июня 1918 г.—См. **Иванов.**

ЕРМАН * **Яков Зиновьевич.** — С первых же дней февральской революции тов. Ерман работал в Царицыне. После июльских дней 1917 года правительство Керенского, решив расправиться с революционным Царицыном, послало туда «экспедицию для борьбы с анархией» во главе с черносотенным полковником Корвин-Круковским, который объявил город на военном положении и арестовал виднейших лидеров царицынских большевиков. Тогда резко выплывает деятельная, энергичная фигура тов. Ермана. В городе воцарилась черносотенно-военная диктатура. Большевики загнаны в подполье. Тов. Ерман, несмотря на тяжесть положения, сохранил полное спокойствие и сосредоточенно, выдержанно продолжал работу. С минуты на минуту ожидая ареста, он выступал на собраниях, налаживал выпуск «Листка борьбы», руководил фракцией Исполн. Ком. Совета. Через несколько дней тов. Ерман был арестован и отправлен в саратовскую губернскую тюрьму. Незадолго до октябрьской революции его освободили оттуда солдаты саратовского гарнизона. В июле 1918 года под Царицыном он погиб... Погиб славный, искренний, честный, стойкий революционер. Молодой, энергичный и беззаветно преданный общему делу, он бессменно стоял на славном посту солдата революции и стойко держал в руках красное пролетарское знамя. («Правда» № 154 от 21 июля 1918 г.)

Тов. Ерман—член Р. К. П. Петроградской организации с 1915 г., член В. Ц. И. К., делегат I, II, IV и V Съездов Советов. В октябрьские дни 1917 г. в Питере тов. Ерман принимал деятельнейшее участие в перевороте. В последнее время он был председателем Царицынского Исполкома. При возвращении с V Чрезвычайного Съезда Советов по Волге в Царицын тов. Ерман был убит 17 июля (1918 г.) около полудня при случайном столкновении красноармейцев с грузчиками и пассажирами на пристани в сл. Николаевской, где стоял пароход «Ярославна» с царицынскими делегатами. Ерман поспешил ликвидировать столкновение и был сражен пулей в голову навылет. При проезде через Саратов тов. Ерманом был задержан один из главарей московского восстания левых эс-эров—Саблин. («Известия ВЦИК» № 152 от 20 июля 1918 г., «Великий Красный Новгород».)

Я. Ерман.

ЕРМАКОВ М.—погиб в боях под Псковом в сентябре 1919 г. («Б. Правда № 35 за 1919 г.)

ЕРМОЛАЕВ И. М. — член правления профессионального союза пуговичников и крючечников, умер в мае 1918 г. («Изв. В. Ц. И. К.» от 1918 г. 30 мая № 108.)

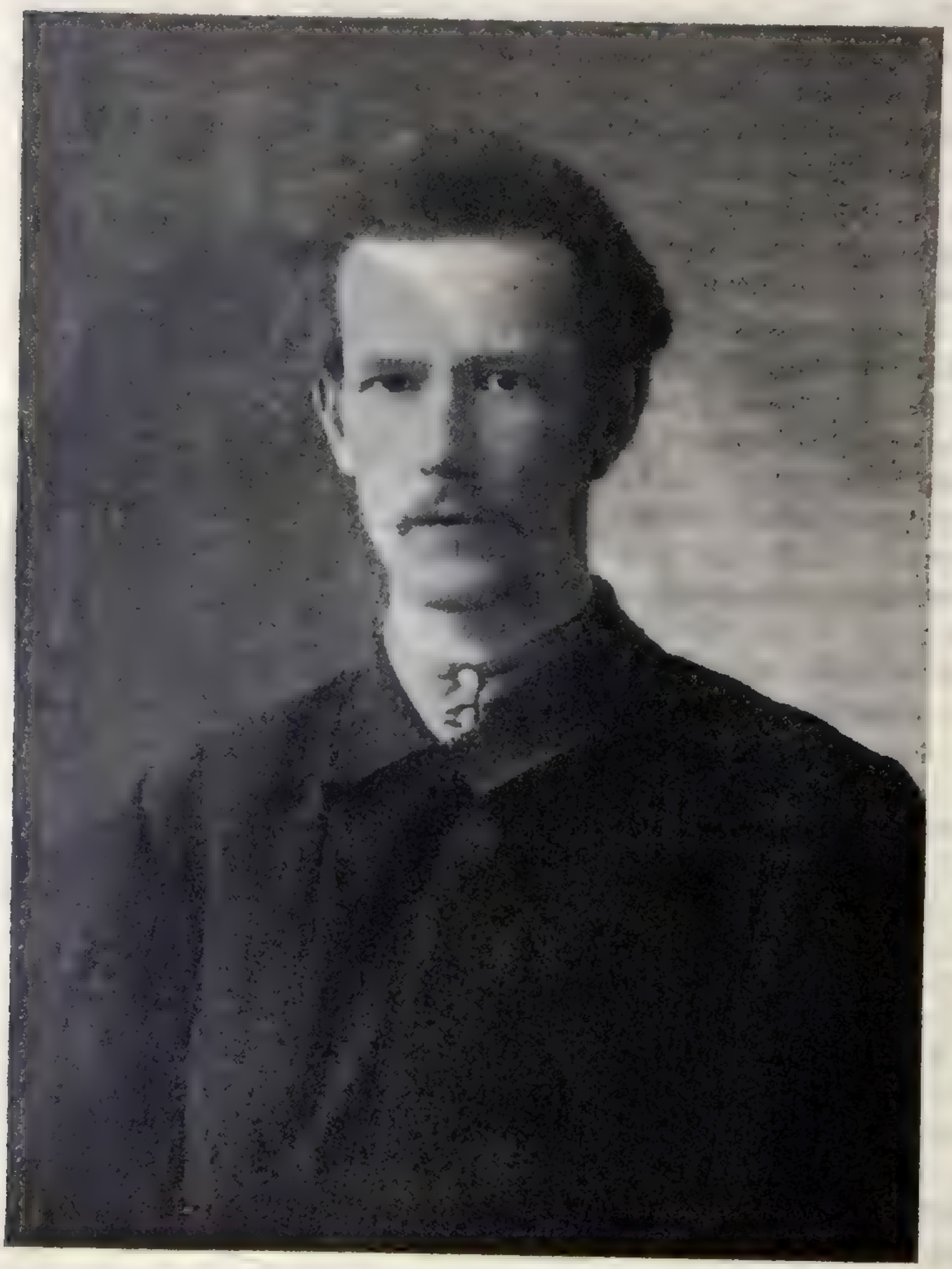
ЕРОФЕЕВ—рабочий с Брянского вокзала в Москве, был начальником Красной гвардии вокзала. («Октябрь 1917 г. в Хамовниках» от 7 ноября 1921.) —См. **Ванторин.**

ЕРШОВ ** Павел — убит 14 октября 1919 г. в Новгороде первым при белогвардейском налете. (Сб. «Вел. Красн. Новг.», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

ЕРШОВ ** Сергей Петрович. — Оставшись с раннего детства без отца, С. П., будучи учеником младших классов гимназии, стал зарабатывать уроками и поддерживать себя и свою мать. Окончив среднее учебное заведение, он поступил в С.-Петербургский университет, на физико-математический факультет. Принимая участие в революционных выступлениях студентов и рабочих, С. П. на одной из демонстраций Петербурга был ранен шашкой по голове напавшим на него жандармом, но тогда ему удалось вырваться из рук полиции и окружившей его жандармерии. В конце 90-х годов вместе с своей женой Н. М. он уехал учиться за границу. Но и там он не мог всецело отдаваться науке, приходилось зарабатывать на жизнь уроками, которые он давал в студенческой среде. Очень нуждаясь материально, он все же окончил университет со званием доктора химии. По приезде в Петербург, вскоре поступил в горный Институт, где одновременно был студентом и преподавателем на младших курсах Института. Революция 1905 года заставила его использовать свои познания по химии и, живя с семьей в одной маленькой комнатке, он занимался изготовлением бомб для наших военных организаций.

С некоторым анархическим налетом в области социального мировоззрения и с большими склонностями к научной работе, он настойчиво и много занимался вопросами химии и минералогии и другими отраслями этой науки. Война и февральская революция застали его на Кавказе в качестве исследователя горных пород, где-то около Владикавказа. После октябрьского переворота он вошел в партию Р. К. П. и был направлен комиссаром минеральных вод в г. Пятигорск. Будучи человеком сильной воли, большой демократ во всей своей жизни, с хорошими организаторскими способностями, он много внес в работу по урегулированию жизни в этом районе, но вскоре наступления банд Деникина заставили его вместе с другими товарищами отступать с Кавказа. Путь он выбрал на Астрахань. Тяжелое следование вместе с отступавшей 12-й армией было для него затруднено его большой семьей, плохо одетой по зимнему времени и плохо снабженной средствами. Вскоре болезнь жены заставила его остановиться в деревне Березяк на берегу Каспийского залива, куда через несколько дней явились банды Деникинских казаков и где он был выдан примазавшейся к коммунистам беженкой из Пятигорска. Последнее трагическое свидание с семьей было в тот момент, когда Нина Марковна была в бессознательном состоянии, а маленькие дети захворали тифом. На другой день он был расстрелян казаками.

С. П.



С. Ершов.

ЕРШОВА ** **Нина Марковна** (урожденная **Познер**) — родилась и выросла на Северном Кавказе, в городе Грозном. Окончив гимназию в Баку, поехала учиться в СПб, поступила на Высшие Женские Курсы и слушала лекции профессора Лесгафта. Жизнь впроголодь, на грошовый заработок, кажется, никогда не угнетала живую и веселую Н. М. Революционная студенческая среда захватила ее, и она приняла самое живейшее участие в первой же, по ее приезде, 1897 г. известной «Ветровской» демонстрации. В дальнейшем так и пошло: существование на гроши, студенческое движение—все это не давало возможности учиться. И вот Н. М. вместе с своим мужем С. П. Е. уезжает за границу, сначала в Брюссель, а потом в Швейцарию. Там она еще больше, чем в России, голодает, но все же оканчивает медицинский факультет в Женеве и возвращается врачом в Россию. Революция 1905 года захватила чуткую Н. М. В годы реакции, живя в Петербурге, она отдается медицинской работе и воспитанию своих детей, отзываясь на все нужды нашего партийного подполья.

Февральская революция застает ее на Кавказе, работающей в качестве врача в военном госпитале. Октябрьский переворот делает Н. М. его горячей сторонницей, и она вступает в партию Р. К. П. Переехав со своей семьей в Пятигорск, она с головой уходит в партийную работу, налаживая в то время трудное дело социальной помощи населению этого района. Семья и медицина отодвинуты на задний план. Вскоре наступления деникинских банд заставляют ответственных работников Пятигорска эвакуироваться оттуда, и вот она, вместе с 12-й армией, уезжает, направляясь на Астрахань. По пути приходится ей лечить красноармейцев сыпнотифозной армии. С большой семьей, при тяжелых условиях приходится совершать этот путь. Несмотря на свое железное здоровье, она заболевает тифом. Приходится остановиться в деревне Березяк на берегу Каспийского залива, при переезде через который по льду проваливается лошадь вместе с их пожитками. Вскоре в деревню являются банды казаков. Ершова кто-то выдает, казаки отбирают у них все скудные средства, арестовывают его, и семья остается в ужасном положении. Но уже в это время болезнь берет свое и Н. М. на долгое время впадает в бессознательное состояние.

Н. Ершова.

Прошло около двух месяцев. За это время был расстрелян ее муж, умер от потрясения и, вероятно, от голода и от перенесенных им казачьих побоев ее двенадцатилетний сын — Миша. Узнать ей пришлось об их гибели от той, которая их предала. Потрясение было так велико, что через несколько дней после этого ее не стало (весной 1919 года). Где-то в заброшенной деревушке, лежа на соломе, далекая от всех близких, на глазах у своих маленьких детей, погибала верная до конца заветам коммунизма Нина Марковна.

С. П.

ЕФИМОВ ** — военный руководитель, расстрелян крестьянами села Медведь Новг. губ. 5 апреля 1918 г.—См. **Путрис.**

ЕФИМОВ—красноармеец. До последней капли крови защищал красный Питер. Был расстрелян на Петроградском фронте, под ст. Елисаветино в ноябре 1919 г. («Петр. Правда» 1919 г. №-269.)

ЕФИМОВ ** **Антон** — член РКП, после долгой и напряженной революционной работы умер в Омске в 1921 г.

В июне 1915 г. поступив на работу на Русско-Балтийский авиационный завод, я познакомился с тов. Ефимовым, который был представителем от коллектива указанного завода в Выборгский Районный Комитет и с последним имел все время связь, информируя о всей заводской жизни район, с одной стороны, и, с другой—коллектив о всех тех вопросах, каковые обсуждались и решались в районе. Мне с т. Ефимовым неоднократно приходилось бывать в подпольных кружках в районах Лахты, Озерков, Коломяг; дело было летом, мы собирались в лесу и слушали лекции главным образом по политическим вопросам, которые читал тогда товарищ под кличкой «Платон». На заводе в коллективе т. Ефимов уже сам учил наиболее молодых товарищей; частенько выступал на общих собраниях политического характера: 9 января, в годовщину Ленских событий 12 апреля 1912 г., 1 мая и в другие памятные для пролетариата дни, и только благодаря либерально настроенному директору завода т. Ефимов, а равно и другие миновали в то время каталажки.

Приблизительно в октябре 1916 г. должен был состояться суд над группой матросов Балтийского флота, которым грозила высшая мера наказания. В этот день нужно было вывести рабочих с заводов на улицу для протеста; по директиве Выборгского Районного Комитета т. т. Ефимов, Козлов и Малахов были посланы на завод «Динамо» за Московской Заставой. Как только они проникли внутрь завода, работа тотчас же была кончена, и было созвано общее собрание, на котором вышеозначенные лица выступали с докладом. По окончании все вышли на улицу, но агенты царской охранки—конные и пешие городовые—их провожали по шоссе к заставе; когда они остались одни, то бросились бежать, но были настигнуты жандармами; их арестовали и направили в Охранное отделение, а затем в «Кресты», в которых они просидели до февральской революции. По выходе из тюрьмы тов. Ефимов приходит в свой район и принимает самое горячее участие по ликвидации частично державшихся на чердаках в засадах приверженцев монархического строя городовых. Как только рабочие завода стали на работу, т. Ефимов избирается в Комитет и работает во всех направлениях, ведя дальнейшую подготовку. Кроме заводской работы, исполняет все, возложенное на него в то время Райкомом Новодеревенского района. В дни Октябрьского переворота он с оружием в руках принимал участие в ликвидации восстания юнкерского училища на Петроградской стороне.

Во время нашествия немецких юнкеров и других белогвардейцев на Псков в январе 1918 г. т. Ефимов организует на заводе отряд из рабочих, во главе его отправляется на фронт и там работает, как простой рядовой, находясь в первых рядах и нередко беря на себя весьма тяжелую задачу: он ходит в разведки, хотя никогда не служил в старой армии и не знал хорошо строй. После заключения Брестского мира мы были возвращены в Петроград, где он опять стал работать на заводе и пользовался там еще большим доверием. Во время восстания чехословаков и эс-эровской авантюры на Востоке т. Ефимов был членом Исполнительного Комитета Новодеревенского Совета и начальником административного отдела. Учитывая развертывавшиеся события, Исполнительный Комитет постановил семь членов Исполкома (из 9) отправить на фронт; в числе этих семи были т. Ефимов и я. 2 августа 1918 года мы выехали в Москву, откуда были направлены общим эшелоном на восточный фронт, под Казань; ввиду занятия чехословаками Казани эшелон остановился на станции Свияжск. После небольшого совещания партийных работников, все прибывшие коммунисты были разбиты на две группы: левобережную и правобережную. Спачала я был вместе с тов. Ефимовым в правобережной группе, и мы шли в коммунистическом отряде вместе с полками 1-м и 4-м латышскими на Свияжск, а после взятия города часть коммунистов была переброшена в левую группу; туда же попал и т. Ефимов. Приблизительно в августе 1918 г. он был ранен во время сильного артиллерийского боя шрапнелью в ногу под станцией «Юдино» в 12 верстах от Казани. По ходатайству Исполкома, из Москвы он был перевезен в Петроград в бывший Николаевский госпиталь, в котором пролежал девять месяцев и, несмотря на то, что уже не мог быть пригодным к строю, он все же хотел, хотя в тыловых частях, но работать в армии, и снова поехал на фронт. В последний раз я с ним виделся случайно на ст. Кинель в 40 верстах от Самары; я переводился в 1-ю армию, он же с эшелоном ехал на Уфу в 5-ю армию восточного фронта. Наша беседа продолжалась не более полчаса, после чего мы разъехались по разным направлениям. Об его смерти я узнал в конце 1921 года от ряда старых партийных товарищей, вернувшихся из Сибири.

В течение пяти лет нашей совместной работы до революции и после т. Ефимов все время был предан исключительно интересам пролетарской борьбы и совершенно не знал личной жизни. *Серганин.*

ЕФИМОВ Константин.—См. **Подтелков.**

ЕФИМОВ Михаил — пал в боях под Псковом в конце сентября 1919 г. («Б. Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.).

ЕФРЕМОВ ** **С. Г. (Горемыка)** — убит на двинском фронте в империалистическую войну в 1917 г. Пролетарский поэт («Кузница», октябрь 1922 г.).

Ж.

ЖАБАК ** — командир батареи 9-й армии, убит в селении Макашевке (на Хопре). («Изв. В. Ц. И. К.» № 48 от 23/II 1922 г.)

ЖАДАНОВСКИЙ Борис Петрович—офицер, осужденный на смертную казнь (заменена вечной каторгой) по делу о восстании саперной бригады в Киеве в 1905 г., положивший все свои силы на строительство Совласти, бывший руководитель советского печатного органа, член исполкомов, ревкомов, штабов и пр., и пр., — командир социалистического отряда, убит на этом посту в 12 верстах от Симферополя в конце апреля 1918 г.

ЖАК Самуил — коммунист Мстиславской организации, взят в плен белогвардейцами на Лужском участке под Петроградом и расстрелян в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

ЖАЛКОВ К. А. — член Московского Совета и ответственный профессиональный работник. Много времени уделял работе в союзе строительных рабочих, членом Ц. К. которого он состоял. Умер в июне 1921 г. («Комтруд», 1921 г., № 356.)

ЖЕБРУНОВ. **—После смерти отца вся забота о семье легла на плечи 15-летнего мальчика, и, нужно сказать, что он с честью выносил все. За свою короткую жизнь ему пришлось в зависимости от стечения обстоятельств несколько раз менять профессию. В поисках заработка Жебрунов исколесил всю Россию. Много ему пришлось перенести, но могучую закаленную в житейских невзгодах натуру ничто не могло сломить. Жажда учиться не покидала его. Урывками при первой возможности он набирался знаний и впоследствии поражал своею начитанностью. В дни Октябрьской революции Жебрунов исполнял самые разнообразные поручения. Его можно было видеть то в центре, с винтовкой в руках рвущегося в бой, то в районе, занятого какой-нибудь работой. Он рвался в бой и вместе с т. Барболиным ушел из района, чтобы принять участие в бою. Убит 31 октября 1917 г. Ему было 19 лет. *Л. А.*

(«Братская Могила», стр. 76).— См. **Барболин.**

ЖЕВАНДРЕВ ** **С. С.** — командир 2-го легкого артиллерийского дивизиона, погиб в боях с деникинцами на пути от Донца к Красному Яру. (Краткий очерк ист. 14-й стр. имени Степина дивизии, 1918—1921 г.г.)

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Анатолий Григорьевич — пал в начале августа 1919 г. смертью славных на южном фронте, где он был командиром бронепоезда имени тов. Худякова. Тело похоронено в Москве на Ваганьковском кладбище, рядом с т. Бауманом и Киквидзе.

ЖЕЛТОВ ** — военком Кавдивизии, погиб в первых числах июня 1921 г., зверски изрубленный бандитами в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии.

Тов. Желтов—пролетарий, прошедший суровую школу хозяйской эксплоатации и империалистической войны, с самого начала революции примыкает к большевистскому крылу с.-д. Возвратившись по демобилизации в 1918 г. в родной ему Борисоглебск, он сразу же втягивается в партийную работу. Он работает в профессиональных союзах, завоевывая в них коммунистическое влияние, работает агитатором, в партийной школе, членом партийного Комитета и Уисполкома. Все исполняя честно, отказывая себе во всем в личной жизни и терпя семейную нужду, он весь уходит в революционную работу. Борисоглебск в 1918-1919 г.г., как фронтовой город, центр углового стыка Тамбовской, Воронежской губ. и Донской области, имел большое значение для Советской республики. Немало трудов на его защиту, на укрепление коммунистической организации в нем положил тов. Желтов. Но больше всего его заслуги боевые. Свое боевое крещение он получил в контр-революционном Борисоглебском восстании 4—5 октября 1918 года. В числе тех немногих, кто не растерялся, он организует отряд, идет в разведку вместе с другими в роковую ночь 4 октября, не дает восставшим белогвардейцам окончательно овладеть городом и победить. Дальше, в том же 1918 г. в декабре, во время Красновского наступления, т. Желтов в лютый мороз в рядах защитников Борисоглебска: после занятия города белыми отступает, отмораживает себе ноги, заблудившись в ночную пургу в степях. Несколько месяцев он в больнице. По выходе об отдыхе некогда думать. Борьба с распространившимся дезертирским движением (зеленых) его захватывает как агитатора и бойца. Осенью на территории Борисоглебского уезда он борется с Деникиным.

С отдалением на юг фронта в ноябре 1919 г. он настаивает в Укомпарте на своей мобилизации и уходит окончательно в красную армию, находится главным образом в кавалерийских дивизиях, проходит Дон, по Кавказу до Новороссийска, в мае 1920 г. с Кавказа идет с корпусом Жлоба на Врангелевский фронт, борется все лето. Зимой из Крыма, по льду Керченского пролива, со своей дивизией идет на северный Кавказ, в марте попадает в Грузию уже после Советской революции в ней. $1^1/_2$ года без передышки был в седле, несколько раз ранен, страшно издерган. Больным, но еще бодрым я видел его в последний раз в Тифлисе 26 марта 1921 г.

Он получил отпуск, поехал в Борисоглебск. Дорогой под ст. Таловой произошло крушение поезда; смерть, сразившая многих, здесь его пощадила: пролежав 10 часов без памяти от удара, он остался жив. Вернувшись в Борисоглебск. он скоро погиб в его окрестностях от руки бандитов. *Я. Никулихин.*

ЖЕМЧУЖИН Борис («Дмитрий») — вошел в партийную работу в 1915 г., когда он был еще студентом Технологического института. Тогда он работал главным образом в среде студенчества, входя в так называемый объединенный комитет с.-д. студенческих фракций высших учебных заведений Петербурга и в редакцию его «Бюллетеней». Товарищ Дмитрий—под этой кличкой работал тогда Жемчужин—всегда горел неугасимым пламенем деятельности. Работоспособность и энергия его были поистине неистощимы; вскоре, в начале 1916 года, он уже является членом Петербургского комитета нашей партии. В П. К. он работал до октября 1916 года, когда был арестован. Освобожденный февральской революцией, тов. Жемчужин тут же снова бросается в самую гущу партийной работы. Он входит в Петербургский комитет и работает в районах как агитатор. Затем он направляется в Кронштадт, кладет основание партийной организации большевиков и вместе с тов. Рошалем налаживает и выпускает орган кронштадтского комитета «Голос Правды».

В апреле 1917 года он переезжает в Гельсингфорс, где продолжает свою кипучую деятельность. Тут он был, действительно, душой партийной организации. Он налаживает газету «Волна», входит в редакцию этой газеты, состоит членом исполнительной комиссии гельсингфорского комитета и вместе с тем агитатором. После июльского разгрома, когда «Волна» была закрыта, он налаживает и выпускает новую газету—«Прибой», существовавшую до весны 1918 года. Вместе с тем он устраивает издательство гельсингфорского комитета и издает песколько брошюр. Все это—одновременно с усиленной агитационной работой, а также с работой в Финляндском областном комитете, куда он был выбран в августе 1917 г.

Октябрьская революция застает Жемчужина на посту комиссара Финляндского областного комитета в Торнео; вскоре он перекочевывает опять в Гельсингфорс, где работает в качестве комиссара областного комитета по эвакуации войск и имущества, а потом в качестве комиссара при командующем Балтийским флотом адмирале Зеленом. На этом посту его и застала смерть: тов. Жемчужин был схвачен белогвардейцами при выходе из Свеаборгского порта на территорию Гельсингфорса и, после недолгой «военно-полевой» комедии, приговорен к расстрелу... Он погиб в мае 1918 г.

ЖИБИНОВ ** **Константин** — член Ачинского Совета, расстрелян белогвардейцами в числе девяти 26/VI 1918 г. вблизи ст. Черная Речка, Томской ж. д.— См. **Слободчиков В. Н.**

ЖИВЛЮК ** **Павел Исидорович**. — Весной 1919 г. работал в первом Рогожском комиссариате в Москве. В районе в то время полувоенная обстановка. Боевая дружина, организованная при административном отделе по поимке бандитов, спекулянтов, вообще, установлению должного порядка, играла не последнюю роль. Все закоулки района еженощно тщательно проверялись, освобождались от подозрительной публики, направляемой в камеры милиционных комиссариатов. В одну из таких ночей с неизбежным грузом задержанных, зайдя в 1-й Рогожский Комиссариат (41-е отделение милиции теперь), я познакомился с Павлом Исидоровичем. В 3 часа ночи, в угарной обстановке, в небольшой комнате, окруженный недовольно-волнующейся публикой, этот молодой помощник комиссара своим выдержанно-правильным поведением производил неизгладимое впечатление. Твердо проводил он необходимую линию, беспристрастно отделяя задержанных: одних к арестантским листкам, других освобождая.

Определенность, связанная с беззаветной преданностью общепролетарскому делу, была характерной чертой тов. Живлюка и в последующей работе в административном отделе, в совете и на партийной работе, в райкоме, на каковую он был выделен как твердый, устойчивый товарищ. Работая, не покладая рук, тем малым, что у него иногда бывало, делился он с нуждающимися товарищами, часто оставаясь с семьей полуголодным. В сентябре 1919 г., после покушения в Леонтьевском переулке, тов. Живлюк принимает активное участие в усиленной работе административных органов района. Такое же активное участие принимает он в происходивших тогда по заданиям В. Ч. К. массовых обысках. Он искренно выражал сожаление и досаду, что не попал на фронт против Деникина. Быть на фронте против ненавистных золотопогонников было его искренним желанием. Кронштадтское восстание дало ему возможность это желание исполнить. Он с большим рвением настаивал на своей мобилизации. Там, под Кронштадтом, славно, с винтовкой, защищая власть рабочих и крестьян, погиб (1921 г.) этот истинный пролетарский борец. *Никонов.*

В 1920 г. т. Живлюк был секретарем Рогожско-Симоновского райкома и занимал должность заведующего инструкторско-организационным отделом. Ему в это время не везло: тиф свалил с ног всю его семью; ему приходилось хоронить одного за другим пять человек—мать, отца, двух братьев и сестру,—но он все время оставался выдержанным и спокойным. В начале 1921 г. он пришел в райсовет на должность секретаря управления, на которой и оставался до мятежа в Кронштадте.

Рассказ о смерти т. Живлюка.

Участвуя в бою при взятии Кронштадта в качестве санитара, я была очевидцем смерти т. Живлюка, члена Рог.-Симоновского райкома РКП. Стоя у пулемета в воротах одной из улиц Кронштадта (улица, параллельная Песочной, названия не помню), тов. Живлюк был ранен в лицо. Наскоро перевязав себя с нашей помощью, он оставался у пулемета до тех пор, пока вражеская пуля окончательно не сразила его. Быстрота наступления нам не позволяла подбирать своих убитых, поэтому мы ограничивались лишь тем, что наскоро написали на белье т. Живлюка его имя, отчество и фамилию, чтобы потом легче было его признать. Утром 18 марта, когда сдался «Петропавловск» и наши части овладели всеми фортами, тело т. Живлюка было нами подобрано и отправлено в Кронштадтский морской сводный госпиталь.

Накануне боя т. Живлюк выступал на концерте-митинге, устроенном нашим полком в одной из изб деревни Кукуза... Тов. был назначен в наш полк рядовым красноармейцем. После речи командира покойный попросил слова и в необыкновенно убедительной речи призывал красноармейцев стойко стоять на своем революционном посту. Оратор он был замечательно оригинальный. Вместо всяких отвлеченных доказательств, мало доступных массе, он обращался к ближайшим, так сказать, ощутительным для каждого красноармейца вещам. «Тот товарищ,—говорил он,—кто держит всегда в порядке свою винтовку для всякого врага трудовой республики, есть настоящий революционер. Кто не делает того, тот контр-революционер». И надо сказать, что подобными простыми словами он трогал слушателей гораздо сильнее остальных ораторов. Тов. Живлюк как бы предчувствовал свою смерть, ибо начал свое слово фразой: «Я—красноармеец Кронштадтского стрелкового полка и вместе с вами, товарищи, пойду умирать, защищая Советскую власть».

Е. Швецова.

(«Братская Могила», стр. 77.)

ЖИВОВЕгор Ефимович**—командир 2-го батальона 154-го стрелкового полка, пал смертью храбрых, награжден орденом Красного Знамени за отличия в боях 1 и 2 августа 1919 г. при высадке непрятельского дессанта в г. Онеге, где он примером своего бесстрашия все время поддерживал бодрое настроение в наших войсковых частях и неоднократно водил их в атаки, нанося противнику чувствительные удары. В одной из атак, попав под губительный огонь автоматов, он был смертельно ранен. («Красные герои», вып. III.)

ЖИГАЛИНА Женя — член Р. К. П., 19-ти лет, из Каховки, была членом Евпатор. подпольного комитета Р. К. П. в Симферополе, держала связь с татсекциею и была арестована вместе с шестью татарами-коммунистами. После долгих пыток и издевательств офицерской банды, была расстреляна вместе с Фанєй Шполянской в апреле 1920 года.

ЖИГАЛОВ ** Марк Иванович — крестьянин дер. Шадриной Липчинской волости Тюменского уезда, 34 лет, стоял на платформе Советской власти. При организации в Тюмени первой Сов. власти в феврале 1918 года, Жигалов поступил добровольцем в отряд, которому было поручено взыскать с Липчинской волости контрибуцию в 38 тысяч рублей; за это все кулачество Липчинской волости относилось к нему враждебно. После отступления из Тюмени в июле 1918 г. Красной гвардии и занятия ее Колчаком Жигалов был выдан кулачеством дер. Шадриной как большевик; 26 июля он был арестован и заключен в тюменскую тюрьму, где просидел до июля 1919 года. При отступлении Колчака из Тюмени Жигалов был отправлен на первой барже в город Тобольск, но около села Покровского расстрелян на барже, и труп его брошен в реку Тобол.

А.

ЖИЛИН Александр — рабочий металлист Путиловского завода. Служил в старой армии. С начала февральской революции стал в ряды коммунистов, работал по созданию новой Красной армии. Потом пошел работать среди красноармейцев. С тех пор он неизменный комиссар N-ской бригады и дивизии. Он практический руководитель, работал не покладая рук. Умер на своем посту от брошенной предательской рукой бомбы в апреле 1919 г. («Извест. Наркомвоен» № 71, 1919 г.)

ЖИЛКО — происходил из пролетарской семьи Лифляндской губ. До поступления на военную службу работал на заводе в Риге, а затем в Петрограде.

Как в февральскую, так и в Октябрьскую революцию стоял в ряду первых борцов за свободу. Состоя курсантом инженерного военного техникума, он всегда был примером и душой отрядов курсантов, отбивавших врага на Олонецком, а затем на Петроградском фронтах. Будучи образцовым взводным командиром, он вел неустанно и политическую работу в отряде. Был председателем ротного, а затем и батальонного коллектива на Олонецком фронте. В день своей смерти был назначен комиссаром роты курсантов инженерного военного техникума. Убит в бою под Красным Селом 24 октября 1919 г. («Петр. Правда», 1919 г., № 249).

ЖИХАРЕВ — приговорен к смертной казни 19 марта 1919 г. в г. Томске за подготовку восстания. До суда в течение двух недель подвергался пыткам. — См. **Ильмер, Карл.**

ЖУК Иустин — пал в бою в ночь на 25 октября 1919 года на Корельском фронте.

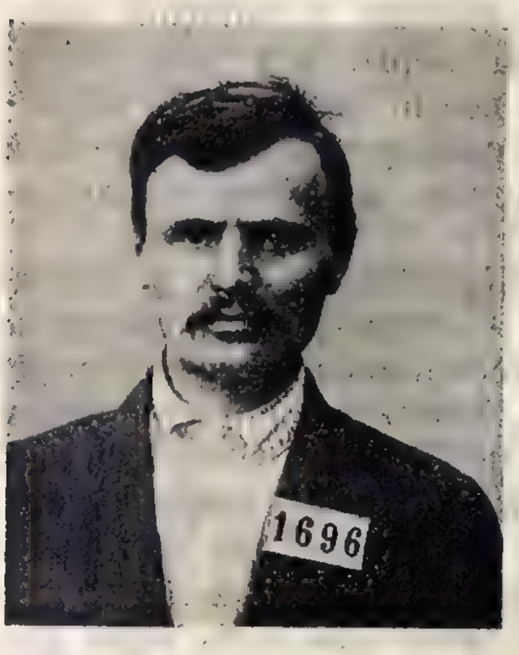
Жук был одним из самых выдающихся сынов рабочего класса. Весною 1917 года, на первой конференции фабрично-заводских комитетов, — нашей конференции, которая впервые дала большинство сторонников Сов. власти, — видим тов. Жука одним из самых деятельных участников ее. Впервые ребром поставлен был вопрос о передаче фабрик и заводов рабочим. И не было более пламенного сторонника этой меры, чем тов. Жук. В своем Шлиссельбурге он давно уже сумел взять все в свои руки. Шлиссельбургские рабочие — не самые передовые по своему развитию — шли в первых рядах, вдохновляемые все время их признанным вожаком и любимцем Жуком.

На конференции фабрично-заводских комитетов Жук был выбран в президиум, а затем в главную революционную комиссию. Соглашатели, обиженные этой пролетарской конференцией, обратили свое благосклонное внимание и на выделившегося Жука. Желтая пресса подняла травлю. Его объявили уголовным преступником, убийцей своей собственной матери. Ни больше и ни меньше! Все это оказалось заведомой ложью. Мать Жука была жива. К пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости Жук был приговорен по политическому делу. Но это не мешало буржуазии и соглашательским писакам продолжать травлю этого славного пролетария-борца. Кто знал, кто хоть один раз видел его, тот ни на секунду не мог поверить клевете. Человек богатырского сложения, великан — Жук в то же время отличался необыкновенной добротой и детской мягкостью характера. В глазах его светились ум и воля. Он был как бы олицетворением рабочего класса, подымающегося на борьбу. Жук не был членом коммунистической партии; он принадлежал к числу тех немногих анархистов-синдикалистов, которые шли рука-об-руку с коммунистами. Жук не был членом нашей партии формально, но он был горячим работником коммунизма; он знал, что наша партия — единственная партия в мире, которая поставила на очередь борьбу за коммунизм. И он отдал себя в распоряжение партии, признал ее суровую дисциплину и погиб на посту, на котором поставила его партия. В лице Жука погиб несомненно один из крупнейших рабочих-организаторов. Всей душой он рвался на работу по восстановлению разоренного войной хозяйства. И работа спорилась в его руках. В родном Шлиссельбурге он делал чудеса. В его крепких, умелых руках все двигалось, как машина, мягко, бесшумно и в то же время уверенно и правильно. Благодаря его усилиям в Шлиссельбурге при пороховом заводе рабочие поставили выработку сахара из древесных опилок. Это было детище Жука. В это дело он вложил свою душу. Он преодолел миллионы препятствий и достиг своей цели. И как велика была его радость, когда он увидел, наконец, результат своей работы, когда он смог принести нам первый выделанный им сахар. Это был замечательный пролетарий. На таких людях держится пролетарская диктатура. Такие люди — цемент рабоче-крестьянского государства. Для шлиссельбургских рабочих тов. Жук был все — их политический вождь, руководитель их хозяйства, их продовольственный комиссар, организатор их отрядов. Тов. Жука тянуло к мирной хозяйственной работе. Его призвание было в этой области. Но пролетарская революция призвала его под ружье. И он пошел комиссаром Корельского участка. Здесь он погиб, с оружием в руках, в первых рядах, — верный, славный, твердый часовой революции.

Г. Зиновьев.

ЖУКАРИН Григорий Иванович — крестьянин с. Благодать, Заморайской вол., Ефремовского у., Тульской губ., по профессии портной. Это был человек действия, всегда стоявший в первых рядах борцов за благо человечества. Начиная с 1905 г., он постоянно находился на своем посту, как верный солдат коммунизма. Бодрости его духа не могли сломить мрачные годы реакции, последовавшие за 1905 г. Скитание по всей России, преследование царскими жандармами и сиденье по тюрьмам завершились ссылкой в Сибирь. Революция 1917 г. освободила его, и по возвращении в Москву т. Жукарин принимает деятельное участие в работе Совета Солдатских Депутатов. С открытием курсов красных офицеров, т. Жукарин первый поступает на них.

По окончании курсов он был назначен на южный фронт командиром батареи. Под ст. Лиски, во время наступления Краснова, т. Жукарин выдержал свой первый экзамен. В своих письмах он с необычайной радостью сообщил о победе Красной армии и выражал твердую уверенность в конечной победе над белогвардейцами. В то время когда т. Жукарин определял цель в подзорную трубу по неприятелю у станции Кордаил, разорвавшимся вражеским снарядом он был убит. (Из некролога Ф. О., напечат. в «Профессиональном Движении», № 31.)



Г. Жукарин.

Тов. Жукарин в первый раз привлекался в 1914 г. при Харьковском губ. жанд. упр. и во 2-й — 30 апреля 1916 г. в г. Одессе.

ЖУКОВ — см. **Ремтер.**

ЖУКОВ — красноармеец; раненый в бою, он не дал подобрать себя товарищам, так как боялся, чтобы «из-за одного не пропало бы много», и остался один на поле сражения. Не желая попасть в плен к белым, он подполз к сараю и подложил под себя гранату, граната разорвала его на куски. (По данным изд. «Товарищ Красноармейца».)

ЖУКОВ Николай Константинович.** — На склоне лет, имея 58 лет от роду, Николай Константинович был юн и бодр духом, заполняя свою полную лишений жизнь неустанным трудом не только юриста-специалиста, но и политического работника. Пользуясь вполне заслуженной славой справедливого, бескорыстного и беспристрастного судьи, знатока человеческой души, он во всеоружии знаний и многолетнего опыта предстал пред властью советов, предоставив себя в распоряжение Ямбургского исполкома. Все, что в основу советовластия г. Ямбурга и уезда было положено Октябрьской революцией, прошло не без непосредственного участия Николая Константиновича. Во все он входил, во всем споспешествовал: комендант города в дни Октябрьской революции, последователь и объяснитель декретов первых дней Совнаркома, одинаково вмещал он теорию строительства новой жизни и ее деловую, практическую сторону. До октябрьского движения неоднократно появлялся он среди солдат, ведя агитацию за советы. Состоя председателем партии с.-д. интернационалистов, он в полном составе ямбургской организации присоединился к коммунистическому движению, проявив себя искренним сторонником и участником этого движения.

Член Ямбургского исполкома последнего (до оккупации белыми) созыва и ямбургской организации РКП, идеалист до мозга костей, доверчивый, свободолюбивый и независимый, был опознан он белыми громилами северного корпуса на ст. Волосово. Белое офицерство сразу узнало его:

— А! Ямбургский юрист! Мы вас знаем.

— Что же! Это так просто: я — мировой судья города Ямбурга, Жуков.

Немедленно последовал полный презрительной иронии вопрос:

— Как — вы, человек с высшим образованием, пошли и смешались с чернью?

Смело, спокойно, прямо и честно ответил Николай Константинович:

— Я пошел с народом, думая принести пользу грядущей жизни, а вот вы несете народу виселицу и плеть.

— Вы знаете, что вас расстреляют?

— Я знаю. Но от этого пострадают только моя семья и дети. Дело революции от этого не пострадает.

— Старый негодяй! Ты будешь расстрелян!

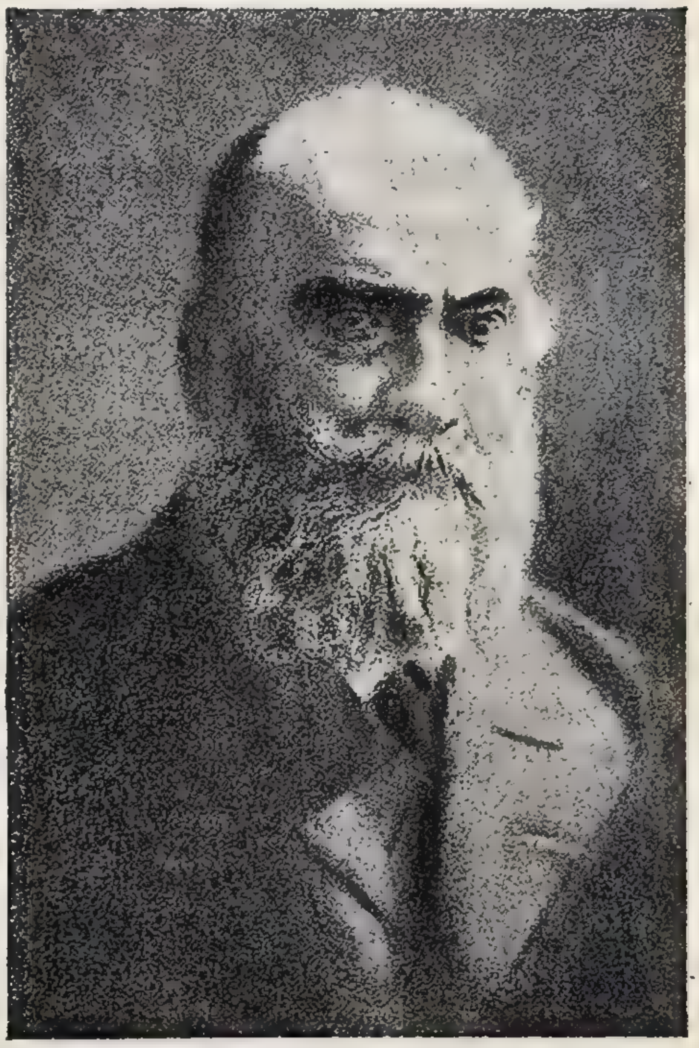
Столь же спокойный и убедительный ответ последовал всегда торопливым, но внятным голосом: — «Вы же, позвольте вам заметить, напорете свои животы на штыки у Петербурга, господин лейтенант».

Николай Константинович Жуков немедленно был расстрелян. Сняли поношенное пальто с бахромой и гамаши с растянутыми от долгой носки ремешками. Три дня валялся неубранный труп. Голодные собаки рвали куски его обнаженного тела, изуродовали укусами его лицо. Вороны кружились над трупом безвременно погибшего героя-коммунара, клевали его остатки.

Н. Эмский.

(«Коммунар», орган Петрогубисполкома, № 17 за 1919 г.).

ЖУКОВСКИЙ** **Николай Егорович** — родился в 1847 году. Заслуженный профессор, научный руководитель русского воздушного флота. Н. Е. открыл при аэродинамической лаборатории Высш. Техн. Училища «Краткие теоретические курсы авиации», имевшие целью теоретическую подготовку по аэродинамике и авиации будущих военных летчиков. Курсы эти постепенно преобразовывались и, расширяясь перешли в утвежденный (в 1920 г.) «Институт инженеров Красного воздушного флота имени Н. Е. Жуковского» — высшее авиационное учебное заведение. Кроме многочисленных математических печатных трудов, Н. Е. выпустил в свет множество научных печатных работ, относящихся к вопросам авиации. Теоретические исследования Н. Е. положены были в основу практической авиации русского Красного воздушного флота. Ценя заслуги проф. Жуковского, умершего в 1921 г., Республика присвоила его имя созданному им институту, преобразованному в Академию воздушного флота. («Вестн. Возд. Флота» № 5, 1921 г.)



Н. Жуковский.

ЖУМИЛКИН Василий Иванович — коммунист Серпуховской организации. Погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 г. — См. **Моисеев.**

ЖУПАНИС — командир батальона. Погиб в бою 2 июня 1919 г. («Коммунист» № 78, 1919 г.).

ЖУРАВЛЕВ ** **Павел Николаевич** — крестьянин Восточного Забайкалья, организатор партизанских отрядов и командующий партизанским фронтом Восточного Забайкалья. Журавлев стоял во главе группы партизан Алтагачинского отряда, которая выросла в настоящую армию. Это был храбрый организатор, смелый вождь и руководитель партизанской борьбы в Восточном Забайкалье. Журавлев был родом из Нерчинско-заводского уезда, сын крестьянина. Во время царской войны с Германией был взят на военную службу и по окончании военного образования стал прапорщиком. Но не убила царская армия в нем революционной воли и революционного духа, а образование да военный опыт германской войны пригодились ему для руководства многочисленными стычками и боями с противником во время 1919 и 1920 г.г. При Журавлеве отряд имел уже 12 кавалерийских полков, 4 пехотных, целый дивизион батареи в 22 орудия, 60 пулеметов и проч. Журавлевская армия не только сражалась с противником, но она, защищая вдов и сирот, выдавала им помощь, и крестьянские деревни уже не так боялись извергов-семеновцев.

Тов. Журавлев пал смертью храбрых в феврале 1920 г. от ран, полученных им в боях под дер. Лоншаковой. («Беседы политчаса. Борьба с контр-революцией в Сибири и на Дальнем Востоке». Изд. воен.-редакц. совета Н.Р.А. и Флота Д.-В.Р. 1922 г.)

З.

ЗАБЕЛИН Александр Иванович — давнишний партийный работник. Окончил Тверскую духовную семинарию и прошел 3 курса быв. московского коммерческого института, но в силу семейных обстоятельств принужден был оставить высшую школу. Тов. Забелин до 1919 года состоял в партии соц.-дем., с 1919 г. вступил в Р.К.П. (большевиков). Все свои силы отдал он на служение русскому народу на поприще народного образования. По окончании семинарии был сельским учителем в Тверской губ., а в 1903 г. уехал в Сибирь, где был заведующим железнодорожным училищем на ст. Курган. В 1905 году участвовал в восстании и просидел вместе с женой и братом в курганской тюрьме 1½ года, после чего был выслан из Сибири в г. Бежецк Тверской губ. под надзор полиции без права выезда и занятия в продолжение 5 лет как должности учителя, так и какой-либо другой должности в казенных учреждениях. По окончании срока тов. Забелин был сельским учителем Кашинского у., Тверской губ. В 1916 г. он был приглашен заведующим железнодорожным училищем при оренбургских мастерских, где снова весь отдался подпольной и культурно-просветительной работе среди рабочих и подростков мастерских. В среде рабочих и молодежи тов. Забелин пользовался большим уважением и авторитетом. В 1917 г. вместе с рабочими железнодорожных мастерских при ст. Оренбург он поднял знамя восстания против царизма. Наконец, вступив в ряды коммунистической партии, еще глубже и с бо́льшей энергией отдался партийной работе среди рабочих. Имея большую семью, часто голодал и терпел нужду в остальном. Он ни на минуту не сомневался в проведении партией намеченных ею путей к социализму. Ничто его не пугало: семейная нужда не отвлекала его от усиленной работы по созданию коммунистического строя. Но судьба оказалась беспощадной к нему. За несколько дней до его смерти умер у него младший сын от холеры; затем заболела тою же болезнью жена, которая еле-еле поправилась; за ними заболел и он. В продолжение своей жизни он ни разу не хворал за исключением операции грыжи, обладал громадной физической силой; но в этот раз, несмотря на то, что холеру перенес, на следующий день совершенно неожиданно для окружающих случился с ним сердечный припадок, пульс ослаб, и сердце перестало работать, — в 7 часов вечера 19 июля 1921 г. тов. Забелин тихо скончался.

Он умер 47 лет, еще полный жизненных сил. Во время его похорон увезли в больницу его старшего сына, заболевшего тоже холерой. *Г. И. Забелин.*

ЗАБЕЛИН Василий Афанасьевич — по профессии крючник. Работая на Путиловском заводе, он с 1902 г. примкнул к рабочему движению и в то время был подвергнут тюремному заключению на несколько месяцев. В 1905 г. он принимает участие в движении и в 1907 г. присуждается к 6-месячному заключению в крепости. В 1912 году тов. Забелин принимает активное участие в работе большевиков.

В годы империалистической войны он, как призванный, отправляется на фронт.

С первых же дней февральской революции тов. Забелин, как убежденный большевик, принимает участие в революционной борьбе. В 1918 г., состоя комендантом гор. Ростова, принимает участие в подавлении Ярославского восстания. В конце 1918 г. тов. Забелин состоял членом правления кооператива Петергофского района. Весной 1919 года был мобилизован партией, назначен комиссаром полка, который в короткий срок был приведен в боевое состояние. Тов. Забелин за время работы комиссаром не оторвался от красноармейских масс, — был настоящим рабочим комиссаром. Умер смертью храбрых в бою под дер. Медуши. («Б. Правда» № 48 от 31 октября 1919 г.)

ЗАБОЛОТНЫЙ Д. К. — профессор, один из крупнейших знатоков в области эпидемиологии не только в России, но и во всем мире. Он одним из первых откликнулся на призыв к работе со стороны Советского правительства. Работал в Петербурге горячо, с увлечением. В лице его советская медицина понесла незаменимую потерю. Умер в январе 1919 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 17, 1919 г.)

ЗАБОЛОТСКИЙ Алексей — председатель комячейки пулеметной команды при батальоне губвоенкомата. При отступлении из Алапаевска в 1918 г. попал в плен к белым и был расстрелян. («Октябрьский Вестник».)

ЗАБРЕЖНЕВ (Федоров) — сотрудник «Извест. В.Ц.И.К.», — старый журналист. Работал около года в секретариате. Болезнь сердца в связи с истощением свела его в могилу 48 лет. Умер 20 дек. 1919 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 287 от 21 декабря 1919 года).

ЗАВАРЕВ Яков Христофорович — был доктором в Ермаковском госпитале. Умелый организатор, работал, не покладая рук, не зная отдыха ни днем, ни ночью. До последнего дня он был верен своему долгу — долгу красного врача — и погиб на фронте незаметном, поглотившем немало героев, — фронте борьбы с эпидемиями. Умер 20 февраля 1920 года. («Вечерн. Изв.» № 481. 1920 г.)

ЗАВГОРОДНИЙ ** — работал весной 1919 г. на Ленкорани и погиб у берегов Персии.

ЗАВЬЯЛОВ Сергей — омский коммунист, 20 лет, расстрелян.

ЗАГАРИН ** — командир бригады в 9-й армии, убит под станцией Ольгинской. («Изв. В.Ц.И.К.» № 48 от 23/II 1922 года.)

ЗАГОРОДНОВ М. К. — см. **Ремтер.**

ЗАГОРСКИЙ * (Денис) — ЛУБОЦКИЙ Владимир Михайлович), — погиб 25 сентября 1919 года при взрыве бомбы, брошенной во время заседания ответственных партийных работников, в здании Московского Комитета в Леонтьевском переулке.

Товарищ Загорский погиб из-за того, что он хотел поднять и выбросить шипевшую бомбу. Его взорвало «в упор». Ему не удалось спасти других. Но он был разрезан на кровавые куски потому, что хотел помочь другим: он видел, какая опасность грозит его товарищам по делу, по классу, по великой революции...

Я знал товарища Загорского еще много лет тому назад. В 1906 году, когда я только что начинал работать в партийной организации, тов. Загорский был уже деятельным членом партии и «организатором», если не ошибаюсь, Городского района. За ним было тогда уже несколько лет партийной работы, которую он начал, когда ему было 16 лет, и которую он кончил с седыми волосами на висках на ответственном посту пролетарской партии.

«Товарища Дениса» хорошо помнят многие старые рабочие - москвичи. Он был живым, подвижным, смелым организатором, веселым и энергичным человеком и прекрасным товарищем. Выходец из буржуазной среды, он успел настолько сродниться с рабочим классом, что редко приходилось даже в те времена видеть человека более «демократичного», в хорошем смысле этого слова. С рабочими у него устанавливались чисто дружеские отношения: он почти со всеми был на «ты», часто жил, ел и спал вместе с ними. Это ценилось «в районе»: «товарища Дениса» любили, как своего.

Аресты и высылка, в конце концов, кончились тем, что Загорский бежал за границу. Он долгое время жил в Англии и в Германии, иногда приезжал на некоторое время в Россию нелегально. Помню, что мы встречались с ним во время этих его приездов. Несмотря ни на что, он всегда дышал здоровым оптимизмом революционера, у которого революция сидит не только в голове, но и в крови, для которого она такая же потребность, как потребность в пище для любого живого существа.

Последние годы своей жизни за границей Денис провел в мучительно тяжелом немецком плену. Захваченный войной в Лейпциге, он был взят как гражданский пленный. Только русская Октябрьская революция освободила его. Тов. Иоффе, будучи в Берлине, устроил его секретарем нашего посольства. Так его удалось выудить из лап немецкого империализма.

В. Загорский (Лубоцкий).

Заграничная эмигрантщина, а главное, немецкий плен были хорошей пробой для т. Загорского. Он оказался верным большевиком, преданным партии до последнего. Ведь известны случаи, когда даже хорошие товарищи, под влиянием войны и плена, становились истинно-русскими патриотами и начинали травить свою прежнюю партию. Денис был не из таких. Он был и он остался **нашим**: революционное нутро, его боевая природа не дали ему опуститься до уровня «социалистов», стоящих при штабе «отечественных» купцов. И немудрено, что после многолетней отлучки, после тяжелого плена этот изрядно измученный скитаниями человек немедленно, не теряя ни секунды, становится в наши ряды, веселый, живой, как всегда: точно ничего не случилось и точно он так же юн, как тринадцать лет тому назад.

Загорский был у меня за день до смерти, и я, как сейчас, помню его смеющееся лицо: «Выживем, Николай, все будет хорошо»,—вот были его последние слова. В этом он не ошибался: победа революции не за горами, несмотря на кризис, в котором мы находимся. Но старый друг не предвидел, что через день от него останутся жалкие кровавые куски...

Тов. Загорского не было на собрании: он пришел к самому концу. Но этот «конец» стоил ему жизни.

Московская организация нашей партии, патриотом которой был всегда «Денис», не забудет памяти человека, который отдал все, что имел, великому рабочему классу. У покойного остался сын «Дениска», молодой Денис. Нужно помочь ему вырасти таким, каким был его отец.

Н. Бухарин.

Вместе с т. Загорским во время взрыва погибли: **Халзина Аня, Николаева Анфиса, Разоренов Г. Н., Тайкес, Кваш, Титов Г. В., Колдин, Игнатова И. М., Волкова М., Сафонов.** («Правда» №№ 14, 15, 16 и 18 за 1919 г.)

Тов. Загорский родился в 1883 году в Нижнем-Новгороде. С 19-летнего возраста он был вовлечен в революционную борьбу. Первое его выступление было связано с демонстрациями Сормовских рабочих и учащейся молодежи Н.-Новгорода, где он был арестован, судился и сослан в Енисейскую губ. В 1904 году он бежал в Швейцарию, где примкнул к большевистской организации. В начале 1905 г. вернулся нелегально в Россию, участвовал в революции, после чего остался жить в Москве в качестве партийного профессионала. Провал Московской организации вынудил его в 1908 году уехать в Англию; оттуда он вернулся в Россию в 1910 г. Новый провал Саратовской организации перебросил его в Германию. В конце войны России с Германией Влад. Мих. Загорский возвращается в Россию и назначается в состав нашего посольства в Берлине. В 1918 г. летом он снова работает в России в качестве работника Московского Комитета РКП (большевиков), выбирается секретарем Моск. Комитета, и до последнего момента работал энергично, не покладая рук с утра до глубокой ночи. (Сведен. взяты из сб. «Братская могила».)

Владимир Михайлович Лубоцкий.

(Воспоминания.)

Ранней весной 1904 года в нашей большевистской эмигрантской среде в Женеве появился новый товарищ, до такой степени юный по виду, что скорее был похож на мальчика, чем на серьезного эмигранта. Этим мальчиком-эмигрантом был Володя Лубоцкий, впоследствии известный в партии под именем Денис и Загорский. Несмотря на то, что тов. Лубоцкому было тогда не больше 20 лет, а выглядел он лет 16-ти, юнец этот успел уже пройти достаточно суровую школу революционного борца.

Вступив в ряды Нижегородской организации нашей партии, еще будучи на школьной скамье, Володя Лубоцкий был там вместе с другими арестован на первомайской демонстрации в 1902 году. Саратовская, Сормовская и Нижегородская демонстрации 1902 года были первыми демонстрациями, арестованные участники которых были привлечены к ответу в судебном порядке. Этот царский суд поднял волну возмущения в рабочей массе и был широко использован в агитационных целях нашей нелегальной партийной печатью как за границей, так и в России. Товарищи, привлеченные по делу Нижегородской первомайской демонстрации 1902 года—рабочий Михайлов, Моисеев-Зефир, Анна Доброхотова, Владимир Лубоцкий и др., — после долгого предварительного заключения были присуждены к лишению всех прав и ссылке на поселение в Енисейскую губернию. Вот после того, как был проделан весь этот крестный путь тюрем, суда, ссылки и побега, Володя Лубоцкий и явился к нам свежий, пылающий здоровьем, жизнерадостный, скорее похожий на мальчика, чем на эмигранта.

С лета 1904 года не видала т. Лубоцкого до 1905 года, когда мы встретились с ним в Московской организации, где он работал тогда под именем Дениса. Насыщенная порохом Москва 1905 года — не мирная Женева, но нелегальный организатор-районщик Денис все так же весело поглядывал по сторонам, все так же блистал своим молодым задорным юмором, как женевский Володя. Тов. Лубоцкого приходилось встречать на работе в Москве и в 1906 году, после того, как восстание было раздавлено; но меньше всех был склонен к пессимизму Денис: он продолжал все так же бодро, энергично и весело работать над укреплением наших партийных рядов.

Третья моя встреча с т. Лубоцким произошла только через 12 лет,—годы, которые по количеству пережитого, могут быть приравнены чуть ли не к столетию,—ведь наша встреча произошла после октября 1917 года, в 1918 году. Мне тогда пришлось работать по организации и укреплению партийных ячеек в красноармейских частях Московского гарнизона, но эта работа, вследствие какой-то организационной несуразицы, производилась почему-то от военного комиссариата города Москвы, а не от Московского Комитета нашей партии. Желая исправить эту несуразицу, я отправилась к секретарю Московского Комитета, которого я до того не видала, а знала лишь, что секретарем М. К. теперь состоит недавно вернувшийся из-за границы старый эмигрант Загорский.

Когда зашла в кабинет секретаря М. К., то увидала перед собою незнакомого пожилого бритого человека — европейца по внешности, которому стала излагать план организации специального отдела при М. К. Товарищ этот довольно долго слушал меня, а потом вдруг расхохотался и говорит: — «Все это очень хорошо, что вы предлагаете, но почему вы со мною так говорите, как будто мы с вами незнакомые люди?» И тут меня сразу осенило, что предо мною Володя Лубоцкий Денис, а не европеец Загорский.

Впоследствии, когда военный отдел был создан при М. К. и я перешла туда работать, мне приходилось работать в помещении М. К. в Леонтьевском переулке и постоянно иметь дело с Лубоцким-Загорским. Кто запомнил,—а не запомнить этого нельзя,—как приходилось работать в 1918—1919 году, тот поймет, какие силы нужны были тогда, чтобы быть секретарем Московского Комитета. Тов. Лубоцкий-Загорский с раннего утра до глубокой ночи проводил в помещении М. К. и, несмотря на колоссальное утомление, работал весело, как всегда.

Там, в этом помещении М. К., в особняке в Леонтьевском переулке, в роковой день 25 сентября 1919 года т. Лубоцкий-Загорский хотел еще раз пошутить — подобрать брошенную эс-эрами бомбу и выкинуть ее за окно, но то была его последняя шутка, она стоила ему жизни.

Ц. Бобровская.

ЗАЙЦЕВ Матвей — горячая страстная натура; все время стремился к борьбе с царящей вокруг неправдой и злом, и своей неугомонной энергией он заражал других.

Т. Зайцев—член горсовнархоза в Тюмени и завед. горпродкомом с начала Советской власти и до ее падения в 1918 г. Эвакуировавшись из Тюмени, он остался в Камышлове. После занятия Камышлова белыми, он вскоре был арестован. В числе других политических заключенных был эвакуирован белыми из Тюмени в Тобольск, где вскоре расстрелян. («Октябрьский Сборник».)

ЗАЙЦЕВ ** **Степан Адрианович** и **ЗАЙЦЕВ Федор Адрианович** — братья, родились в Городской вол., Коломенского у., Моск. губ. в местечке Озерах при бывшей фабрике Щербакова, Федор—в 1899 году, а Степан—в 1901 г. В 1908 г. они переехали в Орехово, где оба окончили городское училище. В 1914 г. Федор поступил в ткацкую контору мальчиком; в 1916 г. он был переведен на должность конторщика по приемке товара и служил все время вплоть до отправки на фронт. Степан поступил на ткацкую фабрику в 1916 г., а в 1917 г. был переведен на фабрику О.К.Ф., где служил до отправления на фронт. 28 июня 1918 г. оба брата вступили в Р.К.П. В партийную мобилизацию 10 августа того же года оба они добровольно пошли в ряды Красной Армии и служили в 1-Моск. Губерн. Револ. полку, который с 10 авг. по 3 сентября стоял на ученье при ст. Клязьма. 4 сент. полк был отправлен на фронт против ген. Краснова, высадился на Трех Островах и пошел в наступление. 26 сент. полк вступил в бой с казаками и, не дойдя семи верст до ст. Зубриловки, был обойден ими. Дозор вышел, а пехота осталась, и вся строевая команда после боя попала в плен. Степан Адрианович Зайцев, по словам товарищей, был отправлен в Ешинскую станицу, а оттуда в шахты, где, по словам тов. Копнева, заболел тифом и умер. В том же бою Федор Адрианович Зайцев был ранен в живот на вылет. По полученным сведениям и по показаниям товарищей, он в Зубриловке же и умер. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

ЗАЙЦЕВ ** **Федор Адрианович** — см. **Зайцев Степ. Адр.**

ЗАКГЕЙМ — один из виднейших работников г. Ярославля, погибший во время Ярославского мятежа 1918 г. По профессии т. Закгейм был рабочим-часовщиком. До марта 1917 г. он был бундовцем; с марта же вступил в ряды б-ов. Когда, в октябре 1917 г., меньшевики ушли из Ярославского Совета Р. и Кр. Д., в нем остались из ответственных работников т.т. Закгейм и Ворохов. Т. Закгейм, как председатель уисполкома и укома, вынес на своих плечах громадную работу. В первый период Октябрьской революции пришлось выдержать борьбу с саботажем почт.-телеграфных служащих, служащих продорганов, учителей. Во всех случаях он удивительно выдержанно проводил тактику Р.К.П.

Затем начался целый ряд подготовлений к восстаниям офицерства, духовенства и проч., и каждый раз тонко сплетенные планы разных контр-революционных элементов раскрывались им своевременно. Во всех обысках политического характера он сам принимал участие и привлекал к работе самых ответственных политических работников. Обладая недюжинными административными способностями, он вместе с тем был и хорошим хозяйственником, свою огромную работу проводил как-то бесшумно. С большой политической подготовкой, он направлял и идейно руководил работой всех советских органов, собирал материалы и издавал брошюры по советскому строительству. (Эти материалы во время мятежа были сожжены.) Характер у т. Закгейма был спокойный, ровный, говорил он тихо, каждое слово его было обдуманно и веско; с представителями буржуазии он был также спокоен и выдержан. При взимании с буржуазии 5-миллионной контрибуции, на все крики, проклятия, вопли буржуазии он отвечал спокойным, твердым, непоколебимым взглядом. Он ничего не говорил, но буржуазия чувствовала, что уступок ждать нечего. Характерные черты его работы— строгая продуманность, непоколебимость, сознание революционного долга. Он производил впечатление коммуниста, перед которым так ясны задачи рабочего класса, что никаких колебаний, сомнений для него быть не может. Он был типичным выразителем воли пролетариата; среди рабочих он пользовался большим авторитетом, внося спокойствие на самых бурных собраниях рабочих. Частенько для разрешения волнующих вопросов рабочие просили к себе т. Закгейма. Буржуазия же смотрела на него, как на самого непримиримого их классового врага. Когда начался мятеж, Закгейм был убит первым. Изуродованный труп его был брошен на мостовую. Проходившая мимо буржуазия считала долгом толкнуть его ногой или бросить в него плевок. Так продолжалось несколько дней, затем он был брошен в мусорную яму. *Р. Г. Гольдберг.*

ЗАКОНОВ — комиссар Таманского корпуса 11-й армии, из московских рабочих, погиб на сев. Кавказе.

ЗАЛЕВСКИЙ — см. **Трусевич.**

ЗАЛКИНД ** **Михаил Яковлевич** — быв. член президиума Сокольнического Совдепа, член Исполкома Моск. Совета Р. и К. Д., умер в начале января 1920 г. («Правда» № 2 от 3/I 1920 г.)

ЗАМОРЕНОВ Трофим Григорьевич. — Тов. Заморенов был старым партийным работником, одним из активнейших членов Московской организации Р.К.П. Он был членом Московск. Комитета Р.К.П., Исполнительного Комитета Моск. Совета, Исполнительного Комитета Красно-Пресненского районного совета, член районного комитета партии и председатель фабричного комитета Трехгорной мануфактуры. Скончался 4-го апреля 1921 года.

ЗАРЕВОЙ ** **С.** — поэт. Умер на фронте от тифа в 1920 году. («Кузница», октябрь 1922 г.).

ЗАРНИЦЫН ** **А.** — поэт. Умер от голодного тифа в Москве в 1920 г. («Кузница», октябрь 1922 г.).

ЗАСЛАВСКИЙ * **Давид Иосифович** — член Р.К.П. Черниговской организации, умер от сыпного тифа в гор. Брянске 2 декабря 1919 года. («Правда» № 292 от 27/XII 1919 г.)

ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна — начала свою революционную деятельность семнадцатилетней девушкой, еще в конце шестидесятых годов. В первый раз она была арестована в 1869 г. По своим убеждениям она примыкала в то время к народникам-бунтарям. В конце семидесятых годов ход революционной борьбы привлек к В. И. Засулич внимание не только всего замкнутого тогда революционного мира, но и внимание всей России.

В 1877 г. петербургский градоначальник Трепов приказал высечь розгами находившегося в тюрьме политического заключенного Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапки при посещении тюрьмы Треповым. Этот жестокий поступок Трепова возмутил В. И., и она решилась наказать негодяя. 24 января 1878 г. она явилась на прием к Трепову и там тяжело ранила Трепова выстрелом из револьвера. Здесь же она была арестована и предана суду.

Дело Засулич рассматривалось судом присяжных, которые оправдали ее. Судьи приказали отпустить В. И., которая поспешила скрыться, а растерявшиеся жандармы не успели арестовать ее.

Выстрел Засулич сыграл вскоре большую роль, когда перед революционерами встал вопрос о применении тактики террора. Но сама В. И. никогда не принадлежала к сторонникам террора. Выйдя из тюрьмы, она продолжала работать в рядах народников-чернопередельцев.

В 1880 г. В. И. эмигрировала за границу. Там она сблизилась с покойным Г. В. Плехановым. Вместе и одновременно с ним она перешла из рядов народничества в ряды социал-демократии. В. И. была одним из пяти революционеров, основавших в Швейцарии первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». В литературной деятельности этой группы она приняла живейшее участие.

В конце девяностых годов, когда в рядах русской социал-демократии пышным цветом стали развиваться оппортунистические течения, В. И. снова оказалась в рядах передовых борцов революции. Вместе с Лениным, Мартовым, Плехановым и другими товарищами она объявила резкую борьбу этому оппортунизму. Вместе с ними она вошла в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря» и принимала в них деятельное участие.

Три раза бурный ход нашей революционной борьбы выносил эту скромную, застенчивую женщину на верхушку революционной волны. Три раза она сумела стать в рядах наиболее передовых, наиболее революционных борцов.

Но ход развития русской революции носит такой бурный, такой стремительный характер, что даже крупнейшие революционеры не успевают поспеть за стремительным ходом развития новых задач и новых идей. Мы видим в настоящее время, что все старейшие вожди революции отошли от пролетариата в тот момент, когда он приступил к осуществлению своих задач и стремлений. То же было и с Засулич. Когда возникло в 1903 г. течение большевизма, В. И. не пошла за ним. Она вошла в организацию меньшевиков, в рядах которых и продолжала свою литературную работу.

Но годы делали свое дело, и эта литературная работа Засулич все более сокращалась. За последнее время имя ее уже очень редко появлялось в печати.

За последние годы В. И. разошлась с революционным пролетариатом, но в ее прошлом пролетариат ценит великие заслуги. Имя ее он никогда не забудет. («Правда» № 99 от 10 мая 1919 года.)

Н. Мещеряков.

ЗАХАРОВ — работал в союзе совработников и в компроде Спасского района г. Петрограда, погиб на фронте.

ЗАХАРОВ **—комиссар батальона N-го полка, умер от ран 18 января 1919 г. на деникинском фронте. В сражениях он всегда находился впереди своей части, зажигая своей отвагой красноармейцев. («Правда» № 42 от 23 февр. 1919 г.)—См. **Константинов П.**

ЗАХАРОВ Даниил Васильевич — заведующий домом имени П. Алексеева, умер в марте 1919 г. («Изв. ВЦИК» № 69 от 30 марта 1919 г.)

ЗАХАРОВ * Сергей Парменович—уроженец гор. Пугачева, начал свою революционную деятельность в своем городе. После февральской революции, находясь в рядах армии в унтер-офицерском звании, он вступает в коммунистическую партию и целиком отдается пропагандистской работе. После Октября переезжает в Балаково, где работает как организатор по установлению Советской власти. С восстанием Уральского казачества просит Балаковскую организацию отпустить его на фронт и, в качестве командира батальона, начинает свои боевые подвиги. Его кипучая натура быстро выдвинула его из общей массы командиров. Его батальон развертывается в особый отряд, с которым он совершает славные подвиги по освобождению г. Балакова и Поволжья от белогвардейских полчищ.

С образованием восточного фронта в Пугачеве началось формирование Николаевской дивизии, начальником которой и был назначен Сергей Парменович, а затем командующим группой, которая была двинута на освобождение Самары. Здесь Сергей Парменович проявил себя как герой и опытный руководитель. Имея слабое здоровье, он удивительно стойко переносил все тяжести походной жизни. Ведя бои с чехо-словаками на подступах к Самаре, он всегда находился впереди цепи, воодушевляя красноармейские массы своим личным примером. Несмотря на то, что красноармейские части только что были сформированы, он сумел настолько поднять боеспособность своих красноармейцев, что наносил одно за другим поражение чехам. Умелым расположением порученных ему частей он скоро подошел к Самаре, и 7 октября Самара была взята, чехо-эсэровские полчища бежали в панике. В Самаре его двизия была переименована в 25-ю стрелковую дивизию, с которой он от Самары двинулся на Уральск.

Трудность похода, пренебрежение к своему слабому здоровью скоро вынудили его оставить свой боевой пост, но Сергей Парменович не смог долго отдыхать и через месяц снова уехал на фронт. Здесь ему было поручено формирование добровольческой дивизии по всей территории 4-й армии. Не докончив формирования, он был захвачен восставшими частями и предан казакам. Только благодаря случайности избавился от смерти, между тем как его товарищи, в том числе и член ревоенсовета Линдов, были убиты. Подоспевшая 25-я дивизия выручила своего организатора и любимого руководителя из плена. Все эти переживания совершенно расшатали здоровье Сергея Парменовича, и он заболел. По выздоровлении в 1919 году он был отправлен в распоряжение южной группы, которой командовал т. Фрунзе, и получил назначение командовать частями Самарск. укрепленного района. В конце июня 1919 г. он бросается на освобождение осажденного гарнизона гор. Уральска. После освобождения Уральска с 22-й дивизией направляется против Деникина. Здесь, командуя 22-й дивиз., Сергей Парменович проявляет чудеса храбрости. Будучи окружен мамонтовскими полчищами, а затем оставленный в глубоком тылу деникинской армии, он ведет ожесточенные бои в тылу противника и после двухнедельного движения пробивается к своему фронту. В районе Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой и др. станиц совершает два перехода через р. Дон, а затем через р. р. Сал и Маныч и с конной армией Буденого двигается на Кубань и участвует во взятии Екатеринодара (Краснодара). Преследуя разгромленную армию Деникина, Сергей Парменович, как и при взятии Самары, стремился личным примером воодушевить уставшие от долгих боевых действий полки своей двизии, и 17 марта 1920 г., ведя личную разведку против бегущих остатков деникинской армии, был захвачен в плен офицерским эскадроном. Мы не знаем, как расправилось разъяренное офицерство со славным героем, но можно с уверенностью сказать, что Сергей Паремнович погиб мученической смертью за дело революции. За свои бесчисленные подвиги т. Захаров был представлен к двум орденам Красного Знамени.

Н. Л.

(«Красная Быль» книга вторая. — март 1923 г. Самара, стр. 157.)

ЗАЧИН Василий — коммунист Василеостровского района г. Петрограда, 20 сентября 1919 г. в бою у деревни Рылово на Петроградском фронте попал в засаду и расстрелян белыми. («Боевая Правда» № 24 от 4 октября 1919 г.)

ЗВЕЙНЕК Генрих * — комиссар революционной дивизии, убит 12 апреля 1919 г. в бою под Луганском. Старый подпольный работник рабочей партии Литвы. Своей неутомимой энергией, храбростью и редким организаторским талантом он создал славную страницу в истории революционной дивизии. («Извест. Наркомвоен» № 86, 1919 г.)

ЗВЕРЕВ* Петр Петрович—рабочий, красноармеец пограничного эскадрона, уроженец Псковской губ., убит в конце лета 1919 г. польскими легионерами в лесах Логойска.

ЗВЕРЕВА Вера Ивановна—сестра милосердия Минского госпиталя в г. Ржеве, Тверской губ., умерла 22 марта 1920 г. Она самоотверженно работала в госпитале; не зная покоя и устали, ухаживала за страдающими красноармейцами. Сколько она спасла жизней!.. Она вносила бодрость и спокойствие в сердца больных. Ее внезапная болезнь и затем смерть тяжело поразили всех больных и раненых красноармейцев. С ее уходом в палате настала другая жизнь: что-то грустное, скучное, тоскливое обрушилось на нашу палату... *К. Агашин.*

ЗДАВРОДЫНСКИЙ Павел Васильевич—умер от ран 30 марта 1919 года на фронте у Бердичева. Павел Васильевич родился в бедной рабочей семье. Он сумел воспитать в себе дух, присущий каждому сознательному рабочему, и получить должное образование. С 1914 г. он работает уже в партии. В 1918 г. он уже видный работник и председатель союза рабочих по обработке кожи, сначала в Одессе, а затем в Севастополе. В том же году, когда в Севастополе была совершена попытка свергнуть советы, он привел на баррикады рабочих-добровольцев и во главе их бился за правое дело. Будучи принужден затем работать в подполье, он был членом Севастопольского Ревкома, и, как знающий немецкий язык, принимал большое участие в разложении немецкой армии. В январе 1919 г., после провала севастопольской организации, он выехал с рядом других работников на Украину, где поступил политическим работником в Красную армию. Работал П. В. в Таращанском полку, где вскоре снискал к себе любовь и уважение всех товарищей. «Комиссара 4-й роты» знал весь полк. Когда коммунистическая ячейка полка послала своих представителей в Харьков, то среди выбранных оказался, понятно, «наш дорогой Павлик». 30-го марта во время ожесточенного боя за Бердичев тов. Здавродынский с криком: «Товарищи, за мной!» бросился во главе роты в атаку, и здесь встретила его вражеская разрывная пуля. Рана оказалась смертельной. Его с трудом успели донести на станцию до вагона, он умер со словами: «Умираю... но зато им досталось... и достанется...» («Коммунист», № 33 от 11 мая 1919 г.)

Г. Звейнек.

ЗДАНОВИЧ Борис—коммунист Нарвско-Петергофского района, убит в 1919 г. на Лужском участке («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

ЗЕВИН * Яков—или товарищ **Павел**, как звали его бакинские рабочие, родился в 1887 году в небольшом местечке Краснополье (Гомельск. губ.) в типичной мещанской семье. В местечке, населенном почти исключительно евреями, было только две школы—сельская русская и еврейская—хедер. Маленького Якова с шестилетнего возраста отдали в хедер. По-русски он говорил совершенно свободно без акцента, благодаря тому, что рос на руках русской няни. Отец Якова, торговец-перекупщик, в поисках более выгодной торговли, переехал в Каменское Запорожье Екатеринославской губ., когда Якову было лет 15. В Каменском на берегу Днепра пылал огнями доменных печей Южно-русск. Днепровский металлург. завод. Этот завод воспитал т. Зевина, как борца за освобождение рабочего класса. Открыв небольшую бакалейную лавочку, отец посадил Якова торговать, но торговля его совершенно не привлекала. Его привлекал завод, он скоро завел знакомство с рабочими, стал у них доставать литературу и с жаром предался чтению. В 1904 году он сошелся с одним рабочим, входившем в с.-д. партию и через него позже вошел в организацию. С этих пор лавочка для него сделалась местом агитации, что вызывало озлобление и ругань отца. Часто вместо того, чтобы сидеть в лавочке и отвешивать соль, хлеб и т. п., он вешал замок и уходил на собрание или к товарищу почитать нелегальную литературу. Эти отлучки, которые Яков упорно не хотел объяснить отцу, еще более озлобляли отца.

Когда в 1905 году перед пасхой вспыхнула забастовка рабочих, Яков, уже не обращая внимания на ругань отца, ринулся в борьбу. Во время еврейского погрома в ноябре 1905 года он был избит черносотенцами за участие в революционных демонстрациях и за то, что во время разгрома лавчонки отца в жестянках из-под конфект было найдено несколько револьверов и патронов. Несколько позднее тов. Зевин был арестован в Екатеринославе на митинге в Горном институте. Просидев месяца полтора, он вышел из тюрьмы без всяких последствий. В последующее время он вошел в связь не только с Екатеринославск. с.-д. организацией, но с Луганском, Бахмутом, Юзовкой и Кривым-Рогом. К нему часто приезжали оттуда товарищи, и он ездил туда по делам партии. В начале 1907 года он уехал в Баку; здесь он занялся исключительно партийной работой, работая в меньшевистской организации в городском районе под именем Володи. Тов. Зевин воспитался на сочинениях Плеханова и с самого начала попал в среду меньшевиков. В 1908 году тов. Зевин был арестован в Баку и выслан в административном порядке в Вологодскую губ. в гор. Яренск на два с половиной года. Он отбыл ссылку и вернулся в 1911 году в Каменское. Здесь он поступил на Днепровский завод чернорабочим и опять начал работать по организации рабочего движения. Через два месяца южная организация командировала его за границу в партийную школу.

За границей тов. Зевин пробыл до начала 1912 года. Возвратившись в Россию и перейдя на нелегальное положение, он начал энергично работать в Екатеринославе главным образом по выпуску нелегальной литературы. Здесь он опять был арестован, и, просидев несколько месяцев в Екатеринославском тюрьме, когда там царил свирепейший режим, был выслан на три года в Архангельскую губернию в гор. Кемь; здесь же в то время находился в ссылке тов. Фиолетов. Уже тогда тов. Зевин начал определенно отходить от меньшевиков и сближаться с большевиками. По манифесту 1913 года ему был сбавлен год ссылки; таким образом в 1914 году тов. Зевин вернулся сначала опять в Каменское, где поступил на завод. Отношение к войне окончательно заставило его порвать с меньшевиками и стать в ряды большевиков. В 1915 году тов. Зевин был мобилизован как ополченец и отправлен в екатеринославский воинский пункт, но он бежал оттуда, решив лучше отдать все силы на партийную работу, чем подставлять свою грудь в интересах капитала. Пробыв несколько месяцев в Тамбове, он под именем Павла Никитича Кузьмина приехал в Баку и поселился в Балаханах. Поступив ради заработка конторщиком к Нобелю, тов. Зевин все свободное время стал отдавать партийной работе. Как раз в это время Бакинская организация большевиков собрала в свои ряды разрозненные силы и начала вести работу. Никто из партийных товарищей не знал настоящего имени Павла Кузьмина, и кличка Павел так прочно укрепилась за ним, что и сейчас многие партийные товарищи и бакинские рабочие считают, что Павел настоящее имя тов. Зевина.

Тов. Павел скоро стал известен всем передовым бакинским рабочим. Энергия его была неистощима; обладая цветущим здоровьем, он много работал, уделяя сну четыре-пять часов. Пройти в день верст 10—15 по грязи для того, чтобы провести маленькое собрание, или для того, чтобы условиться о собрании—было для него пустяковым делом. Только благодаря ему удалось в конце 1915 года наладить связи почти на всей Балаханской площади. В середине февраля 1916 года весь коллектив большевиков был арестован и тов. Зевин в том числе.—«А, тов. Павел, наконец-то мы с вами познакомились»,—встретил его в охранке жандармский ротмистр Гусаков, радостно потирая руки. Конечно, скоро обнаружилось что тов. Павел жил по чужому паспорту, и ему пришлось открыть настоящее имя. Он по наружности так мало походил на еврея, что жандармы не поверили ему сначала и думали, что в их руки попался очень важный преступник, старающийся сбить их с толку. Но им пришлось разочароваться, когда из Екатеринослава пришло подтверждение его показаний. По какой-то счастливой случайности оттуда не дали знать, что он скрылся от военной службы, и этот факт так и остался неизвестен бакинской полиции. Тов. Зевину было предъявлено обвинение в распространении нелегальной литературы. В ноябре 1916 года состоялся суд. Тов. Зевин был оправдан за недостаточностью улик: прокурор опротестовал приговор, и за несколько дней до февральской революции сенат кассировал его. Между тем, по окончании суда т. Зевин выпущен был на свободу, к великому своему удивлению.

Он понимал, что оставаться в Баку ему было нельзя, и начал готовиться к отъезду. Личные дела несколько задержали его. Между тем, охранка зорко за ним следила, и в середине декабря, почти накануне отъезда, он был арестован на улице и вновь попал туда, откуда вышел месяц назад. Просидев до начала 1917 года, он получил ссылку на пять лет в Иркутскую губернию. Февральская революция застала его на этапе в Рязани; здесь он был освобожден и приехал в Москву, где начал работать в Московском Совете Рабочих Депутатов, а также разъезжал по поручению Московск. Обл. Комитета б-ков.

К августе 1917 года по просьбе бакинских товарищей он переехал в Баку, где и работал вплоть до трагического конца. Он погиб 31 года, полный физических и духовных сил, полный кипучей энергии и твердой веры в торжество революции.

М. К.

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 20/IX 1922 г.)

Тов. Зевин был в числе 26 бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами 20 сентября 1918 года. — См. **Шаумян С.**

ЗЕДИН ** **Карл (Июлиус Карл)** — член РКП, родился 15 июля 1885 г. в Курляндской губ., вол. Межотне, около Митавы, в усадьбе Глазники. Окончив мореходное училище в Мангали, около Риги, он в качестве простого моряка-матроса, штурмана дальнего плавания и капитана избороздил все моря, объехав несколько раз вокруг земного шара. Все эти путешествия он большею частью проводил под британским флагом и, вступив в английский трэд-юнион, познакомился с английскими социалистами-утопистами; между прочим, он был личный приятель Блечфорда, сочинениями которого он увлекался перед самой империалистической войной. Когда разразилась империалистическая война, он находился со своим пароходом в Черном море, в одесском порту; там он, ввиду прекращения мореходства немецкими и турецкими подводными лодками, стал знакомиться с подпольной организацией одесских большевиков, с которыми имел уже ранее связь, и не раз спасал революционеров, вывозя их на своем пароходе за границу.

Империалистическая война сделала свое, открыв ему окончательно глаза на несостоятельность учения английских утопистов, и он скоро стал одним из самых деятельных работников подпольной большевистской организации среди моряков Черноморского флота. Наступила февральская революция. Зедин был избран от моряков в «Центрофлот» и отбыл в Питер, где принял активное участие в октябрьском перевороте. Он принимал участие в первых Брестских переговорах с германскими империалистами и по возвращении из Брест-Литовска участвовал в обстреле засевших в Ялте белогвардейцев. Приехав из Ялты в Одессу, он в тот же день, 13 января 1918 года, вечером, с винчестером в руках, участвует вместе с пишущим эти строки в одесском перевороте, занимая почту и телеграф. И в течение нескольких дней, во все время боев с гайдамаками, юнкерами и офицерами, тов. Зедин не выпускает винтовку. После победы большевиков над Одесской радой тов. Зедин отправляется с небольшим отрядом против наступавших вместе с радой германцев. Раненый около ст. Слободской, он продолжает оставаться в строю, и перед самым падением Одессы прибывает туда со своим отрядом. 22 марта он едет в Москву. Из Москвы с поручением отправляется в Кемь. По возвращении, после исполнения своего задания, назначается на Царицынский фронт, где работает до самого падения Царицына. В своих письмах он все время жалуется, что вот старый морской волк никак не может попасть с полос на воду.

Латвия начинает освобождаться от империалистов. Организуется Красная Латвия. Зедин во главе отряда бьется в первых рядах против отступающего хищника. Но наступают для Красной Латвии черные дни. 22 мая 1919 года падает красная Рига. Товарищ Зедин с горсточкой красных матросов на грузовике бросается через мост на левый берег Западной Двины навстречу наступающим белым; в разгаре боя они не замечают, что мост уже в руках врага. Вдруг из какого-то дома предательски бросают из окна в грузовик с красными героями бомбу, которая разрывает всех находящихся в нем, в том числе и тов. Зедина. По окончании боя над трупом т. Зедина долго издевались дамы демократических палачей. Так почти с самого начала империалистической бойни, ставши на революционный путь, он не знал ничего, кроме преданности революции, и погиб смертью героя вместе с красной Ригой.

Ф. Земит.

К. Зедин.

ЗЕЛЬГЕР**—см. **Просмушкин Михаил.**

ЗЕМЛЯКОВ Игнат — см. **Подтелков.**

ЗЕНКОВИЧ *—военный комиссар г. Архангельска в 1918 году. При наступлении в августе 1918 г. бело-англичан до последнего момента оставался на посту, организуя защиту. При взятии Архангельска был изрублен на куски 12 августа 1918 года.

В. С.

«1 августа 1918 г. небольшая эскадрилья английских крейсеров начала штурмовать Архангельск. Штурм для англичан был успешен. Под их напором мы вынуждены были отходить вдоль железной дороги и по Двине. Но в районе Исакогорки под руководством губернского военкома Зенковича наши части организуют отпор. Зенкович командует, сам держит телеграфную связь с тылом, всюду бегает, организует, суетится в глубокой уверенности, что он снова отобьет утерянный Архангельск.

Но в тот момент, когда он сидел у телеграфного аппарата, наши части оставили Исакогорку. Зенкович живьем попадает в руки англичан. Поставленный под охрану 2-х английских солдат, он решает бежать, чтобы снова быть вместе со своими красными бойцами. С больной от раны рукой он бросается сначала на одного английского солдата, сваливает его, потом сваливает другого и бежит. Один момент, — и Зенкович должен был скрыться в тундре. Но зловещий залп английских солдат сваливает его. Потом солдаты набросились на него и долго тешились, рубя на мелкие куски труп первого большевика, попавшего в руки культурных мореплавателей». («Будем помнить» А. Метелева в «Пролет. Револ.», № 3.)

ЗИВЕРТ ** **Яков** — рабочий-сапожник, член РКП, в сентябре 1918 года расстрелян белогвардейцами в г. Якутске, быв. политический ссыльный.

ЗИЛЬБЕРГ ** **Семен** — комсомолец, мобилизованный Самарской организацией на фронт; погиб в первом бою с уральскими казаками в 1919 году. (Св. вз. из ст. Митарновского, № 1 «Красной были», орг. Самарск. Б. Истп.).

ЗИЛЬБЕРШМИДТ, «Илья Серов»,—член Р. К. П. с 1917 г., интеллигент. До Крыма работал в Херсоне. В Крыму в подполье был секретарем Севастопольского Комитета Р. К. П., членом Севастопольского Ревкома. Честный, преданный работник. Работал в Севастополе по подготовке вооруженного восстания. Был убит на подпольном Коктебельском Крымском партийном съезде при преследовании офицерами воен. контр-разведки в апреле 1920 г.

ЗИМАРЕВ—1 сентября в деревне Дудино, Гдовского уезда, белыми был арестован инвалид, бывший красноармеец, тов. Зимарев, при котором нашли документы рабочего Обуховского завода. Белогвардейский офицер, решивший расстрелять тов. Зимарева, как питерского рабочего, приказал последнему бежать, сам же открыл предательскую стрельбу из револьвера. 5-ю пулями тов. Зимарев был убит. («Боевая Правда» № 7 от 15 сентября 1919 г.)

ЗИНОВЬЕВ—22-х лет, член Симферопольск. орган. Р. К. П., член Комсомола, начальник боевой дружины подпольной организации Комсомола. Арестован после перестрелки с офицерами контр-разведки и ранен в ногу. Молодой, горячий и преданный работник. После продолжительных попыток в контр-разведке судим военно-полевым судом за участие в подпольной организации. На вынесенный смертный приговор сказал: «Вы захватили начальника боевой дружины, но дружина жива, и она скоро даст о себе знать вам. Ваши дни сочтены. Смерть витает над вашими головами». Повешен в Симферополе в апреле 1920 года. По одному с ним делу судились и казнены: **Ананьев (Ваня), Горелик Моисей, Старосельский, Зульманович, Черняк, Шейкин, Кольнер.**

ЗЛАТОВЕРОВ М. О.—старый член Р. К. П. Еще задолго до октября он участвовал в качестве активного работника в партийных и военных организациях Западного фронта. В течение 1917 г. был членом Исполнительного комитета Смоленского оборонческого Совдепа. В октябрьские дни тов. Златоверову пришлось руководить боевой операцией в Пресненском районе в качестве командира Красной гвардии. Здесь он выявил свою боевую натуру. Он был тверд, как сталь, и сражался, как храбрый воин, не ведающий страха, целиком проникнутый уверенностью в победе над юнкерскими бандами, и своим примером и мужеством воодушевлял других. После победоносного восстания, тов. Златоверов был поставлен Пресненским Районным Советом на пост военного комиссара района. Благодаря боевому организаторскому таланту, ему удалось создать довольно крупную боевую единицу и держать район в полном порядке.

В июне 1918 г., когда Советской России угрожала опасность со стороны немецкого империализма, тов. Златоверову было поручено организовать N-й полк, и он свою задачу выполнил блестяще в течение короткого срока. Получив от тов. Муралова командование полком, он отправился на южный фронт. Здесь он участвовал в самых больших боевых операциях, нанося целый ряд поражений бандам Краснова. Дважды был ранен. Убит в июле 1919 г. («Изв. Наркомвоен» от 24 июля 1919 г. № 155.)

ЗОЛОТНИКОВ—комиссар Пятигорского Коммунистического полка, повешен во Владикавказе в феврале 1919 года.

ЗОНАНС** **Эдуард.** В декабре 1918 г., после ухода немцев из Харькова, штаб республиканских войск во главе с полковником Балабачаном, не имея сил для отпора советским войскам, ознаменовал последние дни своего пребывания в Харькове зверскими расправами над рабочими и коммунистами. В их руки попал и тов. Зонанс Эдуард. («Летопись Револ.» № 1, ст. Н. Попова)

ЗОСТЫНЬ—см. **Балод.**

ЗОТОВ Иван—см. **Подтелков.**

ЗОТОВ** **Тарас Михайлович**—25 лет, красногвардеец, работал слесарем на Курской ж. д., убит в Москве на Тверском бульваре в октябрьские дни 1917 года («Братская Могила», стр. 180.)

ЗРГИН Тихон.—15 августа в Межозерном районе, в бою под дер. Вешкелицы, был убит командир 6 роты N-стрелкового полка Тихон Зргин. Во время атаки на белофиннов он попал под пулеметный огонь и был убит двумя пулями в живот и плечо.

Тов. Зргин, член партии Смольнинского района, был мобилизован и отправлен на фронт, как член исполкома и тов. председателя Охтенского районного Совдепа, в начале мая 1919 г. Тов. Зргин был одним из тех немногих товарищей, которые после демобилизации царской армии сразу ушли с головой в строительство новой советской Красной армии. Тов. Зргин, рабочий по профессии, в Охтенском районе являлся почти единственным партийным организатором в Красной армии. Он был избран в Петроградский Совет три раза, был председателем военной секции, членом районного партийного комитета, председателем отдела коммунального хозяйства Охтенского района. В бытность свою на фронте тов. Зргин, как ротный командир, за свою храбрость заслужил любовь и уважение всех тов. красноармейцев. Был также председателем полкового коллектива. («П. Правда», № 189 от 29 августа 1919 г.)

ЗУБОВ—крестьянин из с. Покровского. Бессменный председатель крестьянского отдела Тюменск. исполкома. Он не был коммунистом, но, тем не менее, был преданным сторонником Советской власти. При падении Советской власти т. Зубов остался в Тюмени и, конечно, вскоре был арестован и заключен в тюрьму. При эвакуации политических арестованных из Тюмени белыми, он вместе с другими жертвами при попытке бежать с баржи был расстрелян на месте. Погиб в 1918 г. («Октябрьский сборник», г. Тюмень.)

Труп т. Зуева.

ЗУЕВ**—фельдшер, убит японцами во время событий 4—5 апреля 1920 г. в Приморской области. Его труп, в числе 6-ти других трупов, был сокрыт в саду Управления внутренних дел; извлечен и осмотрен в присутствии международной комиссии.

ЗУЛЬМАНОВИЧ—член Комсомола, активный работник, член боевой дружины, казнен в апреле 1920 года в Симферополе.—См. **Зиновьев.**

ЗУРАБОВ* Аршак Георгиевич—родился в 1873 г., член Учр. Собр. (Р. С.-Д. П. объед.) от Закавказья. Российское революционное движение и пролетариат России и Закавказья, в частности, а главным образом, то поколение революционно-марксистской мысли, которое принимало участие в освободительном движении еще с 1900 годов, безусловно помнит энергичного борца за рабочее дело, покойного тов. А. Г. Зурабова. Пролетариат России помнит, быть может, Зурабова в рядах Р. С.-Д. Р. П., примыкавшего к фракции меньшевиков, помнит

Зурабова—члена Государственной Думы 2-го созыва, помнит, быть может, его нашумевшую речь, направленную против царской армии при рассмотрении государственного бюджета (военного). Зурабова помнят как каторжанина, на что он был осужден самодержавным судом за свою преданность интересам рабочего класса. Пролетариат России должен помнить тов. Зурабова и в рядах интернационалистов, в рядах оппозиции меньшевизму; Зурабова, ярого и преданного защитника идей советского строя, ратовавшего за III Интернационал и оценившего последнюю революцию не как демократическую, а как социалистическую.

Ибо тов. Аршак Зурабов последние годы своей жизни именно был одним из активных борцов за диктатуру пролетариата, за власть Советов, за федерацию Закавказских республик и за восстановление тесной связи с российским пролетариатом. Товарищи, работавшие в Завкавказье в печальные дни господства меньшевиков в Грузии, дашнаков в Армении и мусаватистов в Азербейджане, не забудут борьбу, которую вел тов. Зурабов как на страницах печати, так и на публичных докладах и съездах против указанных политических шарлатанов и пригвождал их к позорному столбу, как предателей интересов пролетарской революции. Он смело срывал маски с лиц лжесоциалистов и предвещал им ближайшую гибель.

Такую оппозиционность Зурабова, конечно, не могли бы переварить его вчерашние друзья по партии—меньшевики Грузии, ибо они чувствовали, что агитация и работа Зурабова не проходят даром и революционизируют массы. Поэтому правительство Жордания - Рамишвили решило избавиться от Зурабова, предложив ему в течение 24-х часов покинуть пределы меньшевистской Грузии. Зурабов вынужден был подчиниться произволу меньшевистского правительства и должен был уехать в Армению. Приехав в Армению, тов. Зурабов не переставал продолжать борьбу. Ничуть не считаясь с лояльным отношением дашнакского правительства к нему, как к старому революционеру, сейчас же по прибытии в Армению, тов. Зурабов устроил несколько публичных собраний в Эривани и Александрополе, на которых выступил с резкой критикой деятельности дашнакского правительства и указал на неизбежную необходимость создания Советской власти и установления тесной связи с Россией.

К сожалению, тов. Зурабову не суждено было жить дальше и довести борьбу до победного конца. Он, заразившись тифом по пути из Александрополя в Эривань после прочтенного там доклада, скоро умер. Умер тов. А. Зурабов в конце 1919 года. Политические враги тов. Зурабова торжествовали. Правительство Жордания не совсем охотно разрешило перевезти труп тов. Зурабова в Тифлис для погребения. Боясь демонстрации рабочих, Рамишвили приказал труп Зурабова с вокзала отправить прямо на кладбище. Но, несмотря на все предупреждения власти Рамишвили, тифлисские рабочие не отнеслись безучастно и пришли с красными знаменами отдать последнюю дань самоотверженному борцу за интересы рабочих. Рабочие Армении встречали и провожали поезд с останками тов. Зурабова с красными знаменами и украшали гроб венками.

Н. Атоев.

ЗЫКОВ**—См. **Холмогоров.**

И.

ИВАНИЦКАЯ Мария Петровна — родилась в 1877 году в Нижегородской губ. Тов. Иваницкая начала революционную работу в 1894 году восемнадцатилетней девушкой. Когда она, по окончании средней школы в Н.-Новгороде, поступила учительницей на Сормовский завод, ей удалось создать здесь уже небольшой кружок из рабочих, и эта кучка смельчаков задалась целью организовать собственную нелегальную типографию. В 1896 г. М. П. вместе с другими была арестована по делу печатания нелегальной литературы, но после девятимесячного тюремного заключения освобождена и уехала за границу, где усердно принялась пополнять свои теоретические знания. Однако ее активная натура не может мириться с заграничной жизнью, и уже в 1899 г. она возвращается в

Россию, поселяется в Твери и снова принимается за работу. Не прошло и 3-х месяцев, как она снова была арестована. После года тюрьмы ее высылают в Псков, откуда она снова бежит за границу. В 1901 г. она нелегально снова возвращается в Россию и работает по объединению с.-д. организации на Волге, а затем в Туле. В 1902 г. М. П. снова арестована и, просидев около года в тюрьме, выслана в Вологодскую губ. В начале 1905 г. М. П. переехала в Петербург, где стала работать в качестве ответственного партийного организатора П. К. за Невской заставой. Весть о смерти Софьи Сергеевны (так была партийная кличка М. П.) с особенной болью отзовется в сердцах старых товарищей-семянниковцев, работавших с М. П. в 1905—1906 г.г. В жизни большевистской группы семянниковцев, занявших в последующем петербургском движении первые ряды, Софья Сергеевна, благодаря своим личным качествам, играла исключительно важную роль. Чуткая, отзывчивая и вместе с тем настойчивая и решительная, она внушала к себе абсолютное доверие. Отказывая себе в самом необходимом, часто испытывая нужду, М. П. отдавала последнее товарищам. Вся жизнь М. П.—сплошное самопожертвование, сплошное подвижничество революции. Всей душой была она предана революции. Она умерла на революционном посту. Как представительница Главполитпросвета, поехала на агитпароходе В. Ц. И. К. «Красная Звезда». Тут она и скончалась от холеры (6 июля 1921 г.)

ИВАНОВ—казак, комиссар тюрьмы в г. Троицке, выведен казаками в степь и расстрелян 6 июня 1918 г.

ИВАНОВ**—рядовой 7-й Владимирской дивизии, пал жертвой коммунистической агитации на польском фронте на реке Стоходе. К штабу полка, сборному пункту, собираются коммунисты для распространения литературы по ту сторону окопов. Направляются к противнику. —«Кто пошли—разведчики?»—«Нет, это понесли литературу полякам»—отвечают более осведомленные товарищи в окопах. И вот медленно, припадая к земле, ползут они к проволочным заграждениям как можно ближе к земле навстречу опасности, с целью понести правду в неприятельские окопы. Но на левом участке полка раздались выстрелы со стороны противника. От беспорядочной одиночной стрельбы огонь переходит к залповой, которой помогает, подавая свой голос, «Максим»; ракеты и усиливающийся огонь говорят, что противник обнаружил наших. И вот они возвратились, а Иванова не было. Там, на проволочных заграждениях, лицом к противнику лежал простреленный в грудь коммунист, выполнивший свой долг. («Владимирец на боевом посту». Изд. политотд. 7-й Владимирск. имени Юго-стали дивизии. Полтава, 1922 г.)

ИВАНОВ—рабочий вагонных мастерских Николаевской ж. д. Молодой еще член партии, он, как идейный, сознательный рабочий, пошел первый на защиту Красного Питера. Был убит близ дер. Тайцы в ноябре 1919 г. («Петр. Правда», 1919 г., № 258.)

ИВАНОВ. ** См. **Уткин.**

ИВАНОВ, Аркадий Федорович—родился 24 января 1882 г. в г. Петрограде. В 1903 г., студентом Петроградского университета, он вступил в партию и в том же году арестован. Продержали в тюрьме 11 месяцев. С тех пор началась для него та полная невзгод и лишений, скитальческая жизнь, которая так характерна была для всех партийных работников того времени. То он в Гомеле, то в Петрограде, то в Одессе, где проводил кампанию по выборам во 2-Госуд. Думу. Вот он в Финляндии, откуда пробирается на наш партийный съезд в Лондон. Заметая следы, он ночует то на одной, то на другой конспиративной квартире, прописывается то по одной, то по другой фальшивке, называясь то одной, то другой кличкой. Вернувшись с Лондонского съезда и отбыв 6-месячное тюремное заключение за редактирование газеты «Северная Земля», Иванов делегируется партией для работы при соц.-демократической фракции Думы. Вскоре его вновь арестовали и отправили в Нарымский край. Отбыв ссылку, Иванов поселился в Томске, где и застала его революция.

В качестве начальника томской милиции он проявил редкую деловитость и распорядительность по ликвидации царизма. Как только новая власть укрепилась, Иванов оставил пост начальника милиции и предался партийной работе, попутно занимая некоторые другие ответственные должности. На 4-м Всероссийском Съезде Советов Иванов, между прочим, был избран в члены В. Ц. И. К. С особой последовательностью и настойчивостью Иванов проводил после Октябрьской революции все предначертания Советской власти. К его голосу прислушивались, с его мнением считались, его совету неоднократно следовали. В нем ценили самого разностороннего работника; знали, что на какой бы пост его ни поставили, он всегда будет на своем месте. Советами Сибири он был вызван в Омск, где избран в Центр. Исполн. Комитет Сибири и назначен комиссаром финансов. Особенно проявить себя на этом посту он не успел, так как вскоре разыгралась чехо-словацкая авантюра. Сибирский Ц. И. К. делегировал Иванова для мирных переговоров с чехо-словаками. Иванову сопутствовал американский консул Гаррисон; Гайда любезно принял Иванова, обещал ему даже личную неприкосновенность, но в переговоры с большевиками вступать не соглашался. 25 июля Иванова арестовали в Красноярске, а в сентябре его перевели в Томскую тюрьму. В ночь на 24 октября Иванов вместе с 6-ью другими товарищами был вывезен белогвардейцами из Томской тюрьмы и на ст. Кольчугино зверски замучен: на теле, кроме огнестрельных, имелись и штыковые раны. За несколько дней до расстрела Иванов писал своей жене: «Я спокоен, и только одна у меня к тебе большущая просьба: будь тверда. Что бы ни случилось— не сетуй и не горюй. Когда дела решаются пушками и штыками, словами делу не поможешь». (Из книги «Три года борьбы».)

А. Иванов.

ИВАНОВ* В.—железнодорожник, старый член партии, работавший еще в подполье при старом режиме, пользовался всеобщим уважением в особенности среди железнодорожных рабочих. Член Троицкого Комитета Р. К. П. (б.), тов. председателя Троицкого ЦИК и член Высшего Военного Совета. После ухода красных войск из Троицка тов. Иванов отступал на Кустанай, некоторое время скрывался в Кустанайском уезде среди киргизов, а затем вздумал пробраться на Верхнеуральск. По дороге, в Федоровке, был опознан, арестован, привезен в Троицк и здесь вместе с Дмитриевой и др. зверски убит прап. Миллером за Меновым Двором. («Набат» № 28 от 18/VI 1922 г.).—См. **Аппельбаум.**

ИВАНОВ ** **Иосиф Иванович**—сотрудник Новгородск. Губ. Ч. К., пал жертвою долга в ночь на 12 ноября 1921 г. Он участвовал в поимке злостного бандита и был убит близ дер. Мошонки, Филиппогорской вол., Демянского у., Новгородск. губ. Тов. Иванов был предан пролетарской революции, участвовал в боях на фронте и имел несколько ранений. («Вел. Кр. Новгород», ст. «Контрреволюция и наши жертвы».)

ИВАНОВ ** **Макар**—35 лет, чернорабочий в Москве, в коммунист. партию вступил в 1917 г., по партийной мобилизации пошел на фронт в 1918 году в Первый революционный полк. Погиб во время боя (Свед. вз. из сб. «Братская могила».).

ИВАНОВСКИЙ Георгий (Васильев)—был активным работником секции печатно-бумажного производства при В. С. Н. Х., членом бюро комм. фракции этой секции. Умер 22 октября 1918 года.

ИВАНЦЕВ.—См. **Ремтер.**

ИВАНЦЕВ Ф.—См. **Ремтер.**

ИВАНЧЕНКО Артем.—См. **Подтелков.**

ИВАШКЕВИЧ—рабочий г. Екатеринослава, был ком. бат. 1-го Воронежского полка; по своему геройству был примером для красноармейцев; убит в бою на южном фронте при взятии Луганской станицы у банд Краснова.

ИГНАТОВ** **Андрей Иванович**—рабочий Трехгорной мануфактуры печатного отделения, член Р. К. П. с 1917 г.; работал среди рабочих и пользовался среди них популярностью; был избран в члены фабкома и занимал должность председателя Контрольной Комиссии. Во время несения партийных обязанностей по охране фабрики убит нечаянным выстрелом. (Св. взяты из сб. «Братская Могила».)

ИГНАТОВА Ирина Матв.—Работницы гор. Москвы понесли неизгладимую утрату в лице погибшей от предательского взрыва в Московском Комитете Ирины Матвеевны Игнатовой. Крестьянка Тульской губернии, Ирина Матвеевна Игнатова с малых лет служила в прислугах. Ее мятущаяся душа не могла примириться с бесправным положением домашней прислуги, и при первой возможности она поступила кондуктором трамвая в Уваровский парк, где прослужила несколько лет. В этот период жизни она вступила в партию большевиков, а в 1918 году поступила на инструкторские курсы, организоавнные Военно-Продовольственным Бюро. По окончании этих курсов Игнатова была назначена в распоряжение Воронежского исполкома, который и командировал ее в Павловский уезд для проведения перевыборов сельских и волостных советов. Здесь Игнатова проработала 3 месяца, после чего вернулась в Москву, где, наконец, исполнилась ее заветная мечта—работать по организации женщин-работниц. С начала возникновения отделов по работе среди женщин, она работала организатором в Хамовническом районе и сразу завоевала всеобщую симпатию своим вдумчивым и серьезным отношением. Характер ее работы самым ярким образом сказался на последней хамовнической конференции, которая вся прошла под ее руководством. Память о ней будет вечно жить среди московских работниц. («Правда», № 216, 1919 года.)—См. **Загорский.**

А. Игнатов.

ИГНАТЬЕВ Яков — пал в борьбе с белыми под Псковом в конце сентября 1919 года.

ИЗВАРИН Иван—См. **Подтелков.**

ИКОННИКОВ—7 февраля 1919 г. на рассвете во время наступления белой гвардии погиб на Нарвском фронте командир тов. Иконников. Впереди цепи, под градом пуль и гранат, он бесстрашно руководил боем, защищая каждую пядь земли, пока не пал смертью храбрых.

Тов. Иконников—коммунист, любимый всеми красноармейцами полка.

М. Хатов.

(«Красная Газета», № 32, от 11 февраля 1919 г.)

Ильин **— См. **Аппельбаум.**

ИЛЬМЕР* **Карл** (**«Автомат»** , **П. Вейс,**)—родился в 1891 году в Латвии в рабочем поселке Лигат. Отец и мать его—рабочие местной бумажной фабрики; после окончания городского училища туда поступает и Карл.

1905 год застает его на фабрике, и 15-летний юноша, полный энтузиазма увлекается революционным движением, вступает в местную группу нелегальн. С.-Д. Р. П. (б.) и принимает активное участие в партийной работе, от чисто технической переходя к организационной и агитационно-пропагандистской. Вначале тов. Ильмер работает в местной группе, потом как парторганизатор объезжает более выдающиеся промышленные пункты Латвии. В 1908 году приезжает в г. Ригу. Кочуя с одного завода на другой, организуя забастовки и создавая парт. ячейки, тов. Ильмер в то же время принимает активное участие в работе подпольной организации, исполняя руководящие роли. Обладая даром выдающегося организатора и пропагандиста, тов. Ильмер является членом агит.-

пропагандистской коллегии, членом Рижского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.). Он и член «боевой дружины», и в эпоху черпейшей реакции и полицейского разгула принужден «лесным братом» скрываться в лесах от преследований.

В период с 1908 по 1912 г. подвергается беспрерывным обыскам, арестовывается, сидит в тюрьме по нескольку раз. В 1913 г. по выходе из тюрьмы принужден скрыться из г. Риги и уезжает в Баку. Но недолго пришлось поработать там т. Ильмеру: он опять арестовывается, сидит 9 месяцев в бакинск. тюрьме и в начале войны в 1914 г. отправляется в ссылку в Нарымский край, Томск. губ., где пробыл свыше двух лет.

Чрезвычайно живой, энергичный, он с первого дня мечтал о побеге. Привыкший к кипучей деятельности революционера, каждый день рисковавшего жизнью, он рвался на волю, но материальные условия долго не давали ему возможности исполнить заветного желания. Только в 1916 г., когда был объявлен приказ о призыве политических ссыльных и о посылке их на передовые позиции, тов. Ильмер, ярый противник войны, бежит из ссылки сначала в тайгу, где скрывается некоторое время, потом уезжает в Петроград. Работает до революции в военной организации, после революции некоторое время в редакции лат. рабочей газеты «Борьба», потом, как хозяйственник, назначается комиссаром продовольствия Александро-Невского района. С наступлением голода в столице в декабре 1917 г., тов. Ильмер командируется Народным Комиссариатом Продовольствия в Сибирь для извлечения продовольствия из Сибири для голодающих столиц. В Сибири, в г. Омске, тов. Ильмер работает как член краевого Совета Северо-Зап. Сибири, заведуя экономич. отделом, потом назначается продовольственным комиссаром Акмолинской области. Он—член Омского губисполкома и принимает активное участие в работе Губкома.

К. Ильмер.

С наступлением чехо-словаков тов. Ильмер работает как член боевого штаба Сибирск. армии и особым уполн. Наркомпрода по вывозу хлеба из эвакуированных местностей. С отступлением Красной армии из Екатеринбурга, когда надежды на скорое возвращение Сибири терялись, часть испытанных подпольных работников командируется в Сибирь для подпольной работы. В их числе едет и тов. Ильмер. В Екатеринбурге остаться ему не удается, он два раза арестовывается, удачно выкручивается и едет для работы в Томск. В Томске, состоя членом сибирск. подпольн. организации и членом военной организации, он работает, не покладая рук, организуя восстание против [власти Колчака. Он организует из бежавших из колчаковск. армии солдат отряды, призывает бежавших от Колчака и скрывшихся в тайге товарищей] к работе и, ведя кропотливую, рискованную работу агитации в гарнизоне, подготовляет его к выступлению. Он составляет и выпускает воззвания и весь горит одной надеждой, что метким ударом, поднимая организованно и одновременно восстания в главных городах Сибири, удастся свергнуть ненавистное иго Колчака. Все было готово к выступлению, когда накануне его, 4 марта 1919 г., благодаря измене, весь боевой штаб подпольной организации был арестован. Одновременно последовали провалы по всем городам Сибири.

Погибли наши лучшие товарищи. Тов. Ильмер вместе с т. Бредисом, как организаторы восстания, были расстреляны—после жестоких пыток до военнополевого суда—12 марта 1919 года. По приговору же суда от 19 марта были расстреляны еще 20 человек, из которых известны следующие: **Васильев Василий**,

Васильев Константин, Григорьев Иннокентий, Жихарев, Иоффе, Уфимов, Солдатов, Шилко и Якимович.

В лице тов. Ильмера коммунистическая партия потеряла одного из членов той гвардии, которая на своих плечах вынесла революцию. Обладая железной волей, живой, энергичный, он представлял из себя необычайно цельную натуру. Вся жизнь его была борьба, он всегда был в первых рядах и всегда брал на себя самое смелое, рискованное дело. И умер он, как жил, стойко вынося все пытки палачей, ни вздохом не выдав свои страдания, вызывая своим героизмом даже преклонение врагов.

ИЛЬЯ—член подпольной организации в Крыму. Казнен вместе с Шмидтом в Керчи в июне 1920 года.

ИОЗЕФСОН Андрей Степанович—повешен белыми 4 октября 1919 г. на ст. Струги-Красные. Андрей Степанович Иозефсон родился на Кавказе, в Тифлисе, воспитывался в пансионе бакинского реального училища. В училище он слыл за даровитого ученика, но был неусидчив и все свое время посвящал чтению. Он пользовался большой любовью как товарищей, так и педагогов. По окончании училища он поступил в харьковский университет. Здесь он вращался среди революционной молодежи, считал себя анархистом, хотя активного участия не принимал. В 1904 г. уехал за границу, сначала в Германию, потом в Париж и в Италию. В Неаполе, по доносу, был арестован, сидел в тюрьме 8 месяцев. В тюрьме он получил известие о смерти матери и, освободившись, вернулся в Россию. В январе 1906 г. он прибыл в Петроград, где надеялся поспеть к назревавшим событиям. Здесь он работал в революционных издательствах, пережил ряд обысков и арестов.

Февральская революция застала его секретарем при главн. управлении Шлиссельбургского порохового завода. Здесь он был выбран рабочими председателем революционного комитета. При его участии была открыта Шлиссельбургская каторжная тюрьма. В начале 1918 г. он вступил в партию коммунистов-большевиков и отдался партийной работе со всей страстью своего пылкого темперамента. Летом 1918 г. он числился лектором на артиллерийских курсах командного состава по политическим и социальным знаниям. В районном комитете партии он числился ответственным агитатором и считался хорошим оратором. 27 мая 1919 г. он был мобилизован Ц. К. партии от Петрокомитета и отправлен на лужский фронт. На фронте сначала он был прикомандирован к бронепоезду, а затем политотделом армии назначен в военно-революционный трибунал лужского района на должность следователя.

26 сентября он был командирован на станцию Струги-Красные для снятия допросов. 3 октября он, несмотря на уговоры товарищей оставить дело до следующего дня, отправился на допрос в деревню, чтобы закончить все начисто, обещая вернуться скоро. Прошла ночь, а он не явился. Утром послышались «ура!»,—пришел полк, отгонявший врага, и принес вырытое из земли тело т. Иозефсона. Он был избит шомполами и повешен. («П. Правда», № 231, от 17 октября 1919 года).

ИОКИНЕН Вейне—родился в Финляндии. Родители его были рабочими. Окончив лицей, он поступил в 1899 г. в университет, где учился, живя в долг, перенося голод и лишения.

Жаждущий знаний, талантливый пролетарий, он приобрел своим упорным трудом обширные знания.

Но революционное мировоззрение тов. Иокинена не позволило ему отдаться спокойной ученой работе. Его влекло революционное рабочее движение, на службу которому он ушел целиком в качестве журналиста. Он был одним из лучших журналистов Финляндии. Но помимо журнальной деятельности он уже с 1903 г. принимал широкое участие в рабочем движении, при чем принадлежал к рабочим обществам в Таммерфорсе и Гельсингфорсе.

В 1908 г. тов. Иокинен был впервые избран в Финляндский сейм депутатом, и с тех пор постоянно вновь избирался. Во время гражданской войны в Финляндии он был председателем Главного Рабочего Совета.

Очутившись эмигрантом в Советской России, тов. Иокинен поступил на службу в Пермский Совет. Он был одним из основателей подпольной финской коммунистической партии и состоял членом ее Центрального Комитета с 1919 г.

Тов. Иокинен проявил обширную литературную деятельность, он перевел на финский язык много марксистских произведений. Тихий, скромный по характеру, он никогда не стремился занять руководящий пост, но его способности и обстоятельства сделали его вождем.

И он не обманул ожиданий. Он исполнил свой долг до конца и умер смертью славных от белогвардейской пули преступного заговора в Петрограде 31 августа 1920 года. («Комм. Интернационал», № 14, 1920 г.).—См. **Рахья, Иван.**

ИОНОВ Иван Максимович**—преданный коммунист Новгородской организации, добровольцем отправился на фронт. В бою под Гатчиной попал в плен к белогвардейцам и был расстрелян.

ИОНОВ Степан Михайлович—рабочий (электромонтер), привлекался по процессу 43-х, был осужден на 5 лет каторги в 1911 г. После февральской революции принимал деятельное участие, работая как большевик, преимущественно среди железнодорожников. Умер 25 апреля 1920 г. от тифа.

ИОФФЕ—председатель Енисейского исполнительного комитета, расстрелян в качестве заложника в начале 1919 года в Красноярской тюрьме. (Сб. «Красная Голгофа», стр. 111.)

ИОФФЕ, А.—был арестован вместе с другими, подготовлявшими восстание в Томске, 4 марта 1919 г. и, после двухнедельных пыток, судом 19 марта приговорен к смертной казни.—См. **Ильмер, Карл.**

ИОФИН Е. П.—молодой, 27 лет, полный сил, энергии, жизнерадостный товарищ Ефим Петрович Иофин, устраивая в театре спектакль для красноармейцев проезжавшей дивизии, заразился сыпняком и в ночь с 22-го на 23-е марта 1920 г. скончался.

Тов. Иофин, вступив в партию в начале марта 1917 года, сразу проявил себя как энергичный организатор коллективов в воинских частях. Будучи отправлен на фронт, он вел энергичнейшую агитацию среди солдатской массы, за что был отдан под суд правительством Керенского и был приговорен к смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение: Октябрьская революция вырвала его из рук палачей. Тов. Иофин вернулся в Питер, где последовательно исполнял должности: сотрудника следственной комиссии при Совнаркоме, коменданта Первого Революционного Трибунала, заведывающего двумя отделами петроградского комиссариата по продовольствию и комиссара снабжения северного участка завесы. Затем переехал в Ярославль, где занимал должность комиссара штаба северного фронта и в декабре 1918 года был вызван в Москву, назначен состоящим для поручений при Зампредреввоенсовета Республики и впоследствии комендантом Революционного Военного Совета Республики.

Ясный, трезвый ум его, как и необычайная энергия, которая была отличительной чертой его деятельности, ярко выделялись даже в общем революционном темпе нашей жизни. В своей разносторонней, всегда кипучей работе он неустанно проводил принципы революционного строительства и зачастую сурово требовал исполнения революционного долга, являя собою в этом отношении образец. При всем том чрезвычайно общительный, он вносил в общество окружавших его товарищей жизнерадостность и веру в окончательное торжество пролетарской революции.

ИПАТОВ **—член Московской организации жел.-дорожного района, замвоенком полка, участвовал в беспрерывных боях, заразился тифом и 16 декабря 1919 года умер на Радомысльском распределительном пункте. («Правда», № 2 за 1920 г. и № 245 за 1919 г.).

ИСАЕВ* Иван Исаевич—рабочий прядильного отделения Трехгорной м-ры, проработал на фабрике около 5-ти лет. Принимал участие в февральской революции, а также и в Октябрьской. После февральской революции тов. Исаев был членом Московского Совета, членом фабзавкома и членом РКИ; перед Октябрьской революцией перешел на сторону эс-эров и, проработав около 2-х лет, перешел в члены Р. К. П., исполняя всю партийную и профессиональную работу честно. Он был послан от организации Трехгорной м-ры в центр текстильщиков уполномоченным по топливу. Через некоторое время, на субботнике по топливу был нечаянно ушиблен. Проболев около 1 года и 3 месяцев, он умер. («Братская Могила», стр. 82.)

ИСАКОВ Василий Иванович—родился в 1892 г. в дер. Глашево, Петроградской губ., в бедной крестьянской семье. Голод заставил его уйти из деревни в Петроград. Поступив здесь в милицию, он честно и добросовестно исполнял все возлагаемые на него поручения. Убит в бою на Карельском участке, храбро сражаясь, в ноябре 1918 г.

Смерть вырвала в лице его не только стойкого и преданного пролетарской революции товарища, но и человека с большой и чуткой душой, которого все любили. («Петр. Правда», № 251 за 1919 г.)

Алфавитный указатель фамилий, помещенных во втором издании

„Памятника борцам пролетарской революции“.

Том I.

А.

Стран.

Абаковский 7
Абакумов, Федор —
Абель —
Абельман, Н. С. —
Абрамов, Гр. Павл. 8
Абрамович, Р. Ал. —
Аванян, Б. —
Авдеев —
Авейде, Мар. Оскар. —
Авилов, Ив. 9
Агафонов, П. —
Агуреев, Евд. Ив. —
Азаров —
Азарх, И. Х. —
Азизбеков, Мешади Бек —
Айвазова 11
Айнбиндер —
Акимочкин —
Аксенов —
Аксенов —
Акулов, Ос. Ал. —
Алаев, Петр —
Александрович —
Александровский (Васильев) —
Алексасис —
Алексеев, А. 12
Алексеев, Ал. —
Алексеев, Ал. 13
Алексеев, Ал. Ал. —
Алексеев, Влад. Ал. 14
Алексеев, И. П. —
Алексеев, Петр —
Алексеевский —
Алешин, А. А. —
Аллик 15
Алиханович —
Альбам —
Альтер, Мария —
Альтфатер, В. М. —
Амбаров —

Стран.

Амельченко, Ив. и Феокт. 15
Амирьян, Арсен 16
Амирьян, Татевос 18
Амитов, Нафик —
Амяга, Фрол —
Ананьев —
Ананьев («Ваня») —
Ананьин, Илья Андр. 19
Андржиевский, Григ. —
Андреев, Е. И. —
Андреев, Ф. А. —
Андреева 20
Андронов —
Аникин, Степан —
Анисимов —
Анисимов, Ал. Андр. —
Анисимов, Яков —
Аносов, С. Д. —
Антипов 21
Антонов —
Антропцева, Ольга —
Аплыгин, Петр 22
«Апостол» —
Аппельбаум, Я. В. —
Апраксин, Вас. Нест. 23
Апрелев, А. Пл. 24
Аристов, Петр. Мих. —
Арманд, Инесса —
Аронштам, Бор. Наум. 26
Аронштам, Илья Наум. —
Аросева, М. А. (Вертынская) —
Артамонов 27
Артамонов, Ст. Ив. —
Артем (Сергеев, Ф. А.) —
Артемьев, Е. 31
Архаров, Як. Гр. —
Архипов —
Арцыбашев —
Арцыбушев, Вас. Петр. —
Аршакуни, Ив. Тигр. 33
Астахов —

Стран.
Ауэрбах (Подгородный) 33
Афанасьев —
Афанасьев, Е. А. (Климанов) 35
Ахинин, Пав. Наум. —
Ахматицкий, А. С. (Александров) 36

Б.

Бабаев, П. Ак. —
Бабанин, Ив. 37
Бабенко 38
Бабицкий —
Бабкин, Евдоким —
Бабурин, М. Ф. —
Баев, К. —
Бакунин, В. —
Балакирев, Н. Д.
Балепин, Виктор 39
Баличев, Абдула —
Баллад —
Балмысов
Балод —
Балясс
Бандурин —
Банивур, Виталий 40
Банин, Василий —
Банкер —
Банников —
Барабаш —
Барамзин, Ег. Вас. —
Барамзина, Ал. Вс. 42
Баранов, Ив. Харит. —
Барашников —
Барболин, С. Д. —
Барк, Вольф и Бука 43
Барк, Поля —
Барков, С. П. 45
Барковский, Марцелл —
Барулин 46
Барышников, Ал. Арх. —
Барышников, Влад. Арх. —
Барышникова, Мария 49
Басин 50
Басова, Лидия Ант. —
Батенко 51
Баталов —
Батурина, Над. Степ. —
Баулин 52
Бауман —
Бахарев, Ив. Павл. —
Бахтуров, Пав. Ник. 53
Башинов —
Бежикин-Шальнов, Ф. А. —
Бейлин —
Белопольский
Белугин, Михаил —
Бельский, Ив. Ив. 54
Беляев, И. В. —
Беляевы, братья —
Бендовальд —
Бенцов —
Берг —
Березнев, Ив. Фед. 55
Берзин, К. К. —
Бернштейн (Гриша) —
Бернштейн, Роман 56
Берсон, Станислав —
Бессалько, Пав. Карп. 57
Бессонов, Андр. Вас. —
Бессонов, Н. И. 57
Биберман, Самуил —
Билецкий, Ник. Стан. (Езерский) —
Биров 63
Бирюков, Петр —
Бич, Ив. Андр. —
Благонравов, А. А. —
Благушин 61
Блинов —
Блинов —
Блинов, Тим. Март. —
Блоштейн, Еф. Абр. —
Блюмберг, Б. 66
Бляблин, Фед. Коз. —
Богданов —
Богданов —
Богданов, А. —
Богданов, Авдей —
Богданов Вас. (Васько-Богдан) —
Богданов, С. 67
Богданова, М. Я. —
Богданович —
Богородицкий, Серг. Ал. —
Боград, Я. Е. —
Боженко 69
Бойков, М. П. —
Болдырев, Як. 70
Большаков —
Бонч-Бруевич, В. Мих. —
Борга, Вальтер 78
Бордовский —
Боревич, П. М. —
Борисевич, Ф. 79
Борисов —
Борисов, Андр. Сем. —
Борматов, Володя —
Боровой —
Бородин —
Боронкинский —
Борян, Арт. —
Бочаров, Я. П. —
Бочкин 81
Бояджиев, Фед. Петр. —
Брандт, Ян 82
Брегман, Ал. Абр. —
Бредис, Ян. 83
Брио, А. М. —
Броварнюк, Давид —
Бродский —
Бродский, Аркадий —
Бронштейн, Моис. Иос. —
Бронштейн, Яков 84
Брумберг, С. Ф. 85
Брук —
Брусов —
Бубнов, Александр —
Бугров, Алексей —
Будкин, П. А. —
Будко —
Будников, И. А. —
Буждан —
Буздес 86
Бузолин, Пав. Фед. —
Букин, Вас. —
Булдоков, А. —
Булевский, Ян —
Бунаков, Александр —
Бурданов, К. Ф. —
Бурдинский, П. К. —
Буржуа 87

Стран.
Бурмистров 87
Буров —
Буртман, Нюма —
Бутин, Ив. Аф. 88
Бутовский, Ф. Т. 91
Бутырин, Афанасий —
Бухарин, П. И. —
Бушен —
Быков, Ал. Арк. —
Быков, Еф. Вас. —
Быковский, Серг. 92
Быстров —
Быстров, М. В. —
Бяхов 93

В.

Вавилов —
Вавилов —
Вайнер, И. —
Вакуров, Мих. Ст. 94
Валек, Антон —
Валов 96
Вандер, Петр. Марс —
Ванторин, А. И. 97
Варшавин —
Василевский —
Васильев —
Васильев —
Васильев, Вас. Ал. —
Васильев, Конст. Ал. —
Васильев, Ст. Ив. —
Васильев, Ф. (Глушицкий) 98
Васильева —
Вастинский —
Вахитов, Мулла Нур —
Вахтель, Еф. М. 100
Ведерников, А. С. (Сибиряк) —
Везиров, Мир-Гассан 101
Вейнбаум, С. Г. 102
Величкина, В. Мих. (Бонч-Бруевич) 103
Величко, М. —
Веллинг, К. К. —
Венденбаум 104
Венцек —
Веревкин, Г. К. 105
Вержа, Марсель —
Верзелнек, От. От. —
Вермишев 106
Вершинин —
Веселовский, Б. А. —
Вескревец, П. М. —
Верховен 107
Вечутинский —
Видонов, А. З. —
Викштрем, Ал. —
Вилков, Троф. Ег. —
Вилксон, А. Ю. 108
Виллер, С. Е. —
Винниченко 109
Виноградов, П. —
Виноградова, Е. Д. —
Виноградский, Э. С. 110
Винокуров, Н. И. —
Винтер —
Виперман, Б. —
Вискалов —
Виташевский, Н. А. —
Виттасари, Ю. Т. 111

Стран.
Вихлянцев, П. 111
Вишер —
Вишневский, Я. —
Владимирова, С. В. —
Влазнев 112
Воинов, И. В. —
Войтек 114
Войтинцев, В. В. —
Войцеховский 115
Волах, Б. М. —
Волков —
Волков —
Волков, И. В. —
Волков, М. Е. 116
Волкова, М. 117
Володаров, Д. —
Володарский, В. —
Володин 120
Воложанин, Л. И. —
Волохов, Ив. —
Волощук-Тимофеева 121
Волхов, Г. И. —
Волынский, Мейер-Иуда —
Вольберг —
Воробцов, Ег. —
Воробьев 124
Воробьев, Я. З. (Коц) —
Воронов, А. Л. 126
Воронов, П. 127
Воронова —
Восков, С. П. —
Вотчинский, Жан 129
Врублевский, С. —
Высоцкая 130
Вяткин, И. С. —

Г.

Габышев —
Гавердовский, Н. —
Гаврилов, Г. —
Гаврилов, Н. А. —
Гаген, К. Н. 131
Гагрин 132
Гай, И. —
Газенбуш, К. К. —
Гайдуков, В. Ф. —
Галенкин, А. П. —
Галконов —
Гамберг, М. М. —
Гамжин 133
Ганин, М. —
Гасар, С. Н. —
Гаспрарский —
Геймон —
Гейман —
Гелоусов —
Гельбрих, Оск. —
Гепп. —
Герасимов, И. —
Гернер —
Гершевич —
Гибизов, Д. —
Гинденштейн —
Гинсбург —
Гиппиус, Е. А. —
Гиршберг, В. 134
Гладилов-Ковецкий, К. 135
Глодский 136

Страп.
Глубоков 136
Глущицкий, Р. . . . . —
Глушков, А. К. . . . . —
Глушков, Я. . . . . —
Глямжо, П. М. . . . . —
Гневич (Фаберкевич) . . . . —
Годомский, А. . . . . —
Гой, Л. . . . . —
Голев . . . . . —
Головацов . . . . . —
Голодец, Я. 137
Голощапов . . . . . —
Голубев . . . . . —
Голумб, Г. . . . . —
Гольдберг . . . . . —
Гольдберг, В. А. (Кобылянский) . . —
Гольдгамер, В. В. 139
Гончарик, Б. . . . . —
Горбань, Ф. И. 140
Горбачев 142
Горбачев, П. С. . . . . —
Горбунов . . . . . —
Горбунов, А. И. . . . . —
Горбунов, В. Е. . . . . —
Горбунов, С. . . . . —
Горбунцев, Ив. 143
Горвиц, А. . . . . —
Гордеев, Я. 144
Горелик, М. . . . . —
Горчаков . . . . . —
Горшков . . . . . —
Горшков, К. . . . . —
Горячев, В. Ф. . . . . —
Гостиев, А. . . . . —
Гощинский, Ю. Ф. . . . . —
Гравит, А. Г. . . . . —
Граженский 145
Гранкевич, Ф. И. 146
Грановский (Ибрагим) . . . . —
Грасис, Анна . . . . . —
Грацинский . . . . . —
Грачев, Н. . . . . —
Григоренко . . . . . —
Григорьев . . . . . —
Григорьев . . . . . —
Григорьев, А. . . . . —
Григорьев, И. . . . . —
Григорьев, Ин. 147
Григорьев, Н. . . . . —
Григорьева, А. . . . . —
Гринберг . . . . . —
Грицай 148
Гришаев . . . . . —
Грозный . . . . . —
Громов, А. . . . . —
Гормов, А. Е. . . . . —
Грот . . . . . —
Грошев, В. . . . . —
Грошин, П. 149
Грубе . . . . . —
Грушевский, И. . . . . —
Губанов, В. Н. . . . . —
Губарев . . . . . —
Губарев, Ив. . . . . —
Гуковксий, И. Э. 150
Гулькин . . . . . —
Гур-Ари, Д. Л. . . . . —
Гур-Ари, Р. . . . . —
Гурев 151
Гуров, П. . . . . —

Страп.
Гусаров, Ф. В. 151
Гусаров . . . . . —
Гусев, А. . . . . —
Гусева, М. . . . . —
Гуткин, Г. Л. . . . . —
Гуцевич, А. . . . . —

Д.

Давыдов, В. И. . . . . —
Давыдов, И. Г. 152
Давыдов, И. М. . . . . —
Давыдов, Н. . . . . —
Давыдов, С. . . . . —
Давыдов, Я. П. . . . . —
Данилевский . . . . . —
Дарский 153
Двозский . . . . . —
Дгебудзе . . . . . —
Дев, Дм. . . . . —
Демидов, А. Д. . . . . —
Демышев . . . . . —
Денисов, П. . . . . —
Денисов, Ф. Н. 154
Денисьева, Т. В. . . . . —
Деньга . . . . . —
Дерябина, С. И. . . . . —
Джапаридзе, П. А. (Алеша) . . . 158
Држевинский 159
Дзёмба, М. . . . . —
Дзен, П. А. 160
Дилевская, О. . . . . —
Дилле, А. П. (Даука, Раусис) . . . 163
Диссуль . . . . . —
Дмитриев . . . . . —
Дмитриев . . . . . —
Дмитриев, Ив. П. . . . . —
Дмитриев, С. Е. . . . . —
Дмитриев, Т. . . . . —
Дмитриева 164
Добровенский, Б. В. . . . . —
Доброхотов, М. П. 165
Добрынин, П. Гр. 167
Докучаев, А. Я. . . . . —
Долгашев . . . . . —
Долгополов, А. И. . . . . —
Долматов, Д. И. . . . . —
Доронин, Ф. П. . . . . —
Доронина, С. П. (Стива) . . . 168
Доротов, А. В. от . . . . —
Доценко . . . . . —
Драгуль . . . . . —
Дражинский, Ю. . . . . —
Дрейер, Н. А. . . . . —
Дровянкин 169
Дроздов . . . . . —
Дроздов, М. Л. 170
Дропов, К. . . . . —
Друбич (Мыма) . . . . —
Дубинин, Т. . . . . —
Дубинин, И. К. . . . . —
Дубицкий . . . . . —
Дубровин, Я. А. . . . . —
Дубровинский, Я. Ф. . . . . —
Дудин, К. 171
Дукельский, В. . . . . —
Дукельский, И. . . . . —
Дунаев, Е. А. 172
Дундич 176
Дупиновский . . . . . —

Стран.
Дуновский, С. 176
Дураков, В. Е. . . . . —
Дычкин, К. 177
Дьяков, М. А. . . . . —
Дюмин, А. . . . . —
Дятлов. . . . . —

Е.

Евдалов, А. . . . . —
Егаров . . . . —
Егорин, А. . . . . —
Егоров . . . . —
Егоров, А. М. . . . . —
Егоров, М. П. 178
Егоров, С. Г. 181
Ежов . . . . —
Езерский, П. С. . . . . —
Елагина, Е. А. . . . . —
Елизаров, М. Т. . . . . —
Емельянов 184
Емельянов, И. С. . . . . —
Еремеев . . . . —
Ерман, Я. З. . . . . —
Ермаков, М. 185
Ермолаев, И. М. . . . . —
Ерофеев . . . . —
Ершов, П. . . . . —
Ершов, С. П. . . . . —
Ершова Н. М. 186
Ефимов 187
Ефимов . . . . —
Ефимов, А. . . . . —
Ефимов, К. 189
Ефимов, М. . . . . —
Ефремов, С. Г. . . . . —

Ж.

Жабак . . . . —
Жадановский, Б. П. . . . . —
Жак, С. . . . . —
Жалков, К. А. . . . . —
Жебрунов . . . . —
Жевандрев, С. С. . . . . —
Железняков, А. Г. . . . . —
Желтов . . . . —
Жемчужин, Б. 191
Жибинов, К. . . . . —
Живлюк, П. И. . . . . —
Живов, Е. Е. 192
Жигалина, Е. . . . . —
Жигалов, М. И. . . . . —
Жилин, А. . . . . —
Жилко . . . . —
Жихарев 193
Жук, И. . . . . —
Жукарин 194
Жуков . . . . —
Жуков . . . . —
Жуков, Н. К. . . . . —
Жуковский, Н. Е. 195
Жумилкин, В. И. . . . . —
Жупанис . . . . —
Журавлев, П. Н. . . . . —

З.

Забелин, А. И. 196
Забелин, В. А. . . . . —
Заболотный, Д. К. 197

Стран.
Заболотский, А. 197
Забрежнев (Федоров) . . . . . . —
Заварев, Я. Х. . . . . —
Завгородний . . . . —
Завьялов, С. . . . . —
Загарин . . . . —
Загороднов, М. К. . . . . —
Загорский (Лубоцкий В. М.) . . . —
Зайцев, М. 200
Зайцев, С. А. . . . . —
Зайцев, Ф. А. . . . . —
Закгейм . . . . —
Законов 201
Залевский (Трусевич) . . . . . . —
Залкинд, М. Я. . . . . —
Заморенов, Т. Г. . . . . —
Заревой, С. . . . . —
Зарницын, А. . . . . —
Заславский, Д. И. . . . . —
Засулич, В. И. . . . . —
Захаров 202
Захаров . . . . —
Захаров, Д. В. . . . . —
Захаров, С. П. . . . . —
Зачин, В. 203
Звейнек . . . . —
Зверев, П. П. 204
Зверева, В. И. . . . . —
Здавродынский, П. В. . . . . . . —
Зданович, Б. . . . . —
Зевин, Я. («Павел») . . . . —
Зедин, К. 206
Зельгер 207
Земляков, Игн. . . . . —
Зенкович . . . . —
Зиверт, Я. . . . . —
Зильберг, С. . . . . —
Зильбершмидт (Илья Серов) . . . 208
Зимарев . . . . —
Зиновьев . . . . —
Златоверов, М. О. . . . . —
Золотников . . . . —
Зонанс, Эд. . . . . —
Зостынь . . . . —
Зотов, И. . . . . —
Зотов, Т. М. . . . . —
Зргин, Т. . . . . —
Зубов 209
Зуев . . . . —
Зульманович . . . . —
Зурабов, Ар. Г. . . . . —
Зыков 210

И.

Иваницкая, М. П. . . . . —
Иванов . . . . —
Иванов . . . . —
Иванов . . . . —
Иванов . . . . —
Иванов, Арк. Ф. . . . . —
Иванов, В. 212
Иванов, И. И. . . . . —
Иванов, М. . . . . —
Иванковский, Г. (Васильев) . . . —
Иванцев . . . . —
Иванцев, Ф. . . . . —
Иванченко, А. . . . . —
Ивашкевич . . . . —

Стран.
Игнатов, А. И. 213
Игнатова, И. М. . . . . —
Игнатьев, Я. . . . . —
Изварин, И. . . . . —
Иконников . . . . —
Ильин . . . . —
Ильмер, К. . . . . —
Илья. 215
Изефсон, А. С. . . . . —

Стран.
Иокинен, Вейне 215
Ионов, И. М. 216
Ионов, С. М. . . . . —
Иоффе . . . . —
Иоффе, А. . . . . —
Иофин, Е. И. . . . . —
Ипатов . . . . —
Исаев, И. И. . . . . —
Исаков, В.И. 217

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)